

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Центр изучения Вьетнама и АСЕАН

ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 3

Москва
ИДВ РАН
2013

УДК 908(597)
ББК 26.89(5Вье)
В96

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

к. и. н. *В.Н. Павлятенко*, к. э. н. *О.Н. Борох*, к. э. н. *И.В. Ушаков*

Ответственные редакторы:

к. и. н. *Е.В. Кобелев*, д. э. н. *В.М. Мазырин*

В96 Вьетнамские исследования. Выпуск 3. — М.: ИДВ РАН,
2013. — 376 с.

ISBN 978-5-8381-0237-9

Предлагаемый читателю сборник статей подготовлен на основе материалов III научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского вьетнамоведения», прошедшей 17 мая 2012 г. в ИДВ РАН. Основной темой конференции было состояние и перспективы развития российско-вьетнамского сотрудничества в современных условиях и в прошлом.

Сборник состоит из пяти разделов: в первый входят статьи, посвященные собственно теме конференции и освещающие разные аспекты современного этапа двусторонних отношений; во втором разделе анализируются изменения в международном положении Вьетнама, в том числе основные узлы региональной безопасности, внешняя политика России и Китая в Восточной Азии; в третьем рассматриваются проблемы социального развития СРВ под влиянием политики обновления и в условиях формирования рыночной экономики; в четвертый вошли статьи, раскрывающие новые моменты известных событий древней и новой истории Вьетнама, а в пятый — статьи специалистов по вьетнамской лингвистике, филологии и архитектуре. Представленные в сборнике оригинальные авторские работы опираются на широкий круг источников и документов, отражают результаты их новых собственных исследований.

Книга рекомендуется преподавателям и студентам, изучающим Вьетнам и восточноазиатский регион в целом, а также широкому кругу читателей.

УДК 908(597)
ББК 26.89(5Вье)

© Коллектив авторов, 2013
© ИДВ РАН, 2013

ISBN 978-5-8381-0237-9

Содержание

Введение. Актуальные проблемы российского
вьетнамоведения 6

Часть первая РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Фам Тхань Суан

Грани стратегического партнерства Вьетнама
с Россией в начале XXI века 18

Воронин А.С.

Российско-вьетнамское стратегическое партнерство.
Новый этап — новая повестка дня 30

Мазырин В.М.

Экономический рост Вьетнама и возможности
расширения его сотрудничества с Россией 45

Рязанцев С.В., Письменная Е.Е.

Образовательная и трудовая миграция вьетнамцев
в Россию: тенденции и потенциал 65

Часть вторая СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Локшин Г.М.

Политика России и проблемы региональной
безопасности в ЮВА и АТР 75

Мурашева Г.Ф.

О некоторых факторах, влияющих на позицию Китая
по Южно-Китайскому морю 93

Часть третья

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СРВ

Тригубенко М.Е.

К вопросу об обновлении социальной
модели Вьетнама 113

Нгуен Ан Ха

Тенденции роста трудоспособного населения
и экспорта рабочей силы из Вьетнама 132

Аксенова Е.М.

Вьетнам: пути построения национальной
инновационной системы 139

Часть четвертая

ИСТОРИЯ

Чиуе Тхе Хунг

Цитадель династии Хо — уникальное и оригинальное
культурное наследие Вьетнама 154

Соболевский Л.М.

Причины ввода японских войск
во Французский Индокитай 161

Соколов А.А.

Из истории русской колонии в Индокитае
(первая половина XX века) 173

Федорин А.Л.

О раннем вьетнамском летописании 208

Поляков А.Б.

К проблеме начала распространения конфуцианства
в Дайвьете 242

Хохлов А.Н.

Российские дипломаты о независимом статусе
Вьетнама в 70—80-х годах XIX века (по архивным
и опубликованным данным) 263

Часть пятая

ФИЛОЛОГИЯ

Тюменева Е.И.

О роли метрических и эвфонических средств
во вьетнамской фразеологии 281

Григорьева Н.В.

Вьет-мыонгские истоки и особенности формирования
вьетнамского этногенетического предания 291

Филимонова Т.Н.

«Обновление» во вьетнамской литературе и роман
Фам Тхи Хоай «Ангел небесный» (к 25-летию выхода
романа в свет) 311

Соколовский А.Я.

Скульптор Фам Ван Ханг — яркий представитель
современного вьетнамского монументального искусства 333

ЗОЛОТОЙ ФОНД

РОССИЙСКОГО ВЬЕТНАМОВЕДЕНИЯ

К 75-летию Евгения Васильевича Кобелева 340

К 75-летию Григория Михайловича Локшина 355

Кобелев Е.В.

Памяти друга 365

Краткие данные об авторах 373

Введение

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ВЬЕТНАМОВЕДЕНИЯ

17 мая 2012 года в Институте Дальнего Востока РАН состоялась III научно-практическая конференция «Актуальные проблемы российского вьетнамоведения», проводимая Центром изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН. В работе конференции приняло участие более 50 ученых-вьетнамистов из главных центров данной отрасли научного знания — Москвы, Петербурга и Владивостока. Примечательной чертой стал приезд к нам специалистов из Вьетнама, США и Польши — это говорит о том, что наше мероприятие начинает приобретать общероссийский и международный характер.

Гостями конференции были Чрезвычайный и Полномочный Посол Социалистической Республики Вьетнам в Российской Федерации Фам Суан Шон, вьетнамские дипломаты и журналисты, аккредитованные в Москве, ответственные работники Министерства иностранных дел Российской Федерации, ряда других госорганов и частных компаний, а также аспиранты и студенты-вьетнамисты, обучающиеся в московских вузах.

В центре внимания участников конференции находились различные аспекты нынешнего состояния и перспективы российско-вьетнамских отношений. Эта актуальная тема рассматривалась в контексте социально-экономической ситуации в СРВ, обстановки в Юго-Восточной Азии и в АТР в целом. Работу конференции вел руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН к.и.н. Е.В. Кобелев.

Конференцию открыл и.о. директора ИДВ РАН д.и.н., профессор С.Г. Лузянин. Он подчеркнул, что проведение в ИДВ РАН конференций вьетнамистов уже стало доброй традицией. Они проводятся ежегодно в мае, накануне дня рождения первого президента независимого Вьетнама, большого друга нашей страны Хо Ши Мина. С.Г. Лузянин с удовлетворением отметил участие в работе конференции большого числа научной и студенческой молодежи, представителей региональных центров вьетнамоведения России. Руководство ИДВ РАН, подчеркнул он, и впредь будет уделять внимание подготовке молодых ученых-вьетнамистов, укреплению связей с региональными центрами вьетнамоведения страны. Свою исследовательскую работу на вьетнамском направлении ИДВ РАН будет строить на основе дальнейшего развития всесторонних творческих контактов с вьетнамскими учеными-обществоведами, работающими как в системе Академии общественных наук СРВ, так и в других исследовательских центрах Вьетнама и России.

Посол СРВ Фам Суан Шон в своем выступлении кратко обрисовал нынешнюю ситуацию во Вьетнаме, охарактеризовав политическое положение в СРВ как стабильное. Надежно обеспечиваются независимость, единство, территориальная целостность, социалистический строй, оборона, безопасность, общественный порядок. В целом успешно продвигается решение задач модернизации, хотя социально-экономическое развитие, в том числе и под негативным воздействием мирового финансового кризиса, носит пока еще неустойчивый характер. Темпы роста ВВП в первом квартале 2012 года оказались ниже показателей, запланированных на XI съезде КПВ (январь 2011 года). Высокий уровень инфляции, все еще низкими остаются конкурентоспособность и эффективность экономики.

СРВ проводит динамичную внешнюю политику. Укрепляются ее позиции на международной арене. Активно проводится курс на всестороннюю интеграцию в мировое сообщество и глобальную экономику. Большое внимание уделяется укреплению отношений стратегического партнерства с Российской Федерацией, роль которой как великой державы неуклонно растет. Вьетнамская сторона постоянно держит в поле зрения вопросы,

связанные с развитием торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества с Россией, осуществляет контроль за состоянием дел на ведущих объектах российско-вьетнамского сотрудничества, таких, как СП по разведке и добыче нефти и газа на континентальном шельфе Юга Вьетнама «Вьетсовпетро» и Тропический центр. Ведутся переговоры о создании свободной экономической зоны Вьетнама с Таможенным союзом России, Белоруссии, Казахстана.

Фам Суан Шон выразил благодарность руководству ИДВ РАН за организацию ставших традиционными конференций вьетнамоведов и заявил, что Посольство СРВ в РФ считает своим долгом оказывать российским вьетнамооведам постоянную помощь и поддержку в их работе.

Заместитель директора 3-го департамента Азии МИД РФ И.А. Ховаев посвятил свое выступление характеристике роли российско-вьетнамского стратегического партнерства в системе приоритетов внешней политики России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сославшись на предвыборную статью В.В. Путина по вопросам внешней политики России и его Указ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», И.А. Ховаев заявил, что курс на развитие и укрепление всестороннего стратегического партнерства с Вьетнамом неизменен и будет определять характер отношений между двумя странами. Вьетнам и впредь останется одним из ключевых партнеров России в регионе. Такая высокая планка требует дальнейшего совершенствования управления процессами сотрудничества, более активного включения в него бизнес сообществ двух стран, повышения ответственности со стороны хозяйствующих субъектов за реализацию принятых на себя обязательств.

Дальнейшая работа конференции была продолжена на секционных заседаниях. Работа секции «Современный Вьетнам» открылась выступлением старшего научного сотрудника Центра изучения Вьетнама и АСЕАН А.С. Воронина. Он сказал, что в условиях стабильности политического курса России и Вьетнама на дальнейшее взаимное сближение главная задача состоит в том, чтобы политическую философию, заложенную в концепции стратегического партнерства, эффективно конвертировать в

наращивание его материального базиса. Для этого имеются необходимые предпосылки. У России и Вьетнама совпадают национальные интересы. Много общего во внутренней политике двух стран, в оценке глобальной и региональной ситуации. Укрепления отношений с Вьетнамом требует курс России на наращивание своих позиций в АТР. Во всемерном упрочении отношений с Россией заинтересован и Вьетнам.

Вместе с тем, по мнению А.С. Воронина, сама концепция стратегического партнерства нуждается в постоянном развитии и обновлении. Требуется выработка нового взгляда на горизонт долгосрочного прогнозирования отношений в контексте задач модернизации, решаемых двумя странами. Этот горизонт должен быть раздвинут, как минимум, до 2030 года. Такой подход уже пробивает себе дорогу на ряде важнейших направлений партнерства, примером чему может служить сотрудничество в создании и развитии атомной энергетики СРВ, в работе СП «Вьетсовпетро».

Нового подхода требует и вопрос о масштабах и темпах экономического и инвестиционного сотрудничества. Товарооборот между двумя странами по максимальной оценке составляет около 3 млрд долл. Этого явно недостаточно с точки зрения создания надежной материальной базы сотрудничества. Низкий уровень торгового обмена, взаимного инвестирования, взаимодействия бизнес сообществ России и Вьетнама становится тормозом на пути дальнейшего углубления отношений двух стран. Решить эти проблемы будет сложно без модернизации самой модели управления сотрудничеством, без налаживания системной координации между органами макроэкономического прогнозирования и планирования.

Начальник департамента правления Общества вьетнамских граждан в Российской Федерации Фам Тхань Суан посвятила свой доклад анализу путей активизации российско-вьетнамского экономического сотрудничества. В частности, для наращивания экспорта в Россию вьетнамских продовольственных и потребительских товаров необходимо кардинальное улучшение их качества. Расширению взаимного товарооборота, по мнению вьетнамской стороны, способствовало бы создание зоны сво-

бодной торговли между СРВ и Таможенным союзом (Фам Тхань Суан повторила ошибочную интерпретацию, появившуюся в прессе о возможности вступления СРВ в ТС), для чего необходимо начать переговорный процесс по этому вопросу. Докладчик также отметил важность улучшения обслуживания торговых операций, в частности их страхования.

По оценке Фам Тхань Суан, шансы на сохранение лидерства в сфере инвестиций, каковое имел Советский Союз, в новых условиях у России невелики. Поэтому стратегической целью сегодня является повышение ее роли в технологической и инновационной модернизации промышленности Вьетнама, и первые шаги на этом пути сделаны. В частности, это сделано в сфере атомной энергетики, в строительстве тепло- и гидроэлектростанций. Россия начала вкладывать средства в производство в СРВ строительной техники и предполагает расширить поставки на вьетнамский рынок дорожно-строительной, сельскохозяйственной, лесозаготовительной техники. Как успешное рассматривается сотрудничество в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций. В то же время отмечается, что Россия утратила лидерство в оказании содействия Вьетнаму в освоении космоса, в развитии целого ряда инновационных технологий. Она также существенно отстает от других стран в развитии научно-технического сотрудничества с Вьетнамом.

Отдельно автор осветил сотрудничество в гуманитарной сфере, в том числе подготовке национальных кадров в РФ. В докладе уделено внимание развитию сотрудничества двух стран в сфере трудовой миграции. Миграционные службы и органы внутренних дел обеих сторон проделали большую работу по укреплению законодательной базы миграционных процессов. Достигнута договоренность о необходимости создания благоприятных условий для проживания, работы и учебы мигрантов, повышения уровня управляемости миграционными процессами.

В своем докладе «Российско-вьетнамское экономическое сотрудничество: упущенные возможности и препятствия для продвижения вперед» ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН д.э.н. В.М. Мазырин проанализировал

некоторые негативные аспекты опыта экономического сотрудничества двух стран, подчеркнув, что такой анализ призван помочь продвижению российских компаний на вьетнамский рынок, содействовать улучшению имиджевых параметров российского бизнеса в СРВ. Сгруппировав по отраслевому признаку известные эпизоды ухода российских компаний из СРВ, он установил, что большинство из них произошло в ведущих секторах промышленности и в сфере услуг. Ряд российских компаний утратил свои прежние позиции или, столкнувшись с трудностями, не смог реализовать проекты в электроэнергетике, добыче и переработке полезных ископаемых, авто- и авиастроении. Отмечены неудачи или упущенные шансы в области транспорта и коммуникаций, в банковском деле, гостиничном и курортном строительстве, туризме.

Особенно чувствительные потери российский бизнес понес в последние годы. Это вызвано не только воздействием глобального финансового кризиса, поразившего российские компании или вынудившего их отказаться от менее значимых проектов, но и обострением конкурентной борьбы на вьетнамском рынке. Анализируя причины неудач, В.М. Мазырин назвал среди них также недостаток деловой информации, неверный выбор партнеров и политики цен, непонимание специфики местной бизнес среды, нарушения деловой этики. Отмечена и нехватка у большинства российских компаний финансовых ресурсов, дороговизна кредитов.

Ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН к.э.н., доцент Н.Г. Кузнецов в своем докладе представил результаты совместного исследования ИСПИ с Институтом Европы Вьетнамской академии общественных наук (директор Нгуен Ан Ха). В нем прослежены различные — гражданские, экономические, экологические, социально-психологические и культурные аспекты интеграции вьетнамских мигрантов в российское общество. Выявлено, что на этот процесс влияют такие факторы, как продолжительность проживания вьетнамцев на новом месте жительства, особенности характера расселения и численность мигрантов, уровень образования, их социально-экономическое положение,

восприятие коренным населением интеграции мигрантов, правовое положение мигрантов. Докладчик сделал вывод, что интеграция вьетнамцев в российское общество идет менее успешно, чем в общество ряда европейских стран. До сих пор не решен ряд проблем, связанных с интеграцией вьетнамцев (трудоустройство, правовые вопросы пребывания и их социального статуса в России).

Мировой финансовый кризис принес множество негативных последствий для вьетнамской общины в России. Он потребовал от мигрантов более глубокой интеграции в российское общество, поиска ими новых конкурентных преимуществ, усиления борьбы внутри вьетнамского землячества с такими негативными явлениями, как торговля наркотиками, трафик женщин, отмывание денег, торговля фальшивыми товарами.

Выступившая в ходе развернувшейся полемики заведующая сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института экономики РАН к.э.н. М.Е. Тригубенко обратила внимание на важность усиления региональных аспектов сотрудничества. Она отметила перспективность взаимодействия в ходе реализации масштабных программ развития производительных сил Дальнего Востока, поддержала идею усиления управления миграционными потоками, в том числе и за счет налаживания организованного набора вьетнамской рабочей силы на возводимые на Дальнем Востоке объекты. В своем докладе «Обновление социальной модели во Вьетнаме» М.Е. Тригубенко показала различные аспекты социальной политики вьетнамского руководства, направленные на ликвидацию бедности и безработицы в стране, повышение уровня образования рабочей силы. Эти внутривьетнамские проблемы должны быть учтены и при формировании российско-вьетнамского миграционного сотрудничества.

Советник-посланник Посольства СРВ в РФ Нгуен Ти Там также высказался в пользу активизации российско-вьетнамского экономического сотрудничества в рамках целевых программ развития производительных сил российского Дальнего Востока. Он информировал участников заседания о двусторонних переговорах, которые недавно прошли в Москве и Владивостоке, по вопросам сотрудничества в агропромышленной сфере на Даль-

нем Востоке. Нгуен Ти Там также обратил внимание на то, что повышению конкурентоспособности российских предпринимателей во Вьетнаме способствовало бы создание центров обслуживания российской техники, работающей в СРВ.

В ходе дальнейшей дискуссии ее участники проанализировали международные условия, в которых развивается российско-вьетнамское сотрудничество. Заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета д.и.н., проф. В.Н. Колотов свое выступление посвятил анализу роли Вьетнама в системе региональной безопасности. Он отметил, что усиление давления на Юго-Восточную Азию со стороны внерегиональных держав активизирует находящиеся в режиме ожидания территориальные споры и региональные конфликты. Это чревато мощными дестабилизирующими последствиями. В.Н. Колотов высказал мнение, что среди стран ЮВА наиболее важное геостратегическое положение в регионе занимает Вьетнам. Именно поэтому вся вторая половина XIX и практически весь XX век прошли в борьбе за установление контроля над Вьетнамом. Попытки выстроить систему коллективной безопасности в регионе без учета вьетнамского фактора до сих пор не имели успеха. Из этого сделан вывод о том, что без установления контроля над Вьетнамом установить контроль над ресурсами ЮВА невозможно. «Битва за Вьетнам уже идет», — подчеркнул докладчик. Решение СРВ присоединиться к одной из сторон будет иметь далеко идущие последствия. Существование между «молотом и наковальней» для Вьетнама не ново, и одно из правил его сегодняшней внешней политики то же самое, что и раньше: чем больше держав вовлечено в геополитическую игру в регионе, тем больше возможностей для маневра у Ханоя.

Ведущий научный сотрудник ИДВ РАН к.и.н. Г.М. Локшин, в свою очередь, проанализировал политику России и ее роль в переформатировании региональной архитектуры безопасности в АТР в целом и в ЮВА в особенности. Отметив подходы РФ к проблемам, требующим здесь решения, одной из наиболее «горячих» он назвал территориальные споры в Южно-Китайском море (ЮКМ). Соответственно своим возможно-

стям, реальному положению вещей и национальным интересам РФ проводит взвешенную и ответственную политику, не участвует в соперничестве за доминирование в Южно-Китайском море. По мнению эксперта, российская дипломатия стремится способствовать такому развитию событий, которое позволяло бы держать накопившиеся споры и противоречия в рамках мирных переговоров участников конфликтных ситуаций и вело бы в этом взрывоопасном очаге к стабильности, взаимному доверию и сотрудничеству.

Выработка взаимоприемлемых принципов и форм раздела островов в ЮКМ или порядка совместного использования его ресурсов представляется Г.М. Локшину длительным и сложным процессом. Справедливое и приемлемое для всех решение может быть найдено только самими участниками споров. Для того чтобы диалог продолжался, нельзя допускать вмешательства посторонних сил, нагнетания скепсиса или подливающих масла в тлеющие угли заявлений. Реагировать на меняющуюся ситуацию необходимо быстро и адекватно. При том что всеобъемлющее и прочное разрешение конфликта в ЮКМ в ближайшей перспективе докладчик оценил как маловероятное, он видит возможность прогресса как на двусторонних, так и многосторонних переговорах, которые помогают смягчению споров и поддержанию региональной безопасности.

В работе конференции впервые приняла участие представительница США доцент кафедры истории Техасского университета проф. Ольга Дрор. Она выступила с анализом книги воспоминаний представительницы вьетнамской диаспоры в США, в которой повествуется о событиях в городе Хюэ в период годового наступления патриотических сил Южного Вьетнама в 1968 году. При этом докладчик сделал акцент на якобы имевших место чрезмерных жестокостях со стороны «вьетконговцев» в дни, когда они контролировали город. Такой сомнительный подход вызвал резко негативную реакцию со стороны участников конференции. Выступившие в ходе обсуждения доклада О. Дрор напомнили о том, что общепризнанной жестокостью в отношении собственного населения, особенно его обширной части, считавшейся симпатизирующей «коммунистам», отлича-

лись именно сайгонские войска. Они действовали при полной поддержке США, которые развязали преступную агрессивную войну во Вьетнаме, вызвавшую гибель миллионов вьетнамцев и огромный материальный ущерб. К тому участники дискуссии признали научно несостоятельной попытку делать обобщающие выводы на основе одного источника, к тому же мемуарного характера.

Участники секции «Традиционный Вьетнам» заслушали и обсудили девять докладов и сообщений, посвященных вопросам вьетнамской многонациональной истории, культуры, литературы и филологии.

Выступление доцента Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета к.и.н. Н.В. Григорьевой касалось вопросов формирования вьетской и других народностей, проживающих на территории современного Вьетнама. Докладчик попыталась аргументировано доказать, что вьеты и мыонги, которые в прошлом составляли единую национальную общность, разделились на две относительно самостоятельные языковые ветви не так давно, как это традиционно принято считать.

Старший преподаватель НИУ «Высшая школа экономики» к.и.н. И.В. Усов в выступлении, подготовленном на основании многочисленных архивных материалов, затронул весьма интересную проблему восстановления коммунистического подполья в Южном Вьетнаме (в первую очередь, в Сайгоне) в 1933—1935 гг. после разгрома в 1930 г. Нгетиньских советов. Данный сложный период в истории КПИК редко становится предметом исследований не только отечественных, но и вьетнамских историков, содержит много «белых пятен», что определило особое внимание аудитории к насыщенному конкретной фактурой докладу И.В. Усова.

Ректор Института практического востоковедения д.и.н. А.Л. Федорин поделился с собравшимися результатами коллективных исследований, осуществленных за годы перевода на русский язык и публикации вьетнамской летописи «Исторические записки Дайвьета» и касающихся реконструкции процесса появления первых национальных хроник во Вьетнаме. В частно-

сти, был обоснован вывод о том, что каких-то следов собственных ранних (до X в. н.э.) исторических текстов в сохранившихся до нашего времени вьетнамских источниках обнаружить не удалось. Первые такого рода тексты можно отнести не ранее, чем ко второй половине X века, а первая вьетнамская летопись появилась, скорее всего, в 60—70-х годах XI века.

В докладе старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН А.Н. Хохлова были изложены результаты изучения донесений российских дипломатов в Китае во второй половине XIX в., касающиеся взаимоотношений в треугольнике Вьетнам—Китай—Франция. Как оказалось, в те годы для наших представителей было далеко не очевидно, что Вьетнам не является частью Поднебесной.

Сразу два доклада (доцента ИСАА МГУ к.ф.н. Т.Н. Филимоновой и м.н.с. Института Дальнего Востока РАН Л.В. Стеженской) были посвящены творчеству вьетнамской писательницы Фам Тхи Хоай, постоянно проживающей в Германии и весьма популярной на Западе. Доклады стали поводом для обсуждения значительно более широких проблем, в частности, «обновления» вьетнамской литературы в последние годы, появления в ней элементов постмодернизма или их имитации, отношения к подобным произведениям во вьетнамском обществе, воспитанном (по крайней мере в северной части страны) на традициях социалистического реализма.

Несмотря на всю сложность для понимания, связанную с необходимостью хорошего владения вьетнамским языком, большой интерес у аудитории вызвал доклад профессора Высших курсов иностранных языков МИД РФ к.и.н. Е.И. Тюменевой «О рифме и ритме вьетнамской фразеологии». Доклад содержит ряд новых, интересных наблюдений как за традиционными фразеологизмами, так и за их «наследниками» в современном вьетнамском языке.

Помимо развернутых докладов, на секции прозвучал и ряд заслуживающих внимания научных сообщений. В частности, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН к.ф.н. А.А. Соколов рассказал о судьбе русского эмигранта первой волны петербуржца Ф. Григорьева, длительное время про-

живавшего и работавшего в Южном Вьетнаме. Профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного Федерального университета (г. Владивосток), к.ф.н. А.Я. Соколовский ознакомил собравшихся с творчеством вьетнамского скульптора-самоучки Фам Ван Ханга, монументальные произведения которого украшают многие крупные города Вьетнама. Доцент ИСАА МГУ к.и.н. М.А. Сюннерберг представил проект создания исторической энциклопедии по Вьетнаму, концепция которой вызвала оживленную дискуссию.

В настоящий сборник вошли и выступления участников конференции, и статьи других специалистов, представленные отдельно — и такая форма заочного участия нами приветствуется, поскольку позволяет большему числу авторов показать результаты своих научных исследований. В то же время не все участники передали тексты своих докладов организаторам конференции, что вызывает сожаление. Ряд коллег дали в сборник статьи не по теме своего выступления, и оргкомитет принимает такой подход с уважением к творческому самовыражению авторов.

В целом конференция продемонстрировала стремление вьетнамоведов объединить творческие усилия для наращивания потенциала отечественного вьетнамоведения, обмена опытом и передачи его новому поколению российских ученых, решивших посвятить себя изучению Вьетнама, развитию всесторонних отношений России с этой страной.

Часть первая

РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Фам Тхань Суан

ГРАНИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА ВЬЕТНАМА С РОССИЕЙ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Многогранные отношения между Вьетнамом и Россией в XXI веке развиваются на принципах, изложенных в Декларации о стратегическом партнерстве, подписанной в 2001 году. Спустя 10 лет президент РФ Д.А. Медведев, посетив 30—31 октября 2010 года с официальным визитом Вьетнам, подвел итоги стратегического партнерства, заявив, что оно приобрело характер всеобъемлющего, достигло беспрецедентно высокого уровня и находится на этапе динамического развития¹.

В этой связи мы попытаемся проанализировать сильные и некоторые слабые стороны стратегического партнерства двух стран, определить его масштабы, структуру и новые направления, связанные с развитием народной дипломатии.

1. Пути преодоления застоя в торговых отношениях

Застой проявляется в том, что доля Вьетнама во внешней торговле России не увеличивается. По данным на 2009 г. она со-

ставляла всего 3,6 %, хотя страна обладает значительным экспортным потенциалом и на мировом рынке имеет сильные позиции (по рису — второе, орехам-кешью — первое, кофе — второе, мебели — четвертое, одежде и обуви — девятое и десятое места)². Вьетнам не может конкурировать на российском рынке с другими странами Азии.

Некоторый рост объемов торговли с Россией произошел только в результате повышения мировых цен. Взаимный товарооборот, по вьетнамским оценкам, увеличился за 2007—2010 гг. в два раза — с 1 млрд до 2 млрд долл., а по российским оценкам — до 2,4 млрд долл.³ Из России во Вьетнам экспортируются в основном нефтепродукты, удобрения, машины и оборудование, автомобили. Вьетнам вывозит в Россию товары легкой промышленности, сельскохозяйственную и морскую продукцию.

Основной и труднорешаемой остается проблема несбалансированности российско-вьетнамской торговли. По данным Таможенной статистики РФ, положительное сальдо в пользу России постоянно растет, в 2009 г. оно равнялось 177,75 млн долл., в 2010 г. — 222,88 млн долл. (табл. 1).

Таблица 1. Внешняя торговля России с Вьетнамом, тыс. долл. США

	2009 г.	2010 г.	Баланс	
			2009 г.	2010 г.
Товарооборот	1559 500	2445 200	177 750	222 882
Экспорт России	868 664	1 334 574		
Импорт России	690 914	1 111 692		

Источник: Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. М., 2011. С. 8.

Каковы пути и механизмы расширения торговли?

1. В качестве первого пути расширения торгового сотрудничества с Россией можно рассматривать принятие Вьетнама в Таможенный союз (ТС) России, Беларуси и Казахстана. Официально Таможенный союз был оформлен 1 января 2010 г. Вьетнам, в первую очередь, привлекает возможность участвовать в

беспошлинной торговле с тремя странами и использовать общий торгово-экономический потенциал членов Таможенного союза, главной экономической силой которого выступает Россия. В общем объеме ВВП в сумме 2 трлн долл. удельный вес России равен 90 %, общий товарооборот трех стран достиг 900 млрд долл., а общий объем промышленного производства — 600 млрд долл.

Участники Таможенного Союза договорились проводить согласованную внешнеторговую политику и утвердить единый таможенный тариф. С 1 июля 2010 г. вступил в силу Таможенный кодекс (ТК), который стал правовой базой Таможенного союза. Он включает более двух десятков межгосударственных договоров, которые можно сгруппировать в три пакета. Первый объединяет документы о ТС, которые позволяют создать прозрачные правила взаимной торговли и предотвратить односторонние действия партнеров по сдерживанию поставок продукции на свои рынки. Второй пакет соглашений позволяет сформировать единую систему таможенного администрирования. Третий — определяет правила деятельности координирующего органа ТС — Комиссии Таможенного союза и ее Секретариата.

Начиная с 1 января 2012 г. члены Таможенного союза перевели сотрудничество в формат единого экономического пространства, т. е. были ликвидированы границы между ними, введена свобода передвижения капитала, товаров и услуг, перемещения рабочей силы.

2. Второй путь расширения торговых отношений — это заключение межправительственного соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ) на двусторонней основе. На 15-м заседании межправкомиссии в ноябре 2011 г. Россия в лице сопредседателя комиссии И. Шувалова согласилась с вьетнамскими предложениями о создании ЗСТ между Россией и Вьетнамом.

По заявлению Игоря Шувалова, для того чтобы придать мощный импульс развитию двусторонних торгово-экономических отношений, России и Вьетнаму необходимо самым серьезным образом активизировать переговорный процесс по созданию зоны свободной торговли. Наличие соглашения о зоне

свободной торговли с Вьетнамом станет, по его мнению, эффективным инструментом для продвижения как двусторонних торгово-экономических связей, так и сотрудничества в более широких масштабах⁴.

Ряд зарубежных государств, не относящихся к группе стран постсоветского пространства (в их числе Новая Зеландия, Монголия, Перу, Египет), также предложил России подписать соглашения о создании зоны свободной торговли, и сейчас ведутся активные переговоры по данному вопросу. Россия планирует включить в эти соглашения два перечня преференциальных товаров. Первый содержит товары, при ввозе которых в Россию из иностранного государства применяется нулевая ставка ввозной пошлины. Второй перечень содержит товары, которые будут беспошлинно экспортироваться из России в иностранное государство, заключившее с Россией соглашение о ЗСТ.

В связи с этим Россия пересмотрит действующее законодательство о преференциальной торговле. В отношении каждой страны-бенефициара (в их числе Вьетнам) может предоставляться односторонний преференциальный режим импорта, но только для весьма узкой (специализированной) группы товаров.

Преимущества, получаемые от снятия тарифных ограничений в зоне свободной торговли, обычно несут следующие выгоды:

- обеспечение более широкого доступа на рынки двух стран товаров и услуг;
- повышение доступности и привлекательности импортных товаров, поставляемых в другую страну по более низким ценам;
- более глубокая степень интеграции взаимной торговли, повышение конкурентоспособности национальных экспортеров и их продукции;
- более широкое привлечение инвестиций, трансферт технологий, развитие промышленной кооперации.

Для заключения соглашения о ЗСТ с Россией у Вьетнама имеется хороший задел сотрудничества в различных международных структурах и опыт участия в зонах свободной торговли. Помимо членства во Всемирной торговой организации, Вьет-

нам является участником международных экономических организаций (региональных блоков): АСЕАН, АТЭС, АСЕМ (форум «Азия-Европа»).

После вступления в 1995 г. в АСЕАН Вьетнам подключился к плану ASEAN Free Trade Area (AFTA), снижая налоговые ставки в рамках схемы СЕРТ (Common Effective Preferential Tariffs). В 2006 г. Вьетнам полностью присоединился к AFTA. В торговле со странами АСЕАН у СРВ действует льготный режим, при котором большинство товаров освобождены от пошлин, а на остальные установлены ставки пошлин, не превышающие 5 %. В соответствии с решениями стран-членов АСЕАН в рамках этой региональной ассоциации реализуется принцип свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Согласно договоренностям все нетарифные барьеры должны быть устранены Вьетнамом к 2015 г.

Вьетнам является участником соглашений, устанавливающих режим свободной торговли АСЕАН с Австралией и Новой Зеландией, с Китаем, Японией, Южной Кореей и Индией. Завершились переговоры Вьетнама со странами Персидского залива и Южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР), ожидается подписание соглашения о свободной торговле с Чили.

В 2007 г. между АСЕАН и Японией было подписано Соглашение о свободной торговле (FTA), в соответствии с которым в течение 10 лет будут снижены тарифы по 70 категориям товаров, в том числе на продовольствие, морепродукты, химические товары. Вьетнам обязался снизить тарифы на основные японские товары в течение 15—18 лет. Исключение составляют рис, мясо и молочные продукты.

3. Третий путь расширения торговли Вьетнама с Россией лежит через комплексную поставку машин и оборудования для планируемых новых объектов сотрудничества (АЭС, тепло- и гидроэлектростанций), спецтехники для нужд обороны Вьетнама. Этот путь также подразумевает наращивание объемов экспорта во Вьетнам таких традиционных российских товаров, как прокат черных металлов, удобрения, нефтепродукты, промышленное сырье и материалы. На данные группы товаров приходится более 85 % российского экспорта в СРВ. Соответственно

должен наращиваться экспорт в Россию вьетнамских продовольственных и потребительских товаров, что требует кардинального улучшения их качества.

4. Четвертой возможностью является улучшение обслуживания торговых операций. Институциональные изменения в этом направлении начались после открытия Вьетнамско-Российского совместного банка (ВРБ). С российской стороны учредитель ВРБ — ОАО «Банк ВТБ» (49 % акций), с вьетнамской — Банк инвестиций и развития Вьетнама (51 %). В филиальную сеть во Вьетнаме входят 2 отделения ВРБ в гг. Вунгтау и Хошимине.

2. Возможности активизации инвестиций России во Вьетнаме

Можно ли восстановить лидерство РФ в этой сфере, по крайней мере, в развитии отраслей тяжелой промышленности СРВ? Вопрос непростой, учитывая крупные привилегии, получаемые Вьетнамом как от ведущих стран мира, так и коллективного международного спонсора — программы ODA. Суть этих привилегий в чрезвычайно низкой кредитной ставке — от 1 до 2 % годовых и длительном сроке погашения кредита — от 20 до 30 лет. По линии ODA, начиная с 1993 г., на модернизацию экономики СРВ предоставлено более 15 млрд долл. в форме кредитов и более 5 млрд долл. безвозмездно, причем средства направлены главным образом в социальную сферу.

Для достижения стратегической цели — повышения роли России в технологической и инновационной модернизации промышленности Вьетнама, по нашему мнению, нужны институциональные изменения. Первые шаги сделаны: совершен переход на среднесрочное планирование, детально разработан Совместный российско-вьетнамский план действий в области торговли и инвестиций до 2012 г. В развитие указанного Плана действий... на 14-м заседании российско-вьетнамской межправительственной комиссии в сентябре 2010 г. была подписана «Дорожная карта». В ней зафиксированы основные направления сотрудничества между странами, самым крупным из которых является развитие атомной энергетики.

План создания первой в стране АЭС был утвержден Национальным собранием (парламентом) СРВ в ноябре 2009 г., а уже в декабре того же года в Москве подписан меморандум о взаимопонимании между госкорпорацией «Росатом» и электроэнергетической корпорацией Вьетнама EVN о сотрудничестве по строительству первой АЭС во Вьетнаме. В октябре 2010 г. стороны заключили межправительственное соглашение о сотрудничестве в сооружении этого объекта, а год спустя, в ноябре 2011 г. было согласовано выделение Вьетнаму кредита в размере 10,5 млрд долл. на реализацию проекта АЭС-1. Строительство АЭС во вьетнамской провинции Ниньтхуан предполагается начать в 2014 г., а к 2020 г. станция, как планируется, будет введена в эксплуатацию.

Сотрудничество РФ и СРВ в развитии атомной энергетики имеет комплексный характер, и оно предполагает не только сооружение АЭС-1 и подготовку кадров для работы на ней, но и информационную работу с общественностью, а также создание научно-технологического центра, который будет заниматься развитием гражданской атомной энергетики во Вьетнаме. Этот уникальный научный центр, который будет включать в себя исследовательский ядерный реактор и ряд лабораторий, создается за счет кредита, предоставляемого российской стороной.

Сфера подготовки квалифицированных кадров рассматривается вьетнамской стороной как важная составляющая сотрудничества СРВ и Российской Федерации в развитии атомной энергетики. Начиная с 2010 г., в России обучаются вьетнамские специалисты в созданном специально для них учебном центре в российском наукограде Обнинск и в профильных высших учебных заведениях. По словам российских экспертов, процесс подготовки кадров для атомной отрасли — достаточно длителен и к тому моменту, когда будет построена АЭС во Вьетнаме, большое число будущих вьетнамских специалистов пройдут не только профессиональную подготовку в РФ, но и смогут пройти практические стажировки на действующих российских АЭС. На реализацию этой программы СРВ выделяет 97 млн долл. из средств госбюджета⁵.

Помимо атомной энергетики Россия продолжает сотрудничество с СРВ в строительстве ТЭЦ и гидроэлектростанций. Вьетнаму потребуется 50 млрд долл. на реализацию намеченного правительством десятилетнего плана развития всей электроэнергетической отрасли. К 2020 г. совокупная мощность всех станций должна достигнуть 330 млрд кВт против 100 млрд в 2010 г. 19,6 % электроэнергии будут вырабатывать гидроэлектростанции, 46,8 % — теплоэлектростанции, 24 % — газовые станции. 4,5 % дадут возобновляемые источники энергии и только 2,1 % — атомная энергетика. Но к 2030 г. АЭС будут обеспечивать по прогнозу не менее 10 % всей электроэнергии, производимой во Вьетнаме⁶.

В сфере высоких и инновационных технологий успешно продвигается сотрудничество РФ и СРВ в развитии связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Ведутся переговоры в рамках межправкомиссии о выделении Вьетнамом GSM частот в диапазоне 900 MHz для совместного предприятия GTTEL-Mobile и номерной емкости с префиксом 099. Россия выразила заинтересованность в развитии интернет-услуг на базе технологии 3G во Вьетнаме.

В промышленной сфере намечается разведка залежей бокситов на месторождении Биньфыок по линии «ОК РУСАЛ» и группы An Vien с организацией совместного предприятия. В 2011 г. продолжены переговоры по возведению в СРВ ТЭС «Вунганг 1» и ТЭС «Сонгхау 1» в рамках сотрудничества компаний «Интер РАО ЕЭС» и Petro Vietnam.

Россия начала вкладывать средства в производство в СРВ строительной техники — ее выпускает СП в составе ООО «НТЗ — УРАЛ-ТРАК» (40 % акций) и «Вьетнам L 1» (60 % акций) с участием других госкомпаний Вьетнама. Кроме того, концерн «Тракторные заводы» намерен расширять поставки на местный рынок дорожно-строительной, сельскохозяйственной, лесозаготовительной техники и запчастей, изготавливаемых этим концерном⁷.

Среди слабых звеньев инвестиционного и технологического сотрудничества нельзя не отметить потери лидерства России в оказании Вьетнаму содействия в освоении космоса, а также в развитии инновационной экономики.

Россия существенно отстает от развитых стран Азиатского региона, а также от ЕС и США в научно-техническом сотрудничестве с Вьетнамом, которому более выгодно сотрудничать с донорским сообществом. По линии ОДА выделяются крупные гранты на обучение вьетнамцев за рубежом и на авансирование научно-исследовательских проектов, выполняемых вьетнамскими научными коллективами. Помочь частично восполнить этот пробел может позволить организация в Ханое российско-вьетнамского СП «Центр обучения и обмена технологиями». Его основными направлениями деятельности станут платные НИОКР по заказам, а также содействие коммерциализации научно-технических разработок и технологий, создание современных высокотехнологичных производств, организация постоянно действующих выставок и презентаций передовых российских технологий, проведение выставок, семинаров и конгрессов. Заявлено о взаимном интересе к установлению партнерских связей между национальными парками высоких технологий и инноваций Хоалак во Вьетнаме и Сколково в России⁸.

3. Сотрудничество в гуманитарной сфере

В Советском Союзе и потом в России закончили вузы около 502 тысяч вьетнамцев. Сейчас в России обучаются около 5 тыс. вьетнамских студентов, в США — 13,5 тыс., в Австралии — 10 тыс., в Англии — 8—9 тыс. Есть вьетнамские студенты во Франции, Германии, Японии⁹.

Глобализация и региональная интеграция в Азии привели к крупным перемещениям рабочей силы. Россия и Вьетнам активно развивают трудовую миграцию. В России вьетнамцы в основном работают сезонно. Многие из них остались после распада Советского Союза. Раньше они работали на предприятиях или заводах по межгосударственному соглашению. Согласно договорам, предприятия должны были купить им авиабилеты для возвращения домой. Но после распада СССР работодатели оказались не в состоянии оплатить авиабилеты, и вьетнамским рабочим пришлось адаптироваться и работать в России. У многих уже появились дети и внуки, некоторые приняли российское

гражданство. Не все из них живут и работают в крупных городах. Некоторые, проживая в деревнях, поселках, занимаются выращиванием овощей, фруктов. Есть виды сельскохозяйственной продукции, которые они завезли из Вьетнама, и сейчас эти культуры успешно растут в России. Например, в Волгограде на 20 гектарах очень хорошо выращивают кукурузу и многое другое¹⁰.

Миграционные службы и органы внутренних дел России и Вьетнама проделали большую работу по укреплению законодательной базы миграционных процессов. В октябре 2008 г. были подписаны двусторонние соглашения, регулирующие совместные действия по борьбе с незаконной миграцией, по вопросам реадмиссии, а также временной трудовой деятельности граждан обеих стран, что привело к существенному оздоровлению ситуации в сфере миграционных процессов.

В настоящее время число вьетнамских граждан, находящихся в России, составляет, по данным МИД СРВ, 60—80 тыс. человек. В СРВ трудится около 5 тыс. российских граждан. В ходе российско-вьетнамского саммита в октябре 2010 г. президенты двух стран отметили существенный вклад работающих и обучающихся в России граждан Вьетнама и вклад работающих и обучающихся во Вьетнаме российских граждан. Руководители двух стран договорились обеспечивать благоприятные условия для их проживания, работы и учебы в соответствии с законодательством сторон. Важным направлением усилий государственных органов должно стать повышение уровня управляемости миграционными процессами¹¹.

В Декларации о стратегическом партнерстве двух стран отмечена роль сотрудничества и обмена между общественно-политическими организациями, в том числе по линии обществ российско-вьетнамской и вьетнамо-российской дружбы (п. 3).

Важнейшими направлениями деятельности обществ дружбы являются:

- проведение общественно-политических и информационных мероприятий по пропаганде решений правительств двух стран, направленных на укрепление российско-вьетнамского сотрудничества в целях обеспечения их поддержки со стороны граждан России и Вьетнама;

- работа по сохранению исторической памяти, проведение мероприятий, связанных с историей российско-вьетнамских отношений;
- ознакомление общественности двух стран с их богатой историей, самобытным культурным наследием, экономическим и духовным потенциалом; углубление связей в области культуры, образования, расширение круга друзей двух стран.

У обоих обществ есть большие планы на будущее. Об этом говорит Соглашение о сотрудничестве между ними в 2011—2015 гг., подписанное 31 октября 2010 г. в Ханое в присутствии президентов двух стран.

В коммюнике по итогам официального визита Д.А. Медведева во Вьетнам в октябре 2010 г. изложена широкая программа совместных действий по дальнейшему укреплению социальной составляющей российско-вьетнамского стратегического партнерства. Она предусматривает:

- активизацию связей между политическими партиями и общественными организациями России и Вьетнама;
- всемерное поощрение народной дипломатии;
- расширение детских и молодежных контактов на разных уровнях;
- активизацию культурных контактов, регулярное проведение Дней национальной культуры;
- обеспечение плодотворной деятельности Российского центра науки и культуры и Фонда «Русский мир» во Вьетнаме¹².

В процесс развития народной дипломатии активно включились вьетнамцы из Общества вьетнамских граждан в РФ, получившего статус юридического лица в Минюсте России. Средства Общества для развития народной дипломатии формируются за счет самих его членов. Общество вьетнамских граждан в РФ развивает тесные дружественные и партнерские отношения с различными авторитетными российскими общественными структурами — Московским Фондом мира, Обществом российских ветеранов войны во Вьетнаме, а также Обществом российско-вьетнамской дружбы. Надеемся, что эти связи будут креп-

нуть, в том числе через женские союзы, занимающиеся проблемой охраны и помощи детям на региональном и федеральном уровне. Тем самым народная дипломатия внесет свой весомый вклад в развитие гуманитарного сотрудничества в рамках стратегического партнерства Вьетнама и России.

Примечания

¹ Информационный бюллетень МИД РФ. 01.11.2010.

² Бизнес с Вьетнамом. URL: <http://www.market-vietnam.com>.

³ *Буй Динь Зинь*. Очень трудно прощаться, и мне грустно. Но жизнь продолжается... // *Международная жизнь*. Июль 2011. С. 74.

⁴ ИТАР—ТАСС, 22.11. 2011

⁵ Нян Зян. 30.01.2012.

⁶ Доклад замминистра промышленности торговли Хоанг Куок Выонга на тематическом семинаре в Ханое в августе 2011 г.

⁷ Протокол четырнадцатого заседания Российско-вьетнамской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Москва, 17 сентября 2010 г.

⁸ URL: <http://dic.edu.ru/news/2814/>.

⁹ *Международная жизнь*. Июль 2011. С. 74.

¹⁰ Там же.

¹¹ Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 2. С. 31; URL: <http://www.mofa.gov.vn/vi/cn>

¹² Там же. С. 32—33.

А.С. Воронин

РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО. НОВЫЙ ЭТАП — НОВАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ*

1. Избрание 7 мая 2012 г. В.В. Путина на пост президента Российской Федерации открывает новый цикл политического и социально-экономического развития России, ее внутренней и внешней политики.

Вполне понятно, что людей, занятых в сфере российско-вьетнамских отношений, волнует вопрос: как в среднесрочной и долгосрочной перспективе будут складываться отношения между двумя странами, какое место займут они в системе внешнеполитических приоритетов президента В.В. Путина, что можно и нужно сделать, чтобы сохранить и нарастить позитивную динамику российско-вьетнамского стратегического партнерства, которую мы наблюдаем в последние годы?

2. Чтобы как можно точнее ответить на этот вопрос, следует исходить из того, что именно с В.В. Путиным связано динамичное и последовательное укрепление восточного вектора внутренней и внешней политики России. Факты на этот счет востоковедам хорошо известны. В частности, на создание производственной и транспортной инфраструктуры на Дальнем Востоке с целью активизации участия страны в процессах региональной

интеграции выделяются огромные финансовые средства. Отметим, например, проведение саммита АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г., договоренность с китайской стороной довести российско-китайский товарооборот к 2020 г. до 200 млрд долл. Наконец, в 2000-е годы, особенно во второй половине 1-го десятилетия, предпринят комплекс мер, направленных на последовательное укрепление отношений стратегического партнерства с Вьетнамом, укрепление внешнеполитических и экономических позиций РФ в Юго-Восточной Азии.

Россия активизировала курс на наращивание своего участия в интеграционных процессах в АТР, на укрепление отношений с ведущими государствами региона, в т.ч. с использованием возможностей сетевой дипломатии, в целях содействия ускоренному социально-экономическому развитию Восточной Сибири и Дальнего Востока. Этот курс обозначен в Указе В.В. Путина «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», подписанным им в день инаугурации¹, в обновленной редакции Концепции внешней политики Российской Федерации, представленной 15 февраля 2013 г.²

Не менее важным фактором, работающим на позитивную динамику российско-вьетнамских отношений, является тот факт, что именно В.В. Путин стоял у истоков современной модели российско-вьетнамских отношений. 1 марта 2001 г., во время своего первого визита в Ханой в качестве президента РФ, он подписал Декларацию о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам, в которой изложены долгосрочные цели, задачи, принципы и механизмы российско-вьетнамского сотрудничества в новых исторических условиях³. Находясь последние двенадцать лет на посту президента и премьер-министра страны, он многое сделал, чтобы трансформировать политическую философию данного документа в практические дела, как можно шире раздвинуть рамки нового формата российско-вьетнамских отношений, наполнить их качественно новым содержанием, максимально отвечающим национальным интересам сторон.

Таким образом, по нашему убеждению, есть достаточные основания для вывода о том, что курс России на стратегическое

* Статья выполнена при поддержке РГНФ, грант № 12-21-09000.

партнерство с Вьетнамом будет продолжен. Ему нет разумной альтернативы как политике, определяющей характер двусторонних отношений на обозримую перспективу. В этих условиях главная задача состоит в том, чтобы успешно и эффективно конвертировать политическую философию стратегического партнерства в практические дела.

3. Для решения данной задачи имеются все необходимые предпосылки. Наши страны располагают многократно возросшим по сравнению с началом XXI века комплексным экономическим, инвестиционным, научно-техническим потенциалом. Им по плечу реализация самых современных и масштабных совместных проектов. Несмотря на мировой кризис, динамика экономических процессов в наших странах продолжает оставаться в целом позитивной. Хотя, конечно, по отдельным направлениям имеются известные ограничители, оказывающие тормозящее воздействие на динамику сотрудничества.

Окрепли международные позиции и авторитет обеих стран. У России и Вьетнама совпадают долгосрочные национальные интересы, направленные на обеспечение мирных условий для решения своих задач устойчивого и динамичного развития. В отношениях между двумя странами нет каких-либо нерешенных политических вопросов. Руководители обоих государств преисполнены политической воли вести дело в направлении дальнейшего увеличения масштабов и совершенствования качественных параметров сотрудничества, наращивания его совокупной мощи и возможностей, укрепления доверительного характера отношений.

В наших странах нет политических партий или других политических сил, которые выступали бы против дальнейшего российско-вьетнамского сближения или могли бы предложить программу, альтернативную нынешней модели стратегического партнерства. Курс на всемерное укрепление отношений дружбы и сотрудничества и в России, и во Вьетнаме пользуется широкой общественной поддержкой. Огромные симпатии друг к другу — это прочная историческая традиция, проистекающая из самой сущности отношений двух государств, берущих свое начало со времен победы Советского Союза в Великой Отечественной

войне 1941—1945 гг. и победы в 1945 г. Августовской революции во Вьетнаме.

Всемерного и динамичного наращивания комплексного потенциала российско-вьетнамских отношений требует политика России по укреплению своих позиций в зоне Тихого океана. Дальнейшая активизация такого курса диктуется глобальной тенденцией переноса центра тяжести мировой политики и экономики в Азиатско-Тихоокеанский регион и новой, весьма не однозначной расстановкой сил в этом стратегически важном для российских национальных интересов регионе.

Находясь на позиции объективности, можно утверждать, что во всемерном наращивании комплексного потенциала стратегического партнерства с Россией заинтересован и Вьетнам. В сложных геополитических условиях, складывающихся в Юго-Восточной Азии, учитывая нарастающее давление со стороны внерегиональных держав, ему важно в лице России иметь мощного и надежного стратегического партнера, на высокотехнологичный производственный, энергетический, финансово-экономический, военно-технический, научный, образовательный потенциал и политическую поддержку которого можно опереться. Как заявил президент СРВ Чыонг Тан Шанг, «укрепление и развитие отношений традиционной дружбы и всеобъемлющего стратегического партнерства с Российской Федерацией является одним из приоритетов внешней политики Вьетнама»⁴.

4. С тем чтобы быть максимально эффективной, стратегия нашего партнерства должна быть нацелена, прежде всего, на реализацию задач индустриального и модернизационного развития двух стран. Эта стратегия постоянно требует своего интеллектуального развития, подпитки новыми, масштабными идеями и проектами, способными расширять повестку дня взаимовыгодного сотрудничества, многократно усиливать его синергетический потенциал, «снимать» возникающие ограничители и барьеры, защищать его от внутренних и внешних угроз.

В данном контексте, как нам видится, назрела необходимость раздвинуть временные рамки самой концепции стратегии партнерства. До сих пор все расчеты по долгосрочному сотрудничеству России и Вьетнама строились с горизонтом, как пра-

вило, до 2020 года. Сегодня мы подошли к такому рубежу, когда для того, чтобы выйти на качественно новый уровень и новые масштабы сотрудничества необходимо раздвинуть временные горизонты его прогнозирования и планирования как минимум до 2030 года.

На отраслевом уровне, особенно в отраслях с длительным производственным циклом, в реализации совместных проектов, определяющих масштабы, динамику и устойчивость сотрудничества, этот процесс уже начался. Особенно он характерен для энергетики, для сотрудничества в рамках совместного нефтедобывающего предприятия «Вьетсовпетро», в создании во Вьетнаме атомной энергетики.

Переход на новые временные рамки сотрудничества даст обеим сторонам существенный материальный выигрыш, поскольку позволит более смело вырабатывать новые масштабные проекты, увереннее маневрировать необходимыми материальными, финансовыми, инновационными, кадровыми ресурсами.

5. Нового подхода требует и вопрос о темпах и масштабах двустороннего сотрудничества. За последние десять-двенадцать лет нашим странам удалось в четыре-пять раз нарастить взаимный товарооборот. В 2012 г. он составил около 3 млрд долл.⁵ Руководители РФ и СРВ приняли установку довести к 2015 г. объем взаимной торговли до 7 млрд долл.⁶ Примерно такими же темпами развивается и инвестиционное сотрудничество. Это хорошее движение, особенно, если сравнивать ситуацию с 1990-ми годами.

Но если исходить из задачи создания материальной базы российско-вьетнамского сотрудничества, надежно гарантирующей его действенность в новых условиях АТР, то мы увидим, что эти масштабы и темпы намного ниже, чем требуется. Это становится особенно очевидным при сравнении масштабов товарооборота и инвестиционного сотрудничества России с Вьетнамом или Китаем, Южной Кореей, Вьетнама с США и Китаем: показатели этих стран многократно превышают российско-вьетнамский товарооборот и взаимное инвестирование.

Выход из создавшегося положения один — наращивать темпы и масштабы торгово-экономического сотрудничества, дове-

сти к 2030 году российско-вьетнамский товарооборот до 60—70 млрд долл., на порядок по сравнению с нынешним днем увеличить масштабы взаимного инвестирования. Эти показатели не такие уж и большие, особенно, если учитывать тот факт, что, скорее всего, в ближайшие годы США продолжают курс на девальвацию своей национальной валюты

6. Активно обсуждаемый в наших странах процесс смены модели экономического роста требует и реформирования модели российско-вьетнамского экономического сотрудничества. Это должно происходить за счет сознательного, целенаправленного расширения сотрудничества, в том числе и на кооперационной основе, в отраслях с высоким уровнем добавленной стоимости, в высокоинтеллектуальных, инновационных отраслях, в научно-технической сфере, в сфере образования.

Достигнуть этого вряд ли возможно без хорошо организованного, системного диалога по макроэкономическим вопросам с использованием вариантных экономико-математических моделей построения наиболее рациональной структуры сотрудничества. Отсюда растет важность налаживания более тесной координации действий в макроэкономической сфере. Работа в данном направлении должна позволить количественно описать масштабы, структуру сотрудничества, выявить необходимые для этого ресурсы, глубже заглянуть в его будущее, своевременно выбрать наиболее безболезненный вариант взаимоувязки основных показателей сотрудничества с прогнозами и долгосрочными планами развития национальных экономик.

Основной вектор этой работы очевиден. Он должен быть направлен на содействие решению обеими сторонами задач модернизации своих экономик в условиях нарастающей глобальной конкуренции, на обеспечение высоких темпов роста товарооборота, обогащение его структуры и номенклатуры, прежде всего за счет высокотехнологичных товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью. Под таким же углом зрения нужно рассматривать и перспективы инвестиционного сотрудничества.

В контексте сказанного большое значение приобретают переговоры о выработке соглашения о зоне свободной торговли между Вьетнамом и Таможенным союзом, в который входит

Россия, Беларусь, Казахстан. Предполагается, что подписание такого документа позволит сторонам, участвующим в соглашении, снизить импортные пошлины и нетарифные ограничения, снять административные барьеры во взаимной торговле. При этом исходный принцип, заложенный в концепцию соглашения, состоит в соблюдении взаимовыгоды и равенства сторон. Участникам переговоров важно договориться, как избежать существенного дисбаланса в торговле, потому что такой дисбаланс может привести к торможению всех форм и сфер сотрудничества.

7. Очевидно, что решение многих задач сотрудничества будет выходить за рамки 2020 года. Но сформулировать их, изучать и искать к ним наиболее рациональный подход нужно уже сегодня. Это крайне важно в силу необходимости создания новой технологической платформы следующего за 2020 годом этапа модернизации, что является делом чрезвычайно капиталоемким и потребует, как минимум, целого десятилетия. Следовательно, макроэкономическое прогнозирование и планирование сотрудничества сегодня должно выходить, как минимум, на уровень 2030 года. Это не только императив в сфере российско-вьетнамских отношений, но и общемировая тенденция.

Думается, было бы неправильно отвергать положительный опыт сотрудничества «советского» периода. (А такие настроения есть в обеих странах). В частности, представляется целесообразным вернуться к практике составления долгосрочных целевых программ сотрудничества по отдельным, наиболее перспективным, «прорывным» направлениям и проектам. К ним относятся энергетика, металлургия, машиностроение, горнодобывающая промышленность, телекоммуникации, гражданское авиастроение, судостроение, сельское хозяйство.

Очевидно, что реализация совместных масштабных проектов потребует многократного увеличения взаимных капиталовложений. В этой связи финансовые и банковские органы двух стран должны предложить наиболее оптимальные схемы обеспечения совместных проектов необходимыми финансовыми ресурсами, в том числе за счет значительного увеличения фондов совместного банка ВРБ, создания новых государственно-част-

ных инвестфондов, совместного выхода российско-вьетнамских компаний на международные финансовые структуры. Следует принять меры по дальнейшему улучшению системы взаимных расчетов. В последние годы на эту тему говорится много, в том числе и на высоком государственном уровне. Но реальных подвижек пока не видно.

8. С обеих сторон необходимо обеспечить новый подход к подготовке кадрового резерва специалистов и экспертов по вопросам российско-вьетнамского сотрудничества, по развитию профессиональных компетенций двуязычного персонала совместных проектов и органов управления сотрудничеством. Уже в самое ближайшее время предстоит ответить на вопрос: как обеспечить кадровую преемственность в сфере российско-вьетнамского сотрудничества.

Дело в том, что за 1990—2000-е годы, в условиях общего упадка взаимосвязей в обеих странах образовался острый кадровый дефицит специалистов в сфере сотрудничества. В создавшихся условиях, и это следует откровенно признать, при сохранении нынешней кадровой базы и кадровой политики (а точнее, ее отсутствии) попытка реализовать масштабные и сложные проекты может обернуться весьма затратной авантюрой и взаимным отторжением. Без государственного вмешательства в решение данной задачи не обойтись, причем сил только министерств высшего образования будет недостаточно. Слишком велика оторванность минвузовских чиновников от проблем российско-вьетнамского сотрудничества. Скорее всего, создание самой концепции решения данного комплексного вопроса и контроль над ее реализацией было бы правильно поручить межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Для такой работы у нее достаточно необходимых компетенций.

9. Органы управления сотрудничеством должны озаботиться созданием единой, двуязычной, регулярно действующей, организованной на современном уровне и компетентной системы взаимного информирования всех участников российско-вьетнамского сотрудничества. Организационно и методологически это должно делаться в рамках той огромной работы, которая ве-

дется нашими внешнеполитическими ведомствами на данном направлении.

10. Речь также должна идти о модернизации аналитических инструментов российско-вьетнамского сотрудничества, включая более активное взаимодействие между экспертным, научным и политологическим сообществами двух стран. В рамках этой темы можно было бы продумать вопрос о проведении на базе институтов РАН и АОН СРВ ежегодных научно-практических конференций по вопросам российско-вьетнамского сотрудничества с публикацией материалов конференций. Полезно было бы также иметь своего рода план подготовки силами ученых России и Вьетнама совместных исследований по наиболее актуальным для российско-вьетнамского стратегического партнерства темам. Такого рода практика уже имеется. Она способствует укреплению консенсусных начал сотрудничества и повышению его результативности. Важно смелее тиражировать накопленный опыт, оказывая ученым должную материальную и организационную поддержку.

11. Растет потребность в обновлении внутриотраслевых стратегий сотрудничества. Особенно отчетливо это прослеживается в энергетической сфере. Во Вьетнаме отмечается устойчивый рост потребления энергии при падении объемов добычи нефти и серьезном ценовом росте ее добычи. Это требует формирования новой структуры энергетического сотрудничества. Предстоит ускоренными темпами создавать новые генерирующие мощности в гидро-газовой и атомной энергетике во Вьетнаме при расширении совместной нефтедобычи на территории России с последующей поставкой углеводородов во Вьетнам⁷. Высокая потребность в привлечении дополнительных капиталов на фоне закредитованности вьетнамской экономики требует от совместных российско-вьетнамских компаний ускоренного выхода на энергетические рынки третьих стран, располагающих избыточными капиталами. Такая тактика позволит своевременно обеспечить необходимыми финансовыми ресурсами расширение деятельности совместных российско-вьетнамских энергетических предприятий на территории обеих стран.

12. Стратегическое партнерство нуждается в постоянном укреплении своей социальной базы. А это значит, что сотрудничеству в гуманитарной сфере предстоит занять новое, более важное место во всем комплексе российско-вьетнамских отношений. На решение данной задачи должна быть направлена деятельность общественных организаций двух стран, прежде всего таких, как общества дружбы. Многие в этом плане предстоит также сделать средства массовой информации. Через такую же призму должно рассматриваться взаимодействие сторон в сфере образования, культуры, туризма, миграции. Если до недавнего прошлого в этих сферах сотрудничества речь шла о контактах нескольких десятков тысяч российских и вьетнамских граждан, то сегодня в гуманитарном сотрудничестве принимают участие миллионы. Среди них люди самых разных возрастов, жизненного опыта, профессий, политических взглядов, моральных устоев, уровня культуры, религиозных убеждений. Все это требует более глубокого знания «социально-психологического портрета» участников гуманитарного сотрудничества, своевременного и адекватного реагирования на возможные нестандартные явления. Здесь мы имеем дело с огромным, практически «непаханным полем». Государственным органам с подключением ученых-обществоведов, практических работников двух стран, занятых в сфере управления, следует своевременно озаботиться этими проблемами в целях создания организационных, информационных, финансово-материальных условий для непосредственного, живого обмена между организациями и институтами, работающими в гуманитарной сфере. Граждане обеих стран должны иметь необходимые условия для взаимного общения. Это будет способствовать дальнейшему повышению уровня взаимного понимания между народами двух стран.

Особое внимание должно быть уделено миграционным вопросам. В целом накопленный нашими странами в этой сфере опыт следует рассматривать со знаком «плюс». Такого взгляда придерживаются и вьетнамские эксперты⁸. В то же время, следует признать, что должного порядка здесь пока не наведено. Не известно даже, сколько вьетнамских мигрантов находится в России. Такая ситуация создает питательную среду для негатив-

ных явлений — организованной преступности, теневого бизнеса, коррупции. Обе стороны согласны в том, что в долгосрочной перспективе и Россия, и Вьетнам, в том числе по демографическим и экономическим причинам, будут заинтересованы в расширении и повышении качественных характеристик образовательной и трудовой миграции, как важных инструментов социально-экономической политики. В то же время, следует признать, что эта проблема нуждается в серьезном повышении уровня организации и управления со стороны соответствующих государственных органов, в более точном учете происходящих в наших странах изменений в географической, профессиональной структуре спроса на трудовые ресурсы.

13. В наиболее эффективном решении подобного рода вопросов важнейшая роль будет принадлежать государственным органам управления сотрудничеством двух стран и прежде всего Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Многое зависит и от того, насколько успешными, взаимовыгодными, ответственными будут долгосрочные партнерские связи непосредственно между российскими и вьетнамскими хозяйствующими субъектами и отдельными бизнесменами, насколько гармонично и профессионально они смогут сочетать корпоративные интересы с общенациональными интересами России и Вьетнама.

14. Огромный резерв увеличения объемов товарооборота и взаимного инвестирования содержит в себе идея сотрудничества сторон в реализации программ развития российского Дальнего Востока. Вопрос этот имеет комплексный характер. Он, в частности, требует участия вьетнамских компаний в реализации масштабных проектов, в том числе в сфере энергетики, в сельском хозяйстве, в создании производственной, транспортной и социальной инфраструктуры российских дальневосточных регионов. На общеполитическом уровне взаимопонимание по данному вопросу имеется. Но его одного недостаточно. Было бы полезно всесторонне обсудить эту проблему в Ханое на экспертном уровне под эгидой правительств и с участием руководителей российских и вьетнамских регионов, отраслевых министерств и ведомств, заинтересованных компаний. Выводы такой

конференции, изложенные в итоговом документе, могли бы помочь разработчикам будущей двусторонней межправительственной программы («дорожной карты»).

15. Успешной сферой российско-вьетнамского стратегического партнерства является военно-техническое сотрудничество. Оно носит всесторонний характер и строится на основе долгосрочных планов. В настоящее время Вьетнамская народная армия (ВНА) в техническом отношении оснащена гораздо лучше, чем когда-либо ранее. В 2011 г. Вьетнам закупил российские вооружения на 1,5 млрд долл.⁹ СРВ, наряду с такими азиатскими странами, как КНР и Индия, входит в число самых крупных партнеров России в военно-технической сфере. Идет обучение вьетнамских военных специалистов в военных вузах России, поставка запчастей для закупленной техники, ее ремонта и модернизации. Корабли ТОФ России возобновили заходы во вьетнамские порты. Обсуждается вопрос о создании пункта их материально-технического обеспечения в Камрани¹⁰.

Вместе с тем приходится иметь в виду, что на вооружение ведущих в технологическом отношении армий сегодня поступают принципиально новые виды оружия. В связи с готовностью этих стран использовать их в борьбе с неудобными политическими режимами встает вопрос: что необходимо сделать для предотвращения вероятного негативного сценария развития военно-политической обстановки, для сокращения имеющегося в техническом отношении разрыва сравнительно ограниченными средствами?

Важно учесть еще одну тенденцию, отмечаемую специалистами. По мере роста промышленного и научно-технического потенциала СРВ складываются благоприятные условия для переноса сюда ряда технических производств, в продукции которых заинтересованы вьетнамские партнеры. В этой сфере, как представляется, эффективной формой сотрудничества могло бы стать создание совместных предприятий.

16. Каким будет наше сотрудничество на международной арене в предстоящие годы? С уверенностью можно сказать, что Россия и Вьетнам, как это вытекает из Договора об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Со-

циалистической Республикой Вьетнам¹¹, не будут создавать военно-политических союзов, направленных против третьих стран. В то же время сознательный отказ от построения отношений союзнического характера не означает отказа от всестороннего сотрудничества и координации действий по вопросам международной безопасности. Это видно из принятых в последнее время на высшем уровне совместных документов, и, прежде всего, из Совместного заявления об укреплении всеобъемлющего стратегического партнерства между РФ и СРВ, подписанного по итогам сочинского саммита 27 июля 2013 г.¹² Стороны намерены активно поддерживать позитивные тенденции, как в мире в целом, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Они будут вести линию на формирование нового, более справедливого и демократического миропорядка, на создание в регионе транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на принципах международного права и учете законных интересов всех стран. При этом они выступают за то, чтобы все государства региона отказались от конфронтации, урегулировали взаимные разногласия и споры путем диалога и переговоров без применения силы и/или угрозы применения силы.

Нашим странам предстоит наращивать взаимодействие в рамках сетевой дипломатии, и, прежде всего в системе органов ООН, АСЕАН, АТЭС, АРФ, Восточноазиатских саммитов (ВАС), форума «Азия-Европа» (АСЕМ). Им придется вести совместную борьбу против таких глобальных угроз, как опасность распространения оружия массового уничтожения, терроризм, трансграничная организованная преступность, коррупция, незаконный оборот наркотиков, торговля людьми, морское пиратство, нелегальная миграция, эпидемии, деградация среды обитания человека, дефицит чистой воды. Все большее место в сотрудничестве двух стран на международной арене будут занимать вопросы энергетической, продовольственной, информационной, экологической безопасности, предупреждения и борьбы с последствиями природных и техногенных катастроф.

Повестка дня сотрудничества России и Вьетнама по международным вопросам будет расширяться, прежде всего, за счет

вопросов региональной безопасности, в том числе экономической, энергетической, продовольственной и экологической. Есть потребность в создании, например, центров реагирования на чрезвычайные ситуации, совершенствовании трансконтинентальных транспортно-логистических систем, о чем эксперты ИДВ делали соответствующие предложения.

Новые вызовы и угрозы требуют и новых, современных инструментов ответа на них. Причем эти инструменты должны быть не менее действенными и эффективными, чем сами вызовы и угрозы. У России и Вьетнама совместно с другими странами ЮВА и АТР есть шанс показать убедительные примеры использования новых технологий, без которых немыслима модернизация, в интересах развития. А это делает все более актуальной модернизационную повестку не только в двусторонних отношениях, но и в рамках международных и региональных организаций, прежде всего для решения таких задач, которые объединяют страны региона перед лицом общих вызовов и угроз.

Следует исходить из того, что решение задач российско-вьетнамского сотрудничества будет проходить в условиях возможного обострения мирового финансового кризиса, роста требований к конкурентоспособности, в том числе в сфере высоких, наукоемких технологий, наличия крупных рисков, связанных с сырьевым характером нашего экспорта, макроэкономической напряженности планов развития вьетнамской экономики и высокого уровня ее закредитованности. Нет основания идеализировать и общеполитическую ситуацию в Юго-Восточной Азии. Здесь есть свои шансы и возможности, но и свои риски и вызовы. Речь, в частности, идет о разрастании территориальных споров, в том числе и на море, о высокой степени конфликтов на сепаратистской основе, о наличии серьезного груза социально-экономических, природных и техногенных рисков.

Заключение. С точки зрения долгосрочных перспектив российской политики в АТР Вьетнам продолжает оставаться ключевым, стратегически важным партнером России. В нынешней обстановке создались уникально благоприятные возможности для вывода российско-вьетнамских отношений на качественно новый уровень. И от того, сумеют ли стороны этим шансом в

полной мере воспользоваться, зависит судьба стратегического партнерства двух стран как динамично растущего и все более действенного фактора безопасности и стабильности, развития и интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Примечания

¹ URL: www.kremlin.ru/acts. 07.05.2012.

² URL: www.kremlin.ru/news/17520.

³ Это незабываемое слово — «Льенсо». М., 2006. С. 409—413.

⁴ Nghien suu quoc te. 2012. № 3. Тг.51—67.

⁵ Российская газета. 28.12.2012.

⁶ The gioi va Vietnam. 21.12.2012.

⁷ Подробнее см.: Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 56—66.

⁸ Nghien suu chau Au. 2008. № 1. Тг. 62—75

⁹ Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6. С. 31.

¹⁰ URL: www.mid.ru-1461 — 29-07-2012.

¹¹ Это незабываемое слово — «Льенсо». С. 405—408.

¹² URL: www.kremlin.ru/ref_notes/1279.

В.М. Мазырин

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ ВЬЕТНАМА И ВОЗМОЖНОСТИ РАСШИРЕНИЯ ЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ^{1*}

Постановка вопроса

Уже более 25 лет (с 1986 г.) во Вьетнаме идут всесторонние реформы и обновление («дой мой»). За это время в основном завершен переход от планово-распределительной системы к рыночному хозяйству, достигнут существенный прогресс в модернизации экономики, что упрочило позиции страны в мире.

Это вызывает повышенный интерес к изучению опыта и результатов движения СРВ по рыночному пути. Оценка уровня и проблем развития вьетнамской экономики позволяет понять возможности и перспективы нашего стратегического партнера.

Показатели и последствия роста вьетнамской экономики для РФ

Остановимся на основных показателях экономического развития СРВ и рассмотрим их с точки зрения развития двусторонних отношений.

* Настоящая статья подготовлена в рамках гранта РГНФ 12- 21-09000.

(1) Быстро расширяются размеры национальной экономики за счет высокого прироста ВВП. По этому показателю Вьетнам в конце 2000-х гг. оказался в первой полусотне экономик мира². Насколько мощный рывок сделан, можно оценить, только вспомнив, что в 1980-е годы он входил в разряд беднейших государств (в конце второй сотни). Особенно значимая тенденция — сокращение времени, необходимого для кратного увеличения внутреннего валового продукта. При расчете по обменному курсу (к доллару) ВВП вырос вдвое за 10 лет (1995—2004) — с 20,7 до 45,3 млрд долл., а на следующее удвоение понадобилось 5 лет. Даже если хозяйственная динамика СРВ снизится, что прогнозируемо, то можно ожидать очередного удвоения — до 180 млрд — в 2014—2015 гг. Более скромные официальные прогнозы предполагают, что в 2020 г. вьетнамский ВВП составит 225—230 млрд долл., что в 2,2 раза больше, чем сегодня³.

Этот расчет позволяет нам дать новое определение экономики СРВ как приближающейся к категории крупных, минимум средних, а не малых⁴, что является стандартной оценкой во Вьетнаме и на Западе. Крупными принято считать страны с большой территорией (Вьетнам же находится на 62-м месте в мире по этому параметру) и населением от 100 млн чел (с 87 млн он занимает 13-ю позицию, а с учетом живущих и работающих за рубежом приближается к указанному значению), богатыми природными ресурсами. Это определение меняет положение страны в международном сообществе, говорит о ней как о выгодном партнере, указывая России на необходимость расширения сотрудничества с СРВ. Правы ведущие мировые инвесторы, которые ставят Вьетнам во вторую группу наиболее перспективных, быстро развивающихся мировых рынков — ВИСТА (VISTA) вслед за БРИК.

(2) Вьетнам показывает на протяжении 25 лет макроэкономическую стабильность, о чем говорят устойчиво высокие темпы роста экономики. В среднегодовом выражении они превысили 7 %, во всем мире уступая лишь Китаю и далеко опережая другие бывшие соцстраны. Темпы роста в СРВ соответствуют показателям идущих впереди азиатских НИС на стадии их ускоренной модернизации. За счет повышения экономической динамики решена ключевая задача обеспечения расширенного

воспроизводства: при снижении темпов естественного прироста населения с 2,6 до 1 % в год прирост валового продукта стал превосходить его в 6—7 раз⁵.

Благодаря динамике роста успешно решается задача догоняющего развития (если понимать ее как подтягивание к уровню соседних стран — прямых конкурентов), которая оказалась не по силам большинству отсталых стран. Данная задача очень актуальна для Вьетнама: в начале этого века он отставал как минимум на 10 лет от КНР, 15 лет от Таиланда, 20 лет от Малайзии, 25 лет от Южной Кореи, 35 лет от Сингапура, 40 лет — Японии⁶.

(3) Повышаются уровень и стандарты жизни населения, что означает увеличение емкости внутреннего рынка, потребительского спроса и возможностей реализации российских товаров. Подушевой ВВП Вьетнама за 1991—2010 гг. вырос в текущих ценах по обменному курсу со 158 до 1169 долл., а в ППС — до 3205 долл. По этому показателю СРВ оказалась 127-й среди 186 стран (123-е место в 2007 г.).⁷ В итоге по мировой классификации она вошла в нижнюю часть группы государств со средним уровнем доходов, совершив качественный рывок вперед в этом измерении. Хотя абсолютный разрыв с передовыми государствами региона продолжал увеличиваться, относительное отставание сократилось (помимо Китая), особенно при измерении в ППС (табл. 1).

(4) Заметное ускорение темпов экономического роста Вьетнама связано с активной индустриализацией и развитием сферы услуг. Они привели к соответствующим сдвигам в структуре занятости населения, основного капитала, валового продукта, а также совокупного спроса. В итоге с 1990 г. вклад промышленности и строительства в ВВП поднялся с 23 до 41 %, тогда как сельского хозяйства и смежных отраслей сократился настолько же (рис. 1). Следовательно, структура экономики СРВ превратилась из аграрной в индустриально-аграрную и становится в основном индустриальной (эту задачу предполагается решить к 2020 г.).

Структурная перестройка экономики СРВ, как планируется, позволит довести в ней долю промышленности, строительства и сферы услуг в 2020 г. до 85 %, а традиционных отраслей — снизить до 15 %. Поскольку вклад вторичного и третичного секто-

Таблица 1. Душевой ВВП во Вьетнаме и 10 других странах Азии в 2000 и 2010 гг.*

Страна	Душевой ВВП, долл.				Разница с СРВ, раз				Рейтинг МВФ по ППС
	в текущих ценах		по ППС		в текущих ценах		по ППС		
	2000	2010	2000	2010	2000	2010	2000	2010	
Вьетнам	402	1169	1390	3205	1,0	1,0	1,0	1,0	127
КНР	856	4429	2330	7599	2,1	3,8	1,7	2,4	94
Таиланд	1970	4608	4850	8554	4,9	3,9	3,5	2,7	86
Малайзия	3881	8373	8350	14731	9,7	7,2	6,0	4,6	57
Сингапур	22 757	41 120	32 870	57 932	56,6	35,2	23,6	18,1	3
Филиппины	980	2140	2430	3969	2,4	1,8	1,7	1,2	123
Индонезия	730	2947	2200	4325	1,8	2,5	1,6	1,3	120
Камбоджа	291	795	860	2194	0,7	0,7	0,6	0,7	143
Лаос	332	1177	1130	2551	0,8	1,0	0,8	0,8	138
Южная Корея	10 890	29 757	17 130	29 101	27,1	25,5	12,3	9,1	26
Япония	37 549	42 831	25 950	33 733	93,4	36,6	18,7	10,5	25

Рассчитано по: Statistical Yearbook of Vietnam 2005. P.641; 2011. P. 752, 760; URL: www.imf.org.

Примечание: * Показатели 2000 г. основаны на результатах раунда международных сравнений, проведенного Всемирным банком в 1993 г., а 2010 г. — раунда 2007 г.

ров в Стратегии социально-экономического развития страны до 2020 г. не разделен, предположим, что сфера услуг даст 45—50 %.⁸ Идущие структурные изменения повторяют закономерности процесса модернизации в странах «третьего мира» в 1980—2000-е годы. Это позволяет с достаточной уверенностью прогнозировать развитие экономики СРВ в долгосрочной перспективе и указывает, что основные инвестиции следует делать в промышленность и сферу услуг.

(5) Во Вьетнаме, как и Китае, экономические реформы были начаты с аграрного сектора. Увеличение объемов произ-

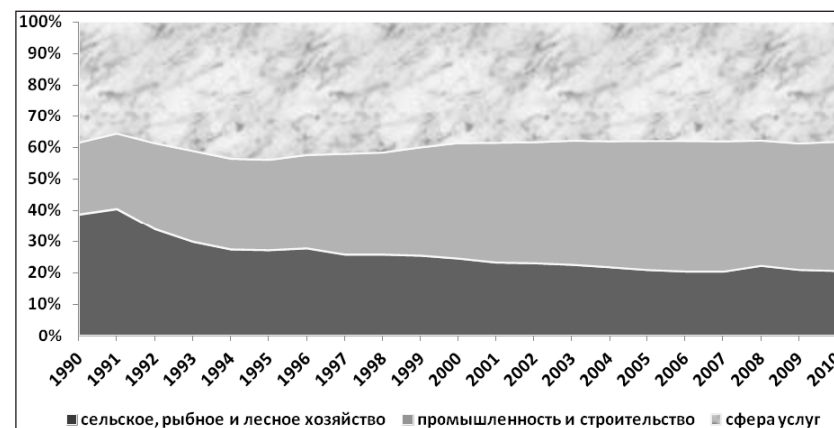

Рис. 1. Изменение структуры вьетнамской экономики по секторам общественного производства в 1990—2010 гг.

водства и продуктивности в сельском хозяйстве во многом помогло преодолению основных трудностей, ускорению экономического роста. Только урожай риса выросли в СРВ к 2011 г. вдвое — до 40 млн т, составив около 460 кг на душу населения⁹, что обеспечило национальную продовольственную безопасность и позволило выйти в мировые лидеры по экспорту риса (в 2012 г. 7,7 млн т).

На ближайшие 10 лет ставится задача расширять позиции по экспорту аграрной продукции (кофе, перца, каучука, тропических фруктов и овощей, морепродуктов). Ряд экспертов выступают за превращение рисоводства и выращивания иных сельскохозяйственных культур — лучше в экологически чистом виде, — рыбного промысла в ключевые отрасли экономики, предлагают направлять в них больше капиталовложений¹⁰. Это дает основание ожидать, что СРВ способна укрепить позиции поставщика тропической аграрной и морской продукции в Россию. Российские компании могут напрямую содействовать росту поставок участием в местном плантационном хозяйстве. Пока оно стабильно в производстве каучука, намечено в обработке морепродуктов, а в выращивании и переработке фруктов прекратилось (в совет-

ский период были созданы плантации и заводы по выпуску анаисов, апельсинов и др.). Хотя есть планы и наработки сотрудничества в производстве на экспорт чая, кофе, специй, наша страна в целом лишена этих видов продукции, по которым Вьетнам является лидером на мировом рынке, и покупает вместо дешевого сырья готовые товары, причем втридорога из Европы.

(6) Со второй половины 2000-х годов в СРВ формируются сегменты постиндустриального технологического уклада. На XI съезде КПВ (январь 2011 г.) была поставлена задача ускорения перехода к экономике знаний, качественной перестройки хозяйства за счет роста производительности, применения новейших технологий, преодоления его экстенсивности и обеспечения интенсивного характера развития. Такой курс совпадает с задачами России по модернизации экономики и развитию ее инновационных сегментов. Это значительно усиливает потребность в активизации связей двух сторон в сфере высоких технологий, и ряд проектов уже начат.

Для создания широкого слоя людей, способных овладеть новыми знаниями, технологиями, Вьетнам намерен перенести акцент в инвестициях с материальных факторов на развитие человеческого капитала. В частности, местные эксперты призывают высвободить средства за счет ограничения строительства капиталоемких объектов. Пока здесь готовятся условия для перехода к инновационному этапу, происходят очень быстрые сдвиги в формировании нового образа жизни и организации управления. Последние годы сделан качественный рывок в освоении информационных и прочих высоких технологий: по индексу развития экономики знаний СРВ заняла в мировом рейтинге 94-е место (2006 г.), по так называемой «электронной готовности» 65-е (2007)¹¹. Но прогресс замедлен, так как затраты на НИОКР не достигают 1 % ВВП (2,13 % расходной части бюджета), а научных кадров не хватает (21 тысяча, в т.ч. изобретателей всего 0,18 на 1000 чел.)¹².

Из этого следует 2 вывода: во-первых, для сооружения капиталоемких индустриальных объектов с участием России благоприятные условия сохраняются не более 10 лет. Во-вторых, будет

быстро расти потребность в проектах в сфере высоких технологий и ИТ. Примеры последних уже есть, особенно в секторе телекоммуникаций, туризма, но ряд важных сегментов игнорируется, например, транспорт, обычные коммуникации. Слабо ведется и отстает от масштабов 1970—80-х годов ключевое для экономики знаний сотрудничество в развитии науки, образования¹³. В этом деле РФ полностью уступила позиции странам Запада, прежде всего США и Австралии, что неизбежно ведет в ближайшие 10—20 лет к смене поколений в руководстве СРВ и его политической переориентации, неблагоприятной для наших интересов (в технологической сфере она уже налицо).

Сдвиги и перспективы во внешнеэкономической сфере

Оценим изменения во внешнеэкономической сфере, как и внутренней, чтобы определить перспективные направления двусторонних связей.

(1) Основой подъема экономики СРВ стала внешнеориентированная модель развития. Благодаря ей удалось обеспечить активный приток из-за рубежа капиталов, технологий, знаний и опыта управления, получить поддержку для проведения реформ, найти новые экспортные рынки. Страна включилась в международное разделение труда, достигла крайне важного эффекта масштаба производства. Вьетнам стал одним из мировых цехов (в производственно-сбытовой сети ведущих ТНК) сначала по пошиву одежды и обуви, затем сборке компьютеров и изделий бытовой электроники (включая мобильные телефоны и другие девайсы), наконец, производства сложных электронных компонентов и программного обеспечения.

Хотя это широко распространенная модель, СРВ удается в отличие от многих других стран, в частности восточноевропейских, защищать свои национальные интересы при высокой степени экономической открытости, а одновременно и зависимости. Показатель внешнеторговой открытости превышает 160 % ВВП, композитный индекс открытости иностранному капиталу близок к КНР (3,8 и 4,1 соответственно), доля ПИИ в валовых

капиталовложениях достигает 25—30 %, а предприятия данного сектора дают 35 % производства промышленной продукции, 55 % экспорта, 40 % доходов бюджета¹⁴.

Достичь таких результатов СРВ помогает тактика многовекторности отношений при опоре на ведущие мировые центры силы. В частности, плодотворно развивается сотрудничество с США, ЕС, Японией, Индией, Австралией. Во многом благоприятный внешний фон был обеспечен эффективным участием Вьетнама в АСЕАН, интеграционных группировках АТР (АТЭС, АСЕМ, ВАС, ТТС). Из этого следует важный вывод: Ханой отличается умением поддерживать эффективные отношения как с прежними, так и с новыми союзниками, что, с одной стороны, успокаивает нас, а с другой, показывает, что у РФ много конкурентов на вьетнамском рынке.

(2) Несмотря на активизацию в 2000-е годы сотрудничества с Вьетнамом, Россия далеко отстает по объемам торговли и прямых инвестиций от его ведущих партнеров, занимая места в середине второй десятки. В то же время РФ остается главным поставщиком современного оружия и ряда технологий стратегического назначения (в атомной, аэрокосмической, нефтегазовой, телекоммуникационной отраслях, биомедицине). Это делает нашу страну важным противовесом растущему влиянию КНР и США, а с учетом традиционной дружбы и доверия, наличия большой прослойки интеллигенции, воспитанной в СССР и занимающей сегодня руководящие посты в государстве, перспектив экономического роста России превращает ее в подлинную опору независимости и прогресса Вьетнама. СРВ, в свою очередь, выступает нашим стратегическим партнером в ЮВА. Значит, Россия не полностью использует возможности участия в развитии вьетнамской экономики, привлечения ее ресурсов, и есть все предпосылки, чтобы исправить эти просчеты и раскрыть имеющийся потенциал.

Отметим, что суммарные российские инвестиции в СРВ составляют 2 млрд долл. в общем объеме ПИИ около 200 млрд¹⁵, а приток капитала из развитых стран после мирового кризиса начал сокращаться. Поэтому Россия может резко повысить свою инвестиционную активность, причем не только за счет строи-

тельства АЭС, совместной добычи нефти и газа, но и других сфер, например, осуществления крупных инфраструктурных проектов, охватывающих ряд стран АСЕАН (энергосети, газопроводы и проч.)

Не следует упускать из виду и уже реализуемую возможность прямых инвестиций из Вьетнама в российскую экономику. Если в 2007 г. приток капитала в нашу экономику из СРВ не превышал 78 млн долл., то в 2011 г. достиг 966 млн в 17 проектах¹⁶, т. е. по статистике ПИИ превысил встречный российский поток, что можно признать парадоксом, представить который было трудно 5 лет назад. По примеру КНР Вьетнам стремится к завоеванию места на мировом рынке топливно-энергетических ресурсов, считая это своей новой стратегической целью. Признано необходимым увеличивать госинвестиции в создание совместных предприятий в странах-партнерах и инвестирование по частным каналам.

Второй из этих форм пока не уделялось внимания, в т.ч. не найдено места в статистике (приведенная цифра не учитывает частные инвестиции, негласная оценка которых доходит до 1 млрд долл.), хотя эксперты считают ее более выгодной, успешно связывающей вьетнамский рынок с мировым. Мелкие частные вьетнамские инвесторы создают бизнес в России на свой страх и риск, зачастую ведут его полу- и нелегально, причем в пришедших в упадок в России отраслях (пищевая, швейная, обувная промышленность). Некоторые предприниматели создали крупное, образцовое производство (например, фабрика по производству макаронных изделий «Ролтон» в Серпухове). Однако большинство занято в сфере торговли и услуг, вывозя заработанный капитал на родину и нередко превращаясь в миллионеров.

(3) Наглядный пример расширения внешнеэкономических связей СРВ — заключение ССТ и создание ЗСТ с рядом соседних стран, вступление в ВТО (конец 2006 г.). Членство в ВТО, открытие внутреннего рынка — при неоднозначных последствиях этого шага для местных производителей и торговых сетей — привело в течение первых же 4 лет к удвоению объемов внешней торговли СРВ и росту в 3—4 раза притока прямых

инвестиций¹⁷. Так, переход к принципам свободной торговли с США позволил сторонам поднять товарооборот всего за 10 лет почти с нуля до 21,5 млрд долл. в 2011 г. Активное развитие прямой приграничной торговли и переход к расчетам в местной валюте наряду с формированием КАФТА сделали Китай первым торговым партнером СРВ (35,6 млрд долл. в 2011 г.)¹⁸.

В то же время товарооборот с РФ, хотя и растет, но крайне медленно — с 2008 г. он колеблется на уровне 2 млрд. В этой связи «медвежью услугу» оказывают попытки наших чиновников, а с их подачи СМИ, ряда экспертов любыми средствами «поднять» объем и темпы роста взаимной торговли, чтобы на этом обосновать возможность ее увеличения в 3—5 раз. Конечно, быстро растущий экспорт российских вооружений в СРВ — тоже торговля, но по мировым стандартам такие поставки не принято включать в статистику торговли гражданской продукцией. Вряд ли полезно выдавать желаемое за действительное и предаваться самообману.

Россия также намерена создать ЗСТ на базе Таможенного союза РФ—Беларуси—Казахстана с Новой Зеландией, ЕС и АСЕАН. Третий проект решено начать с Вьетнама и, хотя разговоры об этом ведутся уже три года, однако практического движения вперед не видно. Понятно, что это крупный новый для нашей стороны проект, причем дающий иностранному партнеру огромные выгоды при не вполне очевидном выигрыше для РФ. Но почему тогда не нашло никакого отклика наше предложение в форме эксперимента попытаться создать франко-порты (вариант СЭЗ) во вьетнамском порту Камрань и Советской гавани на Дальнем Востоке России с перспективой строительства туристической инфраструктуры, беспощинной торговли?

(4) Подъем экономики и уровня жизни населения Вьетнама обеспечен во многом вкладом большой эмигрантской общины (около 4,5 млн чел. или около 5 % всего населения, основная часть которых проживает в США и более 100 тысяч в РФ)¹⁹. Эти люди направляют растущий объем средств на помощь родственникам, в инвестиционные проекты, недвижимость. Хотя переводы от эмигрантов активно пополняют фонды развития мно-

гих стран, «вьеткиеу» ставят рекорды: их вклад достиг в 2012 г. 10 % ВВП (в среднем в «третьем мире» 2 %), превзошел суммарную помощь СРВ международных доноров (4 млрд долл.) и размер ежегодно освоенных ПИИ (в 2008—2011 гг. по 10—11 млрд долл.), по привлечению которых страна с учетом размеров ее экономики занимает лидирующие позиции в мире²⁰.

Казалось бы, видя какое значение имеет эта часть населения и для Вьетнама, и стран ее временного или постоянного проживания, российские власти могли бы использовать ее во взаимных интересах. Однако налицо тенденция прекращения ранее активного сотрудничества в этой сфере: вьетнамские мигранты выдавливаются из нашей страны, а организованные гастарбайтеры сюда не направляются. Автор делал на разных форумах, посвященных миграции в Россию, конкретные предложения о формах эффективного трудоустройства избыточной рабочей силы из Вьетнама в сибирском и дальневосточном регионах РФ, но тоже не услышал отклика.

Предпосылки и новая правовая база для приема вьетнамской рабочей силы созданы: в 2008 г. подписаны три соглашения, включая соглашение о реадмиссии, и они предусматривают временную трудовую миграцию в обе стороны. Однако в индивидуальном порядке или небольшими группами — для работы на частных предприятиях, фирмах — к нам въезжают единицы. Даже на строительство объектов к саммиту АТЭС—2012 во Владивостоке вьетнамцы не смогли направить большую партию рабочих, хотя пытались. Поэтому целесообразно рассмотреть возможность организованного набора и ввоза рабочей силы в рамках целевых программ, формирования таким образом новой модели трудового сотрудничества.

На наш взгляд, следовало бы опробовать создание крупных аграрных хозяйств на территории Сибири и Дальнего Востока России, которые испытывают острую нехватку рабочих рук, особенно в сельском хозяйстве, и могут производить дефицитную там продукцию на внутренний рынок и на экспорт, в т.ч. во Вьетнам (например, сою). Вьетнамских граждан должно заинтересовать предоставление в аренду больших земельных площадей в форме подряда на долгосрочной основе — это стимули-

ровало бы их личные инвестиции в производство, а возможно, вдобавок, и государственные. Позитивный опыт организации таких хозяйств в России уже получен при К. Илюмжинове в Калмыкии. Конечно, вопросы управления ими крайне важны и деликатны. С одной стороны, местные власти вправе сохранять над иностранным бизнесом контроль, препятствовать оттоку прибывших в сферу торговли, тем более их бегству в крупные города. С другой, — чтобы быть коммерчески выгодными мигрантам, притягательными, предприятия должны опираться на самоуправление и хозрасчет. Отдельно стоит вопрос о создании необходимой инфраструктуры для проживания и производства на «голом месте». Вьетнаму хочется, чтобы это сделала принимающая сторона, но от местных властей трудно ожидать больших затрат и серьезных усилий. России было бы выгодно обустроить новые поселки руками и на средства переселенцев, однако вряд ли такая перспектива для них привлекательна.

Вопрос о том, будет ли Россия принимать вьетнамскую рабочую силу организованно и в каких масштабах, еще более актуален с точки зрения нашего сотрудничества, даже помощи Вьетнаму, в более отдаленной перспективе, о которой тоже надо думать и уже сегодня. Международная специализированная организация, наблюдающая изменения климата на планете, прогнозирует этой стране крайне мрачное будущее. Последствиями глобального потепления во Вьетнаме могут быть подъем уровня Мирового океана за 30 лет на 1 м и температуры воздуха на 3 градуса. Это приведет к затоплению многих приморских районов, до 45 % сельскохозяйственных житниц и промышленных зон Вьетнама — дельты Красной реки на севере и Меконга на юге. Как следствие, не менее 11 % населения СРВ (есть оценки и вдвое выше — до 22 млн) будет вынуждена мигрировать в другие районы страны или за границу²¹ в поисках средств существования. В этой связи специалисты ожидают серьезных конфликтов с соседними Камбоджой и Лаосом, а может быть и с Китаем, что никак не будет способствовать миру и стабильности в ЮВА. РФ способна с пользой для себя поучаствовать в решении жизненно важной для нашего стратегического партнера проблемы.

Позитивные примеры и препятствия для выполнения бизнес-проектов

Передовые примеры показывают «флагманы» российского бизнеса. Во Вьетнаме с помощью СССР созданы основы современной промышленности, в российский период продолжено строительство разных электростанций («Технопромэкспорт», «Силовые машины»), начата добыча нефти и газа («Зарубежнефть», «Газпром»), ведется модернизации вооружений и систем управления, прежде всего ПВО и береговой охраны («Рособоронэкспорт»). Военные поставки, в т.ч. недавно инициированные проекты передачи новых технологий, налаживания сборки современной техники (корабельных ракет, беспилотных самолетов) помогают повышению производственного и технологического уровня вьетнамской экономики, подготовке кадров. С той или иной степенью успеха работают крупные СП с российским участием — «Вьетсовпетро» (нефтедобыча — лучшая по показателям в отрасли в ЮВА), «Вьетгазпром» (добыча газа), «Висорутекс» (производство каучука), «Сипримфико» (морской промысел и транспорт), Тропический центр (одно из немногих в мире научно-производственное учреждение биомедицины). Показателен опыт работы оператора мобильной связи «Вымпелком» и ряда других, также ведущих в своем бизнесе на рынке России ИТ-компаний типа Касперского, Абби Лингва. Характерно, что вслед за госкорпорациями в СРВ развернули работу крупные частные компании, например «ТНК-ВР», «Лукойл», пришли лидеры новых для Вьетнама сфер сотрудничества — «Росатом», «ОАК-Сухой» (новые гражданские самолеты) и ряд других. Хотя пока российские прямые инвестиции во вьетнамскую экономику невелики, возникший бум интереса наших мейджоров к этой стране способен увеличить приток капитала и бизнес РФ на вьетнамском рынке.

Как мы видим, самые крупные, рентабельные проекты осуществляются госкорпорациями, аффилированными с ними или получающими мощную господдержку частными компаниями. Мелкий и средний бизнес начал освоение вьетнамского рынка по мере роста потока российских туристов. Однако оборот и до-

ходы их бизнеса невелики, а доля наших инвестиций в общем потоке ПИИ стагнирует, если не падает. Такое положение при известном значении мелких и средних предприятий для развития рыночной экономики нельзя признать нормальным, более того оно сильно сдерживает расширение двустороннего сотрудничества. Они, ввиду своей слабости и отсутствия господдержки, не смогут обеспечить серьезный прирост товарооборота, инвестиций. Поэтому основную роль будут и дальше играть крупный капитал и стратегические альянсы на уровне крупных компаний.

Вьетнамские компании расширили свое присутствие на российском рынке, прежде всего, в капиталоемкой добыче природных ресурсов. Это — следствие начала экспорта капитала из СРВ, истощения нефтяных запасов, перехода на равноправные условия работы партнеров двух стран. Успешно начали работать два СП, созданные 2—3 года назад на паритетных началах: «Рус-вьетпетро» («Зарубежнефть» с «Петровьетнам») и «Газпромвьет» («Газпром» с «Петровьетнам»). Они ведут добычу углеводородов и готовятся к строительству НПЗ для экспорта топлива и другой готовой продукции во Вьетнам.

Интересы Вьетнама на российском рынке в основном тоже продвигают крупные государственные корпорации, которые получают для открытия бизнеса — обычно проектов стратегического значения — нужный капитал и специалистов, поддержку «вертикали власти». Частные компании, даже крупные, редко проявляют готовность нести соответствующие затраты и риски. Средние компании, если идут на это, то чаще организуют «теневой» бизнес, чтобы минимизировать свои риски и увеличить доходы (пример — распространение подпольного производства, использующего рабский труд незаконных мигрантов). Фактически основными агентами выступают осевшие в России рабочие, накопившие достаточный капитал, знания и связи, чтобы конкурировать с местными предпринимателями, «крышами», противостоять госаппарату контроля и управления. Ряд из них, наиболее успешные, перенесли свою деятельность обратно на родину, зачастую под видом российского капитала, или легализовали ее в России под видом структур, обслуживающих госу-

дарство. Так сделала компания «Инсентра» в Москве, завершая постройку Ханойского делового и культурного центра с гостиницей и торговым комплексом.

При оценке состояния и перспектив активности бизнеса России и СРВ на рынках друг друга следует учитывать и *сдерживающие моменты*.

Во-первых, реальные возможности для этого ограничены системными препятствиями — высокими торговыми издержками, связанными с доставкой товаров, выполнением необходимых таможенных процедур, неразвитостью финансового сопровождения внешнеторговых сделок и пр. Это по силам в основном крупным компаниям, однако они, как правило, избегают лишних затрат, многие не хотят начинать бизнес, если он не сулит минимум 100%-ной прибыли и не опирается на помощь властей. Другим распространенным подходом, ущербным для отечественной экономики — является всемерная минимизация издержек. Российские предприниматели зачастую работают через оффшорные компании, передавая им экспортную продукцию по внутрифирменным ценам и не платя налогов в свою казну. Типичным примером выступает поставка металлов и удобрений в СРВ, например через Сингапур, что «изымает» их из экспорта России и ведет к расхождению в оценках местной и нашей статистикой двустороннего товарооборота. При реализации инвестиционных проектов крупный бизнес нередко экономит на мелочах типа премиальных для местных агентов влияния, вызывая срыв или задержку освоения больших средств.

Во-вторых, продвижению своих интересов на чужом рынке, особенно у российских компаний, мешают слабая подготовка и организация дела. Они зачастую не знают практически ничего о будущих партнерах (и неверно их выбирают), специфике их законодательства, бизнес этике и пр. На решение подобного рода вопросов требуются дополнительные финансовые средства — причем, очень немалые. К тому же российские бизнесмены, как правило, игнорируют опыт западных инвесторов, облегчающих себе вход на местный рынок через заранее созданные компаниями восточных стран «эмбрионы» или покупку вьетнамских фирм.

Типичной ошибкой является организация сборки и поставка продукции без создания сети ее технического обслуживания и затрат на массовую рекламу. Даже при наличии ниши на местном рынке здесь не смогли закрепиться КАМАЗ, УАЗ и ряд других автозаводов.

Имеет место легковесный и непоследовательный подход российских компаний к сотрудничеству. Например, не столь уж редки случаи, когда Россия предлагает технологии или продукты, которые еще не доработаны до конца или не тестировались. Также встречается неверная оценка эффективности проектов, ошибки в расчетах даже со стороны компаний, успешно работающих на местном рынке в других сферах (вспомним роспуск СП «Вьетрос» и отказ от строительства первого во Вьетнаме НПЗ, начатого «Зарубежнефтью»). Некоторые авторитетные компании не могут начать или вести перспективные проекты ввиду отсутствия либо нехватки финансирования. Показательны в этом плане неудачи Мосметростроя во Вьетнаме. По той же причине был близок к срыву проект сооружения первой АЭС, но «Росатом» смог получить беспрецедентный госкредит под эту программу (на 8 млрд долл. со ставкой 3 % годовых на 20 лет). Очевидно значение кредитного компонента для внедрения на рынок СРВ.

Допускаются и необоснованно завышенные требования с российской стороны — например, российский алюминиевый гигант «РУСАЛ» поставил вьетнамским хозяевам условие, что сам выберет и определит размеры участков для добычи бокситов и будет их осваивать, только если получит право построить там глиноземный комбинат и т. д.

Слабой остается координация действий российских структур в стране приложения капитала между частным бизнесом и представителями государственных ведомств в лице, например, посольств. Наши деловые круги не видят в этой координации особой необходимости, считая ее излишней и полагая, что если есть деньги, то все проблемы решатся и без нее. От посольства же они ожидают не столько реальной помощи, сколько «доглядывания» за сотрудниками и тому подобного. Со своей стороны, посольства РФ зачастую склонны думать, что частный биз-

нес нажил свои состояния нечестным путем, и поэтому иметь с ним какие-то дела не нужно.

Новым источником трудностей для развертывания бизнеса за рубежом стал мировой финансовый кризис, последствия которого с 2009 г. ощутимо сказываются в России. Некоторые наши крупные компании не смогли продолжить начатые проекты. Это тот же «РУСАЛ» и «Миракс Групп» (строительство отелей), ряд туроператоров (например, «Ланта Тур»). Даже успешно работавшие на вьетнамском рынке компании не выдерживают конкуренции или упорно не соблюдают правил «честной игры». Подрывая тем самым бизнес местных лидеров, они становятся «персонами нон грата». Такова участь «Вымпелкома», а в части конкуренции — «Силовых машин».

Имели место случаи, когда российские участники наиболее крупных, привлекательных для иностранных конкурентов проектов, становятся жертвой геополитической «игры интересов» и борьбы местных кланов. Яркий образец — лишение победы в тендере на осуществление вьетнамской спутниковой программы «ВИНАСАТ» российского НПО Решетнёва и передача этого проекта американской «Локхид-Мартин». Менее известный, но столь же экономически и политически весомый эпизод — де-факто отказ СРВ от печати бумажных купюр (донгов) в России в связи с переходом на пластиковые деньги австралийского производства. Надо оговориться, что оба эти события произошли 10 лет назад, сопровождаясь коррупционными скандалами, шумными отставками в высших эшелонах вьетнамской власти.

Характерна также ситуация, когда сферы преобладания наших фирм, освоенные в советское время, оказались заброшены и забыты, так как у наследников советских монополий появились другие приоритеты или были утрачены прежние возможности. Непонятно, например, почему оказав помощь СРВ в восстановлении железнодорожного сообщения в конце 70-х годов, наша страна даже не пытается работать в этой сфере сегодня, притом РЖД осуществляла крайне рискованный проект и понесла огромные потери в Ливии. То же можно сказать и о поставках самолетной и вертолетной техники (гражданской).

Из данного раздела можно сделать следующие выводы. Российскому бизнесу, в т.ч. крупному, мешает низкая конкурентоспособность и культура бизнеса, недостаток опыта и знаний. С повышением рыночной зрелости они появятся, но должно пройти немало времени (десятилетия). Для расширения возможностей частных предпринимателей, особенно мелких, необходимо увеличить государственную помощь им, наладить работу в формате ГЧП. Для деятельности и инвестиций вьетнамских компаний в РФ необходимо создать благоприятные условия на уровне региональных и мировых стандартов, в частности на основе соглашения о свободной торговле нового поколения. Мелких же предпринимателей надо активнее переориентировать на сферу производства и строительства, вытесняя из розничной торговли.

Объективно активизация российского бизнеса в СРВ сдерживается узким профилем его хозяйственных операций, часто не отвечающим нуждам местного рынка. В основном реализуются наше сырье и продукция первичного передела промышленности, что отдаляет перевод экономики РФ на инновационные рельсы. Машины и оборудование, которые раньше составляли основу российского экспорта, не выпускаются или потеряли конкурентоспособность. Новые виды продукции продвигаются слабо, сборочное производство из наших компонентов не практикуется, как делает Китай со своими партнерами. Вьетнам, в свою очередь, не всегда может предложить на конкурентной основе такие продукцию и услуги, которые дефицитны на нашем рынке.

Для преодоления технических и системных ограничений, препятствий, мешающих поднять уровень и объемы взаимного сотрудничества, нужны комплексные и затратные меры, нацеленные не на достижение быстрого эффекта, а ориентированные на долгосрочную стратегическую перспективу.

Подводя самый *общий итог*, можно сказать, что бурное развитие экономики СРВ создало благоприятные и весьма разнообразные условия для расширения двустороннего сотрудничества, которыми надо активнее пользоваться обеим сторонам, особенно российской.

Примечания

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках гранта РГНФ 12-21-09000.

² В 2009 г. он классифицирован Всемирным банком 56-м по размеру ВВП по обменному курсу и 44-м в расчете по ППС: World Development Indicators 2009.Wash. The World Bank. 2009. P.45; UNDP, Human Development Report 2011. Sustainability and Equity: A Better Future for All. P.129. URL: <http://hdr.undp.org>.

³ Стратегия социально-экономического развития страны в 2011—2020 гг. // Материалы XI съезда КПВ. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 129. Если исходить из запланированного душевого дохода (3000 долл. по обменному курсу, то при 100 млн населении ВВП составит 300 млрд долл., выведя СРВ в среднюю «весовую» категорию.

⁴ Осторожность в оценках определяется низким вкладом вьетнамской экономики в производство мирового ВВП (в 2010 г. примерно 0,2 %), глобальный экспорт (0,4 %).

⁵ Vietnam Statistical Yearbook 2004. Hanoi, 2005. P.70—71; 2009 (2010). P.84—85; World Development Indicators 2009.Wash. The World Bank. 2009. P.45.

⁶ Tăng trưởng kinh tế Việt Nam: Những rào cản cần phải vượt qua. Nguyễn Văn Thường chủ biên. Hà Nội, 2005. Tr.14, 17—18; Vietnam Statistical Yearbook 2005. Hanoi, 2006. P.641.

⁷ В 1986—1997 гг. душевой доход рос в постоянных ценах на 5,1 % в год, в 1998—2009 гг. на 5,6 %, т.е. с ускорением. См.: UNDP, Human Development Report, 2007/2008 NY, 2007. P. 230; World Development Indicators 2009. P. 40; 2011. P. 233; Vietnam Competitiveness Report 2010. CIEM-NUS. Porter M.E. ed. Hanoi, 2010. Tr. 28.

⁸ Именно такой показатель обосновывали ведущие экономисты СРВ в период выработки проекта Стратегии социально-экономического развития страны до 2020 г., что важно на фоне известной стагнации этого сектора в годы реформ (при доле в ВВП не выше 40 %).

⁹ Vietnam Statistical Yearbook 2011. Op. cit. Tr.61, 324.

¹⁰ См.: Tốc độ và chất lượng tăng trưởng kinh tế ở Việt Nam. Nguyễn Văn Nam, Trần Thế Đạt chủ biên. NXB Đại học kinh tế quốc dân. Hà Nội, 2006. Tr. 261.

¹¹ Высокотехнологичная продукция в экспорте достигла 11 %, число пользователей Интернет выросло за 2007—2010 гг. с 19 до 35 % на-

селения, уровень проникновения мобильной связи с 27 до 78 %, проведена компьютеризация госучреждений, созданы парки высоких технологий. См.: Phát triển kinh tế tri thức. Op. cit. Tr. 204—211.

¹² В 2003 г. на весь Вьетнама было зарегистрировано 69 патентов в национальной системе и 2 в международной (WIPO). См.: Phát triển kinh tế tri thức. Op. cit. Tr. 198, 204.

¹³ Это направление признается вьетнамскими экономистами приоритетным. См.: Đỗ Hoài Nam, Trần Đình Thiên. Mô hình công nghiệp hóa hiện đại hóa theo định hướng xã hội chủ nghĩa ở Việt Nam. Hà Nội, 2009. Tr.63; Phát triển kinh tế tri thức gắn với quá trình công nghiệp hóa, hiện đại hóa ở Việt Nam. Đặng Hữu chủ biên. Hà Nội, 2009. Tr.290

¹⁴ Statistical Yearbook of Vietnam, 2001; 2009. Op. cit. P.453; World Investment Report 2007. NY, 2007. P. 259; World Development Indicators 2008. Op. cit. P.16.

¹⁵ Включая 919 млн долл. ПИИ, зарегистрированных с 1988 по конец 2011 гг. и свыше 1 млрд (по нашей оценке) инвестиций в рамках межправительственных соглашений. См.: Statistical Yearbook of Vietnam 2011. Op. cit. P.167—168.

¹⁶ Statistical Yearbook of Vietnam, 2007. P. 116; 2011. P. 176.

¹⁷ Расчет автора по: Statistical Yearbook of Vietnam, 2001—2010.

¹⁸ Statistical Yearbook of Vietnam, 2011. P. 493—494, 499—501.

¹⁹ Вьетнамские эмигранты отправили на родину в 2012 г. 10 млрд долл.: URL: <http://telegraf.com.ua/biznes/finansyi> — 20.02.2013.

²⁰ По накопленным за 25 лет реформ зарегистрированным ПИИ Вьетнам почти в 10 раз опередил Китай (первого этапа реформ) на душу населения: 2273 долл. против 250 долл. Переводы от вьеткиев выросли за последние 5 лет с 7 до 12 млрд долл.. См.: ibid.; Tăng trưởng và công nghiệp hóa hiện đại hóa ở Việt Nam. Võ Trí Thành chủ biên. Hà Nội, 2007. P. 232, 236; UNCTAD. Development and Globalization: Facts and Figures. NY, 2008. P. 35; Vietnam: Selected Issues. IMF Country Report 2006. Wash., 2006. Statistical Yearbook of Vietnam 1999. Hanoi, 2000. P. 389; 2007. Hanoi, 2008. P. 39, 103.

²¹ Thayer Carlyle A. Vietnam and the impact of climate change // Climate change and national security. A country-level analysis. Edited by Daniel Moran. New York, 2009. P. 50—54.

С.В. Рязанцев, Е.Е. Письменная

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ВЬЕТНАМЦЕВ В РОССИЮ: ТЕНДЕНЦИИ И ПОТЕНЦИАЛ

В статье рассматриваются история и современные тенденции образовательной и возможности трудовой миграции из Вьетнама в Россию. Дана оценка миграционному потенциалу вьетнамцев для обучения и работы в России. Анализ проведен на основе социологического опроса 300 вьетнамцев, обучавшихся и работавших в Советском Союзе и России, который был организован в северных провинциях Вьетнама в 2009 г.

Традиционно Вьетнам был важным миграционным партнером России в области *образовательной миграции*. Сейчас он стоит на четвертом месте в списке стран-поставщиков учебных мигрантов для российских вузов. Вьетнамцы начали приезжать в Советский Союз в 1920-е годы. Это были революционеры, учившиеся с 1924 г. в Коммунистическом университете трудящихся Востока и других учебных заведениях. Всего до конца 1930-х годов в СССР прошли обучение около 70 вьетнамцев, среди которых был и «вождь вьетнамской революции», первый президент Вьетнама Хо Ши Мин. Из тех немногих вьетнамцев, оставшихся в России к началу Великой Отечественной войны, большая часть погибла в битве за Москву, вступив добровольцами в Красную армию. С момента установления в 1950 г. дипломати-

ческих отношений с Демократической Республикой Вьетнам в СССР снова начали приезжать вьетнамские студенты.

Между правительствами СССР и Вьетнама 10 февраля 1978 г. было подписано специальное Соглашение о сотрудничестве в этой сфере. Накануне распада СССР в стране обучалось почти 7 тысяч вьетнамских студентов. За пятьдесят лет сотрудничества вузы СССР и России подготовили более 70 тыс. вьетнамских специалистов, из них более 30 тыс. получили высшее образование, 3 тысячи стали кандидатами наук, 200 человек получили степень доктора наук. Сейчас многие из них занимают высокие посты в правительстве, возглавляют научные институты, работают в вузах, государственных учреждениях, компаниях. Кроме того, подготовлено около 48 тысяч высококвалифицированных рабочих и техников для промышленных предприятий. Во Вьетнаме при содействии СССР было введено в строй 5 учебных заведений, в т.ч. Ханойский политехнический институт. Кадры были необходимы, прежде всего, для построенных с советской помощью народнохозяйственных объектов: 12 в сфере энергетики, 4 — горной промышленности, 13 — машиностроения и металлообработки и более 50 в химической, нефтяной, строительной, пищевой промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте и связи¹.

Распад Советского Союза отдалил Россию от Вьетнама, охладели отношения на политическом уровне, были утрачены связи между учебными и научными учреждениями, как следствие сократился поток учебных мигрантов в Россию. Негативную лепту внесло сокращение возможностей обучения вьетнамцев русскому языку во Вьетнаме. Туда прекратились поставки русских книг, выделяются ничтожные средства на культурные мероприятия, практически отсутствуют гранты на стажировки и обучение. В итоге, потоки учебных мигрантов из Вьетнама переориентировались на Запад, в Японию и Австралию. По данным ЮНЕСКО за пределами Вьетнама в 2005 г. учились 15,8 тыс. граждан Вьетнама, что составляло около 2 % всех студентов в стране. По данным национальной статистики за рубежом учились свыше 25 тыс. человек. Главным образом вьетнам-

ские студенты направлялись на учебу в США, Францию, Австралию, Германию и Японию².

Опрос, проведенный во Вьетнаме в 2009 г. среди 300 вьетнамцев учившихся или работавших в Советском Союзе и России в разное время, показал, что третья часть из них хотела бы обучать своих детей в США, около 20 % — в Великобритании, 17 % — в Австралии. Россия в этом рейтинге стоит только на 10-м месте (рис. 1). Установки вьетнамцев на возможность обучения своих детей в России также довольно ограничены. Половина респондентов заявила о том, что ни при каких условиях они не хотят, чтобы их дети учились в России (рис. 2).

Главные проблемы столь кардинальных и негативных изменений для России имеют две причины. Первая, и главная, причина заключается в том, что страны, привлекающие вьетнамцев на обучение, проводят активную политику, направленную на привлечение учебных мигрантов. Они работают через систему фондов, продвижения языка, выдают гранты, рассматривают политику привлечения иностранных студентов в качестве приоритета. Россия ничего подобного не делает. По сути, мы проиграли

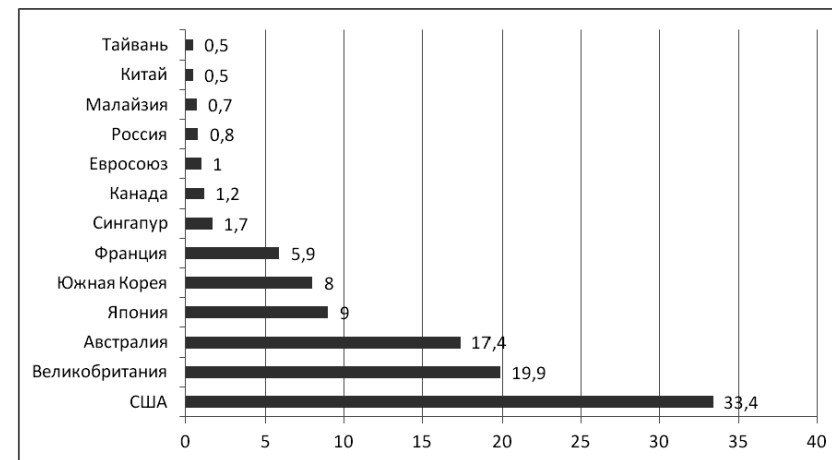

Рис. 1. Распределение вьетнамских респондентов по потенциальным странам обучения детей, %

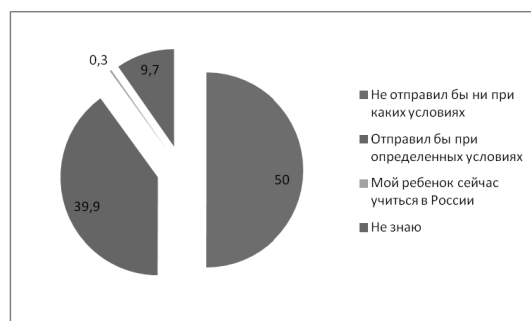

Рис. 2. Распределение вьетнамских респондентов по желанию обучать своих детей в вузах России, %

в конкурентной борьбе на вьетнамском образовательном рынке, не пытаясь вкладывать в эту конкурентную борьбу ничего после распада СССР. Показательно, что в 2007 г. на основе межвузовских соглашений было выделено всего 210 мест для вьетнамских студентов в российских вузах. Конечно, это не единственный канал привлечения студентов из Вьетнама. Есть еще Соглашение между правительствами России и Вьетнама об обучении вьетнамских граждан в вузах России от 9 июля 2002 г. (оплата обучения осуществляется в рамках программы «долг—помощь»). Некоторые студенты обучаются за счет средств правительства Вьетнама, вьетнамских компаний и семей³. Но этого явно недостаточно, а главное нет четко сформированной политики в этом отношении.

Многие родители во Вьетнаме рассматривают обучение, как канал закрепления детей за границей на постоянное место жительства. Об этом сказали 33 % опрошенных нами лиц. Кроме того, широкое распространение английского языка через систему бесплатных и платных курсов, школ, программ привело к тому, что знание английского языка теперь влияет на формирование миграционных потоков. Около 32 % респондентов сказали, что оправят детей в университет в ту страну, язык которой ребенок учил в школе. Наконец, 13 % респондентов отмечали эффект рекламы о возможностях обучения в тех или иных странах, а 12 % — качество обучения (рис. 3).

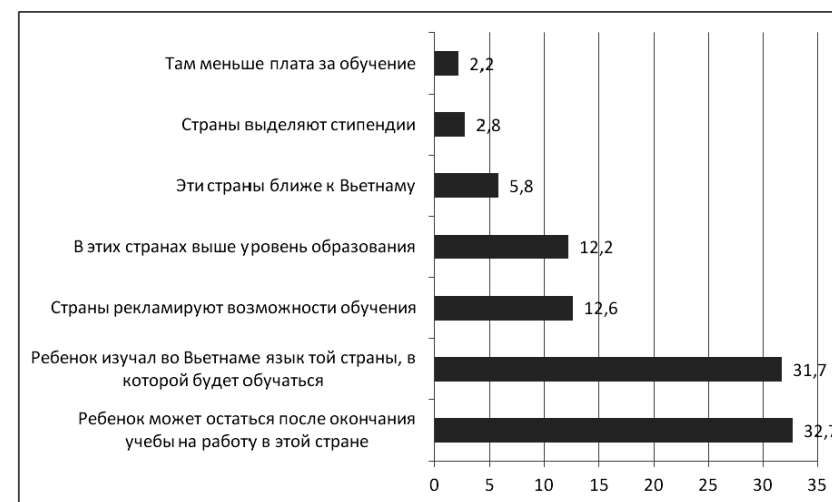

Рис. 3. Распределение вьетнамских респондентов по причинам выбора той или иной страны для обучения своих детей, %

Вторая причина нежелания вьетнамцев посылать в Россию учиться своих детей — ситуация в самой России. Более 42 % вьетнамских респондентов уверено, что в России опасно жить (рис. 4). Весьма показательно по этому поводу высказался вице-президент вьетнамского землячества в России Ле Динь Ву в одном интервью: «Скинхеды омрачают возможности экспорта российского образования. Многие вьетнамские родители отзывают своих детей из России и отправляют обучаться в Австралию, хотя это и дороже. Сейчас у нас есть выбор, где обучать детей: в России, Европе, Америке или Австралии. Однако если специалист получил высшее образование в России, он навсегда становится поклонником русской культуры, науки, промышленности. Создайте спокойную атмосферу, и в России будут те же 15 тыс. вьетнамских студентов, как в Австралии, а то и больше. Симпатии вьетнамцев к русским велики, и не стоит сбрасывать это со счетов»⁴.

Между тем, во Вьетнаме существует огромный потенциал вьетнамской образовательной миграции. Численность молоде-

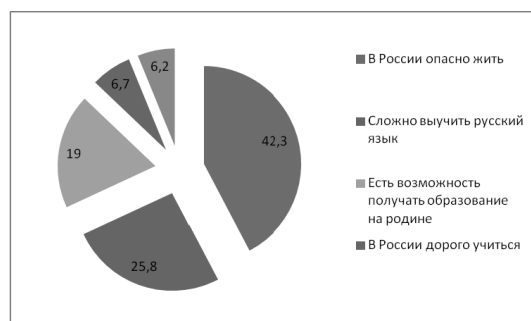

Рис. 4. Распределение вьетнамских респондентов по причинам отсутствия желания обучать детей в вузах России, %

жи, ежегодно нуждающейся в профессиональном обучении и повышении квалификации, в стране составляет 800 тыс. человек⁵.

В ходе исследования мы попытались дать примерную оценку потенциалу *миграции рабочей силы* из обследованных регионов СРВ, в том числе тому, что ориентирован на Россию. Отметим, что численность населения Вьетнама между 1980 и 2009 годами увеличилась практически на 33 млн человек и составила 86 млн. В течение рассматриваемого периода наблюдались разные темпы прироста населения страны, но самый большой показатель был зарегистрирован в 2005 г. — более 2 млн человек. Возрастной состав населения страны за последние годы изменился в сторону сокращения доли детей и увеличения доли граждан трудоспособного и пенсионного возраста. Численность населения трудоспособного возраста составила в СРВ около 58 млн человек или 67,9 % населения страны⁶. Поскольку подробная статистика по населению провинций труднодоступна, мы опирались на приведенные выше общие пропорции при расчете численности трудоспособного населения в изучаемых провинциях.

Оценка миграционного потенциала была произведена на основе данных опроса, проведенного в 2009 г. и некоторых статистических данных, которые носят весьма ограниченный характер⁷. На первом этапе мы рассчитали примерную численность населения, имевшего опыт работы и учебы за границей.

Она составила 12,5 % численности трудоспособного населения. Далее, в ходе нашего опроса 35,7 % респондентов сказали, что хотят работать за рубежом в различных государствах. Россия, к сожалению, не занимает весомого места в числе наиболее значимых стран для них. Желают работать в России только 3,3 % наших респондентов. На этой основе были получены следующие данные (табл. 1).

Таблица 1. Оценка миграционного потенциала провинций Вьетнама, тыс. человек

Город, провинция	Общая численность населения	Численность населения трудоспособного возраста	Население с опытом миграции за рубеж	Миграционный потенциал работы и учебы за границей	В т.ч. для России
Вьетнам	86 024,6	57 917,0	7239,6	2584,5	85,3
Ханой	6472,2	4394,6	549,3	196,1	6,4
Бакнинь	1026,7	697,1	87,1	31,1	1,0
Виньфук	1003,0	681,0	85,1	30,4	1,0
Тхайбинь	1784,0	1211,3	151,4	54,1	1,8
Намдинь	1826,3	1240,1	155,0	55,3	1,8
Хайфон	1841,7	1250,5	156,3	55,8	1,8
Хайзыонг	1706,8	1158,9	144,9	51,7	1,7
Бакзянг	1560,2	1059,4	132,4	47,3	1,6
Хоабинь	789,0	535,7	67,0	23,9	0,8
Тханьхоа	3405,0	2312,0	289,0	103,2	3,4
Хатэй	1230,3	835,4	104,4	37,3	1,2
Всего в изучаемых провинциях	22 645,2	16 211,5	2026,4	723,4	23,9

Население Вьетнама отличается молодой половозрастной структурой, которая представляет хорошую основу для экспорта трудовых ресурсов и учебных мигрантов. Наши расчеты показывают, что миграционный потенциал в этом плане — на момент проведения исследования — составлял примерно 2,6 млн чело-

век. В изучаемых провинциях он достигал порядка 720 тыс. человек, в том числе около 200 тыс. в столице Вьетнама — городе Ханое. Именно столько вьетнамцев потенциально могут быть трудовыми и учебными мигрантами. Однако реализация миграционных установок будет зависеть от целого ряда факторов как в самом Вьетнаме, так и в принимающих странах. Прежде всего, вьетнамская экономика в настоящее время активно развивается и поглощает значительную часть трудовых ресурсов. А страны, которые привлекают трудовых мигрантов из Вьетнама, имеют разные экономические и политические приоритеты, которые могут меняться. Кроме того, многое зависит от миграционной политики принимающей страны, от активности государственных структур, компаний, частных агентств занятости.

Наши расчеты показывают, что во Вьетнаме миграционный потенциал, ориентированный именно на Россию, может составлять 85,3 тыс. человек. В изучаемых провинциях он был равен 23,9 тыс. человек, в том числе 6,4 тыс. в Ханое. Численность уже работающих и учащихся у нас вьетнамцев составляет около 99 тыс. человек. Большинство из них занимается оптовой и розничной торговлей, в основном в крупных городах. Медленно растет занятость в строительстве, легкой промышленности, сельском хозяйстве, ресторанном бизнесе. Многие вьетнамцы открыли собственное производство, услуги или работают в компаниях России. Хотя в последние годы отряд вьетнамских рабочих в России увеличился, они сталкиваются с серьезными препятствиями в получении разрешений на работу, вынуждены тратить на это продолжительное время, преодолевать бюрократические барьеры и коррупцию.

Потенциал приема вьетнамских мигрантов Россией при ее нынешней миграционной политике близок к исчерпанию. Имеется в виду, что мы не сможем принять больше вьетнамцев, чем есть сейчас при современном подходе к регулированию миграции из Вьетнама, состоянии рынка труда и системы образования. Без концептуального изменения миграционной политики в отношении Вьетнама, без перехода к активному формированию миграционного потенциала, ориентированного именно на Россию, мы не сможем получить новых вьетнамских мигрантов.

При этом признаем, прежде всего, что вьетнамская миграция нужна для некоторых отраслей экономики России; она гораздо эффективнее и выгоднее с экономической и политической точек зрения, чем, например, китайская миграция. На уровне миграционной политики необходимо выделение Вьетнаму отдельных квот по отраслям и регионам России, где труд вьетнамских рабочих необходим и экономически обоснован. Учитывая дальность расстояния от СРВ до России и более стабильные миграционные установки вьетнамцев, с ними нужно заключать долгосрочные контракты и выдавать рабочие визы на более длительные сроки — например, на 3—4 года (в настоящее время максимальный срок составляет 1 год). Требуется развитие сети фирм и учреждений, которые будут готовить трудовых мигрантов во Вьетнаме, еще до их миграции в Россию. Хорошо бы организовать обучение русскому языку и основам культуры во Вьетнаме, что позволит подготовить трудовых мигрантов к жизни в России и сформирует потоки учебных мигрантов. Немаловажным направлением работы должна стать активизация деятельности в вопросах рекрутинга учебных мигрантов в Россию. Нужно восстановить утраченные научные и образовательные связи, необходимо открывать курсы русского языка, распространять литературу, информацию о российских вузах, требуется выделить достаточно количество стипендий и грантов для студентов из Вьетнама.

Только такие решительные меры позволят повысить миграционный поток из Вьетнама для России. В противном случае мы будем довольствоваться тем числом трудовых и учебных мигрантов, которые сейчас здесь находятся с некоторыми, несущественными, изменениями в пределах статистической погрешности.

Примечания

¹ Кузнецов Н.Г. Интеграция вьетнамских мигрантов в российское общество // Миграция между Россией и Вьетнамом: история, современные тенденции и роль в социально-экономическом развитии стран. — Материалы международной научно-практической конферен-

ции 29 ноября 2007 г. / под ред. С.В. Рязанцева. ИСПИ РАН, РУДН. М.: МАКС Пресс. С. 101.

² *Письменная Е.Е.* Учебная иммиграция в Россию: современные тенденции. М.: Экономическое образование, 2008. С. 88.

³ *Рязанцев С.В., Кузнецов Н.Г.* Миграция из Вьетнама в Россию: тенденции и регулирование // Миграция в современной России: состояние, проблемы, тенденции. Сборник научных статей / под общ. ред. К.О. Ромодановского, М.Л. Тюркина. М.: ФМС России, 2009. С. 242.

⁴ *Ле Динь Ву.* Дело пойдет // Конкуренция и рынок. № 30. Июнь 2006. С. 85.

⁵ *Письменная Е.Е.* Социальные эффекты учебной миграции и политика в сфере привлечения иностранных студентов в России и за рубежом. М.: Экономическое образование, 2009. С. 64.

⁶ Statistical Yearbook of Vietnam 2009. Hanoi, 2010. P. 39; Tổng điều tra dân số và nhà ở Việt Nam năm 2009: Các kết quả chủ yếu. URL: <http://www.gso.gov.vn/default.aspx?tabid=512&idmid=5&ItemID=9812>. 21.11.2011. P. 41—43.

⁷ Statistical Yearbook of Vietnam 2009. Hanoi, 2012. P. 29—30.

Часть вторая

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Г.М. Локшин

ПОЛИТИКА РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЮВА И АТР

Процессы переформатирования архитектуры безопасности в Юго-Восточной Азии, как и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе, развиваются весьма быстро. Это предъявляет ко всем странам региона очень высокие требования. Надо реагировать на меняющуюся ситуацию, вырабатывать адекватные средства решения многочисленных проблем.

В возникающей системе новых международных военно-политических и экономических координат в АТР свое место, хоть и с опозданием, но все более активно ищет и Россия. При этом она, с одной стороны, преодолевает исторически сложившийся крен в своей внешней политике в сторону США и Западной Европы, а с другой — на здоровой политической и экономической основе успешно развивает отношения не только с Китаем, но и со всеми другими странами Восточной и Юго-Восточной Азии.

1. Геополитические и стратегические интересы России в зоне Южно-Китайского моря (ЮКМ)

Все государства, и в особенности прибрежные, в полной мере несут ответственность за поддержание мира, обеспечение стабильности и развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Эту ответственность разделяет и Российская Федерация как крупнейшая тихоокеанская держава.

Южно-Китайское море относительно далеко от границ России, и, казалось бы, развитие событий там должно находиться на периферии ее интересов. Но это не так. Зона ЮКМ имеет существенное стратегическое значение для России, как и для других держав АТР. Как крупнейшая тихоокеанская морская держава, Россия не менее других стран заинтересована в обеспечении здесь стабильности, мира и безопасности, свободы судоходства и морских коммуникаций. Через ЮКМ проходит немалая часть российской внешней торговли и важнейший путь снабжения дальневосточных районов нашей страны. Понятно, что еще более весомые стратегические интересы имеет здесь Китай.

Активное участие в региональном сотрудничестве в АТР, как и неотложные меры по модернизации и подъему экономики Восточной Сибири и Дальнего Востока, — это непереносимое условие решения важной общегосударственной задачи — обеспечения безопасности и территориальной целостности России, недопущения новой войны на Дальнем Востоке, содействия процессам мирного урегулирования существующих там проблем и конфликтов.

Россия была и остается гигантской азиатской державой с достаточно большой экономической и военной мощью. Именно азиатской — на три четверти, если смотреть по территории, — и имеющей огромное тихоокеанское побережье. Здесь проживают более 30 миллионов российских граждан, сосредоточено от 60 до 80 % запасов стратегически важных ресурсов мирового значения — от леса, пресной воды, цветных и редких металлов до нефти, газа, каменного угля, золота, алмазов и многих других богатств. АТР представляет для России сферу жизненно важных интересов, занимая все более высокое место в иерархии ее внешнеполитических приоритетов.

В китайско-американском соперничестве за доминирование в ЮКМ Россия в качестве активного игрока пока не просматривается. США в контексте своей новой азиатской политики как будто не видят Россию на карте вообще. Ее не видно ни в опубликованной в 2011 году программной статье Х. Клинтон, о ней ни разу не упомянул в своих выступлениях и президент США Б. Обама во время турне по странам региона в ноябре того же года. И это не только странно, но и недальновидно.

Китай, похоже, тоже сделал свои выводы из событий в России и ошибок, допущенных российским руководством в 90-е годы, превративших ее в страну, демографически слабеющую, экономически развивающуюся однобоко и нединамично, по крайней мере, по сравнению с Китаем, и в общем утрачивающую свои позиции в Азии.

Чтобы переломить эту тенденцию, надо было радикально изменить политику, сделать так, чтобы Россию не рассматривали в Азии как угасающую силу. С начала XXI века российским руководством предпринимаются для этого значительные усилия по всем направлениям. Остается, однако, еще ждать, когда они принесут ощутимые плоды, и в результате изменится создавшаяся крайне неблагоприятная для нас картина.

В последнее время на этом важнейшем направлении внешней политики отмечены некоторые существенные достижения — в 2010 г. Россия стала полноправным участником механизма Восточноазиатских саммитов, присоединилась к диалоговому межрегиональному форуму АСЕАН—Европа (АСЕМ), активно работает в диалоговом формате совещаний министров обороны государств АСЕАН и их внешних партнеров (АДММ+8). Одной из важнейших многосторонних встреч в 2012 году в регионе стал саммит АТЭС во Владивостоке, который Россия провела в качестве председателя форума.

Все чаще начал показывать свой флаг в регионе и Тихоокеанский флот России. В январе—феврале 2012 г. отряд российских военных кораблей в составе противолодочного ракетного крейсера «Адмирал Пантелеев» и двух сопровождающих кораблей посетил Индонезию и Филиппины. И это было первое посещение Филиппин российскими военными кораблями почти

за 100 последних лет. Многие иностранные наблюдатели обратили на этот визит особое внимание, связав его с решением России выделить 678 млрд долл. на модернизацию своих вооруженных сил до 2020 г., из которых почти четверть предназначена для ТОФ. В 2010 г. Вьетнам открыл свои порты для обслуживания и текущего ремонта иностранных судов, включая и хорошо знакомый российским морякам порт в бухте Камрань. С этого времени туда нередко заходят и российские военные корабли, направляющиеся на патрулирование у берегов Сомали. Это создает благоприятные условия и для военного присутствия России в регионе ЮВА.

2. Россия — АСЕАН: отношения сотрудничества и партнерства

Какие тенденции возобладают в АТР, как они будут соотноситься с национальными интересами нашей страны, в немалой степени зависит от того, как будут складываться отношения между Россией и АСЕАН. Россию уже многие годы связывают прочные отношения доверия и взаимопонимания со странами АСЕАН. Между ними нет никаких политических противоречий. Напротив, наша страна неизменно и последовательно поддерживает усилия АСЕАН по превращению ЮВА в «регион прочного мира, стабильности и устойчивого экономического развития», как это записано в Хартии АСЕАН, принятой в 2008 году. По всем главным проблемам мирового развития позиции России и АСЕАН совпадают либо очень близки. В памяти народов Вьетнама, Лаоса, Камбоджи, Индонезии и других сохраняются чувства признательности за большую помощь, оказанную им в годы национально-освободительной борьбы.

Понятно, что Россия сегодня — далеко не самый крупный и влиятельный игрок в данном регионе. На этот счет не приходится строить иллюзий. Торгово-экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество России со странами АСЕАН еще далеко от потенциальных возможностей и оставляет желать много лучшего. Россия не входит в число главных торго-

вых партнеров стран этой региональной организации, и потоки трансграничных инвестиций между ними также не велики. По некоторым оценкам, товарооборот между Россией и десяткой стран Юго-Восточной Азии оценивается всего в 7 млрд долл. Для сравнения напомним, что торговый оборот АСЕАН с Китаем в 2011 году достиг 350 млрд долл.; торговый баланс АСЕАН с Евросоюзом, США и Японией тоже не намного отстает. Культурные, научные и туристические связи между Россией и АСЕАН укрепляются, но все еще недостаточно интенсивны. Обе стороны прилагают усилия для оптимизации общего взаимодействия и активизации сотрудничества по всем направлениям, но достигнутые результаты пока не могут их удовлетворить.

Вместе с тем изменение глобальной военно-политической ситуации, а также сохраняющийся в целом позитивный психологический настрой широких кругов общественности стран АСЕАН по отношению к нашей стране создают благоприятные возможности для развития сотрудничества двух сторон. Для этого в первом десятилетии XXI века усилиями российской дипломатии была создана прочная договорно-правовая основа.

В политических элитах стран АСЕАН понимают, что Россия как великая мировая и азиатская страна, остающаяся мощной в военном отношении, как постоянный член Совета Безопасности ООН является существенным фактором поддержания мира и стабильности в регионе. Признается, что ей предстоит сыграть важную роль в формировании будущей системы безопасности в АТР вообще и в ЮКМ, в частности, в качестве как участника, так и гаранта договоренностей.

Россия и АСЕАН приняли согласованные подходы к вопросам совершенствования архитектуры безопасности и сотрудничества в АТР. Их лидеры на втором саммите Россия—АСЕАН (Ханой, 2010) договорились о том, что она должна основываться на принципах коллективности, многосторонности и равенства, на общепринятых нормах международного права. Лидеры АСЕАН особо подчеркнули, что любые новые образования или механизмы сотрудничества в регионе могут быть только дополнением к этому и строиться на основе уже существующих структур и по принципу «асеаноцентричности», то есть при сохранении

ведущей роли АСЕАН. И в этом они получили полное одобрение российской стороны. Россия и раньше не раз демонстрировала отношение к АСЕАН как к одному из влиятельных центров мировой политики и свою заинтересованность в сильной и устойчиво развивающейся Ассоциации государств ЮВА.

В совместном Заявлении России и АСЕАН, принятом на саммите в Ханое, записано: «Мы считаем, что международная безопасность неделима и убеждены в том, что национальную безопасность нельзя обеспечить в ущерб безопасности других. Мы подчеркнули необходимость полностью уважать и принимать в расчет как законные интересы и озабоченности всех государств, так и действующие в них законы и правила»¹.

С развитием взаимовыгодного сотрудничества со странами ВА и ЮВА связаны важнейшие планы подъема и модернизации экономики районов Сибири и Дальнего Востока. В последнее время сформировались основные направления, по которым Россия и частные российские компании *при поддержке государства* могут внести и уже вносят свой вклад в развитие многостороннего экономического сотрудничества России с государствами АСЕАН с целью повышения его эффективности. На первом плане, конечно, энергетика, причем, речь идет даже не столько о бесперебойных поставках энергоресурсов, сколько о предоставлении высокотехнологичных услуг по строительству и модернизации энергообъектов, использованию российского опыта управления энергосетями и т. д. Несмотря на произошедшую трагедию с АЭС Фукусима в Японии, уже наметившееся сотрудничество в развитии атомной энергетики остается не менее перспективным. Реализуются важные проекты в использовании космоса, в военно-техническом сотрудничестве, в сфере образования, науки и культуры.

«Сегодня, — писал российский министр иностранных дел С.В. Лавров в статье, опубликованной в индонезийском журнале *Strategic Review*, — мы наращиваем курс на усиление вовлеченности в разворачивающиеся на восточноазиатском пространстве процессы политико-экономической кооперации и интеграции. Это — долгосрочная линия, реализация которой носит последовательный и системный характер»².

На прошедшей в июле 2012 г. встрече министров иностранных дел АСЕАН и России были согласованы меры по эффективной реализации Программы действий на 2005—2015 гг. С этой целью создан Деловой совет АСЕАН—Россия и начаты переговоры о создании Зоны свободной торговли, о чем заявлено на прошедшем во Владивостоке саммите АТЭС. Стороны также условились продолжать сотрудничество в области энергетики, науки и технологии, в борьбе против терроризма, трансграничной преступности, ликвидации последствий стихийных бедствий и др.

3. Стратегическое партнерство России с Вьетнамом

Для продвижения своих интересов в АТР России давно требовался «дополнительный партнер», не альтернатива и не против Китая, а наряду с ним, чтобы диверсифицировать свои отношения и занять более весомые позиции в АТР, экспортируя туда свои энергетические ресурсы (в широком смысле), космические технологии и образовательные услуги. Попытки развить подобные отношения с такими потенциальными партнерами, как США, Япония, Южная Корея, по самым разным причинам пока успеха не принесли. Зато на эту роль успешно выдвинулся более знакомый и весьма в этом заинтересованный, традиционно дружественный нам Вьетнам — один из лидеров бурно развивающегося региона.

Российскую Федерацию и Социалистическую Республику Вьетнам связывают отношения стратегического партнерства, что зафиксировано в Декларации, подписанной президентами двух стран в марте 2001 г. Этот курс, проверенный временем и не подверженный конъюнктурным колебаниям, предполагает расширение взаимовыгодной кооперации во всех сферах, углубление взаимодействия в решении актуальных международных проблем, а также противостоянии глобальным и региональным вызовам, с которыми сталкивается человечество.

В настоящее время во Вьетнаме реализуется 77 инвестиционных проектов с участием российского капитала (зарегистри-

рован на сумму около 1 млрд долл.). Это, конечно, еще очень мало — Россия стоит на 23-м месте по накопленному объему инвестиций во Вьетнаме. В России осуществляется 17 инвестиционных проектов (зарегистрированный капитал также около 1 млрд долл.) с участием вьетнамских предприятий, действующих в сфере внешней торговли, пищевой, текстильной и обувной промышленности, производства строительных материалов³. Вьетнам пользуется российскими кредитами общим объемом около 10 млрд долл.

После затяжного спада в 1990-е годы с началом нового тысячелетия растет объем двусторонней торговли, который достиг в 2011 г., по оценкам Торгпредства РФ в СРВ 3 млрд долл. (согласно ГСУ СРВ только 2 млрд долл.) и должен, как планируется, в 2015 г. вырасти до 5 млрд долл., а к 2020 г. — до 10 млрд долл., что также еще далеко не предел⁴.

Важнейшим элементом российско-вьетнамского стратегического партнерства в области экономики является нефтегазовый комплекс. Россия активно участвует в кооперации с Вьетнамом в разработке месторождений нефти и газа на разных участках принадлежащего Вьетнаму континентального шельфа. Эффективно работает учрежденное в 1981 г. совместное предприятие «Вьетсовпетро» (участники — ОАО «Зарубежнефть» и Корпорация нефти и газа Вьетнама «Петровьетнам»). На него приходится более половины добываемой Вьетнамом нефти.

В декабре 2010 г. в Ханое подписано межправительственное соглашение о дальнейшем сотрудничестве в области разведки и добычи нефти и газа на континентальном шельфе СРВ в рамках «Вьетсовпетро» сроком действия до 31 декабря 2030 г.⁵ «Зарубежнефть» выиграла тендер на разработку газового блока 12/11 на шельфе с запасами около 80 млрд кубометров газа. Добыча на пике здесь может достигнуть 7 млрд кубометров газа в год. Но после коммерческого открытия запасов опцион на приобретение 51 % акций получит госкорпорация «Петровьетнам». Проект будет реализовываться на условиях соглашения о разделе продукции (СРП). «Зарубежнефть» обязалась в течение трех лет пробурить три скважины и провести сейсмические исследования на площади 1 тыс. кв. км⁶.

Геологоразведочные работы в центральной части континентального шельфа СРВ ведет Совместная операционная компания «Вьетгазпром» (ОАО «Газпром» и «Петровьетнам»). В феврале 2009 г. ОАО «Газпром» получило инвестиционную лицензию на разработку блоков в южной части вьетнамского шельфа и приступило к сейсмографическим исследованиям. 5 апреля 2012 г. «Газпром» подписал соглашение о получении 49 % акций в проекте разработки блоков 05.2 и 05.3 на шельфе Вьетнама, с которых под давлением Китая ранее ушла британская компания «BP». Там открыто два газоконденсатных месторождения Мос Tinh (блок 05.3) и Hai Thach (блоки 05.2 и 05.3), а также одно нефтяное — Kim Cuong Tay (блок 05.2) с суммарными запасами 55,6 млрд кубометров газа и 25,1 млн тонн газового конденсата⁷.

Наряду с нефтегазовыми корпорациями во Вьетнаме успешно работают «Силовые машины», «КАМАЗ» и другие крупные российские компании.

Этапным событием в развитии российско-вьетнамского сотрудничества стал прошедший в июле 2012 г. визит в Россию президента СРВ Чыонг Тан Шанга. По итогам переговоров президентов двух стран подписано шесть документов, в том числе совместное Заявление об укреплении отношений «всеобъемлющего стратегического партнерства». Оно выражает решимость поднять российско-вьетнамское сотрудничество на более высокий уровень партнерства. В политической области стороны были единодушны относительно продолжения доверительного диалога, регулярных встреч высших руководителей обеих стран и дальнейшего углубления всестороннего стратегического сотрудничества.

В экономической сфере стороны договорились в ближайшее время подписать соглашение о создании ЗСТ между Вьетнамом и Таможенным союзом (включающим Россию, Беларусь и Казахстан), расширить инвестиционное и кредитное сотрудничество. Они решили продолжать активное сотрудничество в энергетике и нефтегазовой области. Россия обязалась качественно и на самом безопасном уровне построить к 2020 г. первую во Вьетнаме АЭС и создать Научный центр ядерных технологий. Это строительство, как говорится в Заявлении, призвано стать «символом российско-вьетнамского сотрудничества в XXI веке».

Вьетнам и Российская Федерация подтвердили готовность создавать самые благоприятные условия для деятельности совместных российско-вьетнамских компаний и предприятий и расширять зоны геологоразведочных работ и добычи нефти и газа во Вьетнаме, России и в третьих странах. Со стороны России было подтверждено намерение продолжать сотрудничество с Вьетнамом в области разведки и добычи углеводородов на шельфе Вьетнама в соответствии с международным правом и, прежде всего, с Международной конвенцией по морскому праву 1982 г. Это имело особое значение в обстановке обострившихся споров Вьетнама с Китаем из-за разработки некоторых блоков в ЮКМ у побережья Вьетнама.

Стороны заявили, что все спорные проблемы в АТР должны решаться мирно, без применения силы или угрозы силой, на основе международного права, прежде всего, Устава ООН и Международной конвенции по морскому праву. Обе стороны активно поддержали Декларацию-2002 о поведении сторон в ЮКМ и выступили за скорейшую разработку Кодекса поведения в Южно-Китайском море.

Россия и Вьетнам условились продолжить военно-техническое сотрудничество, особенно в подготовке кадров специалистов для овладения поставляемыми из России новейшими видами вооружений. Вьетнам заменил Китай в роли второго по объему покупателя российских вооружений после Индии. В основном это те виды оружия, которые предназначены для отражения ударов с моря и обороны своего берегового шельфа.

Эти и другие договоренности сторон показали последовательность и неизменность курса Российской Федерации. Россия не ставит перед собой задачу защиты морских коммуникаций в этом регионе, и у нее нет планов создания своих военно-морских баз в АТР, как нет и намерения конкурировать с кем-либо за влияние в этом регионе. Все ее усилия преследуют цели укрепления сотрудничества с Вьетнамом и другими странами АСЕАН, которое не направлено против кого-либо, но и своими важными интересами в регионе она пренебрегать тоже не намерена.

Дело в том, что в канун визита вьетнамского президента в Россию и после него в ряде зарубежных СМИ, в том числе и ки-

тайских, были опубликованы сообщения и комментарии о якобы предстоящем возвращении российских ВМС на их прежнюю базу в бухте Камрань, которая была оставлена Россией в 2002 г. Поводом для этого послужило неправильно переданное содержание интервью командующего ВМФ России вице-адмирала В. Чиркова агентству РИА-Новости, который якобы сказал, что Россия ведет переговоры с Кубой, Вьетнамом и Сейшельскими островами относительно развертывания там пунктов материально-технического обеспечения своего ВМФ. Это сообщение уже на следующий день было официально опровергнуто Министерством обороны РФ, в заявлении которого говорилось, что на пресс-конференции главнокомандующего ВМФ эта тема не обсуждалась и какие-либо официальные заявления по ней не делались, а появление подобной информации в СМИ является не более чем фантазией недобросовестного автора.

И, тем не менее, это ложное сообщение действительно произвело сенсацию, хотя слухи об этом уже не раз муссировались в зарубежных СМИ. Так, например, китайская газета «Чайна дейли», комментируя итоги визита вьетнамского президента в Россию, писала, что Вьетнам якобы пообещал предоставить России Камрань как пункт материально-технической поддержки флота и заявил о намерении усилить двустороннее военное сотрудничество. «Из-за стратегического положения бухты Камрань и долгой истории ее использования США и Россией, — говорилось в статье, — это заявление сразу вызвало большое беспокойство. В то же время в связи с недавними спорами по проблемам Южно-Китайского моря многие решили, что этот шаг нацелен на сдерживание Китая. В последние годы Россия, которая вновь набрала силу, стремится возродить свое военное присутствие в мире. Чтобы распространить свое влияние на ЮВА, ей срочно нужен такой прекрасный порт, как Камрань. Вьетнам со своей стороны рассчитывает активизировать военное сотрудничество и укрепить свои силы, чтобы занять лидирующие позиции в Индокитае и АСЕАН»⁸.

В действительности, вьетнамская политика в отношении бухты Камрань определилась еще после ухода оттуда российских ВМС в 2002 г. и с тех пор остается неизменной. По сооб-

щениям вьетнамской печати, перед началом переговоров с президентом В.В. Путиным президент СРВ Чыонг Тан Шанг сделал заявление по этому вопросу, в котором говорилось, что в военном отношении бухта Камрань и впредь не будет принадлежать ни одному иностранному государству, и там Вьетнам создает свою собственную военно-морскую базу. Но он планирует построить там же судоремонтное предприятие, способное оказывать услуги всем кораблям различных государств, которые смогут заходить туда для ремонта и получать все необходимые услуги. Что касается Российской Федерации, то как традиционный друг и стратегический партнер она, наверняка, получит некоторые преимущества в обслуживании в этом порту»⁹.

Тогда же в интервью радио «Голос России» президент СРВ сказал, что это позволит России создать в порту Камрань пункт стоянки и обслуживания своих кораблей. Это не означает, подчеркнул он, что порт Камрань превращается в военную базу России, но порт будет использоваться для развития военного сотрудничества между двумя странами. Россия и Вьетнам уже многие годы являются стратегическими партнерами, и поэтому Россия получит определенные стратегические привилегии в Камрани¹⁰.

4. Ответственная позиция России в отношении проблем ЮВА и АТР

Россия, как и многие другие страны АТР, стремится способствовать такому развитию событий в регионе, которое позволяло бы решать накопившиеся споры и противоречия в рамках мирных переговоров по всем вопросам и вело бы к созданию в этом потенциально взрывоопасном очаге напряженности атмосферы стабильности, взаимного доверия и сотрудничества. Без России невозможно представить себе обеспечение региональной военно-политической стабильности, коллективные усилия по противодействию международному терроризму, сотрудничество в сфере чрезвычайного реагирования, как и другие сферы жизни регионального сообщества государств.

В июле 2009 г., выступая перед студентами университета в Бангкоке после сессии АРФ на острове Пхукет, российский ми-

нистр иностранных дел С. Лавров говорил: «Россия выступает за равноправную и транспарентную архитектуру безопасности и сотрудничества в АТР, основанную на коллективных началах, общепризнанных нормах и принципах международного права и использующую в качестве инструмента решения сложных проблем диалог, консультации и переговоры. То есть то, что определяется как «метод АСЕАН»... Продвигаться к созданию такой архитектуры следует через налаживание многосторонней дипломатии, развитие связей между региональными организациями и форумами, а главное — через взаимное уважение и учет интересов друг друга»¹¹.

Итогом большой совместной работы стало дальнейшее сближение оценок и подходов обеих сторон к важнейшим мировым и региональным проблемам на втором саммите Россия—АСЕАН. Особо значимо то, что стороны решили тесно взаимодействовать друг с другом в формировании региональной архитектуры в АТР. «Успешное строительство нового Азиатско-Тихоокеанского дома, — заявил на этом саммите тогдашний президент РФ Д.А. Медведев, — отвечает интересам всех стран, их чаяниям развивать спокойную созидательную жизнь»¹².

Российская дипломатия сосредоточилась на разработке положений по укреплению международно-правовых основ региональной безопасности. В целях деэскалации напряженности МИД РФ активно и на всех уровнях стимулирует все заинтересованные стороны проявлять ответственный подход, исходить из интересов поддержания стабильности в регионе, уважения и соблюдения норм международного права.

Существенным концептуальным вкладом в формирование в АТР всеобъемлющей архитектуры безопасности и сотрудничества стала совместная инициатива президента Д.А. Медведева и председателя КНР Ху Цзиньтао, выдвинутая в октябре 2010 г. во время визита российского лидера в КНР. Они призвали государства АТР при осуществлении двустороннего и многостороннего сотрудничества в области безопасности уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность, не вмешиваться во внутренние дела друг друга; сохранять приверженность принципу равной и неделимой безопасности и оборонительный харак-

тер своей военной политики; не применять военную силу и не угрожать ее применением; не предпринимать и не поддерживать любые действия, направленные на свержение правительств или подрыв стабильности других государств; урегулировать взаимные разногласия мирными политико-дипломатическими средствами на основе принципов взаимопонимания и готовности к поиску компромисса; укреплять сотрудничество в области противодействия нетрадиционным угрозам безопасности; развивать двустороннее и многостороннее сотрудничество в военной области, не направленное против третьих стран, чтобы безопасность обеспечивалась на началах объединения усилий, а не на блоковой основе, которая всегда оставляет кого-то в стороне и создает зоны с неравным уровнем безопасности.

Эта инициатива, разработанная российской дипломатией к визиту российского президента в КНР, могла бы стать объединительной идеей для Азиатско-Тихоокеанского региона. Согласие с ней Китая и позитивная реакция со стороны многих влиятельных стран АТР подтвердили, что предложенные принципы могут стать добротной основой для формирования юридически обязывающего «кодекса поведения» не только в ЮКМ, но и во всем гигантском АТР. К сожалению, дальнейшие события развернулись в другом направлении, и до конкретного рассмотрения возможных политико-правовых рамок их реализации дело пока не дошло. Но продвижение этой российско-китайской инициативы остается важнейшей задачей в повестке дня России в ЮВА и составляет главное направление усилий российской дипломатии.

В сложившихся условиях Россия занимает взвешенную и ответственную позицию по территориальным спорам в ЮКМ. На представительной конференции по проблемам безопасности в Мюнхене в январе 2012 г. очень своевременно прозвучало заявление главы МИД РФ С. Лаврова о том, что «Россия не будет участвовать ни в каких конструкциях, имеющих целью сдерживание Китая, который является нашим добрым соседом и стратегическим партнером».

России при любом повороте событий в ЮКМ нельзя оказаться «между двух огней» и всегда нужно иметь возможность

влиять на ситуацию. Это обусловлено тем, что Россию связывают отношения стратегического партнерства, как с Китаем, так и с Вьетнамом. Стратегическое партнерство — это такая форма организации совместной деятельности государств в основных сферах, которая рассчитана на долгосрочную прогнозируемую перспективу, основана на договорном признании интересов друг друга, уважении и соблюдении таких интересов и направлена на достижение общих или сходных жизненно важных целей.

Россия активно подключилась к работе Восточноазиатских саммитов (ВАС), исходя из того, что они являются эффективной площадкой для рассмотрения проблематики азиатско-тихоокеанской безопасности, в том числе в контексте уже упомянутой российско-китайской инициативы. Цель российской дипломатии на этом направлении — создание в координации со странами региона аналога ОБСЕ для АТР, разумеется, с учетом особенностей данного района мира.

РФ использует и такой важный ресурс, как саммиты Россия-Индия-Китай (РИК). По ее инициативе проблемы формирования архитектуры безопасности и сотрудничества в АТР обсуждались на состоявшемся в Москве в апреле 2012 г. Диалоге по сотрудничеству в Азии в формате «тройки» РИК. На пресс-конференции после встречи министр иностранных дел России С. Лавров, в частности, подчеркнул: «Наши страны едины в том, что такая архитектура должна быть открытой, учитывающей законные интересы каждого расположенного там государства и базироваться на общепринятых нормах и принципах международного права, признании неделимости безопасности, взаимном уважении и доверии»¹³. Участники договорились о совместной работе в этом направлении в различных форматах, включая Восточноазиатские саммиты, механизмы сотрудничества АСЕАН со своими партнерами и др.

7 мая 2012 г. президент РФ В.В. Путин, сразу после вступления в должность, одним из первых подписал Указ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», в котором, в частности, говорится, что Россия и впредь будет отстаивать безальтернативность политико-дипломатического урегулирования региональных конфликтов на основе коллек-

тивных действий международного сообщества путем вовлечения в переговоры всех заинтересованных сторон.

Это, конечно, имеет прямое отношение к ситуации в ЮКМ, где намечено продвигать инициативы по формированию в регионе новой архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на коллективных внеблоковых началах, нормах международного права и принципе равной и неделимой безопасности. МИД России поручено «разработать дополнительные предложения для включения в повестки дня Восточноазиатских саммитов и диалогового партнерства Россия — АСЕАН»¹⁴.

Для мирного решения споров в ЮКМ потребуется много времени, но альтернатива — это катастрофа, которую нельзя допустить, пока еще есть время и «окно возможностей» не закрыто. Ведь в случае развязывания конфликта в ЮКМ, он неизбежно выйдет за рамки противостояния каких-либо двух сторон и так или иначе вовлечет много других государств, а его последствия окажут отрицательное воздействие на мировую и региональную безопасность.

В создавшихся условиях вряд ли можно ожидать, что кто-либо возьмет на себя этот риск. Пока вероятность крупного военного конфликта остается низкой, но противоречия нарастают и события развиваются в негативном направлении, что лишь отдаляет перспективу решения споров, угрожая превратить их в бессрочный конфликт. Только совместное управление ресурсами в спорных районах способно ослабить напряженность между претендентами. Первая попытка сотрудничества в этом вопросе завершилась провалом в 2008 г. С тех пор стороны категорически возражают против любого ущемления или ограничения своего территориального суверенитета или суверенных прав на море.

В отсутствие регионального политического соглашения или эффективного механизма предотвращения и урегулирования инцидентов в этой стратегически важной для всех зоне мира будет сохраняться нестабильность и потенциальная угроза миру и безопасности. Обеспечение статус-кво в условиях мира, без угрозы применения силы, совместное освоение и эксплуатация ресурсов в определенных по взаимной договоренности районах

и наращивание сотрудничества в рамках Декларации-2002, как нам представляется, могло бы удовлетворить все претендующие стороны в ЮКМ.

Известная китайская «линия U», обозначившая претензии Китая на основные острова и 80 % акватории ЮКМ, раньше состояла из 11 отдельных полос, от которых осталось 9. Две полосы, разделявшие претензии Вьетнама и Китая в Тонкинском заливе, были сняты в 2008 г. в результате длительных двусторонних переговоров. Это позволяет предположить, что и остальные полосы также могут стать предметом переговоров. Но Китай пока отказывается объяснять, на чем основаны его требования. Этот отказ говорит о желании максимизировать свои правовые и политические возможности для предстоящего торга даже в условиях, когда рост военного и морского могущества дает КНР явное превосходство над более слабыми соседями.

Но его соседи — тоже не беспомощны, и время от времени, когда это требуется, они оказываются способны объединиться против действий Китая, если видят, что он зашел слишком далеко. В то же время и Китай, и его соседи очевидно выигрывают от развития торговли, инвестиций и других связей друг с другом.

Это позволяет надеяться на возможность создания в ЮКМ управляемой ситуации, даже если для этого потребуются многие годы. Есть основания полагать, что реальное понимание последствий возможного конфликта ответственным руководством всех участвующих в споре государств будет и дальше побуждать их к поиску разумного мирного решения. Диалог идет, и созданы реальные возможности для его успешного проведения на всех уровнях. Нельзя допускать только одного — вмешательства посторонних сил. Справедливое и приемлемое для всех решение может быть найдено только самими участниками споров, если они будут действовать в духе доброй воли и компромисса, опираясь на испытанный «метод АСЕАН».

В сложившихся условиях необходимы не обескураживающие заявления отдельных представителей экспертного сообщества, нагнетающие скепсис, или подливающие масло в тлеющие угли конфликта, а поддержка и поощрение усилий тех стран, которые на базе АСЕАН и на двустороннем уровне пытаются

выработать общий разумный подход к разрешению конфликтной ситуации в ЮКМ.

Таковой, в сущности, и является генеральная линия российской дипломатии в регионе, проложенная с момента первого саммита Россия—АСЕАН в Куала-Лумпуре в 2005 г. с участием президента РФ В.В. Путина и продолжающаяся на новом сроке его президентства. Ответственная и тщательно выверенная позиция России по спорным территориальным проблемам в регионе не имеет разумной альтернативы и встречает понимание всех участвующих в этом споре стран.

Примечания

¹ URL: www.mid.ru. 28.10.2010

² URL: www.mid.ru. 05.04.2012.

³ Statistical Yearbook of Vietnam 2011. Hanoi, 2012. P. 168, 176.

⁴ Statistical Yearbook of Vietnam 2011. P. 223, 227.

⁵ Только уставный капитал СП превышает 1,5 млрд долл., а вместе с текущими инвестициями вклад российской стороны составляет, по оценкам, 1 млрд долл., что минимум вдвое увеличивает упомянутый объем российских ПИИ в СРВ. Однако эта сумма не учитывается в статистике ПИИ, размещенных в СРВ, т.к. оформлена в рамках прямого межправительственного соглашения.

⁶ Коммерсантъ. № 128/П (4913). 16.07.2012.

⁷ Ведомости. 05.04.2012.

⁸ Will Russia's return to Cam Ranh Bay deepen rift within ASEAN? // People's Daily Online. August 01, 2012.

⁹ URL: www.Vietnamnet.vn. 30.07.2012.

¹⁰ Ibid.

¹¹ URL: www.mid.ru. 17.07.2009.

¹² URL: www.Kremlin.ru. 29.10.2010.

¹³ URL: www.mid.ru. 13.04.2012.

¹⁴ URL: www.mid.ru. 07.05.2012.

Г.Ф. Мурашева

О НЕКОТОРЫХ ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА ПОЗИЦИЮ КИТАЯ ПО ЮЖНО-КИТАЙСКОМУ МОРЕ

Политика Китая в Юго-Восточной Азии и Южно-Китайском море (ЮКМ), как ее части, является предметом внимательного изучения.

В XX веке эта политика коренным образом изменилась вместе с изменившимся миром. Известно, что в годы правления Мао Цзэдуна, особенно в 1960—1970-е, Китай поддерживал революционные движения в странах ЮВА и делал это весьма избирательно. Особенностью китайской внешней политики тех лет было то, что, поддерживая повстанцев, в некоторых странах ЮВА, Китай продолжал сохранять нормальные межгосударственные отношения с теми из них, против которых вел подрывную работу, из-за чего исследователи называли внешнюю политику Пекина тех лет дихотомной¹.

Какая историческая память, какой «генетический код», какие традиции питали такую политику нового Китая? Историческая память как фактор китайской внешней политики на том этапе едва ли играла важную роль, теснимая обстоятельствами принципиально новой международной обстановки. Скорее политика Пекина определялась тем, как в тот момент понимала национальные интересы правящая элита Китая. Отметим то, что именно в эти годы в регионе ЮВА сложилось понятие «ки-

тайская угроза», не помешавшее Вашингтону пойти на открытое сближение с КНР, зафиксированное в известном Шанхайском коммюнике 1972 года.

Учитывая разное отношение разных стран ЮВА в разное время к Китаю и неодинаковое отношение самого Китая к этим странам, считаем неверным давать унифицированные категориальные характеристики этим отношениям. Тем более неправомерно искать в древних временах ответы на те или иные или внешнеполитические акции современного Китая в ЮВА, ссылаясь на историческую память народа.

Тем не менее, в наши дни в связи с возрастанием роли Китая в мировой политике, ученые, обращаясь к тезису об экспансионизме Китая, объясняют его, среди прочих факторов, генетическим представлением о других странах и народах региона как «варварской периферии», которую необходимо подчинить. В частности, отмечается, что «в китайском самосознании непрерывно сохраняются идущие из глубины веков представления о том, что вся ЮВА есть вассальное по отношению к Китаю сообщество государств, где только Китай и может доминировать»².

Не оспаривая самой мысли об очевидном стремлении современного Китая расширить и утвердить свое влияние в ЮВА и Южно-Китайском море (ЮКМ), мы не воспринимаем трактовку сложившегося в древности представления об этом месте проживания подвассальных Китаю народов в качестве чуть ли не главного побудительного мотива самоутверждения современного Китая в ЮВА. Не согласимся, что оно якобы и стало тем «кодом», который диктует Китаю путь продвижения на Юг с целью их подчинения. Если этот мотив и присутствует как элемент исторической памяти в политике Китая в ЮВА и ЮКМ, сегодня, едва ли он имеет сколько-нибудь самостоятельную роль, уступая место другим, более значимым и актуальным моментам.

Среди факторов, определяющих политику современного Китая в ЮВА и ЮКМ, на наш взгляд, первостепенным является общая стратегия руководства КНР по приведению геополитического и геостратегического положения страны в соответствие с ее феноменальным экономическим ростом и возрастающей во-

енной мощью, включая серьезное увеличение военно-морской составляющей. Такая стратегия сама по себе выступает результатом осмысления китайским руководством вызовов, которые несет Китаю современная международная обстановка, с ее острой борьбой за передел мира. Она подразумевает расширение сфер влияния (в том числе и в мировом океане) формирующейся сверхдержавы. ЮКМ в этой стратегии отводится особая роль: «Страна, контролирующая Южно-Китайское море, станет главной морской державой в Восточной Азии», — считают эксперты по региону³.

В последние годы Азиатско-Тихоокеанский регион становится местом противостояния Китая и США, куда США «возвращаются» с традиционной репутацией доминирующей державы в Тихом океане и где сталкиваются национальные интересы этих двух держав. В Южно-Китайском море, как части АТР, противостояние Китая и США особенно очевидно: США пытаются выступить в роли лидирующей силы, которая сдерживала бы возрастающее самоутверждение Китая, оказывая разного направления поддержку странам, имеющим с Китаем в ЮКМ значительный «конфликтный» потенциал (Вьетнам, Филиппины). В интересах США также сделать напряженными отношения Китая и АСЕАН в целом, где как они надеются, не преодолен стереотип «китайской угрозы» прошлых лет.

Президент Обама, выступая на Восточноазиатском саммите (Бали) в 2011 г., с одной стороны, говорил о растущем присутствии США в АТР, а с другой, подчеркивал центральную роль АСЕАН в региональных делах. Эксперты связали умение США устанавливать тесные отношения в сфере безопасности с ключевыми странами региона, учитывая их озабоченности относительно будущих намерений Китая, с новой концепцией Вашингтона под названием «умная сила»⁴. Как заявила госсекретарь Х. Клинтон, выступая в Пномпене в июле 2012 г., Вашингтон не намерен принимать чью-либо сторону в территориальных спорах в ЮКМ и «заинтересован в свободе навигации, сохранении мира и стабильности, уважении международного законодательства, развитии беспрепятственной законной торговли в ЮКМ»⁵.

Это может означать начавшееся смягчение позиции США в отношении Пекина. Госсекретарь Х. Клинтон, в частности, признала, что территориальные споры должны решаться самими участниками, «насколько это возможно». Она призвала к продолжению работы над «Кодексом поведения в ЮКМ» во избежание споров и конфронтации⁶. Китай же, по ее оценке, сопротивляется внешнему вмешательству в дела ЮКМ и не проявляет стремления «ускорить» разработку юридически обязывающего «Кодекса», предпочитая иметь дело с «Декларацией».

Американскую позицию дополнительно артикулировал помощник госсекретаря США по вопросам АТР Курт Кэмпбелл. Еще до начала 19-й министерской встречи АСЕАН в Пномпене, в которой приняли участие американская и китайская делегации, он заявил, что США прилагают большие усилия для создания эффективных, стабильных, долгосрочных отношений с Китаем и не намерены разворачивать опасную стратегическую конкуренцию с ним. Хотя между США и Китаем существуют разногласия и в некоторых областях конкуренция между странами неизбежна, отметил Кэмпбелл, Вашингтон готов совместно с Китаем прилагать усилия для содействия миру и процветанию в Юго-Восточной Азии⁷.

Таким образом, помимо мер, предпринимаемых Китаем для самоутверждения в ЮВА и ЮКМ, среди «благоприятствующих» обстоятельств есть, как ни странно, китайская политика самих США в регионе, которая в некотором смысле имеет свои ограничители. США при всей их военно-морской мощи и союзнических отношениях с рядом стран ЮВА, не готовы к конфронтации, тем более вооруженной с Китаем в ЮКМ, поэтому в отношениях с Пекином пытаются не выходить из формата партнерства. Соперничество же в ЮКМ и зоне АСЕАН порой принимает «скрытые» формы.

Действительно, отношение США к Китаю за последние десятилетия претерпело значительную эволюцию. По оценке американских экспертов М. Абрамович и С. Босворт, это отношение резко изменилось после 11 сентября 2001 г., когда Китай из стратегического соперника стал превращаться в партнера по

обеспечению безопасности и главного торгового и инвестиционного партнера США⁸.

Переплетение признаков сотрудничества в американо-китайских отношениях с элементами соперничества в АТР и ЮКМ можно увидеть в инициированном США крупном экономическом проекте под названием Транстихоокеанское (стратегическое) партнерство — (ТРП). Вашингтон рассматривает данный проект как геополитический инструмент сдерживания соперника и всячески способствуют неучастию Китая в ТРП. По этому поводу сингапурская пресса писала: «Китай играет слишком важную роль, чтобы можно было его игнорировать, и он очень большой, чтобы поддаться сдерживанию... Сдерживание или игнорирование Китая неразумно и нереалистично. Поэтому его нужно привлечь в ТРП как можно скорее»⁹.

Китай в противостоянии с США в ЮКМ выступает как современная крупная держава, действующая адекватно вызовам времени в борьбе за собственные национальные интересы. В ЮКМ Китай не идет на прямую конфронтацию с США, но ведет с ними в соревнование за влияние на страны АСЕАН, через которое надеется укрепить свои позиции в регионе. Поэтому асеановское направление китайской стратегии, важное само по себе, имеет выраженную антиамериканскую компоненту, обусловленную ролью, которую, повторим, США определили для себя — главного соперника Китая в ЮКМ и регионе в целом.

В то же время китайская сторона выражает готовность к конструктивному сотрудничеству с США, полагая, что такой поворот не нанесет ущерба национальным интересам КНР. Например, «Жэньминь жибао», озвучивая официальный подход к проблеме, заявила: «АТР — это регион, где интересы Китая и США переплетаются в наибольшей степени, и взаимодействие между ними осуществляется чаще всего». Замминистра иностранных дел КНР Цуй Тянькай, выступая 5 июля 2012 г. в Азиатском обществе Сянгана с речью на тему «Положительное взаимодействие Китая и США в АТР», отметил, что «построение Китаем и США отношений нового типа неизбежно лежит через регион, для развития и стабильности которого политика

двух стран имеет большое значение». Китайский дипломат подчеркнул, что Китай и США должны вместе прилагать усилия к поиску нового пути взаимовыгодного сотрудничества. По его словам, стороны уже достигли важного консенсуса по способу сосуществования в АТР, закрепив согласие в китайско-американском совместном заявлении во время визита председателя КНР Ху Цзиньтао в США в январе 2011 г. Две страны должны предельно минимизировать имеющиеся расхождения и взять их под контроль, считает китайский дипломат¹⁰.

Интересно отношение к данному подходу прямо заинтересованной вьетнамской стороной. Так, один из ведущих экспертов Дипломатической академии СРВ Чинь Динь Ле рассматривает США и Китай не просто как две соперничающие в АТР силы, но две державы, которые обязаны стать партнерами в решении общих для региона вопросов. Это такие вопросы, как управление водными ресурсами (проект «Меконг»), противостояние климатическим изменениям, защита экологии и др.¹¹. Возможно, опасаясь кондоминиума двух сверхдержав, Ханой призывает США и Китай проявлять в своей политике «меру, чтобы малые страны не обратились к другим игрокам региона, например, Индии с ее доктриной «Взгляд на Восток». «Эра силового соперничества закончена. Наступило время справедливых и взаимовыгодных союзов, а не навязанных форм зависимости¹², — подытоживает вьетнамский дипломат.

Содержание китайско-американских отношений как отношений партнеров — соперников с преобладанием соперничества над партнерством в глобальном измерении демонстрирует такой феномен, как Пекинский и Вашингтонский консенсусы.

В контексте экономической экспансии и стратегии Китая по вовлечению азиатских стран независимо от их политической системы в экономическую орбиту Китая актуальным становится «соревнование» этих двух программ. Бывший премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад в ходе визита в Москву в марте 2011 г. высказал мнение, что в наши дни, благодаря умению китайцев содействовать успешному экономическому развитию партнеров, Пекинский консенсус идет на смену Вашингтонскому и может (при определенных условиях) оказаться гораздо эф-

фективнее его, тем более что для растущих экономик рынки ЕС и США не кажутся столь же привлекательными, как раньше¹³.

Вашингтонский консенсус, как известно, представляет либерально-монетаристскую модель социально-экономического преобразования общества, которая в наши дни переживает острейший кризис, поскольку полностью исчерпала себя. Она подвергается критике со стороны видных экономистов за то, что, тем не менее, продолжает навязываться другим странам в качестве нормы и эталона для развития по либеральному пути.

Китай же подает пример эффективного участия государства в обеспечении экономического роста, контроля над рыночной стихией, и в этом коренное отличие его подхода от пропагандируемого Вашингтоном.

Серьезность вызова, который бросает Западу «Пекинский консенсус» подтверждает внимание к нему западных экономистов и политологов. Они видят в нем концепцию развития, способную при определенных условиях приобрести глобальное пространство. О Пекинском консенсусе, как феномене мировой экономики, писали автор этого термина Джошуа Купер Рамо, его оппонент и изобретатель термина «Вашингтонский консенсус», апологет либеральных ценностей Джон Вильямсон и многие другие¹⁴. Шаткость позиций критиков «Пекинского консенсуса» на фоне нынешнего масштабного кризиса либерального проекта представляется очевидной.

В одной из недавних работ Дж. Вильямсон, в частности, пишет: «В то время как Запад еще не уяснил для себя масштаб вызова, который идет от Китая и Пекинского консенсуса, я утверждаю, что этот консенсус едва ли будет доминировать в долгосрочной перспективе. Для этого есть две причины: первая — то, что он, представляя китайский опыт, предпочитает содержание огромного госсектора либерализации экономики. Вторая состоит в том, что если авторитаризм может подходить для местных правителей, то для большинства людей развивающегося мира он представляет Китай в плохом свете»¹⁵. Однако, вопреки мнению Вильямсона, некоторые страны ЮВА с теми или иными признаками авторитарности в этих условиях развиваются относительно устойчиво.

Не менее важны и **другие важные факторы**, влияющие на политику КНР в Южно-Китайском море. Например, немаловажное значение в определении ее линии поведения в ЮКМ имеет такая традиционная для китайской внешнеполитической культуры черта, как ирредентизм. Пекин полон решимости со временем вернуть под свой суверенитет Тайвань, который уже сегодня большинство стран признают неотделимой частью материкового Китая и в своих отношениях с ним официально отказываются от так называемой «концепции двух Китаев». С геостратегической точки зрения ЮКМ является пространством, обеспечивающим выход КНР через Малаккский пролив в Индийский океан, а через Тайваньский пролив — в Тихий. Такой подход в первую очередь имеет в виду контроль над морскими путями и возможность блокирования союзных с Тайванем сил, по преимуществу США, готовых оказать необходимую поддержку Тайбэю.

Широко известны иные характеристики Южно-Китайского моря, которые делают его жизненно важным для Китая и соседних стран с геостратегической, торгово-экономической и других точек зрения. В частности, Китай видит в ЮКМ источник добычи углеводородов с тем, чтобы диверсифицировать энергопоставки и снизить свою зависимость от импорта энергоносителей¹⁶.

Документы, принятые такими ведущими государственными структурами КНР, как Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) в марте 2012 г., Всекитайский комитет Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК), свидетельствуют о том, что в китайской правящей элите сложился консенсус относительно защиты и расширения «морских интересов страны»¹⁷. В то же время руководство КНР считает приоритетом внешней политики Китая улучшение отношений с соседями по региону.

Получается, что курс КНР в ЮКМ в настоящее время можно рассматривать как слагаемое двух взаимосвязанных направлений — защита «неоспоримого суверенитета» над территориями и водным пространством ЮКМ и одновременно обеспечение лояльного отношения соседей, включая соперников в

вопросе о суверенитете в ЮКМ. Очевидно, что одновременное проведение в жизнь этих двух направлений — чрезвычайно трудная задача. Она тем более сложна, так как внутри китайской элиты, особенно ее военного сегмента, все чаще звучат голоса об ужесточении морской политики, чтобы уже к 2020 г. превратить Китай в сильную морскую державу¹⁸.

Все вышесказанное напрямую подводит нас к вопросу об отношении правящей элиты КНР к проблемам ЮВА и ЮКМ.

Дэн Сяопин выработал такую политику: «Суверенитет наш, отложить споры, проводить совместное развитие», и современное китайское руководство продолжает эту линию¹⁹. На самом высоком уровне оно не раз заявляло о своей готовности вести совместную эксплуатацию ресурсов Южно-Китайского моря, но при условии признания суверенитета Китая над «спорными» островами. Здесь находит отражение концепция «мягкой и твердой силы», которую Китай применяет в своей политике в регионе.²⁰

В период восточноазиатского кризиса 1997—1998 гг. Китай буквально спас регион от катастрофы, проводя умную финансовую политику, чем заслужил репутацию «конструктивного партнера» в глазах соседей. В 2002 г. он подписал с АСЕАН Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море (DOC), а в октябре 2003 г. — Совместную декларацию о Стратегическом партнерстве во имя мира и процветания. В том же году Пекин присоединился к Договору АСЕАН о дружбе и сотрудничестве в ЮВА (ТАС). В 2010 г. начало действовать подписанное ранее Соглашение о зоне свободной торговли между КНР и АСЕАН (CAFTA).

В этом смысле политику «мягкой силы» следует рассматривать как преобладающую, хотя примеров применения «твердой силы» по отношению к тем же Филиппинам и Вьетнаму, несмотря на оказываемое им американское покровительство, тоже немало. О предпочтении первой говорилось, в частности, в речи Ху Цзиньтао на экономическом форуме в Боао (о. Хайнань) в апреле 2011 г., в которой сделан акцент на «общности трудобивых и мудрых народов Азии». Он подчеркнул, что КНР, хотя и стала второй экономикой мира, по-прежнему остается разви-

вающейся страной, а потому — как никто другой — понимает нужды и чаяния развивающегося мира. Ху Цзиньтао пообещал выстраивать со всеми равноправные отношения, помогать дешевыми китайскими кредитами и крупными инвестициями, а заодно решать территориальные проблемы с соседями исключительно мирным путем²¹.

Из выступлений Ху Цзиньтао и Ян Цзечи можно было понять, что в Китае не считают морские территориальные проблемы главными во взаимоотношениях со странами АСЕАН, а готовы подчинить их более важным с точки зрения Пекина аспектам двустороннего стратегического партнерства, включая тесное торгово-экономическое сотрудничество. Международные эксперты видят в этом большую выгоду для всех стран всего азиатского региона, которые могут выстроить инфраструктуру и смежные производства вокруг «китайского чуда»²².

Страны АСЕАН, сравнивая роль китайского и американского факторов в ЮВА и приветствуя возвращение США в регион, возможно, не совсем уверены в долгосрочности американских обязательств, учитывая финансовые и другие проблемы США. Это не может не способствовать их позитивному восприятию Китая в регионе, как считает главный редактор сингапурского журнала «Современная Юго-Восточная Азия» Ян Стори²³.

Китай в своей политике в отношении АСЕАН, ставя целью утвердить себя в качестве надежного партнера, старается поддерживать и развивать особо дружественные отношения со странами, которые составляют стратегическую основу АСЕАН — Сингапуром, Малайзией, Индонезией. В духе «заинтересованности» Китая в АСЕАН прошли официальные визиты министра иностранных дел КНР Ян Цзечи 9—13 августа 2012 г. в Индонезию, Бруней и Малайзию, где обсуждались и проблемы Южно-Китайского моря. Китайская сторона, как и на прежних встречах, вела речь о «всецелом и эффективном претворении в жизнь «Декларации действий сторон в Южно-Китайском море», но не говорила о необходимости юридически обязывающего «кодекса».

При этом руководитель МИД КНР подчеркнул, что Китай обладает достаточными историческими и правовыми основа-

ниями, чтобы отстаивать свой суверенитет над островами Наньша и прилегающей к ним морской акваторией. Он подтвердил необходимость прямых переговоров вовлеченных в спор сторон, что является «важным принципом и духом «декларации» (DOC), консенсусом стран, подписавших этот документ». «Мы против того, чтобы вопрос Южно-Китайского моря становился международным или региональным», — отметил Ян Цзечи.

Повышенное внимание Китай уделяет развитию стратегического сотрудничества с Малайзией как одним из важных членов АСЕАН и крупнейшим торговым партнером Китая в составе АСЕАН в последние 4 года²⁴. Она отвечает взаимностью. В ходе встречи глав МИД в рамках Регионального Форума АСЕАН (ARF) 10 июля 2012 г. мининдел Малайзии Анифак Аман говорил о надежности КНР как партнера Малайзии, подчеркнув, что развитие и могущество Китая благоприятствует Малайзии²⁵. Содержание этой встречи свидетельствует о том, что Китаю удастся найти взаимопонимание с рядом стран АСЕАН, в том числе среди участников спора за острова, в выстраивании приоритетности проблем их взаимоотношений. Китай ведет дело так, что морские вопросы при всей их важности не мешают главному — тому, что способствует взаимовыгодному развитию Китая и его соседей из АСЕАН.

Традиционно хорошие отношения сложились у Китая с Таиландом, с которым нет пограничных проблем ни на суше, ни на море. В апреле 2012 г. в ходе визита в Китай премьер-министра королевства Йинглак Чинават стороны повысили уровень двусторонних отношений до всеобъемлющего стратегического сотрудничества и партнерства. Был утвержден рассчитанный на следующие пять лет план совместных действий по реализации этой договоренности, в частности, принято решение об укреплении сотрудничества в четырех важных сферах: строительства скоростных железных дорог, развития водного хозяйства, разработки чистых энергоносителей и подъема образования. Все это открыло новое пространство для китайско-тайских отношений. В результате усилий обеих сторон в 2011 г. Таиланд стал вторым по величине торговым партнером Китая среди стран АСЕАН²⁶.

В июне 2012 г. Китай выступил с еще одной важной инициативой, нацеленной на укрепление сотрудничества с АСЕАН. На проходившем в Пекине экономическом форуме дипломатов посол Китая в АСЕАН Тун Сяолин заявила, что китайская сторона намерена расширять взаимосвязи с АСЕАН на пяти крупных направлениях, включая стратегические контакты на высоком и рядовом уровнях, практическое сотрудничество в духе взаимной выгоды на море, в других сферах, особенно социальные и гуманитарные обмены, с тем чтобы наполнить реальным содержанием двустороннее стратегическое партнерство.

При этом, как подчеркнула посол, Китай готов продолжать усилия по претворению в жизнь Декларации действий сторон в Южно-Китайском море (DOC), совместно со странами АСЕАН обсуждать нормы действий в районе Южно-Китайского моря, продвигать практическое сотрудничество в области научных исследований и охраны окружающей среды на море, безопасности судоходства и проведения спасательных операций, борьбы с транснациональной преступностью на море, морской экономики и аквакультуры, сообща защищать мир и стабильность в Южно-Китайском море, чтобы сделать его морем мира, дружбы и сотрудничества. Тун Сяолин обещала совмещать расширение взаимосвязей с АСЕАН на море, суше и в воздухе, заявив об учреждении китайской стороной фонда морского сотрудничества Китай—АСЕАН в размере 3 млрд юаней в целях формирования его многоуровневой и многосекторной архитектуры.

Было также заявлено, что КНР в рамках практической реализации второй 5-летней программы действий по развитию стратегического партнерства с АСЕАН намерена довести двусторонний товарооборот до 500 млрд долл. и обмен персоналом до 15 млн человек, выполнить другие конкретные цели. Китайская сторона выразила готовность расширять сотрудничество с АСЕАН в использовании новых и высоких технологий, возобновляемых источников энергии в экономике так, чтобы двустороннее сотрудничество благоприятствовало строительству Сообщества АСЕАН, послужило устойчивому развитию Китая и стран АСЕАН и пошло на благо народам²⁷.

Из приведенного заявления китайского посла в АСЕАН ясно, что Китай по-прежнему предпочитает формат двусторонних встреч для урегулирования «морских вопросов». При этом он старается «утопить» их в массе других дел, в которых Китай объективно сильнее своих партнеров и — более того — может быть им полезен, в частности, в такой важной сфере, как строительство Сообщества АСЕАН.

Китай при этом использует неодинаковость подхода стран АСЕАН к «морским вопросам» и предмету спора в ЮКМ, их полную неготовность, в том числе претендентов на островные территории в ЮКМ, действовать сообща. Не на пользу АСЕАН и то обстоятельство, что ее участники спорят по морским вопросам между собой. Отсутствие единой позиции по ЮКМ внутри Ассоциации подтвердила встреча в верхах на Бали в ноябре 2011 г., в частности, безуспешные попытки Филиппин добиться общего подхода стран АСЕАН в территориальном споре с Китаем. На этот раз желанию Филиппин собрать воедино против Китая всех претендентов на суверенитет над островными территориями воспротивилась Малайзия. Малайзийский министр иностранных дел в интервью АФП признал «более конструктивным» проведение конференций и применение Декларации поведения стран в ЮКМ, несмотря на то, что «критики называют ее беззубой и не имеющей юридической силы»²⁸.

Уже упомянутый Ян Стори в статье «АСЕАН — разделенный дом» пишет о невозможности объединенного ответа на претензии Пекина в ЮКМ. Особенно выразительным он назвал отсутствие какой-либо реакции АСЕАН на обострение противостояния Филиппин и Китая вокруг отмели Скарборо, начавшегося 10 апреля 2012 г. АСЕАН не только не оказала поддержки Филиппинам, но вообще обошла молчанием один из самых острых региональных споров с середины 1990-х годов. Полное отсутствие сплоченности и пассивность стран АСЕАН в ситуации в ЮКМ Ян Стори объясняет различием их национальных интересов, включая разное представление о ценности отношений с Китаем²⁹.

Противоречивость позиций членов АСЕАН по ЮКМ просматривается и в других региональных СМИ. Так, в январе

2013 г. тайский официоз «Бангкок пост» призвал к объединению стран АСЕАН против Китая по территориальному вопросу. Китай охарактеризован газетой как «главный двигатель экономического чуда в ЮВА, но и одна из самых серьезных угроз для региона»³⁰. Индонезийская Jakarta Globe, наоборот, утверждая, что «единый фронт АСЕАН по ЮКМ не поможет никому и особенно Индонезии», указала на границы «уступчивости» Китая, который уже пошел на компромисс, определив свою позицию формулой «отложить спор и приступить к совместному развитию». Дальнейшие его уступки невозможны, считает газета, ибо могут вызвать возмущение внутри страны³¹.

В целом, в своей стратегии укрепления позиций в ЮКМ, Китай, как представляется, все же предпочитает мягкие формы взаимодействия с АСЕАН, избегая излишне прибегать к жестким мерам, не желая портить сложившийся в глазах некоторых стран АСЕАН свой образ надежного и перспективного партнера. Например, министр иностранных дел Ян Цзечи именно в ходе 19-й сессии АРФ в апреле 2012 г. подчеркнул, что, учитывая сложность проблемы ЮКМ, китайская сторона неизменно предлагает «отложить» споры и осуществлять совместное освоение». Министр призвал к сохранению всеми сторонами сдержанности в духе Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море, недопущению действий, способствующих расширению и усложнению споров и негативно влияющих на мир и стабильность. По его мнению, такое поведение имело бы ключевое значение для решения проблем ЮКМ³².

Успех политики «мягкой силы» Китая отражает работа 45-й встречи министров иностранных дел стран АСЕАН и других заседаний с участием партнеров по диалогу в Пномпене в июле 2012 г. Отсутствие упоминаний «морских проблем» ЮКМ позволяет сделать вывод, что они не были причислены к разряду первоочередных для АСЕАН³³. Хун Сен говорил о проблемах продовольственной и энергетической безопасности, климатических изменениях, стихийных бедствиях, транснациональной преступности и терроризме, которые в комплексе представляют угрозу для устойчивого социально-экономического развития и создания к 2015 г. сообщества АСЕАН. В решении своих дейст-

вительно острых проблем Ассоциация рассчитывает на поддержку Китая, как он уже неоднократно делал. Это подтвердил Ян Цзечи, который в рамках встречи Китай—АСЕАН заявил, что китайская сторона намерена в соответствии с потребностями строительства Сообщества АСЕАН «модифицировать центр тяжести в сотрудничестве между Китаем и Ассоциацией, чтобы двустороннее сотрудничество содействовало строительству Сообщества АСЕАН»³⁴.

Не однажды заявленное китайской стороной намерение участвовать в построении Сообщества АСЕАН мы понимаем как добровольное желание Китая взять на себя часть ответственности за успешное завершение этого регионального проекта. Таким поведением Китай, даже на фоне острой ситуации в ЮКМ, стремится улучшить свой образ в глазах если не всех, то части стран АСЕАН. США подобных обязательств на себя не брали.

20 июля 2012 г. на пресс-конференции в Пномпене глава МИД Камбоджи Хор Намхонг обнародовал следующие шесть принципов поведения причастных сторон в ЮКМ, утвержденных министрами иностранных дел стран АСЕАН:

- 1) полностью претворять в жизнь «Декларацию действий сторон в Южно-Китайском море» и соответствующие заявления;
- 2) реализовать последующие меры, принятые на основе «Декларации о действиях сторон в Южно-Китайском море»;
- 3) как можно скорее установить строгие правила поведения в Южно-Китайском море;
- 4) строго соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву;
- 5) продолжать стремиться к проявлению сдержанности и выступать за отказ от применения силы;
- 6) продолжать стремиться к урегулированию споров на основе общепризнанных принципов и норм международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву.

Министры иностранных дел стран-членов АСЕАН выразили намерение проводить консультации по вопросам реализации упомянутых принципов, основываясь на Договоре о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии и Уставе АСЕАН³⁵. Из

содержания этого заявления следует, что основополагающим документом, «регулирующим» проблемы ЮКМ, остается Декларация действий сторон в ЮКМ. Это в полной мере соответствует интересам Китая.

«Жэньминь жибао», комментируя предложение ряда стран начать обсуждение «Кодекса поведения в Южно-Китайском море», выразила готовность тщательно рассмотреть данное предложение, чтобы, когда созреют условия, начать соответствующее обсуждение»³⁶. Приведенный текст, в первую очередь, означает, что Китай чувствует себя полным хозяином положения и будет, скорее всего, самостоятельно определять то время, когда «созреют условия».

Всеми этими маневрами Китай добился того, что из-за отсутствия согласованной позиции по ЮКМ страны АСЕАН не смогли опубликовать заключительного коммюнике — впервые за почти полувековую историю Ассоциации (1967—2012).

На недостаток единства действий участников территориальных споров в ЮКМ и оснований для решения этой проблемы указывают и зарубежные, в том числе западные эксперты. Например, Роберт Бекман по поводу китайско-филиппинского спора вокруг отмели Скарборо тоже высказался в пользу сотрудничества в ЮКМ как способа уйти от риска конфронтации. Автор, ссылаясь на существующее морское право, утверждает, что факт нахождения рифа в границах 200-мильной исключительной экономической зоны Филиппин не дает Филиппинам права на суверенитет над этой морской территорией. Согласно морскому праву также не имеет значения, что риф находится внутри пространства, обозначенного Китаем «девятью точками» на его знаменитой карте «суверенитета» в ЮКМ. Все варианты потенциальных договоренностей, включая китайскую формулу «отложить спор о суверенитете и заняться совместно эксплуатацией водного пространства», подразумевают признание обеими сторонами вопроса о суверенитете спорным. Китай же не согласен признавать вопрос о суверенитете спорным, и это делает предлагаемую им формулу не действующей, а вопрос о суверенитете не решаемым в рамках существующего морского права³⁷.

Специалисты по международному морскому праву Алан Чонг и Эмрис Чью предлагают оставить ситуацию в ЮКМ в состоянии статус-кво, объясняя свою позицию, как и предыдущий автор, невозможностью решить территориальный спор в рамках существующего международного права. «Пекин, Манила и остальные четыре претендента на острова в ЮКМ должны примирить свои истории, историческую память, которые питают их национализм в виде борьбы за территориальный суверенитет, с неформальной практикой, сложившейся в ЮКМ», — пишут ученые. Они считают, что состояние неопределенности, свойственное азиатской дипломатии, — это и есть альтернативный, «спасающий лицо» выход для всех сторон из запутанной ситуации, которую нельзя решить правовым путем. Обоснование такого подхода, по их мнению, можно найти в принципах «асановского пути»³⁸.

Продолжение «двусмысленного амбивалентного статус-кво» в ЮКМ, которое может включать совместную эксплуатацию ресурсов без акцентирования вопроса о суверенитете над «спорными» территориями, как один из вариантов подхода конфликтующих сторон, рассматривает и цитированный выше Кристофер Фриз³⁹.

Из вышесказанного нами сделаны *следующие выводы* относительно китайской политики в ЮВА и ЮКМ в частности.

Правящая элита Китая способна адекватно отвечать на вызовы и решать задачи, которые ставит время. В своей политике в ЮВА и ЮКМ современное руководство КНР опирается на опыт непосредственных предшественников (Дэн Сяопин), развивая и приспособливая его к новым международным реалиям. Используя инструментарий «мягкой и твердой силы», Пекин в отношениях с соседями по региону и участниками спора из-за суверенитета над островными территориями ЮКМ отдает приоритет «мягкой силе».

Китай пытается вовлечь соседей по ЮКМ в свою экономическую орбиту, сделать торгово-экономическое «стратегическое» сотрудничество приоритетом двусторонних отношений, предлагая оставить решение территориальных морских вопросов на потом — следующим поколениям. С этим, как формой

непризнания их прав на острова в ЮКМ, не согласны непосредственными оппонентами КНР — ее соседи. Между ними и другими членами АСЕАН не удается достичь согласия и совместных антикитайских действий, что серьезно сдерживает урегулирование конфликта.

В противостоянии с США в ЮКМ и — шире — в ЮВА Китай не идет на конфронтацию, предпочитая оставаться в рамках партнерства, но и не отказывается от стратегии усиления своих позиций в регионе. Среди факторов, определяющих политику современного Китая в ЮВА и ЮКМ, на наш взгляд, первостепенным является общая стратегия руководства КНР по приведению геополитического положения страны в соответствие с ее быстрым экономическим ростом и все возрастающей военной мощью, включая увеличение ее военно-морской составляющей.

Такая стратегия, будучи результатом осмысления китайским руководством вызовов, которые несет Китаю меняющаяся международная обстановка, подразумевает расширение сфер влияния формирующейся сверхдержавы. Южно-Китайскому морю в этой стратегии отводится особая роль: как считают эксперты по региону, страна, контролирующая ЮКМ, станет главной морской державой в Восточной Азии.

Политика КНР в отношении стран ЮВА, ее позиция по ЮКМ, где китайцы отстаивают свои национальные интересы и «неоспоримый» суверенитет над островными территориями и водными пространствами — это Пекинский консенсус в действии, так как одним из важных смыслов Пекинского консенсуса является защита государственных границ. Время покажет, насколько состоятельна эта компонента Пекинского консенсуса.

Примечания

¹ Taylor, Jay. China and Southeast Asia. Peking's Relations with Revolutionary Movements. N.Y.-Wash.-L, 1976. P. VII, XII.

² См.: Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития / Юго-Восточная Азия 2010—2011 гг. Выпуск XVII. М., 2011. С. 9, 10.

³ Beukel, Erik. China and the South China Sea: Two Faces of Power in the Rising China's Neighborhood Policy. Working Paper 2010: 07. Copenhagen. P. 9.

⁴ Freise, Christopher. By Invitation, Mostly: the International Politics of the US Security Presence. China and the South China Sea RSIS Working Paper № 247, August 28, 2012.

⁵ Голос Америки. 12.07.2012.

⁶ Там же.

⁷ Международное Радио Китая. URL: <http://russian.cri.cn/841/2012/06/28/1s433013.htm>.

⁸ Abramowitz, Morton and Bosworth, Stephen. Adjusting to the New Asia // Foreign Affairs. July-August 2003. P. 125.

⁹ The Straits Times, December 21, 2011.

¹⁰ Жэньминь жибао. 06.07.2012.

¹¹ Trinh Dinh Le and Cleo, Paskal. Making elephants lighter on their feet // The World Today. April-May 2012. P. 21. Чинь Динь Ле — зам. директора Института внешней политики и стратегических исследований Дипломатической академии СРВ.

¹² Ibid.

¹³ РИА-Новости, март 2011 г.

¹⁴ Ramo, Joshua Cooper. The Beijing Consensus. London, Foreign Policy Centre, 2004; Williamson, Jonh. Is the «Beijing Consensus» Now Dominant? // Asia Policy. № 13, January 2012; Halper, Stepan. The Beijing Consensus: How China's Authoritarian model will Dominate the Twenty-first Century. New York: Basic Books, 2010.

¹⁵ Williamson, John. Is the «Beijing Consensus» Now Dominant? // Asia Policy. № 13. January 2012. P. 16.

¹⁶ См. Buszynski L. The South China Sea: Oil, Maritime Claims and US-China Strategic Rivalry // The Washington Quarterly. Spring 2012. P. 141.

¹⁷ Li Mingjiang. China is Rising Maritime Aspirations: Impact on Beijing's Good-Neighbors Policy. RSIS commentaries, № 053/2012. March 28, 2012.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Fravel, M.Taylor. China's strategy in the South China Sea // Contemporary Southeast Asia. № 33. December 2011. P. 312.

²⁰ Beukel, Erik. Op. cit. P. 16.

²¹ Коммерсант. 16.04.2011.

²² URL: http://expert.ru/2011/04/15/azia_stanovitsya-tsentrrom_tyzhesti.

²³ An Interview with Jan Story. ASEAN and South China Sea. Deepening Divisions. The National Bureau of Asian Research Policy. July 16, 2012.

²⁴ Жэньминь жибао. 14.08.2012.

²⁵ Там же. 11.07.2012.

²⁶ URL: <http://Russian.news.cn/China/2012-04/22>.

²⁷ URL: <http://russian.cri.cn/841/2012/06/13> Агентство Синьхуа. 13.06.2012.

²⁸ The Straits Times. 16.11. 2011.

²⁹ См.: Storey Ian. ASEAN is a House Divided // Wall Street Journal. 14.06.2012.

³⁰ Bangkok Post. 7.01.2013.

³¹ Jakarta Globe. 13.06.2012.

³² Международное Радио Китая. 14 июля 2012.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Жэньминь жибао. 12.07.2012.

³⁶ Там же.

³⁷ Beckman, Robert. Scarborough shoal: Flashpoint for Confrontation or Opportunity for Cooperation? RSIS, № 072/2012. April 12, 2012. Роберт Бекман — директор Центра международного права и профессор факультета права Национального университета Сингапура.

³⁸ Chong, Alan and Chew, Emrys. Asian Diplomatic Ambiguity — Calming the South China Sea? RSIS Commentaries. № 078, 2012. May 3, 2012.

³⁹ Freise, Christopher. Op. cit. P.13.

Часть третья

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СРВ

М.Е. Тригубенко

К ВОПРОСУ ОБ ОБНОВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ВЬЕТНАМА

1. Некоторые итоги социальной политики в период системной трансформации

В процессе системной трансформации СРВ прослеживаются два этапа: первый в 1986—2000 гг., второй в 2001—2010 гг. За эти годы происходило реформирование командно-административной системы, и начался переход к рыночным отношениям. На политику *Đổi mới* (обновления), утвержденную на VI съезде Компартии Вьетнама в 1986 г., влияли как трудности системной трансформации, так и особые исторические условия возникновения и формирования вьетнамского государства — политическая изоляция Северного и Южного Вьетнама до освобождения, антиамериканская война, ошибки в экономической стратегии в первые годы после государственного воссоединения Севера и Юга и провозглашения СРВ. Они состояли в попытках всеобщего обобществления путем ликвидации всех форм част-

ной собственности. Проводилась непродуманная и ошибочная политика ускоренной индустриализации, которая привела к резкому снижению жизненного уровня подавляющей части населения. Итогом ошибок в стратегии переходного периода явился жесточайший экономический кризис первой половины 1980-х годов, в связи с чем руководство СРВ осознало необходимость резкого изменения экономического курса и перехода к нэпу, т. е. к новой экономической политике.

Официальная трактовка нового курса Компартией Вьетнама как «развитие рыночной экономики социалистической ориентации» на деле привела в социальной сфере к тому, что т.н. формальная (государственная экономика) и неформальная (частная экономика) были поставлены в неравные условия по финансированию и получению социальной поддержки со стороны государства.

Основное содержание новой экономической политики в социальной сфере состояло в следующем:

- государственная поддержка в первую очередь экономически отсталых административных районов проживания нацменьшинств и народностей; попытки решения здесь проблемы голода, бедности, неграмотности, снабжения населения чистой водой, а также создание культурных и оздоровительных центров;
- решение на государственном уровне демографических проблем, прежде всего, регулирование темпов высокой рождаемости и внутренней миграции населения, организация женского труда;
- государственная помощь инвалидам войны из-за американской агрессии во Вьетнаме в 1965—1975 гг.

Политика «двойных стандартов» в социальной сфере проявилась в том, что в бюджетных организациях (на производстве, в сфере науки, культуры, здравоохранения) проводились гарантированная государством оплата труда, пенсионное обеспечение и выплата социальных льгот, а в частном — нет.

Рынок повлиял на то, что на рыночные условия были переведены сфера образования и медицинские услуги — они стали частично платными даже в госучреждениях. Экономия государственных средств на обслуживание социальной сферы вызыва-

лась необходимостью постоянного увеличения общественных инвестиций на индустриализацию и технологическую модернизацию. Поэтому во Вьетнаме социальные расходы стали все шире покрываться за счет помощи из негосударственных источников финансирования: от общественных благотворительных фондов, в счет спонсорских средств, поступивших по программе Официальной помощи развитию — ODA (международной помощи развивающимся странам), от вьетнамских эмигрантов, а также взаимопомощи в рамках семьи. Форма семейной взаимоподдержки характерна для стран Восточной Азии, следующих конфуцианскому учению.

На процесс системной трансформации в 2001—2012 гг. оказали сильное, можно сказать определяющее влияние участие СРВ в глобализации и региональной интеграции, присоединение в 2006 г. к ВТО, полная нормализация дипломатических отношений с США, подписание в 2001 г. вьетнамско-американского торгового соглашения, что обеспечило бурный приток в страну ПИИ и донорской помощи. Внешняя подпитка экономического роста позволила ослабить финансовую нагрузку на государственный бюджет.

Главным приоритетом социальной политики второго этапа трансформации вьетнамской экономики стало расширение государственного финансирования сфер, служащих основой для «экономики знаний». Чтобы подтянуть Вьетнам в области научно-технологического развития к уровню Китая и продвинутых стран-членов АСЕАН, в стратегии социально-экономического развития на 2001—2010 гг. было уделено особое внимание таким отраслям НТП, как наука, высшее образование, НИОКР. Начался интенсивный рост количества государственных университетов, отраслевых вузов, финансируемых из госбюджета. Одновременно ширилась сеть негосударственных вузов и научных центров, разного рода ассоциаций. Спонсорские средства (гранты ODA) активно использовались для подготовки студентов и аспирантов в западных престижных вузах. Государство спонсировало совместно выполняемые с зарубежными учеными и специалистами научно-исследовательские проекты. НИИ участвовали в получении грантов от других стран, усилились академи-

ческие научные связи со многими странами мира, включая Китай, США, Японию, Республику Корея, при этом с Россией сократились. Но в вышеуказанных социальных сферах существенных изменений в финансировании их государством не произошло, если не считать срочной помощи малоимущим гражданам и мелким предпринимателям в период глобального финансового кризиса 2008—2009 гг., который затронул Вьетнам.

На протяжении двух этапов системной трансформации без достаточной финансовой помощи и госдотаций оставался почти весь неформальный сектор, включающий малое, незарегистрированное предпринимательство, в том числе различные формы индивидуальной и семейной хозяйственной деятельности, на долю которых приходится более 30 % ВВП.

Высокие темпы экономического развития (в среднем 7,2 %) в первом десятилетии XXI века привели к росту подушевого валового общественного продукта до 1200 долл. в 2010 г.¹, однако этого недостаточно, чтобы преодолеть низкую планку производства ВВП. Социальная сфера в целом не стала одним из главных факторов стабильности и эффективного использования человеческих ресурсов для продолжения процессов индустриализации и модернизации.

Сейчас, вследствие мирового финансово-экономического кризиса и стагнации, во многих странах Азии идут поиски новой модели развития. Трудности выбора новой модели Вьетнама связаны с ее слабым теоретическим обоснованием. В отличие от Китая ни в научных трудах, ни в программе КПВ, утвержденной на XI съезде, не были обозначены исторические рамки окончания переходного периода (в КНР его рубежом определена середина XXI века). Не ясно также, как будет происходить эволюция рыночной экономики в социалистическую, каков путь к гражданскому демократическому обществу и сохранится ли однопартийная система? На все эти вопросы во Вьетнаме мы не находим пока четких ответов. Видимо, недоработки теоретической концепции в научной среде были связаны с «боязнью» определения сущностных черт нынешнего переходного строя. Ни в партийных документах, ни в научных публикациях не показано, будет ли развиваться в СРВ в рамках избранной модели

государственно-частный или постиндустриальный капитализм. Замалчивается или преуменьшается роль негосударственных укладов, крупного, среднего и мелкого бизнеса в модернизации экономики, в системной трансформации общества, не разработана теория модернизации вьетнамской социальной модели.

Эта модель в ее нынешнем виде выступает, с одной стороны, как дотационная, зависимая от государства, а с другой — как удовлетворяющая социальные нужды преобладающей части вьетнамского населения в духе самообеспечения. Очередная попытка уравнивать права граждан в получении социальных благ от государства и сформулировать систему социальных гарантий была предпринята в связи с последствиями глобального кризиса 2008—2009 гг. Кризис вскрыл необходимость обновления не только экономической, но и социальной модели. XI партсъездом определен среднесрочный период для решения этой задачи — 2011—2020 гг. Встает вопрос о том, можно ли считать этот период переходом к *третьему* этапу системной трансформации, когда в отличие от второго этапа для поддержки социальной сферы необходимо участие не только государства и донорского сообщества, но и крупного вьетнамского частного бизнеса.

Как отмечают многие вьетнамские экономисты, факторов модернизации социальной модели у Вьетнама недостаточно: экономика остается слабой, неэффективной, ресурсов для обновления социальной сферы также недостаточно. На съезде по этому поводу было сказано следующее: «Экономика развивалась еще недостаточно устойчиво, качество роста, производительность, эффективность, конкурентоспособность экономики остаются на низком уровне, макроэкономические показатели недостаточно сбалансированы, а разработка и эффективность использования различных источников роста ограничены. Экономический рост опирался преимущественно на факторы экстенсивного типа, хозяйственная жизнь медленно перестраивается на интенсивный путь. В культурной и социальной сферах сохраняются многие недостатки, в ряде аспектов они остаются отсталыми. Окружающая среда Вьетнама по-прежнему подвергается загрязнению. Несовершенство экономических институтов, низкое качество человеческих ресурсов, недостаточно раз-

витая инфраструктура во многом препятствует быстрому развитию страны. Можно говорить о том, что пока не полностью созданы условия для превращения СРВ в социалистически ориентированное индустриальное государство».²

Для того чтобы решить все эти проблемы, Вьетнам должен сохранять устойчиво высокие темпы развития и экономическую стабильность. XI съезд КПВ призвал добиваться достижения среднегодовых темпов роста ВВП в 2011—2020 гг. на уровне 7—8 %, к 2020 увеличить в 2,2 раза объем ВВП по сравнению с 2010 г. и тем самым довести уровень ВВП на душу населения до 3000—3200 долл. США. За счет технологической модернизации предусмотрено повысить долю высокотехнологичной продукции до 40 % в промышленности, снизить уровень занятости в аграрной экономике до 30 % трудоспособного населения.³ Выполняя эти макроэкономические задачи, Вьетнам сможет перейти из группы слаборазвитых в группу среднеразвитых стран, в т.ч. по средним показателям использования человеческого потенциала (ИРЧП); стабилизировать среднегодовые темпы естественного роста населения на уровне 1,1 %, среднюю продолжительность жизни населения в 2020 г. довести до 75 лет. Среди других задач, характеризующих качественные изменения, которые должны быть решены в социальной сфере в текущем десятилетии, на XI съезде КПВ были названы: повысить долю квалифицированных рабочих до 55 % к общему числу занятых; ежегодно снижать количество бедных семей на 2—3 %, сокращать различия в доходах между отдельными регионами и группами населения; избавиться от ветхих жилых строений, довести долю обустроенных квартир в общем жилищном фонде в городах до 70 %, среднюю норму жилплощади на человека поднять до 25 кв. м⁴.

2. Болевые точки социальной системы Вьетнама

Борьба с бедностью. Результативность государственных программ

Государственные программы применительно к рыночным условиям начали разрабатываться с конца XX века. Основной упор в них был сделан на стратегию подъема депрессивных, в

основном сельскохозяйственных регионах страны, в которых проживает большая часть бедного населения.

Вьетнам относится к странам с высокой плотностью населения (265 человек на 1 кв. км) и быстро увеличивающимся населением. Общереспубликанская перепись была проведена в 2009 г., а в 2011 г. по оценке Госстата в стране проживало 87 840 тыс. человек⁵. Процесс урбанизации в СРВ протекает по разным причинам довольно медленно, поэтому население в сельских районах в 2011 г. (59 951,8 тыс. человек) почти соответствовало показателю 2005 г. (60 060,1 тыс. человек). Численность городского населения в 2011 г. составила 27 888,2 тыс. человек, т. е. выросла на 5,5 млн — до 31,75 %.

Впервые в качестве эксперимента борьбы с бедностью был выбран город Хошимин в 1992 г., а с 1993 г. в эту работу включились многие провинциальные органы власти. Их опыт был положен в основу первой государственной правительственной Программы № 120.

Помимо аграрной сферы в программу были включены проекты, касающиеся таких социальных сфер, как увеличение занятости, образование, здравоохранение. Результативной среди правительственных инициатив по преодолению бедности стала 2-ая Программа (№ 135), утвержденная 31 июля 1998 года. Программа № 135 включила в сферу государственной помощи 52 провинции, расширила господдержку проектов по строительству инфраструктуры в горных районах, подготовки специалистов в глубинке. Всего из госбюджета провинциальным банкам, включенным в Программу № 135, был выделен 21 трлн донгов. Льготные кредиты от них получили 2362 сельские коммуны в 22 провинциях страны. Для определения объема финансовых ресурсов, необходимых для борьбы с бедностью, правительство разработало критерии оценки уровня бедности, исходя из месячных доходов нуждающихся. В 2006 г. в городе он был установлен в размере 260 тыс. донгов на душу населения (0,54 долл. в сутки), в сельской местности — 200 тыс. донгов (0,42 долл.) и периодически повышался с учетом инфляции⁶. Программа охватила этнические группы в горных районах и всех жителей отдаленных районов⁷.

В выполнении государственной программы № 135 были задействованы министерства и центральные административные органы, общественные организации, крупнейшие госкорпорации (табл. 1).

Таблица 1. Затраты на выполнение государственной программы № 135 в 1999—2002 гг., млн донгов

Источники финансирования	Годы			
	1999	2000	2001	2002
Министерства и центральные органы	19 945	10 670	25 680	16 750
Общественные организации	510	410	140	270
Провинции и города, включенные в программу	19 853	5547	13 000	10 000
Госкорпорации	29 403	44 650	47 000	29 700
Всего	69 711	61 277	85 820	56 720

Источник: Vietnam Economic Review, 2003. № 6. Р. 39.

Координацию выполнения программы № 135 осуществлял в указанный период Комитет по делам этнических и горных регионов (Committee of Ethnicities and Mountainous Regions). Под его патронажем были реализованы 6 инвестиционных проектов. 1. Проект развития инфраструктуры, включая ирригацию, строительство водных каналов, очистки питьевой воды. 2. Проект обустройства центров сельских общин, включая школы, больницы. 3. Проект планирования хозяйственной деятельности населения в охваченных программой № 135 регионах, внутренней миграции, сохранения национальной культуры в районах проживания нацменьшинств, приграничных, прибрежных районах. 4. Проект поддержки традиционных для этих районов сельского и лесного хозяйства, развития и по необходимости создания зон переработки продукции этих отраслей. 5. Проект повышения уровня обучения, культуры, профессионализма, вплоть до общин, деревень, малых поселений в горных районах и районах проживания нацменьшинств. Этот проект включал пропаганду в указанных местах экономической политики партии и реформу управления. 6. Проект государственного и мест-

ного финансирования мероприятий, направленных на искоренение голода и снижение уровня бедности в районах, включенных в государственную Программу № 135⁸.

Реализация государственных социальных программ привела к снижению бедности. Если в 1998 г. доля живущих в крайней нищете среди всего населения составляла 37,4 %, то после выполнения программы № 135 снизилась до 28,9 % в 2002 г., 13,4 % в 2008 г. и 12,6 % в 2011 г.

Успехи экономического развития и рост бюджетных расходов на социальные цели способствовали дальнейшему снижению численности бедного населения. Приведем статистику за период 1998—2008 гг. (табл. 2)⁹.

Таблица 2. Снижение доли крайне бедных семей в 1998—2008 гг.

Регион	Год			
	1998	2002	2004	2008
Дельта Красной реки	29.3	22.4	12.1	8.6
Северо-Восток	62.0	38.4	29.4	24.3
Северо-Запад	73.4	68.0	58.6	45.7
Северная часть Чунгбо	48.1	43.9	31.9	22.6
Южная часть Чунгбо	34.5	25.2	19.0	13.7
Центральное плоскогорье	52.4	51.8	33.1	24.1
Юго-Восток	12.2	10.6	5.4	3.5
Дельта р. Меконг	36.9	23.4	19.5	12.3
В целом по стране	37.4	28.9	15.5	13.4

Источник: General Statistical Office — Data of Vietnam Living Standards Surveys. 2006, 2008. Statistical Handbook of Vietnam, 2011. Р. 202.

При анализе уровня бедности обычно встает вопрос, что принять за порог бедности. В Китае, например, фиксированный порог бедности находится намного ниже среднемирового. Об этом заявил член Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая Шэнь Вэнь в марте 2011 г.

По его словам, более 100 млн бедных граждан страны не считаются бедными в результате «перекоса» в системе измерения среднемесячных доходов¹⁰. Во Вьетнаме порог бедности официально определен на уровне 0,5 долл. в сутки, тогда как в соответствии с международными стандартами, в том числе стандартами Всемирного банка и ООН, он был вдвое, а сегодня втрое выше: в качестве абсолютно бедных в мире рассматриваются те, кто зарабатывает меньше 1—1,5 долларов США в сутки. Само понятие «бедность» имеет во Вьетнаме более широкое толкование, поскольку им определяют не только низкий жизненный стандарт по потреблению, но и низкий уровень образования, детскую неграмотность, низкую квалификацию занятых, низкий культурный уровень. Эти проявления «бедности» в первую очередь характерны для мест проживания нацменьшинств в горных и высокогорных, отдаленных районах, где в 2002 г. доля бедных семей достигала максимально высокого показателя в 70 % и была снижена в 2008 г. до 46 %¹¹.

Причина недоедания и сохранения бедности людей кроется в чрезвычайно мелких земельных наделах у крестьян, занятых в растениеводстве. Сохраняется низкая посещаемость школ, не исполняется государственная программа по охвату детей школьным образованием. 10 % детей школьного возраста в районах проживания нацменьшинств вообще не посещают начальную школу. Одна из причин состоит в отсутствии у родителей средств для оплаты дополнительных услуг школьного обучения. Высокий уровень бедности также зачастую вызван отсутствием у некоторых категорий бедных семей сертификата административных органов на получение пособий, особенно это явление распространено среди лишенных регистрации по месту проживания.

Одним из препятствий на пути реализации государственной программы борьбы с бедностью стало нечеткое распределение выделенных ресурсов по районам и слабый контроль над их использованием со стороны местной администрации. Здесь кроется причина роста коррупции и расходования денежных ресурсов не по назначению. Необходимо более четкое, адресное распределение средств, усиление надзора и отчетности за их использо-

ванием. Помимо этого, должна измениться система финансирования образования, с тем чтобы полностью освободить начальную школу от дополнительной оплаты за обучение.

Плохие условия проживания населения в экологически неблагоприятных районах вызваны также отсутствием водных очистительных устройств. Во Вьетнаме очень остро стоит проблема «чистой воды». В работе по Международному содействию развитию (ODA) этой стране программа «чистой воды» находится поэтому среди приоритетных. В 1998 г. только 32 % сельского населения СРВ имело доступ к «чистой» воде (или 23 млн человек), в 2004 г. 60 % (40 млн человек), но 40 % продолжали жить в условиях, вызывающих инфекционные заболевания¹².

В 2010 г. была принята третья государственная программа поддержки отсталых районов. В правительственном постановлении «О направлениях устойчивого снижения бедности на период 2011—2020 гг.» предусмотрено оказание материальной помощи 2,5 млн малоимущих граждан, организация новых рабочих мест, профессионального обучения и переподготовки с упором на развитие общин и уездов в горных, прибрежных, островных и отдаленных районах страны.

3. Доходы населения. Уровень социального неравенства

Быстрый экономический рост и активность малого предпринимательства, формирование среднего класса позволили повысить среднемесячные доходы в 1998—2010 гг. с 221,1 тыс. донгов до 1387 тыс. донгов на душу населения в целом по стране. В городах в 2011 г. среднемесячные доходы равнялись 2130 тыс. донгов, в сельских районах — 1070 тыс. донгов (табл.3).

С 2006 по 2010 гг. среднемесячные расходы в расчете на душу населения увеличились в 2,5 раза, с 511 тыс. донгов до 1211 тыс. донгов. Расходы в городах выросли с 812 тыс. донгов до 1828 тыс. донгов, в сельских районах с 402 тыс. донгов до 950 тыс., т. е. были в 2,5 раза меньше, чем у горожан.

Общим показателем разрыва в уровне благосостояния бедных и богатых семей в мировой статистике является оценка в

Таблица 3. Доходы на душу населения в месяц в различных регионах СРВ в 1998—2010 гг., тыс. донгов

Регион	Год			
	1998	2002	2004	2010
Дельта Красной реки	227,0	271,2	273,5	1580
Северо-Восток	175,8	220,2	293,8	905
Северо-Запад	175,8	179,0	233,2	
Северная часть Чунгбо	162,3	192,8	252,7	
Южная часть Чунгбо	197,5	247,6	330,8	1018
Центральное плоскогорье	251,1	201,8	295,3	1088
Юго-Восток	385,1	447,6	577,0	2304
Дельта р. Меконг	245,8	258,4	335,1	1247
Вьетнам в целом	221,1	269,1	359,7	1387

Источник: General Statistical Office — Data of Vietnam Living Standards Surveys. Hanoi, 2008; Statistical Handbook, 2011. P. 199; Statistical Yearbook 2011. Hanoi, 2012. P. 658.

квантилях (the quintiles — 20-процентных группах), которая применяется и во вьетнамской практике.

Порайонная статистика доходов на душу населения в квантилях (табл. 4) показывает, что почти повсеместно разрыв в квантилях вырос, кроме Юго-Востока и Центрального плато. В горных и высокогорных районах проживания нацменьшинств разрыв был значительным.

Таблица 4. Доходы на душу населения в различных районах СРВ по квантилям в 2002—2010 гг.

	Год	Нижняя 20%-ная группа, тыс. донгов/мес.	Верхняя 20%-ная группа, тыс. донгов/мес.	Разрыв между верхней и нижней 20 % группой, раз
Весь Вьетнам	2002	108	873	8.1
	2004	142	1182	8.3
	2006	184	1542	8.4
	2010	369	3410	9.2

Окончание табл. 4

	Год	Нижняя 20%-ная группа, тыс. донгов/мес.	Верхняя 20%-ная группа, тыс. донгов/мес.	Разрыв между верхней и нижней 20 % группой, раз
Дельта Красной реки	2002	121	828	6.9
	2004	164	1140	7.0
	2006	215	1518	7.1
	2010	468	3744	8.0
Северо-Восток	2002	95	588	6.2
	2004	124	872	7.0
	2006	169	1205	7.1
	2010*	282	2137	7.6
Северо-Запад	2002	75	447	5.0
	2004	95	612	6.4
	2006	134	880	6.6
Северная часть Чунгбо	2002	89	519	5.8
	2004	114	684	6.0
	2006	148	934	6.3
	2010**	317	2283	7.2
Южная часть Чунгбо	2002	113	657	5.8
	2004	141	918	6.5
	2006	188	1235	6.6
Центральное плоскогорье	2002	86	547	6.4
	2004	119	904	7.6
	2006	157	1229	7.9
	2010	356	2526	7.1
Юго-Восток	2002	165	1493	9.0
	2004	233	2033	8.7
	2006	299	2626	8.8
	2010	720	5573	7.7
Дельта реки Меконг	2002	126	860	6.8
	2004	159	1071	6.7
	2006	210	1427	6.8
	2010	395	2908	7.4

Источник: General Statistical Office — Data of Vietnam Living Standards Surveys. Hanoi, 2008; Statistical Handbook, 2011. P. 199; Statistical Yearbook 2011. Hanoi, 2012. P.658.

Примечания: * Данные даны вместе для Северо-Востока и Северо-Запада.

** Данные даны вместе для северной и южной частей Чунгбо.

Уровень социального неравенства в мировой статистике измеряется также коэффициентом Джини (табл. 5) по двум параметрам: по потреблению (The consumption expenditure) и по величине доходов (The Income). Во Вьетнаме коэффициент Джини по потреблению увеличился с 1993 по 2006 гг., т. е. в период интенсивного экономического роста, с 0,34 до 0,36, хотя ряд экспертов дает более высокие данные. К тому же эти цифры не отражают более глубокой разницы в потреблении из-за сокрытия объема имеющихся материальных благ богатой частью населения, неполной отчетности по доходам в налоговой декларации, сокрытия части накопленного богатства в оффшорах.

Коэффициент Джини по уровню доходов за 1993—2008 гг. по официальным данным вырос с 0,34 до 0,43, разрыв в уровне доходов между богатыми и бедными тем самым увеличился за этот период в 8,4 раза¹³. В 2010 г. коэффициент Джини по уровню доходов был равен 0,433, т. е. остался на уровне 2008 г., в т.ч. в городах — 0,402, в сельских районах — 0,395. По районам показатель Джини в 2010 г. составил:

- дельта р. Красная — 0,408;
- дельта р. Меконг — 0,398;
- Юго-Восток — 0,414;
- Центральное плато (Тэйнгуен) — 0,408¹⁴.

Таблица 5. Динамика показателя Джини по потреблению и по уровню доходов во Вьетнаме

	1993	1998	2002	2004	2006	2010
По расходам на потребление	0,34	0,35	0,37	0,37	0,36	0,36
По уровню доходов	0,35	0,39	0,42	0,41	0,43	0,43
Разрыв между богатыми и бедными в квантилях (раз)	6,2	7,6	8,1	8,3	8,4	8,4

Источник: General Statistical Office — Data of Vietnam Living Standards Surveys. Hanoi, 2006, 2008; Statistical Handbook of Vietnam, 2011. P. 210.

4. Социальные реформы

Порядок выплаты пенсий и социальных пособий на госпредприятиях. Предприятия должны были перечислять на пенсион-

ные цели максимально 15—20 % фонда заработной платы, но не меньше 5 % от общих доходов при численности персонал в 10 и более человек. На малых предприятиях социальное пособие должно быть включено в зарплату занятого, чтобы работник по собственному усмотрению мог прибегать к услугам накопительных фондов и страховых компаний.

В целом пенсионная нагрузка на государство была невелика, так как на лиц старше 65 лет после их выхода на пенсию в начале XXI века приходилось 5,5 % общей численности населения. Только 2 млн человек получали пенсию после окончания работы на госпредприятиях или после окончания службы в армии. По закону пенсия должна составлять не менее 45 % среднегодового размера заработной платы.

Система пособий людям с ограниченными физическими возможностями. К началу XXI века, по официальным данным, в стране насчитывалось 3,5—5 млн инвалидов, из них 20—30 % получили увечья в результате участия в боевых действиях¹⁵. В результате войны, которую вели на юге Вьетнама США, 3 млн вьетнамцев были убиты и 4,4 млн ранены. Проблема инвалидов войны в СРВ до сих пор стоит очень остро.

Инвалиды и ветераны войны, семьи, потерявшие кормильца, сироты, одинокие старики получают небольшие государственные пенсии и пользуются некоторыми льготами и привилегиями. Ежемесячное пособие инвалидам составляло в 2007—2008 гг. 3—10 долл. в зависимости от того, где и как за ними осуществлялся уход. Средства из госбюджета (ежегодно 215 млн долл.) через Фонд социальных гарантий поступают 1,5 млн человек с серьезными увечьями. В 2004 г. из этого источника 22 % нуждающихся получали постоянное пособие, в том числе 12 % содержались в специальных реабилитационных центрах, остальные жили за счет общинной (коллективной) поддержки.

Реформа здравоохранения. В конце 1990-х годов всеобщим бесплатным медицинским страхованием было охвачено 8—9 % населения, или 6 млн человек. Многие жители Вьетнама, особенно проживающие в сельских районах, не могли оплатить лечение в больницах за свой счет при отсутствии страховки. Почти во всех сельских общинах есть пункты здравоохранения, но в

среднем на каждые десять тысяч человек в них приходится менее 1 медицинского работника¹⁶. Из-за нехватки денег представители нацменьшинств предпочитают идти к народным целителям или лечатся дома.

Реформа медицинского страхования началась в 2008 г. Она предусматривает выделение средств из госбюджета на расширение охвата медицинским страхованием населения, особенно низкодходных групп и детей. Согласно закону о медицинском страховании обязательное медицинское страхование должно стать общедоступным в 2014 г. Сначала доступ к нему получили занятые в госсекторе — в негосударственных структурах работники могут приобрести медицинскую страховку только добровольно. С 2009 г., помимо обязательного медицинского страхования всех детей в возрасте до 6 лет, государство покрывает половину стоимости социальной страховки для той части населения, которая только недавно вышла из группы нуждающихся. Органы социального страхования выделяют деньги на покупку карточек государственного медицинского страхования для бедных граждан и жителей труднодоступных горных районов в рамках вышеназванной национальной программы по борьбе с бедностью (раньше частично эти средства выделялись через Общественный фонд медицинского страхования для бедных). Реформа здравоохранения привела к тому, что в 2010 г. доля населения, охваченного обязательным медицинским страхованием, возросла до 62 %¹⁷.

Реформа налоговой системы. Реформа прошла в три этапа. На первом этапе правительство ввело налоги вместо отчислений от прибыли предприятий, установило неодинаковый режим налогообложения для разных секторов экономики и форм собственности, ввело систему прямых налогов (на все доходы, включая доходы от бизнеса в сфере промышленности, услуг и сельского хозяйства), специальный налог (акциз) на потребление предметов роскоши, включив дорогие импортные автомобили.

Вторым этапом явилось расширение сферы оборотных и косвенных налогов — с продаж (налога на добавленную стоимость с товарных групп, список которых пополняется), за пользование земель, передачу земельных и прочих имущественных

прав, использование природных ресурсов и т. п. Доля отчислений НДС (как и подоходного налога) постепенно выросла с 15 до 21 % в доходах госбюджета.

На третьем этапе была проведена унификация налогового режима для всех экономических субъектов, налог с оборота предприятий был заменен корпоративным подоходным налогом, снижен уровень акцизов и таможенных сборов. Доля корпоративного подоходного налога выросла в 1995—2008 гг. с 14 до 33 % в доходах бюджета. Среди всех налоговых поступлений доля корпоративного подоходного налога повысилась с 37 % в 2000 г. до 43 % в 2006 г. Основной вклад внесли крупные частные и иностранные предприниматели. Введена более льготная шкала налога для физических лиц с высокими доходами (на постоянной основе он берется не со 175, а с 300 долл. в месяц, а на разовой — не с 750, а с 900 долл.)¹⁸.

Для сельских производителей наполовину снижены ставки налога на земли, используемые под ценные экспортные культуры. Для развития сферы услуг уменьшена стоимость патентов в сфере туризма, почтового, воздушного сообщения, в гостиничном бизнесе, а для стимулирования производства сокращены десятки видов сборов в разных отраслях. Отменено обложение частных переводов из-за рубежа. Введены льготы за отраслевое и территориальное размещение инвестиций, «налоговые каникулы» для новых иностранных проектов в экспортных и промышленных зонах.

В ходе налоговой реформы решалась задача повышения собираемости налогов с крупных компаний, состоятельных граждан, включая иностранцев, живущих и работающих во Вьетнаме. Многие из них не подают налоговых деклараций на доходы от бизнеса, не платят подоходный налог. Была развернута работа по снижению размера налоговых задолженностей и нарушений.

Реформа заработной платы. В 2011 году начался новый этап реформы заработной платы; предполагается постепенный переход от системы расчета усредненной заработной платы к системе начисления зарплаток по рыночному принципу.

Правительство неоднократно осуществляло индексацию заработной платы. В течение последних десяти лет минимальный

размер оплаты труда (МРОТ) повышался восемь раз. Только за период с 2008 года МРОТ увеличился почти в два раза. Однако, в действительности, если учитывать показатели роста инфляции и индекса потребительских цен, то, оказывается, что средний уровень заработной платы в целом по стране остается низким. Как отметила Нгуен Лан Хыонг, директор научно-исследовательского института труда при министерстве труда, инвалидов войны и социальных дел, в ходе реформы предполагается опробовать возможность постепенного перевода госучреждений и ведомств на частичное самофинансирование, тем самым снизив бюджетное финансирование фонда заработной платы¹⁹.

Анализ основных аспектов вьетнамской социальной политики, касающихся предоставления социальных гарантий, сокращения имущественного неравенства и бедности, показал, что страна находится только в начале пути, чтобы создать условия для достижения среднего уровня достатка и потребления, для полной ликвидации неграмотности.

Примечания

¹ Материалы XI съезда Коммунистической партии Вьетнама. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 119.

² Там же. С. 120—121.

³ Там же. С. 129—130.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Statistical Handbook of Vietnam 2011. General Statistics office, Hanoi, 2012. P. 20.

⁶ Eradication and Poverty Reduction in Vietnam and Challenges in the New Era // Vietnam Economic Review, 2007. № 7. P.33.

⁷ Program 135 in Vietnam: Results and Orientation // Vietnam Economic Review, 2003. № 6. P. 37—39.

⁸ Committee of Ethnicities and Mountainous Regions. Ханой. Июнь 2003 г.

⁹ Statistical Handbook of Vietnam, 2011. P. 202.

¹⁰ Порог бедности в КНР в 2009 г. был определен в 1196 юаней (182 долл. США) в годовом исчислении, что составляло 0,50 долл. США в день. Если использовать официальное определение порога бедности, то 43 млн китайских граждан имели в 2009 г. доходы, находящиеся ниже этого уровня. См.: Исследование ключевых основ социальной политики России, Китая и Вьетнама (сравнительный анализ). М., 2012. С. 98.

¹¹ Нгуен Хыу Ты. Некоторые аспекты социальной политики Вьетнама // Восточная Азия: проблемы и противоречия в начале XXI века (Сборник научных статей). М., 2009. С. 69.

¹² Исследование ключевых основ социальной политики России, Китая и Вьетнама. С. 99.

¹³ Нгуен Тхонг Хуан. Экономический рост и жизненные стандарты вьетнамского населения // Vietnam's Socio-Economic Development, 2010. № 61. P.4.

¹⁴ Statistical Handbook of Vietnam, 2011. P. 210.

¹⁵ Vietnam News. 05.07.2001.

¹⁶ Мазырин В.М. Реформы переходного периода во Вьетнаме (1986—2006 гг.). М., 2007. С. 156—157.

Vietnam's Socio-Economic Development. № 54. P.72—76.

¹⁷ URL: <http://english.vietnamnet.vn/reports/201008/Gov%E2%80%99t-and-Party-set-forth-draft-sicial-security-and-welfare-objectives-931904>

¹⁸ Мазырин В.М. Вьетнамская экономика сегодня. Итоги 25 лет рыночной трансформации (1986—2010 гг.). М.: ИД «ФОРУМ», 2013. С. 186—187.

¹⁹ См.: Исследование ключевых основ социальной политики России, Китая, Вьетнама. С. 113.

Нгуен Ан Ха

ТЕНДЕНЦИИ РОСТА ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ И ЭКСПОРТА РАБОЧЕЙ СИЛЫ ИЗ ВЬЕТНАМА

Структура населения и рынок труда

Вьетнам занимает 13-е место в мире по численности населения. Это очень большой потенциал человеческих ресурсов для национального развития. В 1989 г. население страны составляло 64,4 млн человек, в том числе в трудоспособном возрасте 59,1 %. В 1999 г. оно выросло до 76,3 млн, а удельный вес трудоспособных граждан до 63,5 %. В 2011 г. общая численность населения СРВ достигла 87,8 млн, увеличившись на 1,04 % по сравнению с 2010 г. Занятость в этот период поднялась на 1,1 млн человек в год, что эквивалентно росту на 2,6 % и в два раза выше, чем темпы общего роста населения. В 2011 г. численность трудоспособных достигла 51900 тысяч. Рабочая сила в городах растет опережающими темпами — в среднем на 4,8 % в год, а в сельских районах только на 1,9 %.

Хотя уровень образования рабочей силы улучшается, почти 41,2 % не имеет общего среднего образования, из них 16,4 % не закончили начальную школу. Доля лиц, имеющих технические и профессиональные навыки, выросла с 17 % (в 2001 г.) до примерно 42 % (2011 г.). Тем не менее, около половины из них не имеет сертификатов, квалификации и неравномерно распре-

ляется между городскими и сельскими районами, между регионами страны.

Возрастная структура населения Вьетнам достаточно молода и имеет форму пирамиды. Доля детей от 0 до 16 лет составляют 40 % в общей численности населения. Многие экономисты мира сделали заключение, что вьетнамское население имеет «золотую структуру». Однако соотношение пола новорожденных детей стало диспропорциональным и продолжает ухудшаться: в 2011 г. на 100 девочек родилось 111,9 мальчиков (против 111,2 мальчиков на 100 девочек в 2010 г.). Это будет иметь негативный эффект.

Таблица 1. Базовые характеристики населения СРВ в 2001—2011 гг.

	Годовые показатели					Средний темп роста в год, %		
	2001	2005	2006	2010	2011	2001—2005	2006—2011	2001—2011
Всего, тыс. чел.	78 621	82 392	83 311	86 933	87 840	1,18	1,06	1,12
Доля женщин, %	50,8	50,8	50,8	50,6	50,5	1,17	0,97	1,06
Население городов, %	24,5	27,1	27,7	30,5	31,7	3,72	3,89	3,75

Источник: General Statistics Office (2011) — annual data.

В 2011 году показатель участия населения в рабочей силе составил 77,3 %, снижение 0,1 процентного пункта по сравнению с 2010. В общем этот показатель сохраняет тенденцию к росту последние 10 лет, показав рост на 4,3 процентных пункта к 2001 г. Коэффициент занятости трудовых ресурсов в сельской местности достиг 80,6 % (немного ниже, чем в 2010 г.). В городской местности он был ниже, но продолжал увеличиваться (в 2010 г. 70 % по сравнению с 69,5 % в 2010). Это указывает на рост спроса на рабочие места среди городского населения.

Доля работающих мужчин в 2011 г. не изменилась по сравнению с 2010 г. (82 %), в то время как у женщин немного снизилась (72,8 % в 2011 г.). Это изменение свидетельствует о влиянии экономического кризиса на участие женщин в общественном производстве. В результате гендерный разрыв в рабочей силе

стал более ощутим: с 7,2 процентного пункта в 2001 году он вырос до 9,2 в 2011 г. Данный разрыв отражает преобладание женщин в сфере образования и других, не связанных с экономикой занятиях, в том числе в домашнем труде.

Уровень общего образования рабочей силы в последние десятилетия повысился, что служит основой для увеличения ее квалифицированной части в будущем. Удельный вес работников, окончивших начальную школу, снизился на 5,2 процентных пункта (с 30 % до 24,8 % за 2001—2011 гг.). В то же время доля окончивших среднюю школу и колледжи увеличилось на 8,1 и 0,4 процентных пункта соответственно.

Таблица 2. Структура трудоспособного населения по уровню образования, в %

Годы/ типы образования	2001	2005	2006	2010	2011, оценка
Всего	100	100	100	100	100
Дошкольное образование	3,6	4,0	3,8	4,3	4,1
Начальная школа	16,1	13,1	12,0	13,1	12,3
Неполная средняя школа	30,0	29,1	33,8	27,4	24,8
Полная средняя школа	32,7	32,6	26,9	28,3	33,1
Высшее и среднее спец образование	17,6	21,2	23,5	26,9	25,7

Источник: MOLISA: обследование по труду и занятости за 2001, 2005 и 2006 гг.; GSO: Отчет об исследовании труда и занятости за 2010 г.

* Оценка по ILSSA

Образовательный уровень работающих мужчин выше, чем женщин. В 2011 г. лишь 3,1 % из них никогда не ходило в школу, тогда как среди женщин — около 5,3 %. Неграмотность имеет место в основном в бедных, труднодоступных и отдаленных районах, таких как дельта реки Меконг, Центральное плато, северные горные и предгорные районы, центральное побережье. Доля образованных кадров и прошедших профподготовку увеличилась среди работающих за 2001—2011 гг. с 17 до почти 42 %.

Система профессионального образования вносит все более весомый вклад в повышение качества рабочей силы в последние

годы. К концу 2011 г. в СРВ насчитывалось 128 профессиональных колледжей (на 8,5 % больше, чем в 2010 г.), 308 общеобразовательных школ с профессиональным обучением (рост на 8,1 %), 908 центров профессиональной подготовки (рост на 12,1 %) и более тысячи профессионально-технических училищ. В 2011 г. на производство пришли 1860 тысяч рабочих или на 6,4 % больше по сравнению с предыдущим годом. Из них 420 тыс. обучались в колледжах и старших классах средней школы, а 1440 тысяч в начальной школе. В результате доля профессионально подготовленных работников выросла с 7,8 % в 2001 г. до 16,5 % в 2011 году (средний прирост — 10,6 % в год). Отряд выпускников колледжей, университетов увеличивался в 2001—2011 гг. в среднем на 8,3 % в год и составил 8,1 % общей численности рабочей силы.

Таблица 3. Структура трудовых ресурсов по уровню профессиональной подготовки, в %

	2001	2005	2010	2011, оценка	Темпы роста в год, %
Всего	100	100	100	100	
Без профессиональных навыков	82,9	74,7	60,0	58,0	–1,01
Простейшие трудовые навыки	н/д	н/д	13,3	12,3	н/д
Низший уровень подготовки	н/д	н/д	н/д		н/д
Профессиональная подготовка	7,8	15,1	14,7	16,5	10,6
Среднее спец. образование	4,6	4,7	4,9	5,1	3,6
Вузы и колледжи	4,7	5,5	7,0	8,1	8,3

Источник: MOLISA: обследование по труду и занятости за 2001, 2005 и 2006 гг.; GSO: Отчет об исследовании труда и занятости 2010 г.

* Оценка по ILSSA.

Уровень профессиональной квалификации сельских работников ниже, чем городских. В 2011 г. доля работающих жителей городов с высшим и специальным образованием составила 18,9 %, что в 5 раз выше, чем в сельских районах (3,7 %). В период 2001—2011 гг. среднее число занятых увеличивалось на

1,2 млн или на 2,6 % в год. Индустриализация и урбанизация оказали сильное воздействие на темпы роста занятости в городах. Эти темпы в городской местности ежегодно достигли 4,9 % за 10 последних лет, т. е. оказались в три раза выше, чем на селе (1,8 % в год). Это говорит об активном притоке работников из сельской местности в городские районы.

Характеристика экспорта вьетнамской рабочей силы

Экспорт рабочей силы — целенаправленная политика компартии и правительства Вьетнама. Она вносит вклад в экономическое развитие, а также повышение качества человеческих ресурсов страны. С тех пор, как в начале 2000-х годов вступил в силу Закон «Об условиях отправки вьетнамских трудовых мигрантов для работы по контрактам за рубежом», общая численность лиц, работающих за рубежом, значительно возросла.

Таблица 4. Структура работающих за рубежом (по полу и основным странам)

	Количество работающих за рубежом, чел.					Средний темп роста в год, %		
	2001	2005	2006	2010	2011	2001—2005	2006—2011	2001—2011
Всего, В т.ч.:	36 168	70 594	78 855	85 546	88 298	18,2	2,3	9,3
женщин	7704	24 605	27 023	24 458	31 990	33,7	3,4	15,3
Тайвань	7782	22 784	14 127	28 495	38 796	30,8	22,4	17,4
Япония	3249	2955	5360	4910	6985	–2,3	5,4	8,0
Южная Корея	3910	12 102	10 577	8632	14 214	32,6	7,5	14,6
Малайзия	23	24 605	37 941	11 737	9977	471,9	–23,4	83,5
Другие страны	21 204	8148	10 850	31 772	17 326	–21,3	9,8	–2,0

Источник: Департамент внешней трудовой миграции MOLISA, 2012.

В 2011 г. за рубежом работало примерно 88 300 человек, почти 2,44 раза больше, чем в 2001 г. Средний темп роста составил 9,3 % в год в течение последних 10 лет. В частности, резко

возрос экспорт женского труда, достигнув 31 990 человек в 2011 г. В среднем он увеличивался на 15,3 % в год.

Рынки для экспорта вьетнамской рабочей силы были в основном стабильными, постепенно развивались и расширялись, хотя глобальный экономический кризис оказал на него негативное влияние, особенно с 2009 года по настоящее время. Тем не менее, «традиционные» рынки — Южной Кореи, Японии, Тайваня, Малайзии — продолжают лидировать. Кроме того, будет расти число выехавших на потенциально перспективные рынки стран Северной Америки и Европы, особенно, когда они преодолеют последствия экономического кризиса.

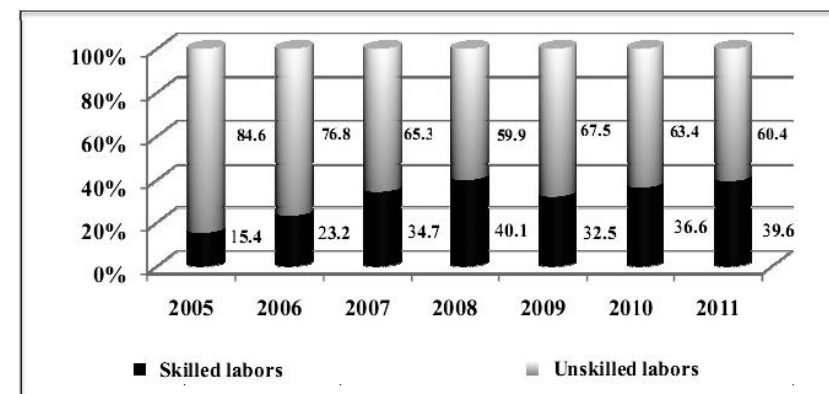

Рис. 1. Структура граждан Вьетнама, работающих за рубежом, по уровню профессиональной подготовки в 2005—2011 гг. Источник: Администрация внешней трудовой миграции, MOLISA, 2012

Среди вьетнамцев, которые выезжают за рубеж, постепенно растет доля квалифицированных работников: в 2011 г. она достигла примерно 40 %. Этот показатель сегодня значительно выше, чем был в 2005 г. (15,4 %). Значит, профподготовка оказала позитивное воздействие на качество экспортной рабочей силы и ее эффективность, принесла выгоду как предприятиям-экспортерам, так и иностранным работодателям.

Перевод и редакция Н.Г. Кузнецова

Использованная литература

1. Старение населения во Вьетнаме и проблемы социально-экономического развития. Министерство труда, инвалидов войны и социальных дел. URL: <http://www.molisa.gov.vn/new>

2. Экспорт рабочей силы: в 2012 году: вызовы и возможности. Министерство труда, инвалидов войны и социальных дел, 01.02.2012. URL: <http://www.molisa.gov.vn/news/detail/tabid/75/newsid/54282/seo/Xuat-khau-lao-dong-nam-2012-Thach-thuc-va-co-hoi/language/vi-VN/Default.aspx>

3. Разделение труда при развитии рыночного хозяйства с ориентацией на социализм. Исследование министерства труда, инвалидов войны и социальных дел. Ханой, 2011.

4. Итоги социально-экономического развития в 2011 году. Министерство финансов СРВ, 2012—URL: http://www.mof.gov.vn/portal/page/portal/mof_vn/1539781?pers_id=2177092&item_id=52479885&p_details=1.

5. Отчет премьер-министра СРВ Национальному собранию по итогам социально-экономического развития в 2011 г., планам развития на 2011 год и 5-летку 2011—2015 гг. — URL: <http://www.vietnamplus.vn/Thu-tuong-bao-cai-tinh-hinh-kinh-texa-hoi-2011/201110/110068>.

6. Статистический ежегодник, 2006—2011 гг. Ханой: Статистика, 2007—2012 гг.

7. Глобальные тенденции занятости в 2012 году. МОТ, Женева, 2011.

8. World Economic Outlook, сентябрь 2011, Вашингтон, США.

9. URL: <http://www.conference-board.org/data/economydatabase/> Сентябрь 2011 г.

Е.М. Аксенова

ВЬЕТНАМ: ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Введение

Последние полтора десятилетия Вьетнам демонстрировал высокие темпы экономического роста. Либерализация экономики и открытие рынка, развитие туризма и экспортно ориентированных отраслей, переток рабочей силы из деревни в город, изменение структуры экономики, политическая стабильность во многом определили значительные экономические успехи в этот период. Однако глобальный финансовый кризис, совпавший с циклическим кризисом вьетнамской экономики, серьезные экологические вызовы поставили перед руководством страны вопрос о пределах ставки на дешевую рабочую силу, капитальное строительство и сырьевой экспорт в среднесрочной перспективе. Необходимость смены парадигмы развития признана в принятой на XI съезде КПВ Стратегии социально-экономического развития Вьетнама на 2011—2020 гг., а также в стратегии развития науки и технологий в 2011—2020 гг.

На формирование эффективной инновационной системы требуется, как показывает мировая практика, длительное время, например, в Южной Корее данный процесс занял около 30 лет. Поэтому сложно ожидать быстрых успехов в построении инновационной системы от Вьетнама, который приступил к рыноч-

ным реформам только с 1986 г., а до этого решал самые насущные задачи послевоенного восстановления экономики. Тем не менее, анализ исходного уровня и уже достигнутого результата в важном деле смены модели развития приобретает очевидную актуальность. Это позволит оценить корректность рассуждений о переходе экономики Вьетнама на инновационный путь¹.

Для того чтобы представить вьетнамскую политику формирования инновационной системы, выявим ее основных участников и ход преобразования системы знаний. Это позволяет определить роль государства в инновационном процессе и мотивы инновационной деятельности, выявить проблемы, которые сдерживают данный процесс.

Показатели развития инновационной экономики Вьетнама

Вьетнам демонстрирует заметный прогресс в сфере информационных технологий и инноваций. Его позиции в глобальных рейтингах быстро растут (табл. 1, рис. 1): по индексу экономики знаний (Knowledge economy index — индексу KEI²) он переместился со 113-го места в 2000 г. на 104-е место из 145 в 2012 г.³ Тем не менее, Вьетнам серьезно отстает в развитии науки и технологий от передовых стран мира и региона ЮВА.

Посмотрим на отдельные компоненты KEI (табл. 2). Согласно данным Всемирного Банка, в 2000—2007 гг. СРВ расходовала на НИОКР 0,2 % ВВП. Порядка 80 % этих расходов обеспечивал госбюджет, а на частный сектор и другие источники приходилось только 20 %. Примерно 70 % выделяемых на НИОКР средств было истрачено на прикладные исследования, технологическое развитие и только 30 % на фундаментальные исследования⁴.

Уровень инвестиций в научные исследования на душу населения и количество исследователей на 1 млн чел. остаются низкими, как и количество публикуемых научных работ мирового уровня. Но наблюдается тренд резкого увеличения таких публикаций в последнее десятилетие (167 публикаций в 2004 г. и 326 в 2009 г.)⁵. К 2005 г. во Вьетнаме насчитывалось порядка 40 тыс. исследователей в различных секторах экономики. Однако 73 %

Таблица 1. Индекс экономики знаний и индекс знания в ряде стран ЮВА

Страна	Место в рейтинге KEI	Изменение позиции рейтинга 2012 г., к 2000 г.	Значение KEI, баллов	Значение KI, баллов	Степень экономических стимулов, баллов	Уровень инноваций, баллов	Уровень образования, баллов	Уровень развития ИКТ
Сингапур	23	−3	8,26	7,79	9,66	9,49	5,09	8,78
Малайзия	48	−3	6,10	6,25	5,67	6,91	5,22	6,61
Таиланд	66	−6	5,21	5,25	5,12	5,95	4,23	5,55
Филиппины	92	−15	3,94	3,81	4,32	3,77	4,64	3,03
Вьетнам	104	+9	3,40	3,6	2,80	2,75	2,99	5,05
Индонезия	108	−3	3,11	2,99	3,47	3,24	3,20	2,52
Лаос	131	−2	1,75	1,84	1,45	1,69	2,01	1,84
Камбоджа	132	−16	1,71	1,52	2,28	2,13	1,70	0,74

Источник: URL: http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp?tid=0&year=2002&sortby=KEI&sortorder=DESC&weighted=Y&cid1=s

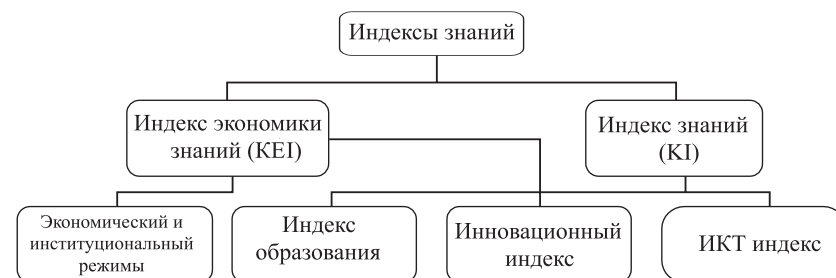

Рис. 1. Иерархия индексов инновационной экономики Всемирного банка.

Источник: URL: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/WBI/WBIPROGRAMS/KFDLP/EXTUNIKAM/0,contentMDK:20584278%7EmenuPK:1433216%7EpagePK:64168445%7EpiPK:64168309%7EtheSitePK:1414721,00.html>

из них работали в национальных исследовательских центрах, университетах или ведомственных организациях и только малая часть (5 %) в частном секторе по сравнению, например, с 35 % в Китае в 1997 г.⁶

Таблица 2. Показатели уровня развития науки и технологий в ряде стран ЮВА

Страна	Кол-во исследователей на 1 млн чел. в 2000—2007 гг.	Кол-во статей в научных технических журналах	Расходы на НИОКР, % от ВВП	Экспорт высокотехнологичных товаров	
				млн долл. в 2008 г.	доля в общем производстве, % в 2009 г.
Вьетнам	115	326	0,19	2,376	9
Таиланд	311	1249	0,25	32,370	25
Сингапур	6,088	3609	2,61	120,345	51
Малайзия	375	615	0,64	42,764	40
Индонезия	205	205	0,05	5,625	11

Источник: The World Bank, World Development indicators 2010. P. 340.

В рейтинге патентов Вьетнам также занимает низкие места, причем со значительным отрывом здесь лидирует сектор с иностранной собственностью, а национальный бизнес отстает (в 2009 г. резидентам Вьетнама выдан 391 патент, нерезидентам 2752)⁷. Основными сферами изобретения являются гражданское строительство, спецтехника, органическая химия. Вьетнамские предприятия больше ориентированы на технологическое внедрение и улучшения в дизайне, чем на патентование новых продуктов, процессов, технологий. Значительные успехи достигнуты в иммунологии и микробиологии, сельскохозяйственных и биологических науках, в математике.

Инновационная инфраструктура Вьетнама

Вклад знаний в экономическое развитие любой страны, инновационность экономического роста в значительной степени определяется уровнем развития инновационной инфраструктуры, сформированностью рынка инновационного спроса и предложения. Под инновационной инфраструктурой понимается эффективная деятельность, взаимодействие всех звеньев цепи инновационного производства: агентов, производящих знания, агентов, потребляющих знания, и агентов, ответственных за трансферт знаний.

Производство знаний (инновационное предложение)

Институты системы высшего образования во Вьетнаме принимают слабое участие в инновационной деятельности, поскольку сосредоточены преимущественно на образовательной функции, преподаватели вузов мало вовлечены в исследовательские проекты (порядка 20 %)⁸.

Основным инновационным агентом во Вьетнаме являются научно-исследовательские институты. Количество институтов, занимающихся НИОКР, выросло за 1995—2005 гг. в 2,4 раза — с 519 до 1220⁹, в то время как доля государственных исследовательских институтов упала с 72 % до 50 %, а частных и других негосударственных учреждений выросла примерно до 48 %.

Реформирование структуры собственности научно-исследовательских учреждений во Вьетнаме еще не завершено, что определяет ряд существующих сегодня в этой сфере проблем. Большинство государственных научно-исследовательских университетов страдает от нехватки финансирования, не обладает необходимыми техническими ресурсами, не имеет связей с рынком и частным сектором, не проводит исследований высокого качества и не участвует в технологическом трансферте. Коммерциализация исследования и технологий остается на низком уровне.

С другой стороны, негосударственные институты не обладают возможностью получения напрямую государственной поддержки в исследованиях, как правило, действуют как субподрядчики государственных учреждений в реализации проектов, финансируемых государством.

Вместе с тем, есть ряд сфер типа биотехнологии, в которых значительное финансирование привело к высококачественным результатам. VABIOTECH — государственный центр изучения вакцины (при министерстве здравоохранения) стал производителем вакцин мирового уровня. Институт реинвестировал 10 % доходов обратно в исследования и аппаратуру. Профессиональный персонал включает выпускников местного университета, которые прошли два года дополнительного образования в иностранных университетах и посещали своих коллег в развитых странах, что стало каналом трансферта знаний.

Потребление инноваций (инновационный спрос)

Государство выступает основным покупателем на рынке технологий. Оно приобретает технологии для государственного аппарата управления, для их распределения в нужных направлениях на цели повышения общественного благосостояния и национальной безопасности. Политика по регулированию государственных расходов всегда является важным инструментом влияния на рынок. Растущие расходы государства служат ускоренному развитию рынка технологий во Вьетнаме.

Государственные предприятия не заинтересованы в инновациях, поскольку их монопольное положение на рынке позволяет избежать конкуренции. Часто они не проводят исследований до тех пор, пока не получают государственные инвестиции на проекты НИОКР по отечественной науке и технологиям согласно плану. Незначительная часть государственных предприятий все же начала проводить собственные НИОКР. Несмотря на то, что согласно теории государственные инициативы по развитию технологий и инноваций нацелены на все предприятия, на практике используют эти каналы и получают 85 % всех государственных средств государственные предприятия. Большинство НИОКР проводилось государственными предприятиями Вьетнама в кораблестроении и телекоммуникациях.

Технологический уровень большинства предприятий частного сектора во Вьетнаме остается низким: так в промышленном секторе отмечается отставание от двух до трех технологических поколений от других стран региона. На этом фоне выделяется сектор с иностранным капиталом, поскольку ТНК активно инвестируют в современные технологии в таких сферах, как ИТ, нефть, газ, потребительские электронные товары.

НИОКР, реализуемые отделениями ТНК во Вьетнаме, проводятся, как правило, в соответствии с инновационной политикой головного предприятия. ТНК используют технологии материнских компаний для повышения эффективности деятельности этих отделений. Как правило, они действуют независимо от национальных предприятий и не формируют сети производства, предложения и распространения инноваций. Они также не

склонны учреждать фонды по развитию науки и технологий. Тем не менее, заметна тенденция улучшения в данной сфере. Так, в 2010 г. компания Intel приступила к строительству, а в 2012 г. ввела в строй предприятие стоимостью 300 млн долл. для производства микрочипов и компьютерных комплектующих и стала главным иностранным инвестором в сфере высоких технологий во Вьетнаме¹⁰.

Мелкие и средние предприятия, которые составляют большинство всех фирм во Вьетнаме, не обладают мощностями для самостоятельной организации НИОКР, не имеют финансовых ресурсов для приобретения знаний, не владеют необходимой информацией о новых знаниях. Барьерами технологического развития также являются нехватка информации о приобретении подходящих технологий, непонимание предприятиями потребности в инновациях, низкий уровень государственных инициатив по развитию технологий, сложные процедуры получения господдержки. С такими проблемами сталкивается большинство негосударственных предприятий, на которые приходится лишь 15 % всех государственных средств, направляемых на развитие инноваций. Низкий технологический уровень национальных предприятий также, возможно, не позволяет им воспользоваться побочным эффектом за счет поставки ТНК запчастей и услуг, приводит к их минимальному участию в международной цепочке создания стоимости.

В целом, несмотря на растущее количество фирм, инвестирующих в машины и оборудование, доля национальных предприятий, использующих современные технологии в промышленности, остается низкой. Например, предприятия в химической и текстильной промышленности расходуют только 3 % оборотного капитала на технологические инновации. Большая часть этих средств уходит на импорт машин и технологий, а не на локальную реализацию инновационных проектов. Вьетнамская Ассоциация мелких и средних предприятий обеспечивает поддержку национальным предприятиям и организует их консультации с представителями ТНК по вопросам трансфера технологий. Центр по продвижению технологий вьетнамской Торгово-промышленной палаты тоже способствует тому, чтобы

руководители крупных и мелких предприятий сопровождали государственных представителей в их поездках за рубеж.

Система инновационных трансфертов

Количество организаций во Вьетнаме, которые действовали бы как канал связи между институтами, производящими знания (университетами, научными лабораториями), и пользователями (фирмами, предприятиями), значительно возросло в последние годы. В данной группе преобладают финансируемые государством организации. Среди них выделяются центры продвижения и трансферта технологий и информации, образованные региональными департаментами науки и технологий (DOST) в Ханое и Хошимине, центры поддержки аграрного сектора региональных департаментов по развитию сельского хозяйства и сельской местности (DARD). Центры поддержки технологического трансферта, центры-инкубаторы при политехнических университетах, центры поддержки мелких и средних предприятий, парки высоких технологий, тренинговые центры играют значительную роль в распространении знания.

Государственный фонд технологического трансферта был создан в 2006 г. Его целью является предоставление финансовой поддержки малым и средним предприятиям в деле обеспечения технического трансферта и технологических инновациях. Центр также содействует распространению современных технологий в горных и удаленных районах, помогает реализации стартапов технологических предприятий или инкубаторов, повышению качества человеческих ресурсов за счет трансферта и усовершенствования технологий.

Государственное агентство по технологическим инновациям (SATI) согласно плану должно создать два новых технических центра для поддержки мелких фирм в сфере технологического дизайна, пилотного строительства, тестирования и услуг трансферта. SATI реализует совместную программу с японским правительством, которая охватила порядка 1000 вьетнамских компаний, по усовершенствованию производственных процессов на основе нового японского оборудования, кроме того, организует технические тренинги на местном и региональном уровнях.

В 2007 г. базирующаяся в США International Data Group (IDG) запустила во Вьетнаме фонд венчурного капитала для инвестирования в информационные технологии. IDG планирует инвестировать 120 млн долл. через вьетнамские аутсорсинговые компании в развитие информационных технологий (ИТ), телекоммуникаций, производство программного обеспечения и публикацию ИТ-журналов. Кроме того, Всемирный банк совместно с правительством СРВ ежегодно проводит Вьетнамский инновационный день и реализует соответствующую совместную программу обеспечения начальным капиталом инновационных идей на уровне стартапа. Темой инновационного дня 2011 г. стали «Инновации для социального равенства и стабильного роста».

Во Вьетнаме существуют несколько индустриальных парков, в которых действуют иностранные фирмы, получающие льготы на пользование землей и инфраструктурой. При найме местной рабочей силы и выполнении прочих условий они пользуются дополнительным финансированием на продвижение технологий. В большинстве этих парков созданы технические университеты, участвующие в регулярных встречах с фирмами, местной администрацией, институтами профессионального образования и тренинг-центрами.

Большое внимание уделяется улучшению обеспеченности информацией местных производителей, привлечению поставщиков комплектующих в места размещения ТНК для увеличения объема работ и доходов. Однако, как в случае с корейской Samsung, иностранные фирмы обычно поставляют большинство компонентов для производства, а вьетнамские занимаются лишь их сборкой. Большинство вьетнамских компаний не обладает достаточными техническими мощностями или навыками для конкуренции с иностранными поставщиками деталей, включая КНР, а трансферт знаний между иностранными компаниями и местными фирмами во Вьетнаме ограничен.

В настоящий момент Сайгонский парк высоких технологий Куангчунг и Ханойский парк высоких технологий Хоалак являются двумя самыми крупными технологическими кластерами Вьетнама. Ханойский парк высоких технологий Хоалак был

сформирован при финансовой поддержке японского правительства, в 2010 г. в нем действовали 10 японских компаний. Тренинг-центры внутри парка акцентируют внимание на японском как втором языке, налаживают кооперацию с японскими партнерами. Хоалак вложил 15 млн долл. в бизнес-инкубатор, основал Ханойский технологический университет внутри парка. Создание университета стало возможным благодаря сотрудничеству между вьетнамским и французским правительствами, которые инвестировали в проект 200 млн долл.¹¹ Университет будет служить центром подготовки специалистов для парков высоких технологий во Вьетнаме.

Развитие информационных технологий относится к приоритетам правительства СРВ. За десять лет работы первый во Вьетнаме парк программного обеспечения Куангчунг привлек 102 компании, включая таких мировых гигантов, как IBM и HP, с общим зарегистрированным капиталом 78,83 млн долл. Здесь создано 24 тыс. рабочих мест. В учебном центре парка проходят подготовку 15600 студентов¹².

Данангский парк программного обеспечения в центральном Вьетнаме получил статус специализированной зоны ИТ-технологий. В парке работают 38 компаний, специализирующихся в области экспорта программного обеспечения и цифровых технологий.

Инновационная политика

Инновационная политика во Вьетнаме в течение двух последних десятилетий формулировалась в контексте реформирования государственного управления наукой и технологиями в условиях рыночных преобразований. До 1986 года государство играло роль единственного производителя научных и технологических продуктов. За годы реформ роль государства постепенно, но значительно изменилась. Государство сфокусировало внимание на развитии институтов передачи и внедрения технологий, изменило методы управления государственными научно-исследовательскими институтами, в большей степени выступая в роли регулятора и стимулятора научно-технологического прогресса.

В 2003—2010 гг. во Вьетнаме реализовывалась общенациональная стратегия развития науки и технологий, в рамках которой правительство провело несколько крупных реформ в управлении наукой и технологиями, включая меры по стимулированию технологического трансферта. Главными законами в этой сфере стали Закон о науке и технологиях (2000 г.), Закон о защите прав интеллектуальной собственности (2005 г.) и Закон о технологическом трансферте (2006 г.). Однако практика показывает, что в данной сфере сохраняется еще много проблем. Во-первых, затягивается процесс внедрения новых правовых норм. Во-вторых, низок уровень их применения, особенно в сфере защиты прав на интеллектуальную собственность.

Правительство сосредоточило внимание на определении направлений политики в сфере науки и технологий и управлении работой многочисленных государственных исследовательских институтов. Оно затратило большие средства на создание необходимой инфраструктуры, в том числе крупных исследовательских лабораторий в ведущих университетах. Государство стало оказывать косвенную научно-технологическую поддержку частным фирмам. Оно предоставило такие услуги, как регистрация торговых марок, организация кампаний по увеличению потребления отечественных товаров, кредитование программ развития с помощью стимулирующих пакетов. При содействии таких агентств, как Международный центр торговли и продвижения товаров г. Хошимина, правительство стало проводить инициативы по экспорту высокотехнологичных товаров, по привлечению ПИИ в наукоемкие отрасли. В рамках специальных промышленных и экспортных зон осуществлены значительные вложения в местную инфраструктуру, нацеленные на снижение стоимости и улучшение конкурентоспособности размещенных в них фирм.

В последние годы в СРВ увеличены финансовые льготы для инвесторов в науку, технологии, инновации. Правительство продлевало налоговые льготы для предприятий, занятых в НИ-ОКР и инвестирующих в технологически новое оборудование и машины. Оно проводило снижение таможенных пошлин на машины и оборудование, импортируемые из-за рубежа, налоговые

вычеты при расходах на науку и технологии, оптимизировало подоходный налог с прибыли по контрактам, связанным с наукой и технологиями, и на долю дивидендов с совместных предприятий. Правительство предоставляло льготы на кредиты в ключевых технологически интенсивных секторах таких, как информационные технологии, биотехнологии, строительные материалы, автоматизированные технологии.

Проведенный нами обзор национальной инновационной системы Вьетнама позволяет выделить некоторые ее *характерные черты и особенности*.

1. В развитии национальной инновационной системы целиком доминирует государство. Представительство негосударственных организаций в производстве и трансфере знаний ограничено. Вертикальные связи госорганов с государственными учреждениями производства знаний намного сильнее, чем с частными инноваторами. Это происходит потому, что большинство государственных организаций, занятых производством и трансфертом знаний, находится под ведомством профильных министерств и независимо от предприятий. Они действуют как государственные органы и получают директивы и финансирование от министерств. Негосударственные организации изолированы от государственного инновационного механизма и не имеют возможности получать прямую поддержку от государства в процессе производства знаний. Во многих случаях частные учреждения вынуждены становиться субподрядчиками государственных исследовательских институтов, которые реализуют финансируемые государством проекты.

2. До начала проведения рыночных реформ инновационная политика Вьетнама была сконцентрирована в большей степени на науке и разработках, чем на политике по продвижению, адаптации и внедрению новых знаний. Это искажало формирование предложения знания — движущей силы всей системы инновационной экономики, тормозило применение результатов исследований в обществе. В последние годы приняты меры по продвижению и адаптации научных исследований в производство, хотя результаты пока еще ограничены. Созданная правовая среда научно-технологической деятельности не дает равных

возможностей для всех инновационных агентов в части доступа к рынку услуг, инфраструктурным объектам и финансовой поддержке. Другими словами, настоящая конкуренция в этой сфере пока отсутствует. Очевидно, что такая институциональная слабость закрепляет трудности для продвижения инноваций, ограничивает их влияние на рост эффективности развития страны.

3. Количество организаций, выступающих мостом между генераторами знаний (научно-исследовательскими институтами, университетами, др.) и потребителями (фирмами), значительно выросло в последние годы. Тем не менее, прошло еще недостаточно времени, чтобы говорить о результатах их деятельности. Такие механизмы стимулирования инноваций, как компании венчурного капитала или фонды поддержки технологического трансфера, также находятся в зачаточном состоянии развития.

4. Горизонтальные связи между инновационными агентами остаются слабыми. Государственные научные исследования и разработки ведутся вне связи с деятельностью политехнических университетов и предприятий. Выполняющие их организации не испытывают жесткой необходимости коммерциализировать собственные исследования, поскольку финансируются государством, независимо от их применимости и полезности. Профессора университетов практически полностью исключены из процесса производства инноваций. Причина заключается в том, что они тратят свое время на чтение лекций и не имеют времени для проведения исследований. Во Вьетнаме только крупные государственные предприятия и небольшое количество частных компаний учреждают свои собственные научно-исследовательские институты, только некоторые из них достигли успеха в проведении инноваций. Научно-исследовательские предприятия с иностранной собственностью действуют в соответствии с инновационной политикой материнских компаний и не имеют прочных связей с вьетнамскими фирмами и научно-исследовательскими институтами.

5. Вьетнамские фирмы не имеют сильной мотивации для внедрения инноваций на локальном уровне. Большинство вьетнамских предприятий (96 %) отличается мелким и средним масштабом. У них нет возможностей организовывать собственную

научно-исследовательскую деятельность, нет достаточной информации о новом знании или финансовых ресурсов для его приобретения. Крупные госпредприятия, занимая монопольное положение на рынке, имеют возможность избежать конкуренции, что снижает их инновационную активность. Предприятия с иностранной собственностью проводят инициативы по внедрению инноваций, но не имеют налаженных связей с вьетнамскими фирмами, не включают их в цепочки своих поставок. В большинстве случаев предприятия с иностранным капиталом предпочитают импортировать материалы и технологии, необходимые для производства, чем приобретать их во Вьетнаме. Можно сказать, что спрос на инновации вьетнамского бизнеса слаб. Это является одним из факторов, препятствующих применению фирмами новых знаний. Ожидается, что недавние институциональные реформы по созданию поля равных возможностей для ведения бизнеса создадут конкурентное давление на фирмы и заставят их применять инновационные технологии.

Анализ показывает, что именно государство отвечает в этой системе как за производство, так и за потребление знаний, стремится сверху создать все институты, необходимые для технологического рывка, перейти на косвенные методы регулирования и сформировать новых инновационных агентов. С одной стороны, это показывает, что потребность в инновациях в бизнес среде еще не созрела ввиду неразвитой конкуренции и неисчерпанности экстенсивных факторов роста. С другой стороны, опыт других развивающихся стран, и прежде всего Китая, убеждает, что на вызревание внутренних инновационных импульсов необходимо время, и лишь развитая инновационная система сможет в будущем обеспечить связь растущего инновационного спроса и предложения.

Примечания

¹ Подробнее см.: Мазырин В.М. Экономическая модернизация во Вьетнаме: от индустриализации к инновационному этапу // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития 2011—2012 гг. Вып. XVIII. ИВ РАН, 2012. С. 145—160.

² Индекс экономики знаний рассчитывается Всемирным банком на базе 4 основных показателей: состояния экономической системы (повышение ее открытости и демократизма, конкурентоспособности), обновления знаний (инновации), развития образования и информационных технологий. См. : Phát triển kinh tế tri thức. Đặng Hữu chủ biên. 2009. Hanoi, 2010. Tr. 102—105, 218.

³ URL: http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp?tid=0&year=2002&sortby=KEI&sortorder=DESC&weighted=Y&cid1=s

⁴ Review of innovation in South-East Asia Country profile of innovation: Vietnam. OECD. Directorate for science technology and industry, 2011. P. 7.

⁵ URL: <http://www.tradingeconomics.com/vietnam/scientific-and-technical-journal-articles-wb-data.html>

⁶ Review of innovation in South-East Asia Country profile of innovation: Vietnam. OECD Directorate for science technology and industry, 2011. P.9.

⁷ URL: <http://www.tradingeconomics.com/vietnam/patent-applications-nonresidents-wb-data.html>

⁸ Review of innovation in South-East Asia Country profile of innovation: Vietnam. OECD Directorate for science technology and industry, 2011. P. 14.

⁹ Ibid.

¹⁰ URL: <http://www.ecommercetimes.com/story/49096.html>

¹¹ URL: http://viipip.com/file/Bulletin/viipipdotcomvrgwBpl151lcU60884u4_07_Jan_2012_VIETNAM_TRADE_INVESTMENT_BULLETIN_No.30_hc.pdf

¹² URL: <http://english.thesaigontimes.vn/Home/ict/info-tech/9436/>

Часть четвертая ИСТОРИЯ

Чиеу Тхе Хунг

ЦИТАДЕЛЬ ДИНАСТИИ ХО — УНИКАЛЬНОЕ И ОРИГИНАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЬЕТНАМА

История вьетнамских столиц, каждая из которых была сооружена в соответствии с определенной исторической обстановкой, играет особенную роль в жизни страны, так как отражает великое прошлое вьетнамского народа. Цитадель династии Хо в провинции Тханьхоа является бесценным историческим наследием благодаря тому, что именно при этой династии происходил культурный обмен между Вьетнамом и другими странами. Именно здесь оставлен отпечаток нововведений, появившихся при ней. Цитадель династии Хо — уникальное архитектурное достояние мировой культуры, поскольку является единственной каменной цитаделью не только во Вьетнаме, но архитектурным наследием в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Цитадель династии Хо — единственный свидетель вьетнамской истории и цивилизации конца XIV — начала XV века

Цитадель династии Хо была построена в 1397 году (год Буй-вола) при императоре Чан Тхуан Тонг (Tran Thuan Tong: 1388—1398). Эту цитадель еще называют Западной столицей, Ан Тон, Тэй Зяй, ныне деревни Виньлонг и Виньтуен, уезд Виньлок, провинция Тханьхоа. Цитадель стала столицей династии Чан в 1398—1399 гг. Государство Дайнгу при династии Хо (1400—1407 гг.), по признанию многих ученых, являлось экономическим, политическим и культурным центром всей страны. Сама цитадель была и остается самым красивым архитектурным сооружением в истории архитектуры Вьетнама; она отражает высокий уровень мастерства в строительстве цитаделей, талантливость и изобретательность вьетнамского народа. Цитадель была столицей Вьетнама в 1398—1407 гг., а также экономическим, политическим и культурным центром Северного и Центрального Вьетнама с XVI по XVIII век. Цитадель династии Хо является оригинальным свидетелем важного периода истории Вьетнама и Юго-Восточной Азии. Политика обновления, проводимая династией Хо, заключалась в развитии техники, торговли и административной централизации вместо высших императорских прав и традиционной религии — буддизма.

Основным материалом в строительстве цитадели были зеленые каменные плиты, добытые в местных горах. Оригинальность материала, техника и способ накладки каменных плит и строительство арок без помощи цемента играют решающую роль в технике строительства цитадели. В 1962 г. цитадель была признана историческим и культурным памятником страны. Несмотря на свои почти 600 лет существования, архитектура этого самого старого памятника страны хорошо сохранилась. Кроме того, под землей осталось довольно много пока еще нераскопанных экспонатов и реликвий.

С 2004 г. и по сей день археологи провели раскопки на территории «королевской платформы» (внутри города) Латхань, эспланады Нам Зао южных ворот, ведущей в цитадель, переднего и заднего дворов Нго Мон, обнаружив тысячи ценных экспона-

тов и реликвий династии Хо... Ученые считают, что цитадель династии Хо должна охраняться как национальное сокровище страны, так как глубоко под землей имеется еще целый клад культурных предметов династии Хо — до сих пор неизвестных нам, которые нуждаются в дальнейшем исследовании.

Цитадель династии Хо является седьмым по счету памятником мирового культурного наследия Вьетнама, признанным ЮНЕСКО за свои оригинальные архитектурные ценности.

Эта цитадель является символом обмена культурными ценностями с китайским конфуцианством, основной идеей которого в XIV-XV вв. была централизованная королевская власть. Цитадель также является новым шагом в архитектуре и планировании городов в Юго-Восточной Азии, утилизации окружающей среды и придания сооружениям оригинальных черт, свойственных Вьетнаму и Юго-Восточной Азии.

Цитадель является ярким примером архитектурного сооружения под открытым небом, свидетелем мощного развития конфуцианства в конце XIV века во Вьетнаме, когда его идеи широко распространились по всей Юго-Восточной Азии и стали философией правления во многих странах Дальнего Востока. Использование крупных каменных плит является свидетельством силы государства обновленного конфуцианства, результатом обмена техникой строительства в регионе. Основные направления в архитектуре цитадели династии Хо были изменены по сравнению с традиционной архитектурой Китая.

Однако целостность сооружения гарантируется, так как в состав зоны изменений входят три части, характеризующие цитадель династии Хо: внутренняя часть, эспланада Нам Зао и часть Латхань. Эти части отражают существование цитадели со стенами из огромных каменных плит, почти не изменившихся со временем. Раскопки свидетельствуют о разнообразии исторического наследия, скрытого под землей на территории цитадели.

Подлинность изделий состоит в том, что место нахождения артефактов почти не изменилось за все это время; композиция и архитектура, стройматериал внутреннего дворца, четырех ворот, рвов, часть Латхань и оставшиеся памятники эспланады Нам Зао великолепно сохранились. Проведенные раскопки на местах оп-

ределили стиль архитектуры династии Хо. Все они теперь взяты под надежную защиту. Окраина цитадели является местом, где сохранены культурные ценности, такие как религиозные сооружения, традиционные деревни, храмы, дороги, рынки, водные причалы и окружающие пейзажи, которые стали неотъемлемой частью огромной столицы конца XIV — начала XV века. Все это очевидные и непосредственные культурные творения.

Цитадель династии Хо — оригинальная архитектура большого масштаба, имеющая огромную историческую ценность во Вьетнаме и в регионе

В истории Вьетнама и Юго-Восточной Азии, до и после цитадели династии Хо, были построены целые системы дворцовых сооружений. Особенность цитадели династии Хо заключается в следующем.

Во-первых: изобретательность в выборе окружающего пейзажа и планировании города.

Включение пейзажа в архитектуру цитадели было выбрано на основе применения принципов восточного фэн-шуй и опыта, накопленного жителями за многие века проживания на территории Вьетнама. Сама цитадель была построена на месте, окруженном горами, водой и равниной, что свидетельствует о том, что строители знали об основных принципах выбора подходящего места для сооружения столицы.

Цитадель династии Хо находится на месте, выгодном с точки зрения обороны, благодаря окружающим ее высоким горам и глубоководным рекам. Эта ее особенность делает ее похожей на цитадель Хоалы (X век), но отличается от Тханглонга (бывший Ханой) и по сравнению с Хюэ цитадель имеет большую оборонноспособность. Хо Куи Ли проектировал цитадель с двумя концентрическими территориальными окружностями. Наряду с описанием основных частей цитадели и таких, как стены, рвы, Латхань и внутренние сооружения, в исторических книгах еще описываются улицы и каменные мостовые дороги, ведущие к сооружениям цитадели. Названия местности «зай», «няй», «фыонг» высечены на камнях и сохранились до наших дней, тем са-

мым подчеркивая, что, возможно, в прошлом, районы столицы были разделены симметрично и параллельно с севера на юг и с запада на восток центральной улицей, которая проходит через южные ворота. Это характерный градостроительный признак, присущий почти всем столицам Восточной Азии. Однако в цитадели династии Хо имеются еще и другие отличительные черты: меньшее количество ворот по сравнению, например, с цитаделью Тханглонга, что отличает ее от других восточноазиатских столиц, где часто бывает много ворот. Изменение главной оси с северо-запада на юго-восток является еще одной отличительной чертой, соответствующей природным условиям местности.

Во-вторых: изобретательность в технике строительства, в особенности техники разработки, перевоза и использования крупных каменных плит.

Цитадель династии Хо является единственной цитаделью в истории столиц Вьетнама и региона, построенной из крупных каменных плит. В древних вьетнамских столицах, камень использовался, в основном, для строительства фундамента домов и главных архитектурных элементов. И только при династии Ле эта техника начала распространяться и использоваться также при строительстве небольших архитектурных сооружений. Стены первых цитаделей, в основном, возводились из земли, в том числе и внутренние стены (Колоа). Позже начали использовать камень при строительстве стен цитаделей. Типичной из них является цитадель династии Мак, однако каменные плиты были небольшими и разными по форме. Позже стали широко использовать кирпич. Так, он использовался при строительстве двух внутренних окружающих стен цитадели Тханглонг и всех трех внешних стен цитадели в императорской столице Хюэ.

В Китае с давних времен уже использовался камень в строительстве, в особенности крупнейших сооружений, таких как Великая китайская стена. Однако до XIV века традиционным материалом при строительстве столиц являлась земля. Близким к цитадели династии Хо китайским сооружением является резиденция князя Тинь Занг (город Гуйлинь, провинция Гуанси), которая была построена в 1392 г., почти в одно время с цитаделью династии Хо. Однако размеры каменных плит здесь намно-

го меньше по сравнению с цитаделью династии Хо. Япония является одной из стран, где довольно много каменных цитаделей, некоторые из них были признаны мировым культурным наследием, например, Himeiji (XII век), Nijo-jo (1603 г.), Osaka (XVI—XVII вв.). По сравнению с цитаделью династии Хо эти сооружения были построены позже. Большинство этих цитаделей были возведены в виде бастиона со стенами, построенными по технике «нарушение» (нечетко по рядам) или по технике «цепь» в виде черепашьего панциря. Камни, из которых построены эти сооружения, часто не имели высеченной формы и были соединены не по прямым рядам. Все каменные плиты, независимо от формы, были меньше по размеру, чем плиты цитадели династии Хо.

Что касается Кореи, то характерной цитаделью является Shilla Wanggeyong в Gyoungju и дворец Changdeokkung в Сеуле. Однако здесь отсутствует техника строительства из больших каменных плит. В королевском дворце Shilla отдельные каменные плиты разных размеров часто использовались при строительстве фундамента и дорог. Техника соединения этих плит в фундаменте с двумя параллельными рядами и землей посередине очень близка технике строительства фундамента стены эспланады Нам Зао цитадели династии Хо.

В Юго-Восточной Азии каменные сооружения древних столиц, в основном, имели религиозные функции. В том числе нужно вспомнить об Ангкор Вате (Камбоджа) и многих горных храмах святынь Индии, Боробудура (Индонезия), Хам Ват Фу (Лаос). Религиозный фактор делает эти сооружения отличающимися от цитадели династии Хо.

Достопримечательности имеют цитадели династии Хо имеют особенную ценность, так как при ее строительстве были использованы огромные человеческие ресурсы, применялись разные способы разработки, перевоза и соединения огромных каменных плит за короткий промежуток времени. Оставшиеся реликвии, такие как каменные обелиски, следы каменной мостовой Конгда и многочисленные легенды, передающиеся в народе о цитадели династии Хо, о методах перевоза и строительства огромных каменных плит, свидетельствуют о том, что это соору-

жение является результатом самых разнообразных способов строительства. В этом смысле цитадель династии Хо играет большую роль в исследовании и восстановлении древних традиций строительства в азиатском регионе.

Изучение оставшихся сооружений и первые успехи археологов свидетельствуют о том, что цитадель династии Хо является крупнейшим историческим наследием старинных столиц Вьетнама, требующем бережного обращения и защиты. Здесь приобретен важный опыт по защите и сохранению исторических наследий, в особенности древних цитаделей, таких как королевская цитадель Тханглонг, старейшая цитадель Шонтэй, цитадель династии Мак и т. д. Результатами этой работы стала выработка требований к охране и управлению Комплексом наследий цитадели династии Хо и исполнение ряда юридических правил администрацией провинции Тханьхоа, под непосредственным руководством которого находится Охранный центр Цитадели династии Хо. Необходимо осуществлять решение 1784/QD-UBND «О нововведении, реставрировании и строительстве в уезде Виньлок и других регионах, связанных с цитаделью династии Хо» с целью сохранения этого исторического комплекса — гордости местных жителей и всего вьетнамского народа.

Л.М. Соболевский

ПРИЧИНЫ ВВОДА ЯПОНСКИХ ВОЙСК ВО ФРАНЦУЗСКИЙ ИНДОКИТАЙ

Введение

Тема настоящей статьи — оккупация японскими войсками Французского Индокитаа во время Второй мировой войны. Известно, что это событие не имело стремительного характера, но происходило в течение сравнительно продолжительного периода. После капитуляции Франции перед Германией в июне 1940 г. японское правительство впервые поставило перед французским властями в Индокитае ультиматум, заставив последних впустить на территорию своих колониальных владений первую, еще тогда малочисленную группу японских войск («миссия Нисихары»). Ее задачей стало соблюдение режима транзита товаров через китайско-индокитайскую границу и воспрепятствование любым попыткам снабжения вооружением воюющих с японской армией отрядов китайских националистических сил во главе с Чан Кайши.

Но о настоящем вводе войск можно говорить лишь с сентября 1940 г., когда в результате договоров Мацуока-Анри (30 августа 1940 г.) и Нисихара-Мартен (22 сентября 1940 г.) Япония помимо прочего получила право пользования тремя аэродромами в Северном Вьетнаме (Тонкин) и размещения в районах этих аэродромов своего постоянного гарнизона в количестве 6 тыс. человек. Кроме того, Франция разрешила пропус-

тить через свою территорию (только к Северу от Красной реки) другие японские отряды. Общая численность войск не должна была превышать 25 тыс. человек, а все действия японского командования на территории Французского Индокитае должны были быть согласованы с французскими властями. Эти договоры были очень выгодны для Страны восходящего солнца.

Тем не менее, часть японского генералитета как в Токио, так и в Южном Китае попыталась помешать проведению дипломатических переговоров, с тем чтобы спровоцировать вооруженную агрессию, конечной целью которой стал бы полный захват Французского Индокитае. Их действия привели к так называемому лангшонскому инциденту — вооруженному вторжению отрядов японской 5-й дивизии на территорию Тонкина в ночь с 22 на 23 сентября 1940 г. Однако токийское правительство не желало крупномасштабной войны на территории Вьетнама и вскоре заставило свои военные части прекратить агрессивные действия.

Тем не менее, французы понесли значительные потери, а самое главное — очевидным стало превосходство японских войск над слабо вооруженными и морально неустойчивыми французскими колониальными вооруженными силами. Это привело, в свою очередь, к смягчению французской позиции на последующих дипломатических переговорах с Японией. Так или иначе, в конце сентября на территории Индокитае был размещен Индокитайский экспедиционный корпус (*Индосина хакэнгун*). Этим завершилась первая фаза оккупации французских колониальных владений¹.

Развитие событий на фронтах Второй мировой войны в следующие несколько месяцев еще больше укрепило позиции Японии по отношению к Французскому Индокитаю. Результатом японского посредничества во франко-тайской войне (декабрь 1940 г. — январь 1941 г.) стали территориальные уступки Франции Таиланду — последнему были переданы части территорий Лаоса и Камбоджи. 6 мая 1941 г. Франция вынуждена была заключить с Японией ряд экономических договоров, обозначивших признание правительством Виши доминирующих позиций Страны восходящего солнца в экономической жизни своих дальневосточных колониальных владений.

Следующие требования Японии касались уже военных проблем. 22 июля было заключено соглашение Дарлан-Като, по которому Японии было дано право размещать свои войска в Южном Индокитае. Это ознаменовало собой начало второй фазы японской военной оккупации Французского Индокитае. Уже 28 июля первые отряды 25-й армии высадились в Нячанге, а на следующий день были подписаны протокол между Францией и Японской империей о совместной обороне Индокитае и соглашение в виде обмена нот о военном сотрудничестве, в силу которых Франция признавала за Японией право размещать на территории Индокитае любое количество войск без территориальных ограничений, японская армия имела полную свободу передвижения и могла пользоваться восемью аэродромами (впоследствии это количество будет увеличено) и тремя портами в Южном Индокитае.

Токио вскоре стал использовать полученные права с тем, чтобы превратить французскую зависимую территорию в стратегическую базу для проведения агрессивной политики в Юго-Восточной Азии (ЮВА). К началу декабря 1941 г. численность японских войск в Южном Индокитае возросла до 52 тыс. человек. Несмотря на то, что здесь продолжала действовать французская администрация и были размещены французские вооруженные силы, на практике Индокитае превратился в оккупированную территорию. Это положение дел продолжалось до начала войны на Тихом океане, когда большинство японских войск передислоцировалось из Индокитае на фронты военных действий. Тем не менее, и после этого доминирующее положение Японии оставалось непоколебимым. Это нашло свое отражение в новом договоре о совместной обороне от 9 декабря 1941 г., в котором Токио заставил вишистское правительство пойти на еще большие политические и военные уступки. Однако данные события находятся вне рамок настоящей статьи².

Две фазы оккупации японскими войсками Французского Индокитае произошли в различных политических условиях, и поэтому они могут рассматриваться — и действительно часто рассматриваются — как отдельные исторические события, обладающие каждое набором своих собственных причин. Тем не ме-

нее, мы в данной статье постараемся сосредоточиться не на непосредственных причинах, побудивших японские правящие круги принять то или иное политическое решение в конкретный исторический момент, а на глубинных обстоятельствах, обусловивших японскую внешнюю политику и подтолкнувших ее к выбору Французского Индокитая в качестве цели экспансии. По нашему мнению, эти причины можно разделить на три категории: политико-стратегические, экономические и идеологические. Однако мы считаем, что эти три категории не равновелики в оказываемом влиянии на определение японской стратегии относительно колониальных владений Франции в ЮВА. Преимущественную роль в рассматриваемых событиях сыграли политико-стратегические факторы, в меньшей мере — экономические, и наименее значительными были идеологические обстоятельства. В настоящей статье мы ограничились рассмотрением исключительно вопросов политико-стратегического характера. Это не означает, что остальные обстоятельства не достойны внимания — им мы планируем посвятить отдельную работу.

Статья разделена на три части. Первая посвящена описанию общего геополитического положения Японии в конце 1930-х годов. Именно оно определяло внешнюю политику Японии не только в отношении Индокитая, но и в целом в отношении Юго-Восточной Азии. В следующей части описываются события, связанные с проблемой транзита вооружений и боеприпасов из Индокитая в Китай, что являлось непосредственной причиной ввода японских войск в северный Индокитай в 1940 г. Наконец, в последней части мы останавливаемся на вопросе «продвижения на Юг», то есть японской экспансии в ЮВА, так как в рамках именно этого вопроса надо рассматривать ввод японских солдат на юг Индокитая летом 1941 г.

1. Общее геополитическое положение Японии в конце 1930-х годов

Без особого преувеличения можно сказать, что весной 1940 г. основным фактором, определяющим политическое и экономическое положение Японии, являлась начавшаяся в

1937 г. необъявленная война против Китая, или «китайский инцидент» (*Сина дзихэн*), в терминологии официальной японской пропаганды того времени. Конфликт, первоначально имевший лишь локальный характер, вскоре значительно расширился и вышел из-под контроля Японии. Продолжавшиеся наступления войск империи не приводили к полной победе, а затянувшаяся борьба начала вовлекать все большие людские, материальные и финансовые ресурсы. В 1940 г. Токио приходилось ежедневно тратить на «китайский инцидент» порядка 4 млн долл., а численность военного контингента в Китае достигла 1,5 млн человек³. Увеличивающиеся расходы в значительной степени срывали планы по мобилизации людских и материальных ресурсов в экономической сфере, увеличению промышленного производства, составленные в 1930-х годах японским правительством. В конечном счете, Стране восходящего солнца пришлось импортировать не только сырье, но и полуфабрикаты, а также готовые изделия, необходимые для нужд войны.

Таким образом, война в Китае вела к росту дефицита внешнеторгового баланса Японии, что, в свою очередь, вызывало сокращение золотых запасов. Возникла угроза, что, в конце концов, стране придется столкнуться с неспособностью в будущем продолжать закупки стратегических видов сырья, как то нефть или сталь. Положение усугубилось в сентябре 1939 г. с началом войны в Европе. Доступ Японии к ключевым товарам осложнился, а их цены значительно выросли⁴.

Япония становилась все более зависимой от поставок товаров с Запада, преимущественно из Соединенных Штатов. В 1938 г. из этой страны ввозилось 80 % всей импортируемой нефти, 75 % железного лома, 60 % станков и 93 % меди⁵. В то же самое время политические последствия «китайского инцидента» начали оказывать все большее влияние на японо-американские отношения. Вашингтон, соблюдая политику «открытых дверей», последовательно отказывался признавать «особые права» Токио в Китае. Американское общественное мнение также отрицательно относилось к действиям японских вооруженных сил в Срединном государстве. В результате, летом 1939 г. США объявили так называемое моральное эмбарго на поставки самолетов

в Японию, а также расторгли договор о торговле и мореплавании с империей, что предоставляло возможность применять к Токио экономические санкции. Это соглашение было официально денонсировано 26 января 1940 г.⁶

Для Японии складывалась очень опасная ситуация. Из нее было всего два выхода. Первое решение заключалось в том, чтобы как можно скорее закончить войну в Китае, но при этом просто вывести войска считалось немыслимым — слишком большие расходы Япония уже понесла. Войну против Чан Кайши следовало выиграть, а этого можно было добиться, только перерезав со стороны западных стран поставки вооружений Гоминьдану. Другим решением, на котором мы остановимся ниже, было завоевание новых территорий с тем, чтобы получить доступ к их богатой сырьевой базе. Для осуществления этих двух вариантов необходимо было оккупировать Французский Индокитай.

2. Проблема транзита вооружений в Китай через Индокитай

В июне 1940 г. поставки Гоминьдану разного вида вооружений и амуниции (в сумме 31 500 т) происходило несколькими магистральными путями: из Советского Союза через Китайский Туркестан (приблизительно 500 т в месяц), через побережье Среднего и Южного Китая (5000 т), Гонконг и Гуанчжоувань (1000 т), «бирманскую дорогу» (10 000 т) и через Французский Индокитай (15 000 т). Таким образом, в целом, через Индокитай транспортировалось порядка 48 % от общего объема поставок. Главной транспортной артерией являлась так называемая Юньнаньская железная дорога, проходившая из тонкинского порта Хайфон через Ханой до пограничного с Китаем Лаокая, дальше — в столицу пров. Юньнань город Куньмин. Дополнительную роль играла железная дорога, ведущая из Ханоя на северо-восток, в город Лангшон, откуда вооружения колесными средствами перевозились в Наньнин в провинции Гуанси⁷.

Первые попытки прекратить поставки вооружений через Индокитай были осуществлены японцами уже после первых двух месяцев войны в Китае, когда стало ясно, что вооруженное

сопротивление не будет подавлено быстро. 27 сентября 1937 г. секретарь посольства Японии в Париже Утияма Иватаро обратился к директору департамента Азии и Океании французского министерства иностранных дел Анри Оппено с требованием, чтобы Франция запретила транспортировку оружия в Китай через территорию Индокитая. Оппено высказался в том духе, что поскольку Япония и Китай не находятся в состоянии войны, Франция может свободно торговать оружием с обеими сторонами. Между тем, четырьмя днями ранее французское правительство само отказало Чан Кайши в продаже зенитных орудий, приведя в качестве довода необходимость сохранения нейтралитета между Китаем и Японией.

В действительности МИД Франции опасался ухудшения отношений с Токио, а больше всего того, что японские самолеты нанесут авиаудары по Юннаньской железной дороге, а это, в свою очередь, могло причинить серьезный урон экономическим интересам Франции в Южном Китае. Также обеспокоенность вызывала потенциальная возможность оккупации японскими войсками острова Хайнань. Это ставило бы под угрозу присутствие Франции во всем Индокитае. Последовав рекомендациям МИДа, 13 октября 1937 г. правительство все-таки запретило транспортировку любых вооружений в Китай, о чем три дня спустя было сообщено японскому послу. Это решение вызвало протесты не только китайского правительства, но и США. Кроме того, против него выступала часть членов кабинета министров, в том числе и вице-председатель Совета министров Леон Блюм. Поэтому уже 22 октября официальные власти вновь пересмотрели этот вопрос: они разрешили транспортировку через Индокитай оружия и амуниции, заказанных до 15 июля и отправленных до 13 октября. Но самое главное, что запрет был наложен только на оружие, но не касался таких стратегических товаров, как грузовики, бензин, боеприпасы⁸.

Эти действия Франции вызвали раздражение японской стороны, которая еще несколько раз обращалась к Парижу с требованием полного закрытия границы, однако безуспешно. Еще больше обстановка накалилась весной 1938 г., после того как французские банки приняли решение выдать правительству Чан

Кайши кредит на строительство железной дороги Ханой-Наньнин. На этот раз японцы не ограничились протестами посла в Париже: 9 июня министр иностранных дел империи Угаки Кацусигэ вызвал для беседы французского посла. Во время этой встречи глава МИД объявил, что Япония пока не намерена захватывать Хайнань, но стратегические интересы страны могут привести к тому, что возникнет необходимость перенести боевые действия непосредственно к границам Индокитае. Он также потребовал, чтобы французы занялись осуществлением проектов по строительству железных дорог в Китае после окончания войны. Беспрецедентный характер имело второе предложение Угаки, согласно которому французы должны были пропустить в Индокитай немногочисленную японскую делегацию, которой было бы поручено проверить, действительно ли соблюдается запрет на транспортировку оружия. По словам министра иностранных дел, это должно было успокоить японское общественное мнение, будто бы убежденное, что поставки оружия в Китай до сих пор продолжаются.

Во время очередной встречи с французским послом, состоявшейся 20 июня 1938 г., Угаки повторил свое предложение. В официальном ответе французское правительство отклонило предложение Угаки, но заверило японский МИД в том, что эмбарго тщательно соблюдается⁹. Тем не менее, существует множество доказательств, что, несмотря на официальный запрет на поставки, оружие перевозилось контрабандой через порт Хайфона, о чем японская агентурная сеть в Индокитае была прекрасно осведомлена. В декабре 1938 г. 3-й отдел Генерального штаба армии составил документ, озаглавленный «Действия Франции в отношении Китайского инцидента», в котором пути доставки вооружений для китайской армии были подвергнуты тщательному анализу¹⁰.

21 октября императорские войска заняли Гуанчжоу, а спустя шесть дней — крупный железнодорожный узел Ухань, что в принципе сделало невозможным транспортировку вооружений через Гонконг. 28 октября премьер-министр и по совместительству министр иностранных дел Коноэ Фумимаро снова вернулся к вопросу о необходимости направить в Индокитай инспек-

торов. Когда Париж вновь отказал, Токио сделало компромиссное предложение, согласно которому инспекцию должен был осуществить японский консул в Ханое. Тем не менее, и эта идея натолкнулась на отказ. Однако чтобы не слишком портить отношения с Японией, французское правительство ввело временный запрет на провоз грузовых автомашин через Индокитай и пропустило мимо ушей просьбу китайского посла открыть для поставок вооружения Юньнаньскую железную дорогу, превратившуюся после взятия Ухани в ключевой путь сообщения Китая с внешним миром. Лишь в декабре Франция вновь разрешила транспортировку грузовиков, однако Юньнаньская железная дорога официально осталась закрытой для военных поставок — по ней могли провозиться только товары гражданского потребления. Снабжение для армии проходило через Наньнин¹¹. Этими шагами французы пытались не дать Японии предлога для бомбардировок Юньнаньской железной дороги.

10 февраля случилось то, чего Франция уже давно опасалась¹² — японские войска высадились на острове Хайнань, а в марте Япония объявила об установлении своего суверенитета над архипелагом Спратли, не обратив внимания на тот факт, что еще в 1933 г. острова Спратли были объявлены частью территории Аннама¹³. Благодаря этим территориальным приобретениям японцы теперь могли угрожать морскому пути Сингапур—Гонконг. Размещение на о. Хайнань баз бомбардировщиков создавало возможность авиационной атаки дороги Ханой—Наньнин. К тому же, захват острова, находящегося в 300 км от Хайфона и 270 км от Дананга, непосредственно угрожал Французскому Индокитаю, являясь своего рода «дулом, направленным в сердце Тонкина»¹⁴.

В конце августа 1939 г. Япония обратилась к Франции с очередным требованием: на этот раз о возобновлении экспорта индокитайской железной руды в Страну восходящего солнца (данные поставки были остановлены после оккупации острова Хайнань), об учреждении японского консульства в Новой Каледонии, а также об открытии над территорией Индокитае авиационного сообщения между Японией и Таиландом. Вследствие обострения ситуации в Европе (подписание пакта Моло-

това — Риббентропа) Франция стремилась сохранить стабильные отношения с Японией, поэтому Париж согласился начать переговоры, которые не остановила даже бомбардировка японской морской авиацией территории Индокитая, совершенная по ошибке 26 августа. Понимая, что для урегулирования отношений придется согласиться на прекращение поставок в Китай, французы приложили максимум усилий для транспортировки большей части предназначенных для Гоминьдана и складированных в Хайфоне товаров через границу еще до того, как какие-нибудь обязательства в отношении Японии будут приняты. В результате за очень короткий промежуток времени количество поставленных в Китай грузовых автомобилей выросло на 100 %. Весьма вероятно, что это стало одной из причин, по которой японская армия решила провести наступательную операцию на Наньнин¹⁵.

Сентябрь 1939 г. принес с собой начало войны в Европе. Это привело к изменению геополитической ситуации во всем мире, Страна восходящего солнца также обнаружила себя в новой обстановке. После поражения, нанесенного частями Красной армии вооруженным силам Японии и Маньчжоу-го на Халхин-Голе, многие офицеры японского генерального штаба подали в отставку. Одним из людей, пришедших на их место, стал генерал Томинага Кёдзи, возглавивший 1-й (*Дайитибу*), или оперативный отдел (*Сакусенбу*). Это была одна из важнейших должностей в структуре Генерального штаба. Томинага был сторонником усиления давления на Французский Индокитай и активизации операционной деятельности в Южном Китае. Ему удалось добиться принятия своей линии: в ноябре 5-я дивизия начала наступление на провинцию Гуанси с целью овладения городом Наньнин — это позволяло перерезать один из маршрутов доставки военных товаров.

Операция прошла успешно: Наньнин был взят; тем не менее, главная стратегическая цель оставалась невыполненной. Китайцам удалось создать новый маршрут транспортировки через город Байсэ (пров. Гуанси) и продолжить доставку военного снаряжения. Кроме того, в середине декабря гоминьдановцы начали контрнаступление на Наньнин, японцы с трудом удер-

живали город и коммуникации, ведущие к нему с моря. Был поднят вопрос о начале поставок вооружений через территорию Французского Индокитая, также рассматривался план эвакуации японских сил через французские владения. Тем не менее, императорской армии удалось отбить контрнаступление и еще больше расширить контролируемую территорию. 21 декабря 5-я дивизия заняла важный стратегический пункт — Лунчжоу, в непосредственной близости от границы с Индокитаем, а на следующий день вышла к пограничному переходу Чжэньнаньгуань. Это был первый раз, когда японские войска напрямую подошли к границам Французского Индокитая¹⁶.

30 ноября японский министр иностранных дел Номура Китасабуро сообщил французскому послу японские условия урегулирования отношений: Париж должен запретить транзит по территории Индокитая всей продукции военного назначения, включая грузовые автомобили, нефть и т. д., отменить все ограничения на торговлю между французскими азиатскими и тихоокеанскими владениями и Японией, а также пропустить на территорию Индокитая миссию. Целью миссии был контроль над соблюдением эмбарго на поставки вооружения в Китай.

12 декабря Франция отвергла эти условия, переговоры зашли в тупик. В конце декабря командование японского флота решило нанести удары по Юньнаньской железной дороге. Несмотря на постоянные протесты Парижа, японская морская авиация шесть раз атаковала эту транспортную артерию, налеты продолжались до середины января. Тем не менее, действия воздушных сил не дали значительного эффекта по нескольким причинам: плохие погодные условия, недостаточное техническое оснащение авиационных баз и сложный для авиационных операций горный рельеф местности. 1 февраля 1940 г. в седьмой раз японские самолеты ошибочно (?) атаковали гражданский поезд. Погибли 40 человек, в том числе 5 французов, было ранено 84 гражданских лица. Первоначально МИД Японии возложил всю ответственность за инцидент на Францию, обосновав это тем, что она продолжала военные поставки в Китай. Только 20 февраля заместитель министра иностранных дел Тани Ма-

саюки выразил сожаление по поводу случившегося и заявил о готовности выплатить жертвам компенсацию.

Через неделю французское правительство согласилось продолжить переговоры. С японской стороны их проводил новый посол в Париже Савада Кензо. Между тем у Франции оставалось мало времени для того, чтобы добиться компромисса: 5 марта был закончен ремонт Юньнаньской железной дороги, и по этой транспортной артерии опять пошли товары в Китай. В ответ на это командование японского флота пригрозило, что 16 марта возобновит удары. МИД Франции приложил большие усилия, чтобы добиться отсрочки еще на 4 дня. 18 марта транспортировка бензина и грузовиков временно была приостановлена. Это был удачный тактический ход французов, который позволил им дождаться апреля — начала сезона дождей, когда стало крайне сложно проводить авиационные налеты. После этого переговоры о закрытии границы были прекращены¹⁷.

Параллельно с правительственными действиями Японии армейское командование предпринимало свои попытки разрешить проблему Индокитая. В конце 1939 г. в Ханой прибыл генерал-майор Цутихаси Юити, глава 2-го или разведывательного отдела Генерального штаба и бывший военный атташе в Париже. Ему было поручено вынудить французов прекратить военные поставки в Китай. Переговоры с ним велись в Ханое с 18 декабря, но они также оказались безрезультатными. Генерал-губернатор Индокитая генерал Катру уверял японцев, что оружие через Тонкин не перевозится, и категорически отказывался принять инспекционную группу. Он готов был лишь согласиться на транспортировку через территорию Индокитая снабжения для японских войск в Гуанси. Переговоры закончились скандалом: Цутихаси в какой-то момент потерял самообладание и стал угрожать Катру. Его вынудили покинуть зал. Однако на следующий день он попросил прощения за свое поведение¹⁸. В будущем Цутихаси пришлось вернуться в Индокитай еще раз: в конце 1944 г. он возглавил 38-ю армию, дислоцированную здесь.

Во второй половине января в Индокитай приехал подполковник Нисиура Сусуму из Военного отдела (*Гундзика*). Он выступал в качестве представителя японской армии на маневрах

индокитайских войск в Камбодже (также были приглашены представители тайской и британской армий). На этот раз Катру и главнокомандующий индокитайскими силами сделали все возможное, чтобы встреча состоялась в дружественной атмосфере. Они заверили своего визави, что Индокитай в состоянии снабжать японские части, сражающиеся в Гуанси, всем необходимым. Однако рано утром 2 февраля в Пномпень пришло известие о вышеупомянутой бомбардировке поезда — это омрачило диалог. Попытки подполковника вернуть переговоры в дружеское русло не увенчались успехом. В конечном счете, ему пришлось покинуть Индокитай, так ничего и не добившись¹⁹. Следующего шанса получить от французов уступки японцам пришлось ждать до июня 1940 г.

3. «Продвижение на юг» в Индокитай

Как уже упоминалось, для Японии одним из способов выхода из стратегического капкана, в который страна попала в результате затянувшегося «китайского инцидента», было завоевание новых территорий, где бы осуществлялась добыча необходимых видов сырья. Это сделало бы страну независимой от поставок с Запада. Достичь этой цели можно было двумя путями. Генералитет сухопутных войск первоначально поддерживал идею экспансии на север, на территории СССР (*хокусин* — «продвижение на север»). Однако целый ряд обстоятельств, таких как поражение, нанесенное Красной Армией вооруженным силам Японии и Маньчжоу-Го на р. Халхин-Гол (май—сентябрь 1939 г.), нехватка средств для наступления на Советский Союз, заключение договора о ненападении между Германией и СССР (23 августа 1939 г.) и начало войны в Европе (1 сентября 1939 г.), явился причиной того, что перевес получила другая стратегия — экспансия на юг (*нансин* — «продвижение на юг») к нефтяным месторождениям Голландской Ост-Индии. Ее адвокатом был военно-морской флот империи.

Наступление на Наньнин, хотя и не оправдало возлагаемых на него надежд ускорить окончательную победу в Китае, однако имело долгосрочные последствия для стратегии экспансии в

южном направлении. Впервые эта идея была упомянута в 1936 г. в официальном документе, касающемся государственной политики, а именно в «Основах национальной политики». В нем признавалось, что для хозяйственного развития Японии укрепление интересов страны в Южных морях (*Нампо каиё*), то есть в Юго-Восточной Азии и на островах Тихого океана, не менее важно, чем экспансия на север²⁰. Как уже отмечалось, первоначально идею «продвижения на юг» поддерживал военный флот. Во время межминистерских переговоров о плане мобилизации материальных ресурсов на 1939 г. офицеры среднего звена утверждали, что будущее Японии связано с югом, и требовали в связи с этим больших средств на развитие флота²¹.

Колониальные чиновники Тайваня также отстаивали стратегию экспансии в южном направлении. В документе, составленном в сентябре 1938 г. администрацией генерал-губернатора и озаглавленном «Политика в отношении острова Хайнань», Хайнань назывался «плацдармом Империи на юге». В написанной в приблизительно то же самое время бумаге «Политика по расширению и укреплению контрольных учреждений в колониях юга» подчеркивалось, что после захвата Хайнаня политика Японии в регионе вступит в новую фазу и эти территории начнут играть все большую роль в увеличении японской силы²².

Между тем вышеназванные события сентября 1939 г. привлекали к идее *нансин* все новых сторонников, в том числе офицеров сухопутных сил, недавно получивших высокие должности в Генеральном штабе. Для генерала Томинаги и его подчиненных в оперативном отделе Генштаба наступление на Наньнин, помимо тактической задачи перерезать Чан Кайши пути доставки военных товаров из Индокитая, имело также стратегическую цель — обеспечить базу для агрессии во Французский Индокитай, а дальше во всю Юго-Восточную Азию. Они полагали, что, захватив Индокитай, отсюда можно будет начать наступление на Чунцин — временную столицу Гоминьдана. В договоренности от 14 октября 1939 г. между сухопутными войсками и флотом по вопросам, касающимся наньнинской операции, имелся добавочный пункт, который гласил, что «императорская ставка (*дай-*

хонзэй) займется решением индокитайского вопроса после захвата города Наньнин»²³.

Тем не менее, следующие месяцы не были отмечены решительными действиями в рамках реализации стратегии «продвижения на юг». Положение дел изменилось лишь весной 1940 г., когда пришли новости о сокрушительных победах Германии в Норвегии и на полях сражений Фландрии. 14 мая сдались Нидерланды, а в конце мая — начале июня британский экспедиционный корпус был эвакуирован у города Дюнкерка. 14 июня пал Париж. Казалось, поражение антигитлеровской коалиции уже близко, а это значило, что появилась возможность легко захватить европейские колонии в Юго-Восточной Азии. Генералитет сухопутных сил полагал, что необходимо как можно быстрее — лучше всего до начала лета — занять северные территории Индокитая.

В первой половине июня глава оперативного отдела Генерального штаба армии полковник Окада отдал приказ подполковнику Нисиуре Сусуму составить первый операционный план по наступлению на юг. С 21 июня по 2 июля главы департаментов и отделов Генштаба и военного министерства провели несколько дискуссий, результатом которых стал документ, датированный 3 июля и озаглавленный «Общий план действий ввиду изменения мирового положения». Согласно этой бумаге, к концу августа, то есть ко времени, когда предположительно должно было состояться вторжение войск вермахта на Британские острова, Японии необходимо быть готовой к экспансии на юг. В этом плане, однако, предлагалось действовать достаточно осторожно: рекомендовалось «приобретение путем покупки или дипломатических действий» концессий на добычу минерального сырья в Голландской Ост-Индии или, если это представляется возможным, во французских владениях на Тихом океане (к примеру, в Новой Каледонии). Между тем данный документ оговаривал, что командование сухопутной армии считает немедленной необходимостью оккупации северной части Индокитая.

Правительство Японии не могло не обращать внимания на изменившуюся международную обстановку, а также не прислушиваться к мнению генералитета армии. 29 июня министр ино-

странных дел Арита Хатино в своем выступлении по радио провозгласил программу создания «нового порядка в Восточной Азии» (*Тоа синтицудзё*), в котором Япония должна была играть роль «стабилизирующей силы» (*антэй сэйрёку*), и этот «новый порядок» должен был распространиться на «все страны Юга» (*Нангё сётихо*)²⁴. 26 июля второй кабинет Коноэ Фумимаро принял документ, озаглавленный «Основная программа национальной политики». Официально он был обнародован 1 августа. Японское правительство заявляло, что будет стремиться учредить «новый порядок в Большой Восточной Азии» (*Дайтоа синтицудзё*). Употребление термина «большая» свидетельствовало о том, что у Японии существуют интересы не только в Восточной, но и в Юго-Восточной Азии²⁵.

Последующие события касаются непосредственно ввода войск, а поэтому находятся вне рамок настоящей статьи. Здесь мы ограничимся только упоминанием того факта, что в течение многих месяцев японцы колебались в окончательном выборе из двух направлений экспансии. Ключевым в этом вопросе оказалось принятое 2 июля 1941 г. на Императорском совещании (*Годзэн кайги*) решение о вводе войск в южные территории Индокитая. Международные последствия этого, прежде всего тот факт, что США заморозили японские активы и объявили эмбарго на поставки нефти, оказались настолько серьезными для Японии, что выбор экспансии на юг превратился из потенциального решения в неизбежное. Его реализация в декабре 1941 г. означала развязывание войны на Тихом океане.

С самого начала рассмотрения планов «продвижения на юг» необходимым условием для успешного осуществления экспансии считался захват Индокитая. В уже упомянутом плане Нисиуры предлагалось, прежде всего, создать военные базы во Французском Индокитае и Таиланде, чтобы потом использовать их в качестве плацдарма для атаки на Голландскую Ост-Индию и, если понадобится, на Сингапур²⁶. 3 мая 1941 г. на 21-м совместном совещании правительства со Ставкой военный министр генерал Тодзио Хидеки заявил, что для «осуществления операции на полуострове Малакка требуется создание баз на территории Таиланда и Индокитая»²⁷. На 24-м совместном совещании, про-

ходившем 22 мая, похожую точку зрения отстаивал глава генерального штаба армии генерал Сугияма Гэн: «Относительно полуострова Малакка, необходимо создать себе базу в Таиланде и Французском Индокитае, чтобы проводить оттуда операции»²⁸.

Интересен вопрос, в чем же состояли те стратегические качества Французского Индокитая, которые так притягивали японских штабистов в рамках «продвижения на юг»? Ответ кроется в географическом положении, прежде всего, южной части Французского Индокитая. Она находится почти ровно посередине бассейна Южно-Китайского моря. Расстояние из Сайгона до Сингапура составляет 1090 км, а до Брунея — 1120 км, расстояние из Пномпеня в бирманский Рангун — 1100 км, а из Нячанга в Манилу — 1300 км. Таким образом, вышеназванные города могли быть в зоне действия японской авиации, а воздушный флот господствовал бы над всем бассейном Южно-Китайского моря, обеспечивая защиту и поддержку десантным операциям. Одновременно контроль над территорией южной части Индокитая позволял концентрировать здесь крупные сухопутные силы, создавая тем самым необходимый плацдарм для наступления на юг. Сельскохозяйственные ресурсы Кохинхины обеспечивали бы питание для дислоцированных здесь частей. Наконец, порты Камрань и Сайгон могли послужить операционными базами для действий военного флота.

Как впоследствии образно выразился генерал Цутихаси, Индокитай является «осью развернутого веера», т. е. эта территория позволяла японским войскам атаковать Филиппины и Борнео, Малакку и Бирму²⁹. В документе от 1 августа 1940 г., разработанном в Генеральном штабе Императорского флота Японии и озаглавленном «Анализ политики в отношении Французского Индокитая», отмечалось, что Японии стоит войти в Индокитай по трем причинам: во-первых, из-за его стратегического местоположения, идеального для того, чтобы превратиться в плацдарм для последующей экспансии в направлении Малакки и Таиланда; во-вторых, морская база Камрань представляется прекрасным местом дислокации войск для последующей транспортировки их для участия в операциях по захвату этих целей; наконец, Индокитай располагал многими видами

сырья, необходимыми Японии: рисом, каучуком, углем и железной рудой³⁰. Таким образом, военные интересы шли рука об руку с экономическими. Последние мы рассмотрим ниже.

Французский исследователь Уильям Ледай, анализируя японскую экспансию в Юго-Восточной Азии в декабре 1941 г., рассматривает, как она происходила бы, не будь у Японии стратегического козыря в лице Индокитая. Во-первых, японцам необходимо было бы сформировать дополнительные конвои, поскольку у них отсутствовали бы транспортные базы на военном театре Юго-Восточной Азии, а, следовательно, их пути снабжения стали бы более длинными. Кроме того, необходимо было бы осуществить десант в Индокитае, что потребовало бы дополнительных сил. Во-вторых, империи пришлось бы послать на юг больше армейских дивизий, что ослабило бы ее оборонный потенциал в Северном Китае и Маньчжурии. Наконец, отсутствие авиационных баз в Индокитае вынудило бы Японию к долгосрочному использованию авианосцев для воздушной поддержки десантов, а это поставило бы под сомнение возможность одновременной атаки на Пёрл-Харбор. Также У. Ледай подчеркивает и еще один фактор — фактор неожиданности. Даже самые смелые стратегические выкладки Великобритании и США не допускали, что японцы могут использовать Индокитай в качестве плацдарма для крупного военного наступления. Франция — член антигитлеровской коалиции, — по их мнению, никогда бы на это не согласилась³¹. Но поражение Франции и установление режима Виши создало такое положение дел, к которому они просто не были готовы.

В этой связи полезно процитировать слова исследователей Гая Фора и Лоурена Шваба: в 1940—1941 гг. «функция Индокитая... как транзитной дороги и перекрестка путей была окончательно реализована. Пространство Индокитая, одновременно материковое и морское, давало Японии — морской державе — доступ к материковым пространствам Китая и к морским пространствам островов и полуостровов Юго-Восточной Азии»³². На наш взгляд, это является преувеличением. Япония никогда не нападала на Китай со стороны Индокитая, хотя она и пользовалась индокитайскими аэродромами для бомбардировок по-

зиций Гоминьдана. Тем не менее, указанная авторами точка зрения ясно показывает двойную роль французской зависимой территории в планах японского Генштаба. Можно сказать, что в 1940—1941 гг. Япония достигла своей цели: перерезала пути снабжения китайских войск и стала использовать Индокитай в качестве стратегического плацдарма для экспансии на юг.

Заключение

В настоящей статье мы попытались проанализировать группу причин, побудивших Японию к экспансии во Французский Индокитай, а именно причины политико-стратегического характера, включая проблему борьбы с Гоминьданом, а также «продвижения на юг». Экономические выгоды от оккупации Индокитая также занимали важное место в дискуссиях внутри правящих кругов Страны восходящего солнца, тем не менее, несомненно, они играли второстепенную роль. При отсутствии других факторов, весьма сомнительно, чтобы именно решение экономических вопросов подвигло Японию к экспансии в направлении французских колониальных владений. Идея ввода войск была вызвана политической и военной обстановкой, использование же экономических выгод от ввода войск была лишь «побочным продуктом». Идеологические обоснования экспансии играли весомую роль в публичных выступлениях японского правительства, большое значение им уделялось в пропагандистских материалах, в то же самое время в секретных дискуссиях во власть предрежающих кругах им отводилось очень мало места. Не может быть сомнения в том, что идеологические причины являлись наименее важными, если их сравнивать с политическими и экономическими, сами по себе, они не могут считаться основой, на которой выстраивалось решение о вводе войск во Французский Индокитай.

Можно сказать, что с политико-стратегической точки зрения Япония действительно достигла всех поставленных целей: поставки вооружений в Китай через французскую территорию прекратились, и Япония получила возможность использовать Индокитай в качестве плацдарма для продолжения успешной

экспансии в ЮВА. Но нельзя забывать, что именно в этом несомненном успехе кроются причины начала трагической для Японии войны на Тихом океане. Именно в качестве реакции на японскую экспансию в Индокитае США и другие западные страны решили усилить экономическое и политическое давление на Японию. Ввод войск во французские колониальные владения должен был улучшить геополитическое положение Страны восходящего солнца, однако, наоборот, из-за него положение империи настолько усложнилось, что японские правящие круги пришли к выводу, что единственный выход из него — начать войну против США.

Примечания

¹ Подробнее см.: Yoshizawa M. The Nihihara Mission in Hanoi, July 1940 // *Indochina in 1940's and 1950's*. New York, 1992; Ёсидзава М. Сэнсо какудай но кодзу. Нихон гун-но «Фуцуин» синтё. Токио, 1986. С. 19; Hata I. The Army Move into Northern Indochina // *The Fateful Choice. Japan's Advance into South—East Asia, 1939—1941*. New York, 1980.

² Ёсидзава М. Сэнсо какудай но кодзу; Nagaoka S. The Drive into Southern Indochina and Thailand // *The Fateful Choice. Japan's Advance into South—East Asia, 1939—1941*.

³ Hall J.W. Japonia od czasów najdawniejszych do dzisiaj. Warszawa, 1979. S. 281.

⁴ К примеру, тонна железного лома в сентябре 1939 г. стоила 90 иен, а в начале 1940 г. — уже 150 (Barnhart M.A. *Japan Prepares for Total War. The Search for Economic Security, 1919—1941*. Ithaca and London, 1987. P. 97—114, 149—150, 155).

⁵ Barnhart M.A. *Japan Prepares for Total War. The Search for Economic Security, 1919—1941*. P. 144—146.

⁶ Barnhart M.A. *Japan Prepares for Total War. The Search for Economic Security, 1919—1941*. P.126—130; Jones F. C. *Japan's New Order in East Asia, its Rise and Fall, 1937—45*. London, New York, Toronto, 1954. P.151.

⁷ Hata I. The Army Move into Northern Indochina // *The Fateful Choice. Japan's Advance into South-East Asia, 1939—1941*. P.157. Гранжан приводит еще большие цифры: 14 тыс. т в месяц в 1939 г. и 20 тыс. т в месяц в 1940 г. (Grandjean P. *L'Indochine face au Japon 1940—1945*,

Decoux-de Gaulle, un malentendu fatal. Paris, Budapest, Torino, 2004. P. 16). Бернхарт сообщает, что, согласно оценкам японского штаба, осенью 1940 г. через Индокитай проходило 40 % снабжения для Чан Кайши, 40 % шли через порты в Южном Китае, а через «бирманскую дорогу» и Среднюю Азию — только 20 % (Barnhart M.A. *Japan Prepares for Total War. The Search for Economic Security, 1919—1941*. P.153).

⁸ Татикава К. Дай ни дзи сэкай тайсэн то Фурансу рё Индосина. «Фуцуин кёрёку» но кэнкю. Токио, 2000. С. 29—32.

⁹ Там же. С. 34—35.

¹⁰ Ёсидзава М. Сэнсо какудай но кодзу. С. 26; Decoux J. A la barre de l'Indochine. Paris, 1950. P. 63—64; Shiraishi M. La presence japonaise en Indochine (1940—1945) // *L'Indochine francaise 1940—1945*. Paris, 1982. P. 215—216.

¹¹ Татикава К. Дай ни дзи сэкай тайсэн... С. 36—37.

¹² Французы настолько опасались последствий захвата Японией острова Хайнань, что еще в марте 1938 г. их разведка в Индокитае установила связи с китайским гарнизоном острова и помогала ему составлять генеральный план его обороны. Однако данная инициатива не получила поддержки у генерала-губернатора Французского Индокитаа и была свернута (Valette J. *Indochine 1940—1945, Français contre Japonais*. Paris, 1993. P. 277).

¹³ Татикава К. Дай ни дзи сэкай тайсэн... С. 37; Jones F.C. *Japan's New Order in East Asia, its Rise and Fall, 1937—1945*. P. 78.

¹⁴ Jones F.C. *Japan's New Order in East Asia, its Rise and Fall, 1937—1945*. P. 141; Gaudel A. *L'Indochine Francaise en face du Japon*. Paris, 1947. P.59—60; Hata I. The Army Move into Northern Indochina. P.158; Grandjean P. *L'Indochine face au Japon 1940—1945, Decoux-de Gaulle, un malentendu fatal*. P. 15.

¹⁵ Татикава К. Дай ни дзи сэкай тайсэн... С. 39.

¹⁶ Там же. С. 37—38; Hata I. The Army Move into Northern Indochina. P.158; Barnhart M.A. *Japan Prepares for Total War. The Search for Economic Security, 1919—1941*. P.153—154; Shiraishi M. The Vietnamese Phuc Quoc League and the 1940 Insurrection // *Creation of New Contemporary Asian Studies, 2004*. P. 35.

¹⁷ Татикава К. Дай ни дзи сэкай тайсэн... С. 40—42.

¹⁸ Там же. С. 42—43; Catroux G. Deux actes du drame indochinois. Hanoi: Juin 1940. Dien Bien Phu: Mars — Mai 1954. Paris, 1959. P.51—52;

Hata I. The Army Move into Northern Indochina. P. 158; *Devilleers P.* Histoire du Viet-Nam de 1940 а 1945. Paris, 1952. P. 74.

¹⁹ *Тати́кава К.* Дай ни дзи сэкай тайсэн... С. 43.

²⁰ *Palasz-Rutkowska E.* Polityka Japonii wobec Polski 1918—1941. Warszawa, 1998. S. 95.

²¹ *Barnhart M.A.* Japan Prepares for Total War. The Search for Economic Security, 1919—1941. P. 140.

²² *Tabuchi Y.* Indochina's Role in Japan's Greater East Asia Co-Prosperity Sphere: A Food-Procurement Strategy // Indochina in 1940's and 1950's. New York, 1992. P. 91.

²³ *Shiraishi M.* The Vietnamese Phuc Quoc League and the 1940 Insurrection. P.36; *Hata I.* The Army Move into Northern Indochina. P. 155.

²⁴ *Иэнага С.* Тайхэйё сэно. Токио, 1986. С. 168.

²⁵ *Palasz-Rutkowska E.* Polityka Japonii wobec Polski 1918—1941. S. 149.

²⁶ *Barnhart M.A.* Japan Prepares for Total War. The Search for Economic Security, 1919—1941. P. 159—160.

²⁷ *Ike N.* Japan's Decision for War. Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford, California, 1967. P. 26.

²⁸ *Ibid.* P. 39.

²⁹ *Marr D.G.* Vietnam 1945. The Quest for Power. Berkeley, Los Angeles, London, 1995. P. 27.

³⁰ *Tabuchi Y.* Indochina's Role in Japan's Greater East Asia Co-Prosperity Sphere: A Food-Procurement Strategy. P. 92.

³¹ *Leday W.* L'offensive nipponne dans le Sud-Est asiatique: de l'utilisation strategique de l'Indochine fraçaise. URL: <http://www.institut-strategie.fr/84-IEDAY.htm>

³² *Faure G., Schwab L.* Japon — Viet Nam. Histoire d'une liaison sous influences. Paris, Bangkok, 2004. P. 27.

А.А. Соколов

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ КОЛОНИИ В ИНДОКИТАЕ (первая половина XX века)*

Вплоть до начала XX века русские люди редко посещали Индокитай, в основном это были военные моряки, дипломаты, журналисты, путешественники. Такая ситуация объяснялась прежде всего геополитическими интересами Российской империи. После Октябрьской революции 1917 г. волны русской эмиграции достигли и этой далекой азиатской страны. В силу исторических причин одним из наиболее крупных центров русской эмиграции стала Франция, из которой бывшие наши соотечественники попадали в Индокитай. И здесь, главным образом на севере и юге страны, в 1920—1930-е годы начала формироваться русская колония, которая состояла из военных и гражданских лиц¹.

Малой части русских офицеров удалось во Франции продолжить свою профессиональную карьеру в рядах Иностранного легиона. Некоторым из них предоставлялось французское гражданство и тяжелейшая служба в колониях. Отслужив установленный контрактом срок, они затем получали определенные льготы при устройстве на работу во Франции.

По данным французского военного историка Тибора Жешко, уже в 1921 г. в Индокитае проходили службу 107 русских легионеров². А в 1925 г. только в Тонкине, северной части стра-

* Статья выполнена при поддержке РГНФ, грант № 12-21-09000.

ны, находились 83 русских легионера, а численность русской колонии составляла около 100 человек³. В последующие годы численность военных лиц сократилась. Возможно, это было связано с начавшейся Второй мировой войной, когда набор в Иностраный легион был приостановлен. В 1946 г. в ответ на запрос Наркоминдела СССР относительно репатриации русских граждан из Индокитая французские власти сообщили, что на тот момент в Тонкине насчитывалось 44 русских, из них 28 легионеров, находящихся в тюремном заключении (в Ханойской городской крепости)⁴. Последние русские легионеры покинули Индокитай уже после Женевских соглашений 1954 г.

За все годы своего существования численность русской колонии, именно ее гражданской части, была малочисленной и вряд ли превышала 200 человек. Это были служащие различных учреждений, в том числе и колониальных, а также частных компаний — строительных, технических, финансовых, причем, в первую очередь французских. Так, в «Справочнике служащих общественных учреждений Индокитая, 1949—1950 годы» встречаются фамилии, которые с определенной степенью вероятности могли бы принадлежать выходцам из Российской империи. Это — служащий административного учреждения Александр Тер-Саркисов и сотрудник таможенного управления Георгий Иовлев⁵. Русские эмигранты также преподавали в учебных заведениях (японист О.В. Плетнер), являлись сотрудниками французских академических организаций (археолог В.В. Голубев, зоолог К.Н. Давыдов и др.) в колонии.

* * *

Русские эмигранты попадали в Индокитай и через соседний Китай, где к 1920-м гг. сложилась многочисленная русская колония, главным образом, в крупных городах — Харбине, Шанхае, Пекине. Они пытались найти работу в Индокитае и пробовали свои силы в различных сферах деятельности.

В 1964 г. в СССР была опубликована книга Натальи Ильиной «Дороги и судьбы», в которой она рассказала о жизни русской эмиграции в Китае. В числе прочих персонажей своего по-

вестования она упоминала и свою младшую сестру, Ольгу, которая в октябре 1942 г. уехала из Шанхая в Индокитай⁶. В этой достаточно рискованной поездке молодую девушку сопровождал инженер Владимир Кандауров, работавший тогда в Сайгоне. В Ханое жил хороший знакомый ее матери (Е.Д. Воейковой-Ильиной) — француз Массне, родственник знаменитого композитора. Возможно, они были знакомы через его жену, известную русскую певицу.

Господин Массне нашел для молодой русской девушки секретарскую работу в Ханое и по-родственному опекал ее. Там Ольга познакомилась с француженкой русского происхождения по имени Лола, учившейся музыке в Парижской консерватории. Она имела титул графини, потому что была замужем за кавалерийским офицером, принадлежавшим к известному аристократическому роду во Франции.

После нескольких месяцев жизни в столице Тонкина Ольга Ильина вышла замуж за французского офицера, а затем вместе с ним уехала в Хюэ, императорскую столицу Аннама. В начале марта 1945 г. она отправилась в Сайгон, чтобы купить детские вещи для своего будущего ребенка. Но больше в Хюэ ей уже не довелось вернуться. Во время японского переворота, совершенного в Индокитае, ее муж погиб, а дом в Хюэ был разграблен и сожжен. И Ольге пришлось свою жизнь в Индокитае опять начинать сначала. Спустя год она вновь вышла замуж — за французского офицера Мориса Лаиля, с которым ее познакомил все тот же Владимир Кандауров, а в 1946 г. супруги Лаиль уехали в Париж.

Уже на рубеже XX—XXI вв. Ольга Иосифовна Лаиль написала мемуары. Она дала своей книге символическое название «Восточная нить»⁷ и в ней подробно рассказала о прожитых ею годах в разных странах Дальнего Востока. Одна из четырех глав посвящена Индокитаю, написана она особенно эмоционально — ведь именно там произошли самые важные события в личной жизни автора мемуаров. Для нас же наибольший интерес представляет описание жизни этой французской колонии в годы Второй мировой войны потому, что она была увидена глазами русского человека. Эти заметки, вернее, пространные зарисовки

с натуры, в весьма живой манере воспроизводят уклад жизни, прежде всего, «европейского сословия» Ханоя и Сайгона, но написаны они достаточно демократично и с явной симпатией к вьетнамскому народу. Конечно, мемуары О.И. Лаиль — это не исторический документ, они, как и положено произведениям этого жанра, субъективны, поэтому часто «грешат» историческими ошибками и неточностями. Тем не менее, ее книга — важное свидетельство эпохи, оставленное нам талантливой русской беллетристкой.

В своих мемуарах и личных интервью О.И. Лаиль рассказала и о «русском пласте» индокитайского общества. Главным образом, это были русские жены, которые приехали в Индокитай вместе со своими французскими мужьями. Как правило, они не работали и посвящали свою жизнь семье. Другую часть малочисленного русского населения колонии представляли служащие самых различных рангов — от шоферов и технического персонала до управляющих небольшими фирмами и сотрудников колониальной администрации.

Из своих сайгонских знакомых она особенно часто вспоминала инженера **Владимира Кандаурова**, работавшего в солидной французской фирме, **Шушу — Александру Сокольскую**, создавшую у себя дома небольшую лабораторию по производству косметических кремов, **Марию Яковлевну Всеволожскую** — хозяйку одного из наиболее известных домов моды в городе, приехавшую из Китая мадам **Гойо (Волкову)**, некоего господина **Нирова**.

Молодая Ольга Ильина общалась и с супругами **Трубины-ми** — они приехали из Японии и, прожив какое-то время в Сайгоне, переехали в США. Мадам Трубина была искусной портнихой и обшивала многих местных французов.

Она помнит и военных, многие из которых были на службе во французской армии (главным образом, в Иностранном легионе): легионера **Беляева**, женатого на польке и имевшего двух детей; казака и легионера **Федора Ивановича Елисеева**, его жену и сына; капитана **Джанибекова**; очень общительного и любившего выпить **Соловьева**, имевшего много друзей среди французов. О некоторых из них еще будет сказано подробнее, уже в связи с воспоминаниями Ольги Федоровны Григорьевой, в за-

мужестве Менёр, с которой автору данной статьи посчастливилось познакомиться благодаря О.И. Лаиль.

Несомненно, одним из интересных персонажей русской колонии в Индокитае был **Владимир Петрович Кандауров**, близкий друг будущей писательницы Натальи Ильиной и добрый покровитель ее младшей сестры Ольги Ильиной.

Владимир Петрович Кандауров (1906—1997) родился в семье инженера-путейца⁸. Семья в основном жила в Санкт-Петербурге, а после Октябрьской революции 1917 г. переехала во Францию. В 1927 г. он закончил авторитетное учебное заведение *Ecole des Arts et Metier* в Париже, получив специальность инженера. После службы в армии отправился в Индокитай, стал работать в компании *Jacques Node Langlois*. Во время очередного отпуска во Франции Кандауров познакомился с англичанкой Кэтлин Леннард, они поженились и после свадьбы уехали в Сайгон. Там в 1938 г. у них родился сын Данила (Даниэль)⁹.

Молодая журналистка Наталья Ильина познакомилась с Владимиром Кандауровым в августе 1942 г., когда жила в Шанхае и писала статьи и фельетоны в газету «Новая жизнь». Вот как она вспоминала тот период своей жизни: «Он [Кандауров] тогда работал в Сайгоне, приехал в Шанхай на два месяца, в командировку. Познакомившись со мной, разговаривая, почувствовал родственную душу, стал приходить. Вместе слушали вечерние радиопередачи... Я России не помнила, он помнил, увезли одиннадцатилетним... Оба родились в одном городе — в Санкт-Петербурге. Много говорили о нем, о блокаде... Россия и война были нашей главной темой»¹⁰.

Будущей писательнице Кандауров запомнился долговязым, голубоглазым молодым мужчиной в очках. При этом «было что-то детское в том, что этот человек не выговаривал ни “р”, ни “л”, а вместо “ш” — что-то похожее на “ф”»¹¹. Она так охарактеризовала своего нового знакомого: «По-французски он говорил свободно, но с акцентом, по первым словам было ясно — иностранец. Ему следовало хорошо учиться, особенно хорошо, чтобы неравенство с другими сгладить, как бы засыпать эту канаву, этот ров, отделявший его от молодых французов, живущих в собственной стране, — уже этим они были лучше него. Учился

он блестяще, и были способности к профессии, еще с детства им выбранной...

А ведь богат был не всегда. Его родители, попавшие в Париж с беженской волной девятнадцатого — двадцатого года, ценой различных жертв ухитрились дать сыну образование. Сын оказался не только трудолюбив, но и талантлив. Были у него, видимо, семь пядей во лбу, та страстная любовь к избранной им профессии инженера-строителя, какие позволили ему в неравных условиях («апатрид, французский язык не родной») и институт отлично окончить, и работу найти, поначалу в Индокитае, затем в Париже...»¹².

Несмотря на разницу лет (Ильина была значительно моложе Кандаурова) и на то, что он рос, учился, жил во Франции, а она — в Китае, в их судьбах эмигрантов второго поколения было много общего, прежде всего, оставшаяся далеко Родина. «И были минуты, когда нам казалось, что мы готовы ринуться в Россию, немедленно, выехать завтра, лишь бы туда пустили! ...Осуждали родителей: зачем уехали, зачем нас увезли? Он родителей своих глубоко почитал, нежно любил (оба живы, оба в Париже) и говорил с часто свойственной ему извинительной интонацией: «В то время они просто не понимали...»¹³.

Именно Владимир Кандауров помог Ольге, младшей сестре Натальи Ильиной, приехать в Индокитай, помогал ей и тогда, когда она, молодая вдова с маленькой дочкой, стала жить в Сайгоне. Вместе с Александрой Сокольской он часто навещал Ольгу, приглашал к себе домой в свою «небольшую квартирку под крышей одного из самых больших домов в Сайгоне в конце улицы Катина». У него собирались интересные люди, сайгонская интеллигенция, часто возникали жаркие дискуссии. Кандауров был очень образованным человеком, мог прекрасно читать по-русски, по-французски, по-английски и по-немецки. Как рассказывала О.И. Лаиль, Владимиру Кандаурову нравилось говорить о политике, о философии, он твердо верил в то, что Сталин — великий вождь и стратег, и только благодаря ему Советский Союз выиграл войну.

Об этой черте характера Кандаурова вспоминала и писательница Наталья Ильина уже после встреч с ним в 1965-м и в по-

следующие годы: «Уже тогда, во время нашей первой встречи в Париже, я видела, что моему старому другу удалось пронести сквозь годы нетронутым восторженное отношение к Советскому Союзу, ничем непоколебимую уверенность: все, что делалось, все делается, — все правильно, все на благо! Из отсталой, аграрной — мощная индустриальная держава... Своей принадлежностью к русской нации гордился... Он ухитрился законсервировать, пронести нетронутым сквозь десятилетия и свое восхищение Сталиным»¹⁴.

После возвращения из Индокитаея во Францию Владимир Кандауров снова женился — на француженке Жаннетт Боттон, работал в проектно-инженерном бюро в Париже, а в 1955 г. создал свое собственное. Самый большой проект, который он смог реализовать, это башня Монпарнас (Tour Montparnasse), высотой в 200 м¹⁵. Его сын Данила также подтверждал, что всю свою долгую жизнь Кандауров-старший «проявлял живой интерес к своей исторической родине, и даже к Советской России. Он был одним из первых пациентов известного советского офтальмолога Святослава Федорова»¹⁶.

* * *

Одной из наиболее показательных и типичных судеб русского эмигранта в Индокитае может служить жизнь потомственного военного офицера **Федора Гавриловича Григорьева** (1897—1980)¹⁷. Он родился в Санкт-Петербурге в семье военного медика, учился в реальном училище в Гатчине.

В 1918 г. после окончания Морского корпуса был направлен на службу в Севастополь на крейсер «Алмаз», на котором уже проходил учебную практику двумя годами раньше. Вместе с другими русскими офицерами Григорьев был интегрирован во французский военный флот, как офицер связи между русским и французским флотами с 25 января по 1 августа 1919 г. он служил на французской канонерке Le Gres и, благодаря блестящему знанию французского языка, как переводчик. В 1920 г. он и его жена Ольга Николаевна Полозова вместе с кораблями российского флота эвакуировались в Константинополь. Спустя не-

сколько месяцев команда корабля и гражданские лица перебазировались в Бизерту. В этом тунисском городе, ставшем одним из центров русской эмиграции, Григорьевы прожили три года. После установления дипломатических отношений между Францией и Советской Россией корабли русского флота, включая «Алмаз», были проданы. Этим событием была закрыта еще одна страница в жизни Григорьевых на чужбине.

В 1922 г. Федор Григорьев вместе со своей супругой переехал в Париж, где прожил до 1927 г. Именно там, в 1924 г., у них родилась дочь Ольга. Во французской столице Федор Григорьев работал таксистом, как правило, ночью, и достаточно хорошо зарабатывал. Следующей за службой в Иностранном легионе традиционной сферой деятельности русских эмигрантов из офицерской среды было парижское такси. Григорьев не стал возвращаться на военную службу, хотя французы предлагали ему хорошую должность на флоте и даже в том же звании старшего лейтенанта, так как он хотел сохранить верность присяге своему государю и Отечеству.

Григорьев оказался в Индокитае благодаря помощи своего друга Бориса Еремеева, с которым учился в Морском корпусе в Санкт-Петербурге. Сам Борис Еремеев, впоследствии тоже связавший свою судьбу с этой французской колонией, после Октябрьской революции 1917 г. покинул Владивосток вместе с русской морской эскадрой и отправился в Шанхай, затем в Кантон, а конечным пунктом его странствий стал Сайгон. Здесь он стал работать в крупной французской строительной компании. Во время отпуска Еремеев оказался во Франции и там разыскал своих товарищей по учебе в Морском корпусе, в том числе и Федора Григорьева. Борис Еремеев пообещал поспособствовать ему в поисках работы в Индокитае. Перед отъездом в колонию Федор Григорьев, его жена и дочь Ольга получили французское гражданство.

Еще со времени службы на флоте, особенно в качестве переводчика, Григорьев сохранил хорошие отношения с французскими морскими офицерами, в том числе и с адмиралом Лаказом. Григорьев отправился к нему с просьбой помочь его семье уехать в Индокитай. Адмирал отдал распоряжение отправить се-

мью Григорьевых в Индокитай без билетов и предоставить им каюту 1-го класса на корабле, следовавшем в Сайгон. Плавание продлилось почти целый месяц. Вместе с ними на этом корабле находилась и семья Еремеевых: Борис, его жена Ксения и две дочери — Марина и Людмила.

Федор Григорьев прибыл в Индокитай как французский гражданин и как переселенец (колон), что давало ему и его семье некоторые преимущества в дальнейшей жизни в колонии. Вначале он работал в большой морской компании *Société des Affreteurs Indochinois*, в его ведении находилась эксплуатация старых каботажных судов. Владелец компании корсиканец Орсини экономил на жаловании своим сотрудникам, поэтому очень скоро Григорьев стал искать новую работу. Некоторое время он служил в железнодорожной компании, поэтому Григорьевым пришлось переехать в приморский город Нячанг. Здесь они познакомились с семьей русского ученого-зоолога К.Н. Давыдова.

В последующие годы его жизнь и предпринимательская деятельность — с некоторыми временными перерывами — во многом была связана с Камбоджей. Почти три года он работал в рыболовецкой компании *Compagnie des Grands Lacs*. Но после того как хозяин-француз разорился, Григорьеву пришлось вернуться в Сайгон. По совету и при поддержке Владимира Кандаурова он создал свою строительную фирму — в то время колония переживала настоящую «строительную лихорадку».

С разрешения генерал-губернатора Индокитая Ф. Григорьев занимался геологической разведкой, а в августе 1941 г. получил в концессию два месторождения — «Ольга» и «Марина», расположенные в провинции Фанранг. Параллельно он вел поиски и в других местах. Найденный им минерал молибденит (молибден) оказался очень востребован в оружейной промышленности. Позже Григорьев поручил управление месторождениями и дальнейшее проведение геологоразведки своему двоюродному брату Игорю Буланину.

Григорьев также получил в концессию 19 гектаров лесных угодий в камбоджийской провинции Кратье. Оказалось, что в этих местах, до сих пор никем не эксплуатировавшихся, произ-

растает много пород деревьев, которые пригодны для получения масляной смолы — олеорезина. Он организовал производство этого продукта для последующей продажи на сайгонские фабрики, занимавшиеся производством лака. В 1942 г. на его предприятиях работали 24 вьетнамца, которые числились в штате, и 164 кхмера на сдельшине.

Как вспоминали его дочери, Ольга и Валентина, Ф. Григорьев сделал очень много для улучшения социальных и санитарных условий жизни своих служащих и рабочих. На территории его предприятий были открыты лазареты с санитарками, библиотека, комната для игр, построена пагода.

В марте 1945 г. после переворота, совершенного японцами в Индокитае, Федор Григорьев и его двоюродный брат Игорь Буланин ушли в джунгли, чтобы вести борьбу против оккупантов. 3 апреля 1945 г. Григорьев отправился в камбоджийскую деревню, чтобы закупить продукты, но был там арестован японским военным патрулем и препровожден в тюрьму в местечке Сноул. Там он находился 3 месяца до 6 июля 1945 г. Затем на военном грузовике его доставили в Сайгон, где он был интернирован. Федор Григорьев был освобожден британскими войсками 10 октября 1945 г.

Вместе со своей супругой Григорьев снова вернулся в Камбоджу, чтобы продолжить работу на своих предприятиях. Одновременно он вел активную общественную и просветительскую работу. С 1948 по 1950 г. он исполнял обязанности генерального секретаря Ассоциации старых бойцов Камбоджи (*Association des anciens combattants du Cambodge*), в Пномпене часто выступал с публичными лекциями по актуальным проблемам того времени («Секреты атомной бомбы», «Рождение, жизнь и смерть звезд» и т. п.). Его часто приглашали к королю Нородому Сиануку, который любил с ним беседовать о политике.

Жизнь Федора Григорьева и его жены в период с 1945 по 1950 г. была полна трудностей и лишений, поэтому он решил продать свои предприятия и лесные угодья. Однако после провозглашения независимости Камбоджи были запрещены все коммерческие операции между французами, связанные с передачей собственности. Он лишился всего того, что за долгие годы

тяжелым трудом создал в Камбодже, и ему пришлось вернуться во Францию.

Приехав в Париж, Федор Григорьев познакомился с Софией Николаевной Маляревской, которая стала его второй супругой¹⁸. Это была дочь морского офицера Николая Владимировича Маляревского.

Со своим другом М. Луповым он решил отправиться в Африку, чтобы там создать небольшую автомобильную компанию по обслуживанию туристов. Но из этой затеи ничего не вышло.

Позднее вместе со своей новой женой Григорьев решил окончательно обосноваться в Марселе. У них родились две дочери — Вера и Валентина. Первое время он занимался продажей масла и сыров. Затем заочно окончил курсы и основал маленькую фирму, оказывающую копировальные услуги на множительной технике — ротаторе. Занимался переводами для частных лиц и для государственных учреждений (местного университета и суда), пробовал силы в написании философских эссе¹⁹.

Ф.Г. Григорьев работал до самого последнего дня своей жизни. Большой радостью для него стала поездка в Ленинград в 1972 г., где он встретился со своей сестрой Наташей.

В 1943 г. его дочь от первого брака Ольга вышла замуж за француза Мишеля Менёра, служащего судоходной компании *Denis Freres*. В 1947 г. молодые супруги уехали из Индокита в Гонконг, где прожили 3 года. Затем они снова вернулись в Сайгон, потом по несколько лет жили в разных странах. Окончательно поселившись в Париже, О.Ф. Менёр полностью посвятила себя семье, вырастила троих детей. Она профессионально занималась искусством составления букетов, о чем написала несколько книг, очень любила Россию и русскую культуру, прекрасно говорила по-русски (но не умела писать по-русски!). До конца своей жизни она оставалась очень энергичным и доброжелательным человеком²⁰.

Следует подробнее рассказать и об **Игоре Алексеевиче Буланине**, двоюродном брате Ф.Г. Григорьева. Он закончил Владивостокское морское училище, был рядовым Морской роты Сибирской флотилии. Игорь Буланин упомянут в списке моряков, оказавшихся в 1921 г. в Бизерте и приписанных к крейсеру

«Орел». Из Туниса он перебирается в Шанхай, а затем — в Сайгон. В Индокитае он оказался благодаря Ф.Г. Григорьеву. О жизни Игоря Буланина на чужбине удалось узнать из рассказа О.Ф. Менёр и письма Ф.Г. Григорьева дочери Буланина Беатрис Филипп²¹.

Первое время И. Буланин работал у Григорьева, который поручил ему руководить строительством различных объектов в Камбодже. Потом занялся охотой на слонов, разведкой полезных ископаемых. Через несколько лет жизни в Индокитае, в 1938 г. Игорь Буланин получил французское гражданство. А вот какую характеристику Ф.Г. Григорьев дал своему двоюродному брату: «По характеру — в высшей степени благородный человек. После начала Второй мировой войны, 15 февраля 1940 г. был мобилизован в 5-й колониальный артиллерийский полк. После занятия Индокитаея японцам стал активно сражаться против захватчиков. Он ушел в джунгли и стал настоящим участником Сопротивления, атаковал японцев. Многие говорили, что участвовали в Сопротивлении, но в действительности мало что делали.

Он ушел в Сопротивление 9 марта 1945 г., примкнув к горным народам *мои* в Малам (район Кронгфа). Так продолжалось почти 9 месяцев. Он лично уничтожил 4 японцев (в том числе 1 офицера) и 2 вьетнамцев, один из которых по имени Тхань был начальником гаража в Кронгфа. При этом он был большим другом народности *мои* и аннамитского народа. Он сражался против японцев и их местных приспешников.

Он сражался один тогда, когда французы вынуждены были прекратить всякое сопротивление. За его голову было назначено большое вознаграждение. Он погиб в результате предательства. Один из местных *мои* ночью привел вьетов к дереву, которое служило наблюдательной вышкой и под которым обычно спал Буланин. Он был замучен и казнен — заколот деревянными кольями. 7 декабря 1945 г. в деревне Дакньо в 4 км от Туртям он погиб, отдав свою жизнь, сражаясь с врагами Франции. Он умер за Францию»²².

Перед отъездом из Индокитаея Григорьев пытался найти могилу своего двоюродного брата и обратился за помощью к на-

чальнику полиции в Фанранге; тот нашел *кули*, который и захоронил тело Буланина по приказу убийц. Но где он был похоронен, так и неизвестно. У Буланина осталось четверо детей метисов от разных матерей. Дети были крещены православным священником из Шанхая, приглашенным в Индокитай русской колонией на празднование Пасхи. После гибели Буланина Федор Григорьев хотел стать опекуном его детей, но это оказалось невозможно. Они были признаны «детьми нации» (*orphelins de la Nation*), и французское государство вступило во владение его геологическими месторождениями. Две дочери Буланина получили религиозное образование, потом уехали во Францию и там вышли замуж.

* * *

В 1930-е гг. ряды русской колонии в Сайгоне пополнил **Борис Васильевич Остроумов** (1879—1944), который вместе с семьей приехал из Китая. Он окончил Санкт-Петербургский институт инженеров путей сообщения. Был начальником Бухарской (1911) и Южно-Сибирской (1916—1918) железнодорожных магистралей.

В 1921 г. Б.В. Остроумов был приглашен на должность управляющего Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), став ее последним русским (не советским) управляющим (со 2 февраля 1921 г. по 3 октября 1924 г.)²³. Современники отзывались о нем как о настоящем русском самородке, «человеке исключительной энергии и организаторских способностей, отличном инженере». В конце 1929 — начале 1930 г. китайские власти приняли решение о высылке Б.В. Остроумова и некоторых других русских, и в мае 1930 г. он покинул страну²⁴. Вероятно, именно тогда он перебрался в Индокитай.

В Сайгоне Б.В. Остроумов жил вместе со своим сыном Андреем, который был блестящим наездником-жокеем, занимался выездкой лошадей из их семейной конюшни. Позже к ним присоединился приехавший из Китая и внук Остроумова — Борис Романов (сын его дочери, жившей в Америке). Он быстро овладел французским языком, приобрел много друзей. Остроумовы

не оставались долго в Сайгоне, пробыв там чуть более 2 лет. Состояние здоровья Остроумова-старшего ухудшилось, они уехали в Корею, где он мечтал умереть. Так и случилось²⁵. Его супруга Соня затем вернулась в Сайгон и стала работать в ателье мод, которое принадлежало **Марии Яковлевне Всеволожской**²⁶.

Сергей Сергеевич Всеволожский прожил достаточно долго в Индокитае. Инженерное образование он получил в России. До самой пенсии работал на технической должности в гараже, принадлежавшем французской компании Les Dragages. Его супруга Мария Яковлевна прежде была замужем за русским писателем и журналистом Б.А. Сувориным. Она была первой любовью С. Всеволожского, с которым долго переписывалась, прежде чем согласилась выйти за него замуж и приехать в Индокитай. М.Я. Всеволожская была очень привлекательной женщиной и пользовалась большим успехом в Сайгоне. Помимо того, она оказалась прекрасной портнихой, была в курсе парижской моды, открыла свое ателье мод (одно из трех во всем городе), которое любили посещать местные француженки. У нее работали несколько портных из местных жителей. Всеволожская сама придумывала многие модели, которые были выполнены с большим вкусом и, поэтому, стоили весьма дорого.

М.Я. Всеволожская была очень энергичной женщиной, организовала празднование Русской православной пасхи в Сайгоне и для этого добилась приезда русского священника из Шанхая²⁷. У Всеволожских не было детей, после окончания Второй мировой войны к ним приехала племянница Марии Яковлевны из Парижа, которая была замужем за молодым французским офицером. Он работал в той же компании, что и Сергей Всеволожский. Предположительно в 1950-е гг. Всеволожские вернулись во Францию и до конца своих дней жили на юге страны.

Как уже говорилось ранее, Федор Григорьев оказался во Вьетнаме благодаря помощи своего друга **Бориса Еремеева**, с которым учился в Морском корпусе в Санкт-Петербурге. Оказавшись в эмиграции, Еремеев после нескольких лет скитаний обосновался в Сайгоне и стал работать в крупной французской компании, которая вела в колонии большое строительство. Всю

свою жизнь Еремеев работал только в этой компании. В 1945 г., после окончания Второй мировой войны, он вышел на пенсию, вернулся во Францию, купил ферму²⁸.

Еще один важный персонаж русской колонии в Сайгоне — **Шуша**, или **Александра Львовна Сокольская** (1913—1986). Она родилась в Керчи в семье инженера Льва Семеновича Сокольского и пианистки Сесилии Яковлевны Харитоновой. После революции 1917 г. семья Сокольских эмигрировала в Стамбул, где Шуша и ее сестра учились в католической школе для девочек. Затем Шуша поступила в университет в бельгийском городе Льеж, а продолжила образование в Сорбонне — на химическом факультете.

В Париже Шуша вышла замуж за Раймона Бонэ, который закончил специализированное учебное заведение Ecole coloniale и одновременно юридический факультет. Молодой адвокат получил назначение в Индокитай, где семья Бонэ провела несколько лет. В метрополию они вернулись в 1946 г.²⁹

Как вспоминала О.И. Лаиль, в Сайгоне ее, молодую вдову с маленькой дочкой, часто навещали Владимир Кандауров и Шуша, которая особенно помогала ей в это нелегкое время: «Это была стройная блондинка с ясными глазами и летящей походкой. Она приветлива, умна и сразу понравилась мне». Она заставила Ольгу активно учить французский язык, оказывала посильную поддержку в повседневной жизни.

Пожалуй, самым удивительным персонажем русской колонии в Сайгоне был казачий офицер **Федор Иванович Елисеев** (1892—1987). Он родился на Кубани, окончил Оренбургское казачье военное училище. Свою военную службу он начал в 17 лет, в годы Первой мировой войны служил на Кавказском фронте в одном из казачьих полков. Его жизнь после Октябрьской революции 1917 г. — настоящая одиссея. В составе цирковых трупп Федор Елисеев побывал в разных странах мира, восхищая зрителей виртуозной джигитовкой и высоким артистизмом. Он выступал в Индии, Бирме, Сингапуре, Гонконге, Сиаме, Камбодже, несколько раз приезжал в Индокитай. Ф.И. Елисеев написал и издал на ротаторе (в США) более 90 книжек-брошюр, большинство из которых посвящены истории

казачьих полков и их участию в военных сражениях начала XX в. А в небольшой трилогии «На коне по белу свету» он рассказал и о своем пребывании в Индокитае³⁰.

Впервые Елисеев побывал в этой французской колонии в ноябре 1934 г. на гастролях цирковой труппы, тогда он посетил Хайфон, Ханой и Сайгон. Затем он приезжал сюда в январе 1937 г. Вторая мировая война застала Федора Елисеева на острове Суматра, где он выступал с труппой казаков-джигитов. Весной 1940 г. он с женой и сыном окончательно перебирается в Индокитай.

Как офицер Русской армии, Елисеев подал документы и сдал экзамены на офицерский чин (капитана) во Французской армии. Его документы были отправлены в метрополию, где уже шла война. Неудивительно, что в такой ситуации они потерялись. Согласно французским законам, в армии этой страны иностранцы не могли быть офицерами, за исключением тех, кто принимал французское гражданство и оканчивал французские военные учебные заведения. Накануне Второй мировой войны офицерам союзных армий по Первой мировой войне было разрешено поступать на службу во французскую армию, но с понижением в чине.

Новый этап в своей жизни Елисеев описал так: «Я... поступил на службу на один из складов французского строительства. Устроился неплохо, познакомился с французскими и российскими старожилами. Тем временем японский корпус войск вошел в Индокитай... Французы в Индокитае начали готовиться к сопротивлению японцам. Я был вторично вызван в штаб, вновь прошел оба экзамена, но ввиду недостаточного знания французского языка был назначен лейтенантом в 5-й пехотный полк Иностранного легиона, расквартированного на севере Индокитая, в Тонкине»³¹.

Во время службы в легионе Федор Елисеев (или лейтенант Элизе, *Elisé*, как его звали на французский манер) регулярно вел дневник, в котором содержатся ценные свидетельства, запечатлевшие военные события того времени³². 2 апреля 1945 г., прикрывая в арьергарде отступление своего батальона, Федор Елисеев спас своего боевого товарища, тяжелораненого шеф-капра-

ла, поляка Колерского. А на следующий день уже он сам попал в плен к японцам и прошел через все испытания и тяготы неволи.

После окончания Второй мировой войны и капитуляции императорской Японии все французские военнопленные были доставлены в Ханой и размещены в городской крепости. С освобождением из заключения завершилась его индокитайская эпопея.

В боях против японцев лейтенант Ф.И. Елисеев был дважды ранен, отмечен по службе девятью наградами и высшим из них — орденом Военного Креста 2-й степени с золотой звездой на ленте.

В марте 1946 г. началась репатриация во Францию бывших военных и их семейств. Елисеев вместе с женой и сыном 22 августа 1946 г. на большом океанском пароходе «Иль де Франс» из Сайгона отбыл во Францию. Через некоторое время семья Елисеевых переехала на постоянное место жительства в США.

Благодаря воспоминаниям Ф.И. Елисеева удалось узнать еще об одном нашем соотечественнике, жившем в те годы в Индокитае. Так, в городе Митхо он встретился со своим земляком, донским казаком **Яковом Федоровичем Аксеновым**, которому посвящены следующие строки: «Он здесь заведующий строительной мастерской большого предприятия. У него жена, сынишка, две дочурки. Приятная семья. Приняли нас по-братски, чисто по-казачьи. Сам Аксенов умный и твердый казак. К тому же старовер. Бывший студент Московского университета. С начала войны 1914 г. мобилизован. Великую войну закончил сотником. В месяцы революции был членом Войскового круга на Дону. Из Парижа выписывает газеты, журналы, книги, чего нам так не хватало»³³.

Несколько личных впечатлений о жизни русских людей в Индокитае сообщила в своем письме его дочь **Маргарита Эшль-Аксенова**, которая сейчас живет в Лозанне: «Я родилась во Вьетнаме от родителей — натурализованных французов³⁴ и прожила в этой стране 22 года. Мои впечатления о русской колонии в годы моей юности, когда я была юной француженкой, очень ограничены. Я жила среди индокитайцев, говорила на их языке, и разделяла их обычаи... В настоящий момент я пишу рассказы о своей юности...

Что касается русской колонии в Южном Вьетнаме, то мои впечатления не очень обширны. Мои родители принимали у себя дома так называемых «белых русских», которых насчитывалось примерно двадцать семей. Совместными усилиями они организовывали различные торжества: дни рождения, Пасху и Рождество. На этих встречах все они говорили по-русски, рассказывали о своем прошлом. Большинство из них принадлежали к белой эмиграции. Сюда приехали из Европы или из Китая. Каждый из них владел какой-то специальностью. И после нескольких лет, прожитых в колонии, просили и безо всяких затруднений получали французское гражданство.

В те годы, когда я там жила (1932—1954), в Сайгоне не было газет и книг на русском языке. Родители обучали нас русскому языку дома, и мы должны были читать произведения великих русских писателей-классиков»³⁵.

В Архиве МИД Франции имеются документы, в которых упоминаются **Хмелев** и **Жданов** из Сайгона³⁶. Они обращались в советское консульство в Шанхае относительно возможности их возвращения в СССР. Их дальнейшая судьба неизвестна.

* * *

В годы Второй мировой войны Индокитай был изолирован от внешнего мира. Наряду с нехваткой товаров повседневного спроса не было иностранной прессы и книг, нерегулярно работало радио, в кинотеатрах демонстрировались только старые французские фильмы. Поэтому для русских людей не было никакой другой альтернативы, кроме интеграции во французскую часть индокитайского общества. Малочисленная русская колония могла совместными усилиями отмечать только семейные торжества и религиозные праздники, например, Пасху и Рождество.

Не было у русских, живших тогда в этой колонии, каких-то своих собственных организаций, хотя, по данным французских архивов, в Ханое существовал Комитет русских в Индокитае (Comitee des Russes en Indochine). Судя по факсимиле подписи, его возглавлял некто Голубев (Goloubeff)³⁷. Возможно, это мог

быть известный ученый В.В. Голубев. К сожалению, никаких сведений об этом комитете не удалось найти.

Известно, что во второй половине 1920-х годов (с 1926 по 1928) в расквартированных в Тонкине подразделениях Иностранного легиона действовало индокитайское отделение (самое большое среди прочих отделений) монархического «Союза русских государевых людей имени ее Императорского высочества Великой княгини Киры Кирилловны». Его официальными членами были 53 русских легионера³⁸.

* * *

После окончания Первой Индокитайской войны (1946—1954) и подписания Женевских соглашений последовало разделение Вьетнама на две части, на два идеологически противостоящих друг другу государства. Советские люди стали часто и в большом количестве приезжать в северную часть страны — Демократическую Республику Вьетнам, которая в 1950 г. установила дипломатические отношения с СССР. Что касается Южного Вьетнама, то там с середины 1960-х годов так или иначе также стали появляться «русские лица».

Жизнь **Арсения (Андре) Владимировича Липского** (род. в 1916 г.) была связана с французской армией. После эмиграции родителей он воспитывался бабушкой на своей родине в Симбирске, и лишь в 1927 г. был в буквальном смысле слова выкуплен родителями у советского государства через Красный Крест и выехал во Францию³⁹. Воспитание он получил в иезуитском колледже, а затем с 1936 по 1974 г. находился на службе во французской армии. Он прошел через немецкий плен, бежал из концлагеря, затем сражался в составе войск Шарля де Голля в Алжире и Тунисе, первым высадился с союзными войсками в Тулоне, где был тяжело ранен и три года провел в госпитале. Затем последовала учеба в Академии Генерального штаба, участие в боевых действиях в Индокитае и Алжире, служба переводчиком у военного министра⁴⁰. В Южном Вьетнаме А.В. Липский занимался вопросами психотехники и возглавлял Центр психотехники.

Американо-вьетнамский ученый Чыонг Быу Лам, автор работ по новой и новейшей истории Вьетнама, с 1957 по 1964 год жил в Сайгоне со своей женой **Христиной Бесслер-Скрипниченко**, русской по происхождению. Она получила вьетнамское гражданство и стала именоваться Христина Чыонг Хоанг Нга. «Она мало рассказывала о своей прошлой жизни, в которой ей пришлось испытать много трудностей. Кажется, в годы войны она была вывезена из родных мест на работу в Германию, а после войны оказалась в Бельгии»⁴¹.

Супруги были знакомы с двумя русскими, которые в то время жили в Южном Вьетнаме. Чыонг Быу Лам хорошо помнит русского эмигранта Ладежинского (Ladejinsky), ставшего гражданином США. **Вольф Исаакович Ладежинский** (1899—1975) родился на Украине в зажиточной семье, в 1920 г. переехал в Румынию, а в 1922 г. эмигрировал в США. В 1934 г. он окончил Колумбийский университет по специальности «экономика сельского хозяйства». Участвовал в разработке закона о земельной реформе в Японии, в подготовке и проведении аграрной реформы на Тайване. В 1955 г. был советником по земельной реформе и программе обустройства беженцев при президенте Нго Динь Жиэме в Южном Вьетнаме.

Чыонг Быу Лам вспомнил одну русскую даму (фамилия по мужу Видаль, Vidal), у которой, возможно, было французское гражданство. Вместе с мужем она приехала в Сайгон из Шанхая.

Известно также и о другой нашей соотечественнице — **Лариссе Николаевне Андерсен** (1914—2012), которая считалась «лучшей поэтессой русского Китая». Вместе с родителями в 1922 г. из Владивостока она отправилась в эмиграцию в Китай, там занималась танцами, писала стихи, которые печатались во многих газетах и журналах русского зарубежья в Китае. Поэтическое творчество Лариссы Андерсен высоко оценил Александр Вертинский, который назвал ее стихи «Божею милостью талантом»⁴², он был большой поклонник ее таланта и красоты. В 1956 г. в Шанхае она вышла замуж за француза Мориса Шеха, служащего французской судоходной компании Messageries Maritimes. Вместе с ним она побывала в Индии, Африке, Вьетнаме, на Таити, а с 1970 г. супруги жили во Франции.

В 1964—1967 гг. профессиональная деятельность мужа забросила их в Южный Вьетнам. В этой стране тогда было неспокойно, и Ларисса Андерсен не могла выходить за пределы их виллы в Сайгоне. Об этом времени она писала в 1970 г. своей давней знакомой по Шанхаю Н.Н. Авборцумовой, которая жила в США: «...мы прожили три года в Сайгоне»⁴³. У нас был большой дом, большой сад, хорошая прислуга, но ездить вокруг в последние два года войны было нельзя из-за войны. И вообще видела много грустного. Да и опасно было. Никогда не знаешь, где разорвется бомба. Сайгон оставил грустное впечатление...»⁴⁴. Некоторые детали ее сайгонской жизни содержатся и в ее более раннем письме, написанном почти сразу после прибытия в Южный Вьетнам: «Приехала в Сайгон пароходом. Здесь меня встречали Морис»⁴⁵, жара и неустроенный дом. Дом уже устроился, жара сменилась дождями, а теперь наступает прохладный сезон, который постепенно превращается в жару... У нас хороший сад, он обязан заменять мне всякие джунгли, так как ездить вокруг не рекомендуется... Начинаю заниматься французским. Вдруг, ни с того ни с сего, взялась рисовать — все какие-то ромашки масляными красками (но почему ромашки, когда тут тропики? Орхидеи бы!)»⁴⁶.

Вьетнам остался в ее душе на всю жизнь. В ее мемуарном наследии есть печальный очерк под названием «Вьетнамские беженцы»⁴⁷. В память о годах, прожитых в этой стране, в ее французском доме висели картины вьетнамских художников. В Сайгоне она преподавала йогу (которой обучилась во время пребывания в Индии), а заработанные деньги отдавала в приют для слепых девочек и беспризорных мальчиков.

* * *

В этой статье была предпринята попытка рассказать, хотя бы кратко, о наших соотечественниках, живших в первой половине XX в. в Индокитае. Возможно, дальнейшие поиски помогут найти и других представителей русской колонии в этой далекой азиатской стране.

Примечания

¹ Эта статья смогла появиться, прежде всего, благодаря помощи Ольги Иосифовны Лаиль (Ильиной) и Ольги Федоровны Менёр (Григорьевой), которые в своей юности жили в Индокитае. Переписка и личные интервью автора с ними помогли проследить судьбы наших соотечественников, волею судеб оказавшихся в этой французской колонии после эмиграции из России. Со многими из этих людей О.И. Лаиль и О.Г. Менёр были знакомы лично и поддерживали отношения в последующие годы, поэтому так важны их «живые» комментарии.

² *Czeczsko Tibor. La Legion Étrangère en Indochine, 1919—1941. Paris, 1989. P.321.*

³ Государственный архив Российской Федерации. Фонд 57636, опись 1, дело 8, л. 232.

⁴ Archives du Ministère français des Affaires Étrangères. Fond Asie—Océanie / Indochine, dossier 137. P. 97.

⁵ Annuaire administratif des services communs de l'Indochine, 1949—1950. Saigon, 1950. P.24, 194.

⁶ *Ильина Наталья.* Дороги и судьбы. М., 1991. С. 123—124.

⁷ *Ильина-Лаиль Ольга.* Восточная нить. СПб., 2003.

⁸ Сведения получены автором от Данилы (Даниэля) Владимировича Кандаурова, сына В.П. Кандаурова. Письмо от 5 июля 2007 г.

⁹ После развода родителей в 1944 г. Данила жил с матерью в Сайгоне на улице Langhere и на улице Catinat. О себе он сообщил следующее: «Когда мои родители развелись, я был очень юн. Вскоре моя мать вновь вышла замуж за одного француза в Сингапуре. Меня отправили учиться в Англию, затем я уехал в Гельдербергский университет, чтобы изучать немецкий язык. В Париже изучал коммерцию, работал в одной канадской компании, которая имела свое представительство в Швейцарии. Я интересовался русской культурой и стал самостоятельно изучать русский язык на вечерних курсах в Лозанне. Совершил несколько туристических поездок и деловых командировок в Россию — в годы социализма и после его крушения. Моя супруга — швейцарка, и у нас 3 дочери. Сейчас я уже на пенсии» // Письмо Д.В. Кандаурова автору статьи (5 июля 2007 г.).

¹⁰ *Наталья Ильина.* Указ. соч. С. 413—414.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 415.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 419.

¹⁵ Письмо Д.В. Кандаурова автору статьи (5 июля 2007 г.).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Личные интервью и переписка с дочерьми Ф.Г. Григорьева — Ольгой Федоровной Менёр и Валентиной Федоровной Григорьевой.

¹⁸ Первая супруга Ф. Григорьева тяжело заболела в Камбодже и уехала к своей дочери Ольге Менёр, которая тогда жила в Гонконге. Тогда же между супругами произошел окончательный разрыв.

¹⁹ В личном архиве В.Ф. Григорьевой хранятся работы ее отца этико-философского характера, в том числе и весьма интересный доклад «О связях между религией и научной мыслью» (*De la relation entre la religion et la pensée scientifique*), сделанный им 24 мая 1970 г. в Обществе при Русской православной церкви Святого Георгия в Марселе.

²⁰ О.Ф. Менёр скончалась 2 октября 2010 г. в Париже.

²¹ Письмо датировано 23 июля 1965 года. Копия получена автором статьи от Беатрис Филипп, дочери И.А. Буланина.

²² В некоторых изданиях сообщалось, что Игорь Буланин посмертно был награжден французским орденом Почетного легиона. Этот факт не соответствует действительности.

²³ *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М., 2005. С. 93.

²⁴ Там же. С. 216, 231. См. также: *Мелихов Г.В.* Белый Харбин: середина 20-х. М., 2003.

²⁵ В некоторых изданиях указывается, что Б.В. Остроумов умер во Вьетнаме.

²⁶ Как вспоминали О.Ф. Менёр и О.И. Лаиль, через несколько лет С. Остроумова вернулась в Париж, где жила до конца своих дней. Андрей Остроумов женился на метиске (отец — португалец, мать — китаянка) из Макао, откуда он перебрался в Гонконг, где продолжил карьеру жокея.

²⁷ Впоследствии О.Ф. Менёр встречалась с ним в Шанхае.

²⁸ Старшая дочь Бориса Еремеева долгие годы работала в Индокитайском банке в Гонконге, затем во французском городе Канн, где жила до конца своих дней. Его вторая дочь Людмила вышла замуж за англичанина — сотрудника электрической компании в Гонконге. В годы японской оккупации он был японцами в концлагерь и был ос-

вобожден после окончания войны. Вскоре супруги вместе с двумя детьми уехали в Англию.

²⁹ Ко времени возвращения Шуши во Францию у нее было уже четыре дочери и один сын. Раймон Бонэ покинул государственную службу и занялся частной адвокатской практикой.

³⁰ *Елисеев Ф.И.* В Индокитае — против японцев и в плену у них (в Иностранном легионе французской армии). Нью-Йорк, 1966. Эти записи были позднее изданы отдельной книгой и в России: *Елисеев Ф.И.* В Иностранном легионе и в плену у японцев. М., 2005.

³¹ *Елисеев Ф.И.* В Иностранном легионе и в плену у японцев. С. 7.

³² Большую ценность дневниковые записи Ф.И. Елисеева представляют особенно потому, что в них упоминаются другие русские легионеры, оказавшиеся в те годы в Индокитае.

³³ *Елисеев Ф.И.* Указ. соч. С. 179.

³⁴ Я.Ф. Аксенов был родом из Ростова-на-Дону, а его жена — из Екатеринбурга.

³⁵ Из письма М. Эшль-Аксеновой автору статьи (20 июля 2007 года).

³⁶ Archives du Ministere francais des Affaires Etrangeres. Fond Asie—Océanie / Indochine, dossier 346. P. 240.

³⁷ Archives d'histoire contemporaine. Fondation nationale des Sciences politiques. Fond Jean Sainteny, 1 SA—1.

³⁸ Подробнее см.: *Соколов А.А.* Деятельность «Союза русских государевых людей» в Индокитае (1925—1928) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М., 2009.

³⁹ *Серков А.И.* Русское масонство, 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 482.

⁴⁰ В 1974 г. А.В. Липский, получив орден Почетного легиона, вышел в отставку в звании полковника и стал директором русского дома для престарелых в Гарньи. Покинув этот пост в 1989 г., он стал заниматься вопросами, связанными с русским масонством (вольным каменщиком он стал еще в 1949 г.). А.В. Липский занимал пост почетного мастера в русской ложе (Великий Восток Франции) в Париже.

⁴¹ Письма Чыонга Быу Лама автору статьи (28 марта и 1 апреля 2006 г.).

⁴² Цит. по: *Калиберова Тамара.* Ларисса Андерсен: миф и судьба // Андерсен Ларисса. Одна на мосту. М., 2006. С. 9.

⁴³ До Вьетнама супруги три года прожили в Индии. Там Ларисса занималась йогой, встречалась с Рерихами, отцом и сыном.

⁴⁴ *Андерсен Ларисса.* Указ. соч. С. 319.

⁴⁵ Морис Шез (1912—1988) — муж Лариссы Андерсен.

⁴⁶ *Андерсен Ларисса.* Указ. соч. С. 332—333.

⁴⁷ Там же. С. 294—295.

А.Л. Федорин

О РАННЕМ ВЬЕТНАМСКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

Прежде чем приступить к изложению результатов изучения следов раннего летописания в «Полном собрании исторических записок Дайвьета» (в дальнейшем — ТТ)¹, осуществленного в ходе перевода на русский язык Внешних анналов и первых глав Основных анналов этого источника, кратко остановимся на принятой в настоящее время точке зрения по этому вопросу. Рассматривая проблему первых собственных хроник, появившихся во Вьетнаме после обретения им независимости в X в., вьетнамские историки в основном руководствовались информацией, содержащейся непосредственно в сохранившихся текстах этих летописей. По их мнению, первыми такими работами были летописи До Тхиена (первая половина XII в.) и Чан Тю Фо (первая половина XIII в.), которые до нас не дошли. Полноценной летописью, частично сохранившейся до нашего времени (в виде фрагментов в тексте ТТ), были «Исторические записки Дайвьета» (*Дайвьет шы ки*) Ле Ван Хыу, написанные в 1272 г. Вывезенная в конце XIV — начале XV в. в Китай анонимная хроника «Краткая история [Великого] Вьета» (*Вьет шы лыок* или, точнее *Дайвьет шы лыок*, в дальнейшем — ВШЛ) являлась ничем иным, как более поздним, сокращенным вариантом указанной работы, поэтому ее самостоятельное значение ограничено. Эта во многом противоречивая и довольно сомнительная теория, не базировавшаяся на каком-либо специальном тексто-

логическом исследовании, тем не менее, в целом была принята и французской историографией².

Точка зрения на данную проблему, сформировавшаяся в нашей стране, базируется в основном на работах двух отечественных исследователей — А.Б. Полякова и П.В. Познера, чьи выводы в целом не противоречат друг другу.

По мнению П.В. Познера³, корни официальной историографической традиции во Вьетнаме восходят к эпохе древности. Она основывалась на четырех главных источниках: «Анналах династии Чиеу», сохранившихся в составе «Исторических записок» Сыма Цяня⁴; «житийных» биографических сюжетах буддийских храмов; семейных хрониках («семейные записи») крупных родов, составлявшихся в II—IX вв.; нерегулярных и несистематизированных записях китайских наместников в провинции Цзяо в эпоху «Северной зависимости»⁵.

Между 1127 и 1140 гг. До Тхиен составил летописный свод *Шы ки* («Исторические записки»), содержащий описание событий с 207 г. до н.э. до конца правления императора Ли Нян-тонга (1072—1128) династии Поздние Ли.

Между 1233 и 1240 гг. Чан Тю Фо отредактировал летописный свод До Тхиена, и написал третью книгу этого свода, в которой описывались события с 1128 по 1225 г., назвав новое произведение *Вьет тыи* («Записки о Вьете»). Как считает А.Б. Поляков, между двумя частями новой хроники имеются различия идеологического характера: первые две книги — чисто буддийские, третья носит следы конфуцианского влияния.

Между 1377 и 1388 гг. к этому летописному своду был присоединен список эр правления династии Чан и его наименование было вновь изменено, на этот раз, на *Дайвьет шы лыок* («Краткая история Дайвьета»). В конце XIV — начале XV в. эта летопись была вывезена в Китай и, в конце концов, попала в состав книжных серий под названием «Краткая история Вьета» (*Вьет шы лыок*)⁶, сохранившись практически в неизменном виде лишь с некоторыми незначительными⁷ исправлениями китайских редакторов. Это — наиболее ранний вьетнамский летописный свод, дошедший до нашего времени (произведения До

Тхиена и Чан Тю Фо сохранились лишь во фрагментах, включенных в *Вьет шы лыок*).

В 1272 г. историограф династии Чан Ле Ван Хыу составил новый летописный свод «Исторические записки Дайвьета», описывавший события с 207 г. до н.э. по 1224 г., т. е. практически по конец правления династии Поздние Ли (1010—1225). Это произведение представляло собой конфуцианскую редакцию официальной истории, начатой буддийским летописцем До Тхиеном не позднее 1140 г. и законченной Чан Тю Фо не позднее чем за 32 года до выхода в свет работы Ле Ван Хыу. Таким образом, «Краткая история Вьета», куда вошла существенная часть этих произведений, фактически являлась для свода Ле Ван Хыу протографом. В дальнейшем летопись Ле Ван Хыу легла в основу главного источника по истории средневекового Вьетнама — «Полного собрания исторических записок Дайвьета» (*Дайвьет шы ки тоан тхы*) и всех остальных более поздних хроник, а «Краткая история Вьета», оказавшись в Китае, долгое время игнорировалась вьетнамскими историографами, которые рассматривали ее лишь как краткий вариант работы Ле Ван Хыу.

Основные доказательства того, что *Вьет шы лыок* (без приложения с эрами правления династии Чан) был написан раньше, чем *Дайвьет шы ки* Ле Ван Хыу, А.Б. Поляков извлекает из сравнения этой хроники с произведением Ли Тэ Суена *Вьет диен у линь* (ВДУЛ), написанном в 1329 г. По его мнению, поскольку в ВДУЛ не исполняется запрет на табуирование иероглифа *ли* (?) (к тому времени, когда была написана эта книга, данный запрет был снят), поэтому хроника *Вьет шы лыок*, где этот запрет соблюдается, была написана раньше. Еще одним аргументом, приведенным этим исследователем, стало то, что варианты нескольких легенд, включенных в ВШЛ (предсказание Ван Ханя, легенда о чудесном арбалете и черепахе, история Ли Бона), являются наиболее простыми, лаконичными и не имеют поздних напластований, как в книге Ли Тэ Суена и ТТ, что также свидетельствует об их более раннем происхождении⁸.

В своей работе А.Б. Поляков убедительно опровергает тезис ряда вьетнамских историков о том, что ВШЛ являлся лишь кратким вариантом летописи Ле Ван Хыу. Совершенно очевид-

но, что отдельные периоды истории правления династии Поздние Ли описаны в ней значительно подробнее, чем в ТТ (куда в том или ином виде вошел текст Ле Ван Хыу). Особенно это касается событий 1225 г., который у Ле Ван Хыу вообще описан не был⁹. В результате делается вывод о том, что последнюю часть ВШЛ написал очевидец событий первой четверти XIII в., сама работа была написана (кроме приложения с эрами правлений) в первой половине XIII в., и является самой древней из сохранившихся аутентичных вьетнамских летописей.

Чуть позже К.Ю. Леонов подверг сомнению некоторые элементы гипотезы происхождения ранних вьетнамских летописей, выдвинутой А.Б. Поляковым и П.В. Познером, убедительно доказав существование древней протолетописи, которая была источником одновременно и для ВШЛ, и для «Кратких записок об Аннаме» (*Аннам тьи лыок*, в дальнейшем — АНТЛ)¹⁰ Ле Така, и для летописи Ле Ван Хыу¹¹.

В ходе перевода Внешних анналов ТТ, опубликованных в первых трех томах¹², мы уже получили некоторые важные данные, касающиеся того, что представляло собой раннее вьетнамское летописание. Было сделано пять главных выводов:

1. Разделы вьетнамских хроник, описывающие события до первой половины X в., изначально полностью были составлены на основе информации, извлеченной из китайских источников, в первую очередь, из труда Сыма Гуана «Всеобщее зеркало, управлению помогающее» и китайских династийных хроник. При этом автор исходного варианта летописи вольно или невольно использовал далеко не всю информацию из имевшихся источников (объем текста без труда можно было увеличить не менее, чем на треть). Не исключено, что это могло стать следствием поздних сокращений. В дальнейшем этот текст послужил общей основой для описания событий указанного периода для всех трех древнейших вьетнамских летописей (АНТЛ, ВШЛ и хроника Ле Ван Хыу, как основа ТТ), о чем свидетельствуют одинаковые сокращения китайских текстов и технические ошибки, допущенные авторами всех трех произведений, если сравнивать их с китайскими первоисточниками, т. е. многие из этих сокращений и ошибок были сделаны уже в прототексте и

потом растиражированы в трех разных вариантах летописей, основанных на нем¹³.

2. Практически вся информация во Внешних анналах, которой нет в китайских источниках, появилась там существенно позднее и стала плодом редактирования текста прежде всего Нго Ши Лиеном в XV в. и его последователями. Речь идет и о Кинь-зыонг-выонге, и о Лак-лонг-куане, и о Хунг-выонгах, и о Чиеувь-ет-выонге, и о ряде других фрагментов. Появление или расширение соответствующих разделов стало результатом сбора и записи народных легенд, проводившихся в XIV в. Хо Тонг Тхоком и другими авторами, и вторжения Нго Ши Лиена с этими записями в древний текст. Главным методом выявления подобных мест в ТТ является сопоставление ее текста с текстом ВШЛ, где таких интерполяций нет.

3. Каких-либо следов прямого использования в тексте житийных биографических сюжетов из храмовых и семейных хроник крупных родов, составлявших во II—IX вв. во Вьетнаме, и нерегулярных и несистематизированных записей китайских наместников не обнаружено.

4. Первоначальный текст вплоть до описания династии Динь, который стал основой для всех трех древних хроник, по своей структуре был более схож с ВШЛ и соответствующими разделами АНТЛ, чем с ТТ: это были не погодные статьи, расположенные в хронологическом порядке, а сборник описаний правлений отдельных правителей или наместников¹⁴. Обращение прототекста в хронику — плод деятельности более поздней историографии, скорее всего Ле Ван Хыу¹⁵, и эта переделка стала причиной многочисленных хронологических ошибок.

5. Текст ВШЛ, описывающий события до X в., содержит определенную информацию, которой нет в ТТ, но ее немного. Наличие разночтений можно объяснить скорее разными подходами авторов ВШЛ и ТТ к сокращению первоначального текста, чем какими-то их собственными дополнениями или обращением к другим источникам.

Для того чтобы продолжить работу по изучению раннего вьетнамского летописания, попробуем восстановить текст первоначальной летописи путем сравнения текстов двух самых ран-

них источников, на нем основанных, — ВШЛ и ТТ. При этом весь текст ВШЛ за исключением большинства разъяснений малыми иероглифами в двойной строке мы оставим в том виде, в котором он дошел до нас (с правками цинских филологов), текст же ТТ «очистим» от поздних наслоений, убрав из него все то, что заведомо было привнесено Ле Ван Хыу, Нго Ши Лиеном и более поздними редакторами. Это, прежде всего, авторские комментарии, разъяснения малыми иероглифами в двойной строке, а также другие элементы текста (заголовки глав, обозначение автора, общие примечания, обозначения концов глав и разделов и т. п.)¹⁶, которые появились в нем позднее в результате модернизации летописи на неоконфуцианский лад. Также не будем в количественном отношении сравнивать заголовки погодных статей, поскольку они формировались заведомо по разным принципам, что делает их количественное сравнение некорректным.

Прежде чем остановиться на главных результатах, полученных в ходе сравнения двух летописей, отметим два частных вывода, имеющих, на наш взгляд, чрезвычайно важное значение.

Первый из них касается явного сбоя в датировке, допущенного авторами ТТ. Скорее всего, в связи с чисто технической ошибкой, кто-то из них пропустил заголовок статьи 1133 г., поместив сообщения, относящиеся к этому году, под заголовком 1134 г. В результате этого весь следующий за этим материал вплоть до статьи 1141 г. оказался сдвинутым на один год (т. е. под заголовком 1135 г. помещалась информация, относящаяся к 1134 г. и т. д.). Но этим дело не кончилось. Сообщения, относящиеся к 1142 г., оказались в ТТ необоснованно разбиты на две статьи — 1143 и 1144 гг. В результате в дальнейшем весь текст вплоть до статьи 1156 г. стал воспроизводиться со смещением уже на два года (т. е. под заголовком, например, 1145 г. помещалась информация 1143 г. и т. д.). Датировка одних и тех же событий в двух источниках вновь совпала лишь в статье 1157 г. Судя по всему, упомянутый автор ТТ, который совершил ошибки, в конце концов обнаружил существенное расхождение в датах с первоисточником, но возвращаться назад и исправлять ничего не стал. Он просто опустил всю информацию, касавшуюся

1155 и 1156 гг. (кроме информации о строительстве храма Конфуция, которая автоматически была перенесена из статьи 1156 г. в статью 1154 г.), и в результате датировка событий в тексте ВШЛ и ТТ, начиная с 1157 г., вновь совпала.

Правильная датировка содержится именно в ВШЛ. Об этом свидетельствует проверка обозначений дней, помеченных в текстах обеих хроник знаками по лунному календарю. Вот, например, сообщение, отнесенное в ТТ к 1154 г.: «Одиннадцатая луна. [День] *динь-муй*. Император пошел походом на Нонг Кха Лая...». В одиннадцатой луне 1154 г. дня *динь-муй*, не было, а в одиннадцатой луне 1152 г. он был (14 декабря). И таких случаев в указанном фрагменте текста ТТ несколько. В ВШЛ же подобных случаев не наблюдается вообще, так что сомнений в правильности датировок ВШЛ по сравнению с ТТ нет.

На наш взгляд, очень важное замечание касается принципов «исправления» текста ВШЛ цинскими филологами. Часть из них уже была отмечена ранее. Эта замена всего того, что могло бы означать «император» и связанных с ним терминов, на иероглифы, означающие «правитель» и все с этим связанное. В результате, в отличие от ТТ, а, значит, и от первоначального текста, вьетнамского монарха называют не императором (皇帝), а правителем-*выонгом* (王), *тюа* (主) или «Высочайшим» (上), он не «опочил» (崩), а «скончался» (薨), управляет не «Поднебесной» (天下), а «своими землями» (境内 или 國中), «приказывает» (命), а не «издает указы» (詔), именует себя «я» (我), а не «Мы» (朕), день рождения у него не императорский (誕日), а простой (王生日), жену и мать монарха называют 太后, а не 皇太后 и т. д.

Но этим дело не ограничилось. Замены касались и табуированных имен времен правления династии Цин в Китае, например, иероглиф 弘 (запретное имя императора *Цянь-луна*) повсеместно заменялся на иероглиф 宏¹⁷.

Сравнение двух текстов также показывает, что исправления китайских редакторов, внесенные в ВШЛ, носили не только «идеологический», но и чисто филологический характер: из текста на ханвьете они постарались сделать текст на современном им китайском языке, более понятный читателю, которому он

предназначался. Наиболее яркий пример — массовая замена служебного слова 于 на его омоним 於. В древнекитайском языке эти иероглифы были еще и синонимами, коими остались в ханвьете, но в среднекитайском языке первый из них в качестве предлога уже практически вышел из употребления. Китайские редакторы его заменили в нескольких десятках сообщений, и во всем тексте ВШЛ не осталось ни одного случая его использования. Встречаются и замены редких в китайском языке иероглифов на общеупотребительные, сокращенных на полные: 僊 на 仙, 遊 на 遊, 楯 на 盾, 獻 на 獻, 你 на 偶, 放 на 倣, 堵 на 隄, 冊 на 柵, 伏 на 佛, 見 на 現, 叛 на 反, 惧 на 懼 и т. п. При весьма существенном количестве совпадающих по содержанию сообщений в двух источниках, разночтений по форме и порядку слов между ними очень много, что также может быть следствием работы над текстом ВШЛ китайских редакторов, правивших и грамматику фраз. Впрочем, некоторые из разночтений могли стать результатом целенаправленной или случайной правки текста авторами ТТ. Так, есть и следы замен, связанных с табуированными иероглифами при более поздних династиях, в частности, династии Хо (замена 火 на 大). При этом в целом к собственно содержанию и структуре текста ВШЛ китайские редакторы относились, по-видимому, аккуратно. Так, обнаружив в тексте случайно пропущенную обязательную для ВШЛ структурную часть сообщения по итогам пребывания у власти императора (в данном случае Ли Тхай-тонга) о количестве эр правления, которые он провозглашал, редактор вместо того, чтобы просто восстановить ее (а это не составляло труда), добавляет комментарий малыми иероглифами в двойной строке: «...<ниже этого должны были быть четыре иероглифа “менял эру правления шесть раз”>». Тут я бы не согласился с мнением А.Б. Полякова о том, что эта ремарка принадлежит автору последней книги ВШЛ, которую он сделал просматривая первые две¹⁸: вьетнамский автор так бы никогда не поступил, во всяком случае, примеров подобного бережного отношения к изначальному тексту во вьетнамской историографической традиции мы не наблюдаем. Принимая за основу какое-то раннее произведение, местные средневековые историографы уже считали его «своим» и правили и

сокращали безжалостно без всяких ссылок и уточнений¹⁹. Подобную ремарку мог оставить только тот, для кого текст был и оставался «чужим»: поправить лексику и грамматику, соблюсти табу, убрать незаконные титулы можно, а изменить содержательную часть вот так просто нельзя, потому что даже то, что внешне выглядит ошибкой или пропуском, может иметь какой-то непонятный для редактора внутренний смысл.

В обоих источниках встречаются откровенные описки (пропуски, неправильно написанные иероглифы), причем неодинаковые. У их авторов при составлении большей части текстов был общий первоисточник (это несомненно), но прочитывали они его по-разному. При этом явных ошибок при описании периода с 965 по 1225 г. во ВШЛ существенно больше, чем в ТТ (а значит и в работе Ле Ван Хыу, лежащей в ее основе): 44 против 16 при меньшем объеме текста ВШЛ в целом. В отдельных случаях авторы ВШЛ исходную летопись вообще не поняли. Так, в статье 1022 г. сообщение «Издали указ Зыктхань-выонгу покарать [племя] даюаньли» было ими прочитано как «Приказали Зыктхань-выонгу изготовить календарь Дайнгуен». Такое могло получиться только в одном из двух случаев. Либо экземпляр первоисточника, попавший автору ВШЛ, был более потрепан, например, попал к нему позднее, чем к Ле Ван Хыу. Либо уже сама хроника ВШЛ попала к китайцем в не очень хорошем виде, и они не все смогли разобрать. При любом варианте ВШЛ не был источником для Ле Ван Хыу и, соответственно, для ТТ, иначе нельзя было бы избежать многих (но не всех) ошибок, которые допустили составители ВШЛ. Этот факт, неисправленные хронологические ошибки ТТ (см. выше) и ряд пропусков в обеих летописях сообщений, очевидно важных и обычно не подлежащих сокращению, явно свидетельствуют о том, что их авторы не учитывали результаты работы друг друга.

Теперь перейдем к количественному сравнению текстов двух источников.

На диаграмме 1 сравнивается объем текста ВШЛ и «очищенного» ТТ при описании событий с 965 по 1225 г., т. е. периода, по которому и ВШЛ предстает полноценной хроникой, в отличие от сборника описания правлений и царствований, коим

является текст этого летописного свода до статьи 965 г. Поскольку абсолютный объем информации в иероглифах в отдельно взятой статье во многом зависит от важности событий в том или ином году и подвержен сильным колебаниям, затрудняющим сравнение, нас будет интересовать только относительный объем информации в процентах меньшего по объему текста к большему, который мы вычтем из 100 %. В результате отметки годов количественного преобладания «очищенного» текста ТТ на графике окажутся выше оси ординат (равенства объема), а преобладания ВШЛ — ниже, и чем больше будет разница в объеме текста, тем дальше будет удалена от оси соответствующая точка.

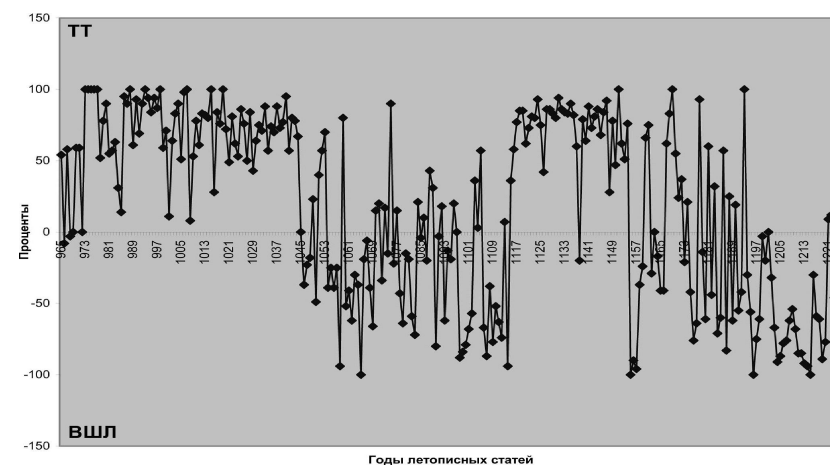

Диаграмма 1. Соотношение объемов текста в иероглифах между ТТ и ВШЛ в процентах меньшего текста от большего

На диаграмме 2 нами учитываются «новые» сообщения, содержащиеся в ВШЛ, т. е. те сообщения, которых нет в ТТ. В ней приводится процент «новых» сообщений ВШЛ от суммы всех сообщений, которые могли бы быть в прототексте, рассчитанной по формуле: совпадающие сообщения двух хроник + «новые» сообщения ТТ + «новые» сообщения ВШЛ.

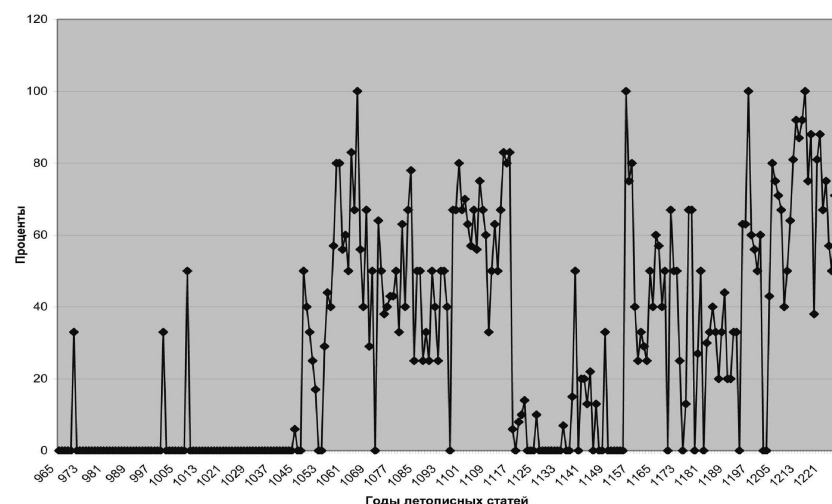

Диаграмма 2. «Новые» сообщения ВШЛ в процентах от всех сообщений в обоих источниках

По итогам изучения соответствующих графиков становится совершенно очевидным, что материал двух хроник можно разделить на пять самостоятельных фрагментов.

1. Период с 965 по 1045 г. характеризуется абсолютным преобладанием ТТ (т. е. текста Ле Ван Хыу), превышающим по объему текст ВШЛ в 2—4 раза (см. диаграмму 2). Некоторое незначительное несоблюдение этой закономерности наблюдается только в самом начале изучаемого периода, где абсолютный объем текстов мал, поэтому вероятность погрешностей высока. На протяжении столь значительного отрезка времени (81 погодная статья) мы находим в ВШЛ лишь четыре сообщения, которых нет в ТТ и которые в силу своей немногочисленности и специфичности заслуживают отдельного рассмотрения:

а) 970 г.: «Суны пожаловали *выонгу* (Динь Бо Линю) [титул] Аннам-куанвыонга (Аньнань-цзюньвана)». Такого титула удельного князя (*цзюньвана*) никогда не существовало. С термином «Аннам» могла быть связана либо должность периода «Северной зависимости» — наместник-духу Аннама (Аньнань *духу*),

либо наименование правителя самостоятельного, но формально зависимого от Китая государства — *куоквыонг* Аннама (Аньнань *гован*), который появился в результате признания этого факта китайцами только в 1174 г. До этого Суны действительно давали правителям вьетнамских территорий титулы удельных князей, но это были другие титулы (по возрастанию: Зяотьи-куанвыонг, Намбинь-выонг и, посмертно, Намвьет-выонг). Первоначальный такой титул (Зяотьи-куанвыонг) получил и Динь Бо Линь, но лишь в 973 г., когда к Сунам прибыл в качестве посла сын Динь Бо Линя — Динь Лиен, а не в 970 г. Как эта странная фраза оказалась в ВШЛ? Вьетнамские летописцы и ранее в прежнем повествовании постоянно старались избегать термина «Зяотьи». Обычно его меняли на «Зяотяу», но в данном случае так поступить было нельзя. Возможно, они решили забежать чуть вперед. Что касается неверной даты, то неуверенная датировка всех событий вьетнамских летописей вплоть до начала правления династии Поздние Ли легко объяснима спецификой их первоисточников — жизнеописаний, в которых в силу особенностей жанра не уделялось особого внимания конкретным датам. Найдя в своем первоисточнике столь непонятное сообщение (и по содержанию, и по датировке), автор нового текста (может быть, еще Ле Ван Хыу?), судя по всему, счел за благо его удалить;

б) в ТТ по сравнению с ВШЛ пропущена информация о поездке в Китай в 1000 г. посольства Лыу Тхиеу. В китайских источниках есть косвенное свидетельство о том, что данное посольство действительно было направлено: во вторую луну 1001 г. «Ле Хоан из Зяотяу преподнес в качестве дани прирученных носорогов и слонов»²⁰;

в) третий случай наличия в ВШЛ информации, которой мы не находим в ТТ, относится к 1008 г. Пропущено сообщение об изменении эры правления. Необходимо отметить, что подобных фактов (пропуск сведений о точных сроках изменения эры правления в ТТ) и дальше мы встретим немало. Складывается впечатление, что авторы этой хроники в данном вопросе не очень доверяли своему первоисточнику;

г) четвертый случай наличия «новой» информации в ВШЛ находим под 1044 г.: «Вторая луна. Императорский щит вновь

задрожал». Указанное знамение (самопроизвольное движение оружия императора), свидетельствующее о вероятном благоприятном исходе похода на Чампу (а это и произошло в том же году), уже имело место накануне в 1043 г., что отметили оба исследуемых источника. По всей вероятности, Ле Ван Хыу или его поздние редакторы сочли целесообразным информацию о повторении одного и того же знамения убрать.

Анализ весьма многочисленных «новых» сообщений, описывающих события этого периода, которые присутствуют в ТТ и отсутствуют в ВШЛ, показывает, что они представляют собой сложный и труднорасчленимый конгломерат как данных из общего первоисточника, действительно опущенных авторами ВШЛ при составлении текста этой хроники, так и сведений, добавленных позднее уже авторами «Исторических записок Дай-вьета» и ТТ, начиная с Ле Ван Хыу.

Поздние добавления особенно хорошо вычлениаются в описаниях более раннего периода вплоть до прихода к власти династии Поздние Ли. Совершенно очевидно, что в первоначальный текст этого фрагмента хроники позднее был включен ряд сообщений о вьетнамо-китайских отношениях, которые были взяты из китайских источников. Эта данные о вьетнамских (14 сообщений) и китайских (8) посольствах, а также сведения о событиях в Китае, связанных с двусторонними отношениями (7). Случалось, что информация заимствовалась ошибочно, например, о преждевременном Чан с горы Туенхоа, который никакого отношения к вьетским землям не имел²¹. Это было отмечено уже в авторских комментариях к тексту ТТ, поэтому, скорее всего, что-то из связанного с Китаем добавил уже Ле Ван Хыу. Тем не менее, основная работа по дополнению текста хроники по этим темам не могла проходить ранее прихода к власти в Китае династии Юань и завершения работы над текстами *Сун ши* и близких к ней китайских источников, которые только тогда стали доступны вьетнамским авторам. В то же время некоторые сведения ТТ об отношениях между двумя странами не имеют корней в китайских источниках и представляют собой чистый продукт вьетнамской исторической традиции. В частности, это легенда о повторном приезде во Вьетнам в 987 г. китайского по-

сла Ли Цзюэ, который на самом деле побывал во Вьетнаме только один раз²².

С достаточной степенью уверенности можно выявить и некоторые другие поздние интерполяции. Так, известно, что информацию о Нго Сыонг Си (965 г.), как одном из номинальных правителей Вьетнама, в текст хроники включил Нго Ши Лиен, чтобы не допустить перерывов во власти местных правящих домов, начиная с Нго Куена. Что-то добавлено из сочинений биографического жанра, в частности из биографии Динь Бо Линя, разнесенной по тексту нескольких глав. В нашем фрагменте это сведения о возвращении домой в Хоалы Динь Лиена (965 г.), находившегося ранее в плену у рода Нго, и легенда о том, как Динь Бо Линь в молодости, будучи рыбаком, выловил чудесный скипетр (979 г.). Из семейной хроники рода Ле, вероятно, взяты сведения о наделении титулами его покойных родителей (980 г.), многочисленных сыновей и жены (всего 7 сообщений за разные годы). Очень похожи на поздние вставки из житийных источников отсутствующие в ВШЛ данные на таких известных деятелей, как Ты Мук (986 и 1000 гг.), Фам Кы Ланг (986 г.), Хонг Хиен (988 г.), Нго Ты Ан (1000 г.), информация о предательстве и бегстве в Чампу Нго Нят Кханя (979 г.).

В отношении других «новых» сообщений ТТ подобной уверенности нет: они могли стать «новыми» как в результате более позднего включения в текст, так и в результате сокращения первоначального текста авторами ВШЛ. А о том, что такое сокращение было, и что оно было немалым, свидетельствуют, по крайней мере, 9 «новых» сообщений ТТ о «знамениях» (стихийные бедствия, явления чудесных животных и т. п.), которых нет в ВШЛ. Подобная информация, как правило, могла лишь изыматься из текста, но не добавляться. Отметим, что подобных сообщений при описании событий 965—1009 гг. совсем немного (15) и их существенная часть (5) связана с отношениями с Чампой.

Начиная с 1009 г. картина резко меняется. Преимущество ТТ над ВШЛ по объему текста становится подавляющим настолько, что сравнение текстов двух хроник уже не позволяет уверенно выявлять элементы, которые были добавлены в ТТ позднее. При этом перед нами все равно два варианта прочте-

ния одного и того же первоисточника. Причем в первом случае (ВШЛ) его текст явно и безжалостно сокращали, во втором (ТТ) либо вообще не сокращали, либо сокращали очень бережно. Именно в этих фрагментах двух хроник мы находим еще одно неопровержимое доказательство того, что, во первых, ВШЛ не могла быть источником для Ле Ван Хыу (ТТ), и, во-вторых, у них был общий первоисточник. В статье 1028 г. ТТ есть такое сообщение: 以...陶處中為太保、李道紀為左樞密、李徹為少師、冲新為右樞密、李密為左參知政事... («...Дао Сы Чунга назначили *тхайбао*, Ли Дао Ки назначили левым главой Верховного военного совета-*кхумат[шы]*, Ли Чиета назначили *тхиеушы*, Сунг Тана назначили правым главой Верховного военного совета-*кхумат[шы]*, Ли Мата назначили левым помощником главного министра-*тхамчитыньшы*...». В ВШЛ эта фраза выглядит так: 以...陶處忠為太保、阮道紀為樞密、阮徹為 (пропуск) 左參知政事... И если в первых трех случаях разночтения выглядят вполне естественными (замена 中 на 忠 в именах собственных бывает нередко, и ее могли произвести и китайские редакторы ВШЛ, поскольку в именах второй вариант встречается гораздо чаще; замена 李 на 阮 связана с табуированием имен предков династии Чан и для ВШЛ была правилом), то в четвертом случае пропуск части фразы привел к откровенному искажению ее смысла (Ли Чиет из *тхиеушы* превратился в левого помощника главного министра, а два персонажа — Сунг Тан и Ли Мат — вообще исчезли со страниц хроники). Это — явная ошибка при копировании. Если бы источником ТТ (Ле Ван Хыу) была ВШЛ, то авторы ТТ не смогли бы этой ошибки избежать. А практически дословное совпадение остальной части сообщения в двух источниках свидетельствует о том, что изначальный текст, которым они пользовались, был у них общим.

2. Во втором фрагменте хроник, описывающем период с 1046 по 1116 г.²³, ситуация в корне меняется. Текст ВШЛ становится более объемным, чем текст ТТ, в нем появляется значительное количество информации, которой нет во второй хронике. Тем не менее, анализ структуры текста, совпадающих элементов и характера повествования обеих летописей свидетельствует о том, что и на данном отрезке они по-прежнему яв-

ляются производными от одного исходного источника, подвергнувшегося переработке разными способами. Для того, чтобы понять, в чем различие подхода к первоисточнику редакторов двух вариантов его переработки, попробуем проанализировать характер сообщений, которыми отличаются два текста.

В ВШЛ в этом фрагменте (описывающем события 1046—1116 гг.) «новых» сообщений существенно больше, чем в ТТ (соответственно 214 и 68), но они значительно легче структурируются по своему содержанию. Их основу составляют то, что можно условно назвать «знамения» (67 сообщений). Это, в первую очередь, явления драконов (31) и подношение чудесных животных или растений, свидетельствующих о благосклонности Неба к правителю (21), астрономические явления и т. п. Не попало в ТТ и существенное количество информации о конкретной повседневной деятельности правителя, повторяющейся из года в год. Это — поездки императора по стране, в том числе и для совершения ритуальных действий (ритуальные пахота и жатва, наблюдение за ловлей рыбы и лодочными гонками — 25 сообщений). Сильно сокращена информация о строительстве в столице (21 сообщение), а также о сооружении буддийских святынь и церемоний в них (12 сообщений). Особой «нелюбовью» поздних редакторов пользовались данные о внешнеполитической деятельности Дайвьета, в частности, о посольствах из Чампы и Камбоджи (34 сообщения!) и посольствах к Сунам (10 сообщений). Оставшихся «новых» сообщений немного (45 или 21 %), и они не создают устойчивые крупные тематические группы. Из них можно выделить разве что информацию о подавлении мятежей и заговоров (6) и о налоговых и прочих амнистиях (4). Тем не менее, именно эти сообщения заслуживают наиболее пристального внимания, поскольку как раз среди них могут быть поздние добавления в исходный текст авторами ВШЛ, в то время как подавляющая масса остальных — это, вне всякого сомнения, изъятия из исходного текста, которые делали Ле Ван Хыу или авторы ТТ в процессе составления своих хроник.

Совершенно иную картину мы наблюдаем при изучении «новых» сообщений, содержащихся в соответствующем фрагменте текста ТТ. Эти сообщения по своему содержанию с тру-

дом поддаются делению на группы. Можно выделить лишь «посольства из Чампы», которых, по-прежнему больше всего (7 сообщений), стихийные бедствия (7 сообщений), раздачи зерна народу (2 сообщения). Очень мало «знамений» (3, в том числе только по одному «дракону» и затмению). К возможным изъятиям из исходного текста может относиться информация о посольстве к Сунам в 1064 г.

Большинство остальных «новых» сообщений ТТ в описании данного периода — это, скорее всего, вставки, которые были сделаны в исходный текст либо Ле Ван Хыу, либо, еще позднее, Нго Ши Лиеном и его последователями. Большинство их них явно преследуют цель придать традиционному вьетнамскому обществу X—XI вв. более «цивилизованный» образ с точки зрения конфуцианской идеологии, подвести читателя к мысли о том, что соответствующие изменения в нем произошли уже на раннем этапе его существования. Особое внимание при этом придается имперскому культу и конфуцианскому церемониалу. Попробуем перечислить эти сообщения в хронологическом порядке.

Введение правил повышения чиновников в должности (1051), присуждение детям императора титулов *выонгов*, *хау* и принцесс (1052), привлечение наследника престола к участию в заседаниях династии (1054), введение названия страны — Дайвьет (1054), учреждение гвардейских подразделений (1059), рождение наследника престола (1066) и его брата (1068), ремонт Ванмиеу, храма Конфуция и другие действия, связанные с конфуцианскими культовыми сооружениями (1070), пожалование чиновникам-ветеранам (1074), сообщение о первом конфуцианском конкурсе и его лауреате Ле Ван Тхине (1075), указ о поиске честных и прямых для назначения на должности (1076), набор учащихся в школу Сынов отечества (1076), экзамены по письму и счету для мелких чиновников (1077), еще один конфуцианский конкурс и лауреатство Мак Хиен Титя (1086), введение таблицы о рангах для чиновников (1091), установление размера поземельного налога (1092), ревизия всего законодательства и возвращение старых норм (1097), новые названия гвардейских корпусов (1104).

Смысл включения данной информации в текст ТТ совершенно понятен, причем это вовсе не означает, что все эти сведения являются ложными. Просто при обращении к ним следует учитывать, что большинства из них, скорее всего, не было в первоначальном тексте вьетнамской хроники, появились они там поздно, и источник их происхождения не всегда очевиден. При этом могли быть и сообщения, которые все-таки входили в первоначальный текст, но были опущены «буддийскими» авторами ВШЛ.

Впрочем, среди выявленных подобным образом поздних включений в текст ТТ есть и откровенно сомнительная информация, в частности, касающаяся отношений Дайвьета с Сунами, на которую и раньше обращали внимание исследователи, поскольку она не подтверждается данными китайских источников. Это сведения о превентивном нападении на сунские территории «для устрашения» в 1059 г., о повторном нападении на территорию Сунов в 1077 г. и повторном отпоре войскам Дайвьета, который они попытались дать в том же году, но неудачно; о возврате Сунами Дайвьету территории Тхуанхоа (Куангнгуена) в 1079 г., который на самом деле был осуществлен позже, в 1084 г. (под которым эти сведения в ТТ продублированы).

В чем-то мотивированным новым включением в текст ТТ можно отнести и информацию о строительстве пагоды Зиенхыу («Пагоды на одном столбе»), отнесенную на полвека раньше (1049), чем это указано в ВШЛ, на что уже обращал внимание К.Ю. Леонов.

Вполне очевидным является процесс позднего включения в данный фрагмент текста ТТ сведений из биографической литературы, который мы наблюдали и в ранних главах этого источника, например, в отношении Ли Бона или Чиувьет-*выонга*. Это — биографии Ли Дао Тхана (его возвышение в 1072 г., ссылка в Нгеан в 1073 г., возвращение в столицу в 1074 г. и кончина в 1081 г.), Ли Тхыонг Киета (сомнительная информация о его неудачном походе на Чампу в 1075 г., новые должности, полученные им в 1101 г., поход на Чампу и разгром Ли Зяка в 1104 г., существенное увеличение данных о его кончине в 1105 г.), супруги императора Ли Тхань-тонга — Илан (переименование ее родно-

го уезда в 1068 г. и активность императрицы в строительстве буддийских культовых сооружений в 1085 г.), Мак Хиен Титя (его победа на конфуцианском конкурсе в 1086 г. и поездка в качестве посла в Чампу в 1094 г.). К описанию деятельности императоров добавлены сведения об их озабоченности из-за отсутствия потомства и мерами принимаемыми в связи с этим (1063 г. — Ли Тхань-тонг, 1102 г. — Ли Нян-тонг).

Некоторые вновь включаемые сведения не требовалось разбивать на части. Так, в тексте ТТ появились истории о колоколе в той же пагоде Зиенху («На одном столбе»), который так и не зазвонил (1080 г.), и благородной принцессе из рода Ли, навсегда сохранившей свою чистоту после смерти мужа (1113 г.).

К числу «новых» сообщений ТТ относятся данные о том, что попавший в плен чамский правитель Теку спас свою жизнь, добровольно отказавшись от трех своих северных провинций (1069).

Явный «конфуцианско-государственнический» подход к изменению исходного текста Ле Ван Хыу, Нго Ши Лиена и их последователей, тем не менее, не являлся отрицанием буддизма, как такового, и его проявлений во вьетнамском обществе X—XI вв. Действительно, информация о буддийском строительстве в стране в эти годы была существенно сокращена. Но материалы на эту тему вошли и в число вновь включенных в ТТ. В частности, в нее были добавлены данные о назначении в 1088 г. Кхо Дау верховным монахом страны, а также о разделении в том же году буддийских святынь на категории в целях оказания им государственной материальной поддержки. Борьба велась в основном с «мракобесием», включением в текст хроники описаний различных сверхъестественных явлений. В ее рамках пострадали не только «драконы» и другие «знамения». Легенда о чудесном младенце Зяк-хоанге, любимце императора Ли Нян-тонга, была заменена совершенно реалистичной информацией о колдуне и бунтовщике Ли Зяке, которого в 1103—1104 гг. покарал Ли Тхыонг Киет²⁴.

Набор «новых» сообщений в ТТ, добавление которых трудно интерпретировать с помощью методов, упомянутых нами выше, поразительно мал (4 из 68 или 6 %). Это — поход на Лаос в

1048 г., набор женщин во внутренние покои в 1061 г., покупка драгоценности у иностранца в 1066 г. и строительство башни в 1109 г. Возможно, их появление стало следствием сокращения первоначального текста уже редакторами ВШЛ, или подоплека описываемых в них событий остается для нас не до конца понятной.

3. В третьем фрагменте хроник (1117—1154 гг., информация по 1155 и 1156 гг. не учитывается при сравнении, так как соответствующие статьи в ТТ оказались фактически опущенными) ситуация опять кардинально меняется: как и в первой части преобладание по объему в иероглифах и количеству сообщений ТТ над ВШЛ вновь становится подавляющим. Разница с первой частью состоит лишь в том, что в ВШЛ «новые» сообщения все-таки есть, хотя их по сравнению со второй частью существенно меньше (28). Но номенклатура их практически не меняется. Это — те же подарки чудесных животных или растений (10 сообщений), посольства из Чампы (1), пожалования от Сунов (1), государственные ритуалы (6, включая три лодочные гонки), «знамения» (5, включая четырех «драконов»), стихийные бедствия (1). Сообщений, которые нельзя заведомо отнести к подлежащим сокращению в силу невысокой значимости, совсем немного. Это — информация о смене эры правления (1133), о назначении императрицы (1138) и указ о порядке выкупа земель, отданных в залог (1140). Таким образом, для текста ВШЛ ничего не изменилось: он по-прежнему остается сокращенной формой первоисточника, к которому, скорее всего, его авторы много нового не добавляли. Что же касается ТТ, объем текста которого во много раз превосходит ВШЛ, то следует отметить, что среди ее «новых» сообщений многие относятся к категориям, которые обычно специально в текст не добавлялись. Это и «знамения» (прежде всего, подношения странных животных и растений), и поездки императора по стране, в том числе и с ритуальными целями (ритуальная пахота, жатва, охота на слонов), и стихийные бедствия, и буддийское строительство, и праздники, и т. п. Уверенно идентифицировать поздние вторжения в текст весьма сложно, в силу бессистемности (в отличие от предыдущего фрагмента) номенклатуры «новых» сообщений ТТ и, главное, недос-

таточности базы для сравнения в силу очень небольшого объема текста ВШЛ. В любом случае в этих фрагментах мы также видим опору двух разных источников на один и тот же первоначальный текст, при этом авторы одного из них (ВШЛ) подвергли этот текст безусловному тотальному сокращению, а авторы второго (ТТ), если и сокращали его, то значительно меньше.

4. Четвертый отрезок фрагментов двух хроник (1157—1225 гг.) уже нельзя изучать на основании тех двух диаграмм, которые так пригодились нам при сопоставлении информации по трем предыдущим отрезкам. Можно лишь отметить, что информация ВШЛ по объему в иероглифах вновь начинает превышать информацию, содержащуюся в ТТ (читай, в хронике Ле Ван Хыу), причем в конце исследуемого этапа это превосходство становится подавляющим. В то же время какую-либо тенденцию в изменении этого объема от одной статьи к другой проследить с помощью графиков не удастся.

В целом эти фрагменты хроник при их сопоставлении можно разделить на две части. В первой части (1157—1210 гг.) «общие» (практически дословно совпадающие по тексту и по датировке) сообщения сохраняются. Их существенно меньше, чем раньше, они зачастую касаются второстепенных проблем («знамения», стихийные бедствия, строительство конкретных объектов и т. п.). В них мы находим все те же легко выявляемые взаимные ошибки авторов двух источников. Все это явно свидетельствует о том, что и для этого фрагмента двух хроник существовал общий текст-первоисточник, который, впрочем, уже не играл решающей роли при формировании текста, как это было ранее, так как в процентном отношении объем «новых» сообщений в выбранных фрагментах каждого из источников значительно выше, чем объем «общих». Последним из значимых совпадений текста двух хроник («общих» сообщений) можно считать описание конфликта между До Ань Чиетом (или, как в ВШЛ, До Ань Зоаном) и Дам Зи Монгом в 1210 г. Следующее подобное сообщение — о воссоединении императора Ли Хюэ-тонга со своей женой, урожденной Чан, в 1211 г. — уже следует считать событийным, а не текстуальным совпадением: подобный важнейший факт летописцы не пропустили

каждый самостоятельно, а не руководствуясь общим прототекстом.

При сопоставлении фрагментов двух хроник, касающихся описания 1211—1225 гг., можно прийти к однозначному выводу о том, что это — два самостоятельных текста, хотя и описывающих одни и те же события, но не имеющих общих источников и не связанных между собой. «Общих» сообщений крайне мало (7) и большинство из них касаются важнейших событий в истории страны, не описать которые было просто нельзя. Это уже упомянутое воссоединение императора Ли Хюэ-тонга со своей женой, урожденной Чан, в 1211 г.; штурм Чан Ты Кханем столицы и разрушение им запретного города в 1213 г.; его назначение на высшую военную должность *тхайуи* в 1216 г.; капитуляция императора Ле Хюэ-тонга перед домом Чан в 1216 г.; смерть Чан Ты Кхана в 1223 г.; переход власти от правительницы Тьиеу-хоанг к ее мужу Чан Каню в 1225 г. Признать при определенных условиях следом общего прототекста можно только одно сообщение в статье 1218 г. о землетрясении, которым в этом отношении вполне можно пренебречь, тем более, что в нем явно что-то напутано с хронологией (3-я луна в ТТ и 5-я луна в ВШЛ). При этом текст ВШЛ значительно более объемный. Его автор (авторы?), очевидно, поставил перед собой цель максимально подробно и объективно (с позиций династии Чан, конечно) отразить события, происходившие в этот период. Текст ТТ более лаконичен и концептуален. Складывается впечатление, что одной из основных целей, которые ставили перед собой его составители, было убедить читателя в том, что источником всех бед императора Ли Хюэ-тонга была его мать. Она сначала всячески препятствовала нормализации его отношений с домом Чан, а потом и вовсе многократно пыталась убить (или заставить покончить с собой) его жену, урожденную Чан, что собственно и послужило причиной отказа Ли Хюэ-тонга от дальнейшей борьбы и его капитуляции. Прочая информация по этому периоду, которая напрямую не связана с данной идеей, отражена в ТТ, в отличие от ВШЛ (в этой хронике о происках императрицы против своей невестки вообще ничего не говорится), значительно менее подробно.

Какие выводы можно сделать по итогам сравнения ранних разделов ТТ, с одной стороны, и ВШЛ — с другой, в целях реконструкции текста первоначальной хроники?

Текст ВШЛ можно разбить на 5 фрагментов. 1-й (с начала до 1045 г.) и 3-й (1116—1157 гг.) фрагменты представляет собой результат тотального сокращения первоначального текста. 2-й (1046—1115 гг.) и 4-й фрагменты (1057—1210 гг.), наоборот, не носят следов сильного сокращения (об этом говорит сравнение с ТТ) и весьма близки к этому первоначальному тексту. Последний, 5-й фрагмент (1211—1225 гг.) — совершенно самостоятельная часть летописи, не имеющая отношения ни к предыдущему тексту, ни к соответствующему тексту ТТ и не подлежащая сравнению с последним.

Различие двух первых пар фрагментов никак не связано с авторством первоначального текста, поскольку не привязано к границам правлений отдельных императоров (в отличие, например, от 5-го фрагмента, целиком посвященного правлению Ли Хюэ-тонга). Это различие явно появилось в ходе существования уже готовой хроники. Как это случилось, однозначно выяснить трудно. Судя по всему, это произошло уже на стадии формирования самой ВШЛ в XIII—XIV вв. По-видимому, перед его последним автором (Чан Тю Фо по А.Б. Полякову) была поставлена задача написать историю конца правления династии Поздние Ли — начала правления династии Чан, приложив к ней сокращенный вариант предыдущей истории страны (отсюда и *лыок*, «краткий, сокращенный»). Он это и сделал, безжалостно (от 40 до 60 %) и не слишком системно сократив весь текст имевшейся у него протолетописи по крайней мере до 1157 г. Можно выдвинуть гипотезу, что затем на каком-то этапе решили вернуться к первоначальному тексту. Однако сделали это только для 1046—1116 гг., например, из-за особого интереса к реформаторской деятельности Ли Тхань-тонга и Ли Нян-тонга. Результатом ее и было становление Вьетнама в том виде, в котором он просуществовал по крайней мере вплоть до правления императора Ле Тхань-тонга (1460—1497). Но очевидных подтверждений этой гипотезе найти не удастся. В любом случае эти явления связаны скорее с историей существования уже готового

текста ВШЛ, чем с историей его написания, и этот процесс не имел никакого отношения к процессу создания и существования летописи Ле Ван Хыу. Авторы двух работ наверняка результаты трудов друг друга в своей работе не учитывали, хотя и написали свои хроники на основании одного и того же прототекста и примерно в одно и то же время.

Что касается 4-го фрагмента ВШЛ (1157—1210), то он мог и не подвергаться изначальному сокращению, поскольку касался периода заката династии Поздние Ли, описание и обоснование которого и было основной целью составления ВШЛ.

Процесс создания Ле Ван Хыу «Исторических записок Дайвьета», лежащих в основе сохранившегося текста ТТ, был совсем другим. Составление этого источника, призванного стать основой знаний будущих работников государственного аппарата страны, носило несколько иной, не столько политический (оправдание узурпации власти домом Чан), сколько идеологический характер (доказательство древности самостоятельного вьетнамского государства и подчеркивание изначального его построения на конфуцианских основах). Отсюда и другие принципы его составления. Первоначальный текст безусловно подвергался определенному сокращению, но, в первую очередь, за счет ежегодно повторяющихся событий (лодочные гонки, пахота ритуального поля), всякого рода «знамений», явлений драконов и необычных животных, чудес (тот же буддийский «чудесный мальчик Зяк-хоанг», например, замененный в тексте на колдуна и бунтовщика Ли Зяка) и т. п. В отличие от авторов ВШЛ, где очевидных следов позднего вторжения в текст найти не удалось, авторы ТТ последовательно дополняли летопись сведениями из биографий, семейных хроник, легенд и иных не известных нам источников, причем с вполне определенной и явной целью: придать конфуцианской государственности в стране максимально более древний характер, всячески подчеркнуть изначальную независимость Вьетнама от северного соседа, изобразить более чем тысячелетнюю историю страны периода «Северной зависимости» как череду непрерывных восстаний в борьбе за восстановление суверенитета. Совершенно очевидным является и их повторное обращение к китайским источни-

кам и значительное дополнение текста по вопросам, касающимся взаимоотношений между двумя странами. Причем делал это уже Ле Ван Хыу, хотя и допустил при этом ряд ошибок и искажений, за которые его потом критиковал Нго Ши Лиен. Все эти интерполяции особенно хорошо заметны при сравнении вторых фрагментов двух хроник (1046—1116 гг.), где текст ВШЛ наиболее близок к тексту первоначальной летописи.

Какая же из двух летописей (ВШЛ или хроника Ле Ван Хыу) является более древней? На самом деле, это не столь важно с учетом того, что написаны они были примерно в одно и то же время (середина XIII в.) на основании одного и того же первоисточника и независимо друг от друга. Отметим лишь, что первоначальный текст, попавший в руки авторов ВШЛ (или китайских редакторов этой хроники), по качеству, видимо, был хуже текста, имевшегося у Ле Ван Хыу. Об этом свидетельствует большее количество технических ошибок и описок, выявленных в ВШЛ по сравнению с ТТ.

Попробуем теперь на основании данных, полученных в результате сравнения текстов ВШЛ и ТТ, а также перевода и комментирования пяти глав Внешних анналов и первых четырех глав Основных анналов ТТ реконструировать процесс составления первых вьетнамских летописей.

Как нам представляется, до конца X — начала XI в. своей летописной традиции во Вьетнаме не существовало (по вопросу об «Анналах династии Чиеу», мы уже высказались ранее, см. примеч. 4). Ведение погодных записей было в дальневосточных обществах прерогативой самостоятельно правивших домов, поэтому появление подобных документов в одной отдельно взятой провинции Поднебесной (а именно ею являлся Вьетнам с 111 г. до н.э. и вплоть до первой половины X в.) было бы грубым нарушением ритуала имперского культа, которое вряд ли кто-либо решился совершить. Погодные записи в виде *шилу* или в других жанрах велись в столицах китайских империй, и Вьетнам (вернее китайские провинции, расположенные на вьетнамских землях) упоминался здесь в том случае, если в нем или с его участием происходили события общегосударственного значения. В то же время, как в любой иной провинции Китая, местные чиновники время от времени должны были составлять географиче-

ские описания подконтрольных им территорий, причем делали они это как по приказу из центра, так и по собственной инициативе²⁵, что не только не возбранялось, но и приветствовалось. Традиционно эти описания содержали немало исторической информации (например, в разделах о культовых сооружениях или о знаменитых людях — уроженцах этой провинции), поэтому указанные произведения стали важным источником сведений о Вьетнаме, но для вьетнамских летописцев также опосредованно, через все те же обобщающие произведения китайской исторической традиции.

Одним из наиболее древних культов, существующих во Вьетнаме, был культ предков. Насколько мы можем судить по X в., семейные хроники, записи о предках семьи, биографии отдельных выдающихся деятелей, в том числе и в храмах, где их почитали, составлялись здесь давно. Тем не менее следов подобных документов по периоду до X в. в текстах существующих хроник найти не удалось.

Наконец, третьим источником, который был использован при составлении местных хроник в том виде, в котором они дошли до нашего времени, была устная народная мифологическая традиция с той лишь оговоркой, что регулярно привлекать ее в качестве основы для отдельных летописных статей во Вьетнаме стали довольно поздно.

Впервые текст, который можно квалифицировать как собственно автохтонные погодные записи, а не заимствование из китайских документов или производное от ранних биографий отдельных деятелей, появляется в источниках при описании правления династии Ранние Ле (980—1009). Можно предположить, что именно в это время во Вьетнаме начала окончательно формироваться идея собственной государственности с присущей ей необходимостью иметь собственную историю, а значит вести соответствующие записи (не исключено, что данная новация могла быть инициативой Ле Нгоа-чиеу, недолгобывавшего свое буддийское окружение и стремившегося к становлению государственности по сунским образцам). Еще более подробными и регулярными эти записи становятся после прихода к власти первых императоров династии Поздние Ли (1010—1225).

Первый вариант национальной летописи как законченного произведения мог появиться во Вьетнаме уже во второй половине XI в., при императоре Ли Тхань-тонге (1054—1072), причем в конце его правления, когда он по образному выражению китайских историографов «самовольно обратил в империю свою страну»²⁶. Об этом, в частности, свидетельствует использование в списке двенадцати *шыкуанов* (а это по всем показателям одна из наиболее древних частей хроники) географического названия «Шиеулоай», появившегося на карте Вьетнама только в 1068 г. Именно тогда во Вьетнаме стала формироваться система конфуцианских экзаменов, в рамках которой история страны имела важное значение и должна была быть закреплена на бумаге.

Перед первым автором (авторами?) вьетнамской хроники стояла очень сложная задача: составить текст без местных образцов и источников. И он с этим успешно справился. По оценке К.Ю. Леонова, специально занимавшегося этим вопросом, несмотря на то что из китайских хроник была извлечена далеко не вся информация, касающаяся вьетских земель, внимательное изучение того, что не попало на страницы вьетнамских летописей, вряд ли может кардинально изменить наши представления об истории страны того периода.

Текст первой исторической работы, созданной во Вьетнаме, даже внешне на хронику был мало похож. Он представлял собой сборник биографических произведений о жизни и деятельности отдельных самостоятельных правителей и губернаторов, при этом события внутри правления отдельных деятелей хронологически были прописаны слабо. Судя по всему, это касалось и первых правителей независимого Вьетнама, по крайней мере вплоть до дома Динь (968—979). Начиналось повествование, скорее всего, описанием правления династии Чиеу (208—111 гг. до н.э.), поскольку все ранние вьетнамские династии, включая династию Поздние Ли, при которой впервые появился текст автохтонной летописи, безусловно, считали себя правопреемниками этой династии со всеми вытекающими отсюда последствиями (включая территориальные притязания). Наибольшую сложность для авторов первого варианта хроники безусловно составляла задача написания истории X в. Китайских документов о Вьетнаме по

этому периоду практически не было, да и знали китайцы об отколовшихся от них южных территориях, как показывает анализ их источников, немного. На помощь составителям пришли семейные хроники (биографии) домов Нго (Нго Куена), Динь (Динь Бо Линя), Ле (Ле Хоана) и отдельных *шыкуанов*, явные следы которых мы находим в сохранившихся до нашего времени текстах. При династиях Ранние Ле и Поздние Ли, судя по всему, уже велись регулярные погодные записи.

На следующем этапе написания хроники, который, по мнению А.Б. Полякова, связан с именем вьетнамского историографа До Тхиена и закончился не позднее 1140 г., были написаны разделы, касающиеся правления императоров Ли Тхань-тонга, Ли Нян-тонга и Ли Тхан-тонга. Не подлежит сомнению, что их автор был очевидцем многих из описанных им событий, а по более ранним располагал весьма подробной и разнообразной информацией, взятой, по-видимому, из погодных записей. Свою работу он, скорее всего, довел до конца правления императора Ли Тхан-тонга (1128—1137). Об этом свидетельствует чрезвычайно большой объем информации по этому и концу предыдущего периода, который можно восстановить, обратившись к тексту ТТ. Наконец, последний вклад в формирование летописи внес анонимный автор, живший в конце правления династии Поздние Ли, описав события вплоть до 1210 гг., и древняя летопись обрела тот вид, в котором она попала, уже при Чанах, в руки Ле Ван Хыу и авторов ВШЛ (описание событий по крайней мере от династии Чиеу и до 1210 г.).

Перед авторами двух новых редакций государственной летописи, работавших независимо друг от друга, стояли близкие, но все-таки разные задачи. Обе хроники безусловно должны были доказать легитимность прихода к власти новой династии, но первая (ВШЛ) делала это с чисто родовых позиций, а вторая (Ле Ван Хыу) была призвана создать документ, выполненный в конфуцианском духе, для использования при подготовке кадров будущих государственных деятелей и чиновников. Очень похоже, что при подготовке нового варианта текста авторы ВШЛ преследовали примерно ту же цель, что и Ле Тунг, составивший в начале XVI в. «Общее рассуждение к всеобщему обозрению зер-

цала вьетской [истории]» (*Вьет зям тхонг кхао тонг луан*)²⁷: создать краткую историю страны, которую было бы не так обременительно изучать, как прежнюю полную летопись, и можно было бы сконцентрироваться на основополагающих проблемах, знание которых являлось обязательным для любого образованного человека. Отсюда и кардинальное сокращение информации по ранним периодам при более подробном освещении главного для того времени вопроса истории страны — вопроса перехода власти от династии Поздние Ли к династии Чан. При этом по форме новая хроника мало чем отличалась от прежней: описание ранних этапов в ней (до династии Динь) представляло собой сборник биографий отдельных правителей или губернаторов. Текст не был привязан к эрам правления китайских императоров, не был разделен на внешнюю и основную часть, не сопровождался какими-либо авторскими комментариями.

Что касается Ле Ван Хыу, то он, будучи очевидным сторонником династии Чан и занимая те же политические позиции, что и авторы ВШЛ, в то же время должен был, редактируя древнюю рукопись, решать совершенно другую задачу: создать подлинно конфуцианскую полную летопись, руководство к действию будущих поколений. В связи с этим ему пришлось существенно перестраивать хронику, взяв за образец китайские аналоги. Скорее всего, именно он полностью преобразовал раннюю часть, хронологически оформив с точностью до года (где это было можно и где это было нельзя) всю содержавшуюся в ней информацию. Именно он ввел параллельную датировку не только по местным, но и по китайским эрам правления, крепко привязав вьетнамскую историю к китайской. Именно он украсил летопись небольшим количеством нравоучительных комментариев, многие из которых сохранились в современном тексте ТТ. Ле Ван Хыу исходный текст безусловно сокращал, что мы уже ранее доказали, однако делал это значительно менее кардинально, чем автор ВШЛ, придерживаясь вполне понятных правил, которые он для себя выработал. Но его изменения в протографе были связаны не только с его сокращением. В текст были добавлены очевидные идеологически мотивированные интерполяции, призванные доказать древность вьетнамской государст-

венности и древность конфуцианских традиций, существовавших во Вьетнаме. Эти интерполяции особенно легко выявляются при сравнении вторых фрагментов в хрониках ВШЛ и ТТ (1046—1116 гг.). Также именно Ле Ван Хыу первым провел повторную сверку материалов хроники с китайскими источниками и сделал в связи с этим еще ряд добавлений и изменений, иногда ошибочных.

В протолетописи, попавшей в руки авторов обеих хроник, события 1211—1225 гг. описаны не были. Дописывали ли они ее самостоятельно или обращались к другим источникам, не ясно. В любом случае, что касается этой части, две хроники безусловно являются неродственными. Не исключено, что авторы обеих работ, также активно добавляли информацию и в предыдущий раздел (1157—1210). Об этом свидетельствует тот факт, что в соответствующих текстах обоих источников совпадающих, «общих» сообщений существенно меньше, чем в более ранних разделах. Впрочем, это все равно не дает оснований для сомнений в наличии общего первоисточника и для этого фрагмента.

В дальнейшем на каком-то этапе еще во Вьетнаме в ВШЛ были внесены последние изменения: очень похоже, что именно тогда погодные статьи 1046—1116 гг. по каким-то причинам были возвращены примерно к тому виду, в котором они были до кардинального сокращения в XIII в., к хронике был добавлен список императоров династии Чан, успевших к тому времени поправить, и список их эр правления. Потом предположительно в начале XV в. эта работа попала в руки Минов и надолго исчезла из поля зрения вьетнамской историографии.

Текст ВШЛ, оказавшийся у китайцев, скорее всего окончательно сформировался не ранее чем при правлении династии Хо (1400—1407). Об этом свидетельствуют наши наблюдения, сделанные в статьях ТТ и ВШЛ 984 и 1088 гг. В частности, в ТТ под 1088 г. сказано: «Учредили [должности] десяти главных каллиграфов-*хоатхызя* (火書家)», а в ВШЛ эта же должность названа *дайтхызя* (大書家). В статьях 984 г., наоборот, название башни Хоаван (火雲) правильно написано в ВШЛ, а в ТТ изменено на Дайван (大雲). Иероглиф 火 был запретным именем второго императора этой династии Хо Хан Тхыонга и повсеместно заме-

нялся в текстах на иероглиф 大. Так что окончательный текст обеих хроник не мог появиться в таком виде ранее, чем в 1401 г., когда Хо Хан Тхьонг стал императором.

«Исторические записки Дайвьета» Ле Ван Хыу минское завоевание успешно пережили, что лишний раз подтверждает их статус конфуцианского «учебника», существовавшего во многих экземплярах и поэтому более устойчивого в подобных ситуациях. В дальнейшем именно это произведение легло в основу всех поздних вьетнамских летописей, включая ТТ, где и сохранилось в виде существенной части текста (это показало сравнение ВШЛ с ТТ) и отдельных комментариев ее автора Ле Ван Хыу²⁸.

Принцип выявления наиболее древних пластов текста в двух источниках вполне очевиден. Это, в первую очередь, синхронные фрагменты двух текстов, совпадающие хотя бы тематически. Среди несовпадающей информации к таковым следует отнести большинство сообщений на «второстепенные» темы — «знамения», природные явления, ежегодно повторяющиеся действия монархов и т. п., поскольку при сокращении исходного варианта они становились первой мишенью этого процесса, а при наличии лишь одного общего основного протографа механизм поиска и позднего внедрения в текст информации такого рода трудно себе представить. Именно эти две совокупности сведений заслуживают наибольшего доверия, насколько это вообще возможно для сведений из средневековых хроник. «Новые» (т. е. имеющиеся лишь в одном из двух источников) данные по принципиальным проблемам заведомо подлежат серьезному дополнительному анализу и изучению, поскольку в большинстве своем являются поздними интерполяциями в прототекст, зачастую сделанными с вполне понятными и конкретными целями.

Примечания

¹ Đại Việt sử ký toàn thư (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Ксилограф SA.PD 2310 на ханвьете (хранится в библиотеке Азиатского общества в Париже).

² Краткая история Вьета (*Вьет шы лыок*) / пер. с вэньяня, вступит. ст. и коммент. А.Б. Полякова. М., 1980. С. 9—100.

³ Отражение истории Вьета, основа и частности, составленное по повелению императора / подг. текста, введ., коммент., примеч. и указ. П.В. Познера. М., 2004. С. 20—25.

⁴ Тезис о включении «Анналов династии Чиеу» в состав произведения Сыма Цяня весьма сомнителен. Если подобные записи и были захвачены в 111 г. до н.э., то их немедленно бы уничтожили, как «вражеские письма» (*вэй шу*): при династии Хань вести погодные записи имел право только император. Анализ же сохранившейся информации о династии Чиеу, как во вьетнамских, так и в китайских источниках не позволяет выявить в ней никаких данных, которых не могли бы включать донесения ханьских послов, посещавших Намвьет, либо послания намвьетских правителей ханьскому двору. Да и не принята было у китайских историографов учитывать в своих работах данные чужой летописной традиции, даже если они с ней и были знакомы (см., например, соответствующие разделы о Вьетнаме в *Сун ши*, *Юань ши* и *Мин ши*).

⁵ Познер П.В. Древний Вьетнам. Проблемы летописания. М., 1980. С. 130—137.

⁶ Подробнее об этом см.: Никитин А.В. «Дай Вьет шы лыок» в книжных собраниях и книжных сериях Китая (хранение, копирование, редактирование и издания) // Традиционный Вьетнам. Сборник статей. Вып. I. М., 1993. С. 28—58.

⁷ Краткая история Вьета (*Вьет шы лыок*) / пер. с вэньяня, вступит. ст. и коммент. А.Б. Полякова. М., 1980. С. 9.

⁸ Там же. С. 38—46. На наш взгляд, эти аргументы не являются убедительными, поскольку не учитывают истории существования самой работы Ли Тэ Суена в более позднее время. В отличие от ВШЛ, исчезнувшей на некоторое время в Китае и там же законсервировавшейся, *Вьет диен у линь* многократно редактировалась, переписывалась и издавалась в более поздние годы, когда и могли быть внесены соответствующие изменения, т. е. возврат в текст запретного иероглифа ли, «совершенствование» и усложнение легенд в свете требований текущей политической ситуации. Что же касается табуированных имен, то их список в течение правления одной и той же династии мог только увеличиваться, но не сокращаться, иначе это было бы актом вопиющего неуважения к прямым предкам императора, в данном случае к Чан Ли (?—1210) — родному деду императора Чан Тхай-тонга, посмертно получив-

шему титул императора Нгуен-то. Таким образом, сохранившийся вариант ВДУЛ не мог быть воспроизведен ранее 1400 г.

⁹ По мнению А.Б. Полякова, описания событий в хронике Ле Ван Хыу доведены до 1224 г. потому, что историографам династии Чан не позволили излагать информацию о событиях конца правления династии Поздние Ли, поскольку при этом нельзя было избежать описания явной узурпации власти династией Чан (Краткая история Вьета (*Вьет шы лыок*). Пер. с вэньяня, вступит. ст. и коммент. А.Б. Полякова. М., 1980. С. 49—50). На наш взгляд, это не совсем так. Причина состоит в том, что переход власти от одной династии к другой произошел именно в 1225 г., пусть даже в самом конце, поэтому и относить этот год по конфуцианской доктрине было необходимо к правлению «более добродетельной» династии, которой для Ле Ван Хыу естественно была его родная династия Чан. А излагать неприятные факты все равно пришлось бы где-нибудь в другом месте, и, как показывают прочие разделы летописи, вьетнамские историографы вполне справлялись и с более сложными случаями.

¹⁰ *Lê Tắc. An-nam chí lược (Ле Так. Краткое описание Аннама).* Нуэ, 1961.

¹¹ *Леонов К.Ю. О факте существования древнейшей вьетской летописи на основании китайских династийных хроник и средневековых вьетских летописей // История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии. Т. 2. М., 1986. С. 265—271.*

¹² Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). Т. 1. Пер. с ханвьета К.Ю. Леонова и А.В. Никитина при участии В.И. Антощенко, М.Ю. Ульянова, А.Л. Федорина. М., 2002; т. 2. Пер. с ханвьета, коммент., предисл. и прилож. К.Ю. Леонова, А.В. Никитина и А.Л. Федорина. М., 2010; т. 3. Пер. с ханвьета и комм. К.Ю. Леонова и А.Л. Федорина при участии М.Ю. Ульянова. Предисл., вступ. статья и прилож. А.Л. Федорина. М., 2012 (в дальнейшем — «Перевод ТТ»).

¹³ Перевод ТТ, т. 2. С. 237, примеч. 84; 239, примеч. 101; 243—244, примеч. 122; 244, примеч. 123 и 125; 246—247, примеч. 149; 249, примеч. 1; 249—250, примеч. 2; 253—254, примеч. 27; 256, примеч. 36 и 40; 257, примеч. 49; 257—258, примеч. 54; 258, примеч. 55 и 60; 259, примеч. 63; 281—282, примеч. 174; 282, примеч. 177 и 179, и пр.

¹⁴ Перевод ТТ, т. 2. С. 217—218, примеч. 15; 239, примеч. 98.

¹⁵ Перевод ТТ, т. 2. С. 283, примеч. 185.

¹⁶ Подробно о структуре ТТ см.: *Федорин А.Л. Новые данные о вьетнамском летописании. М., 2008. С. 48—55.*

¹⁷ Перевод ТТ, т. 2. С. 334, примеч. 270.

¹⁸ Краткая история Вьета (*Вьет шы лыок*). Пер. с вэньяня, вступит. ст. и коммент. А.Б. Полякова. М., 1980. С. 244, примеч. 63.

¹⁹ См., например: *Федорин А.Л. Новые данные о вьетнамском летописании. М., 2008. С. 93—97.*

²⁰ 脫脫. 宋史 (*Токто. История династии Сун*). Т. 1—40. Пекин, 1977. С. 114.

²¹ Перевод ТТ, т. 3. С. 289—290, примеч. 197—199.

²² Перевод ТТ, т. 3. С. 286, примеч. 166.

²³ Возвращение превосходства текста ТТ над текстом ВШЛ происходит уже в статье 1116 г., однако оно связано с явно поздней интерполяцией большого фрагмента, посвященного перевоплощению монаха Ты Дао Ханя (других сведений в ТТ под этим годом нет). По количеству сообщений и в этой статье ВШЛ по-прежнему впереди, что и обусловило наше решение отнести ее ко второй, а не к третьей части древней хроники.

²⁴ Подробнее об этом см.: *Федорин А.Л. Еще раз о проблеме династий Первые и Вторые Поздние Ли (1010—1225) — Губеровские чтения. Выпуск I. Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность. М., 2009. С. 83—99.*

²⁵ Перевод ТТ, т. 2. С. 260—262, примеч. 71.

²⁶ 脫脫. 宋史 (*Токто. История династии Сун*). Т. 1—40. Пекин, 1977. С. 14069.

²⁷ Перевод ТТ, т. 1. С. 84—108.

²⁸ Дальнейшую историю вьетнамского летописания см.: *Федорин А.Л. Новые данные о вьетнамском летописании. М., 2008.*

А.Б. Поляков

К ПРОБЛЕМЕ НАЧАЛА РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОНФУЦИАНСТВА В ДАЙВЬЕТЕ

Проблема, исследуемая в данной статье, представляется весьма важной. Она касается выбора направления политического и духовного пути развития вьетнамского общества в период правления первой национальной независимой долговременной династии Первых Поздних Ли (1009—1127).

В Зяотяу¹ в период Северной зависимости китайская администрация старалась распространять конфуцианскую идеологию. Вьетнамский историк XIV в. Ле Так в летописи «Краткие записи об Аннаме» сообщил некоторую информацию по данной проблеме. Он пишет о том, что Чжао То при помощи экзаменов и норм поведения немного просветил народ². Следует отметить, что в этот период маловероятно проникновение конфуцианства во Вьетнам, так как династия Цинь (246—207 гг. до н. э.), полководцем и чиновником которой являлся Чжао То (провозгласивший себя впоследствии императором Намвьета), следовала идеям легизма и жестоко боролась с конфуцианством, осуществляя политику «жечь книги, предавать земле конфуцианцев». Можно предположить, что со времен Чжао То в Зяотяу получила распространение только китайская грамота. Далее Ле Так пишет, что в период правления династии Западная Хань (206 г. до н.э. — 8 г. н.э.) китайские администраторы создавали учебные заведения и обучали народ следовать добродетели³. Весьма вероятно,

что именно с этого времени конфуцианство проникло во Вьетнам. Впоследствии некоторые уроженцы Зяотяу, добившиеся больших успехов в учебе, становились чиновниками довольно высокого ранга. Кхыонг Конг Фу, также уроженец Зяотяу, служил чиновником при дворе династии Тан (618—907). По-видимому, при Танах в Зяотяу создавались учебные заведения и строились храмы Конфуция, хотя конкретных сведений об этом не имеется. Ле Так также писал о проведении конкурсных экзаменов в период правления Ли. К концу IX в. династия Тан пришла в упадок. В 880 г. китайская администрация и войска этой династии покинули Зяотяу.

С 880 по 1009 г., первый год правления династии Первые Поздние Ли, прошло 130 лет — период жизни нескольких поколений. За это время конфуцианские чиновники династии Тан, имевшие вьетнамские или китайские корни, давно скончались. Большая часть конфуцианских письменных памятников пропала, новых поступлений из Китая не было. Вместе с тем бережно сохранялись, переписывались и доставлялись из Китая буддийские каноны, которые были написаны на вэньяне.

С 880 по 968 г. реальной властью на местах обладала местная знать, имевшая свои довольно многочисленные дружины. Все они боролись между собой за расширение территории своих владений и за центральную власть. Все они, так же как и правители первых кратковременных независимых династий Кхук (905—923) и Нго (938—965), не нуждались в сложном бюрократическом конфуцианском аппарате управления. Буддийские монахи в тот период еще не принимали участия в управлении.

При династиях Динь (968—980) и Ранние Ле (980—1009) буддийские монахи начинают служить чиновниками и даже советниками императоров, оказывавшими заметное влияние на принятие политических решений, а также участвовать в дипломатических сношениях с династией Сун (960—1279), т. к. знали китайскую грамоту, на которой были написаны буддийские каноны. В конце X—XI в. буддийская сангха занимала господствующее положение в государстве. Вьетнамский историк XIII в. Ле Ван Хыу, автор *Исторических записок Дайвьета*, сообщал, что к тому времени, когда скончался император Ле Дай-хань

(1005 г.) «...не было подданных-конфуцианцев, которые помогли бы и объяснили правила, по которым даются посмертные имена»⁴. Эта фраза свидетельствует о том, что к 1009 г., времени прихода к власти династии Первых Поздних Ли, в государственном аппарате фактически не было чиновников-конфуцианцев. Далее Ле Ван Хыу писал: «Прошло всего два года как Ли Тхай-то, основатель династии Первые Поздние Ли, взшел на престол, а храмы предков еще не построены, алтари божества Земли и Злаков еще не поставлены, а в области Тхиендык построены восемь [буддийских храмов], к тому же в провинциях восстановлены храмы и монастыри. В столице более тысячи человек пострижены в монахи... Больше половины народа монахи, в стране, куда ни кинь, всюду храмы»⁵.

Согласно историческим источникам, в XI—XII вв., так же как и в последней четверти X в., буддизм занимал господствующее положение. Среди людей, знающих грамоту, буддийские монахи составляли подавляющее большинство. Они по-прежнему занимали чиновничьи должности при дворе, принимали участие в решении государственных проблем. Значительную роль они сыграли и в скрытой смене династий в 1127 году.

Центрами распространения грамоты были храмы, дети аристократов, чиновников и буддийских монахов проходили в них обучение. Процесс совершенствования государственного аппарата осуществлялся путем увеличения числа чиновников, подготовленных в храмах. Это также позволяло буддийской сангхе пользоваться большим влиянием при дворе.

Между тем вьетнамский историограф XV в. Нго Ши Лиен, подданный династии Ле (1428—1527), первым написал в летописном своде «Полное собрание исторических записок Дайвьета» об установлении конфуцианских институтов во второй половине XI в. в столице Дайвьета Тханглонге. Под 1070 г. он сообщает: «Построили Ванмиеу, изваяли статуи Конфуция, Чжоу-гуна и четырех канонизированных [последователей], нарисовали портреты семидесяти двух учеников [Конфуция]. В четыре сезона совершали жертвоприношения. Наследный принц обучался там»⁶. Под 1075 г.: «Издан указ отобрать знатков канона и устроить конкурсы конфуцианского учения по

трем государственным экзаменам»⁷. Под 1076 г.: «Отобрали гражданских чиновников, знающих грамоту, и отправили в Школу сынов отечества»⁸. Под 1077 г.: «...устроили экзамены для чиновников по письму, счету и уголовным законам»⁹. Под 1086 г.: «устроили экзамены для образованных людей в Поднебесной, направили чиновниками в Академию»¹⁰.

Большинство исследователей единодушны в том, что конфуцианство начало занимать господствующие позиции в политической и идеологической жизни Дайвьета в период правления династии Чан (1226—1400). В период правления династии Поздние Ле оно достигло вершин своего расцвета, став государственной идеологией и отодвинув буддизм на второстепенные позиции. А что касается периода правления обеих династий Ли, то все признают абсолютное господство буддизма.

Возникает проблема — почему при таком полном единодушии по времени начала распространения конфуцианства в Дайвьете и господстве буддизма в правление династий Ли, большинство вьетнамских и иностранных исследователей в своих сочинениях признают как нечто само собой разумеющееся и не требующее доказательств ремонт (строительство) так называемого «Литературного» храма (Văn miếu) в 1070 г., проведение конфуцианских конкурсных экзаменов в 1075 г., создание в 1076 г. конфуцианского учебного заведения Школы сынов отечества (Quốc tử giám), а несколькими годами позднее — Академии (Hàn lâm viện).

Летописный свод Нго Ши Лиена является настолько авторитетным, что никто не задумался, почему он первый и единственный, кто сообщил о столь стремительном развитии конфуцианства в Дайвьете во второй половине XI в. А другие «многочисленные исторические источники» сообщают о том же, но только после него и со ссылками на его летописный свод, или без ссылок, как о чем-то само собой разумеющемся. Ранние летописи, дошедшие до нашего времени, такие, как «Краткая история [Великого] Вьета», комментарии Ле Ван Хыу, которые содержатся в летописном своде Нго Ши Лиена, «Краткие записки об Аннаме» Ле Така, а также эпиграфические источники периода династий Ли ничего не сообщают о Ванмиеу, Школе сынов

отечества, Академии и конфуцианских конкурсных экзаменах во второй половине XI в. (за исключением Ле Така, написавшего о конфуцианских конкурсах, о чем будет сказано ниже).

Нго Ши Лиен создал свой летописный свод на основе летописи Ле Ван Хью «Исторические записки Дайвьета» (XIII в.) и летописи Фан Фу Тиена, продолжившего произведение последнего (XV в.). Обе эти летописи не дошли до нашего времени — после использования их Нго Ши Лиеном они исчезли. Отношение Нго Ши Лиена к своим источникам ясно из предисловия, которое он предпослал летописному своду «Полное собрание исторических записок Дайвьета»: «Если какие-либо события были забыты или пропущены, то их [необходимо] добавить, если обычаи неприличны, то их необходимо отвергнуть, если в сочинении имеются места, не написанные надлежащим образом, то их надо изменить, если встречаются порой добрые и злые деяния, от которых можно отучить, то нужно высказать свое мнение, опустив все грубости»¹¹. Стоит ли удивляться, что конфуцианец Нго Ши Лиен мог восполнить «пробел» в истории развития конфуцианства в Дайвьете, перенеся конфуцианские институты династий Чан и Поздние Ле в период правления династий Ли.

Сразу оговоримся, что в исторической литературе принят неправильный по своему смыслу перевод названия храма Конфуция как «Литературный храм» — по-вьетнамски Ванмиеу, по-китайски Вэньмяо (文廟)¹². Для выяснения вопроса о том, когда и как в Китае появляется название храма Конфуция Вэньмяо (Ванмиеу), обратимся к китайскому энциклопедическому словарю *Цюань*. В статье *Вэньмяо* этот термин переводится как храм Конфуция (孔子廟), а не «Литературный храм». В этой же статье написано, что в 27 г. эры правления *Кай-юань* (739) династии Тан (618—907) Конфуцию был пожалован титул Вэнь Сюань-вана (文宣王, вьет. — Văn Tuyên vương), называли храм Конфуция (孔廟) храмом-мяо Вэнь Сюань-вана (Вэнь Сюань-ван мяо, 文宣王廟). Позднее, при династиях Юань (1280—1367) и Мин (1368—1644) общепризнанным стало название Вэньмяо (文廟), вьет. — Ванмиеу¹³. То есть получилось сокращенное название от Вэнь Сюань-ван мяо путем удаления двух средних иероглифов. Таким образом, получается, что во Вьетнаме термин

Ванмиеу (Вэньмяо) появляется на двести с лишним лет раньше, чем в Китае! Конечно же, этого произойти не могло. Уже одна эта подтасовка Нго Ши Лиена заставляет усомниться и в его сообщениях о создании других конфуцианских учреждений.

Другим веским доказательством поздней интерполяции сообщения Нго Ши Лиена в «Полном собрании исторических записок Дайвьета» о строительстве «Литературного храма» в 1070 г. является следующее. Одним из четырех канонизированных последователей Конфуция, статуи которых, согласно Нго Ши Лиену, были установлены в храме, является древнекитайский философ Мэн-цзы. Интересно отметить, что в пантеон Храма Конфуция в Китае его статуя была введена по инициативе китайского реформатора Ван Ань-ши (1021—1086), ставшего первым министром в 1070 г. Так как эта инициатива была отнюдь не первым его начинанием на высоком посту, получается, что вьетнамцы и в этом опередили китайцев, чего, конечно, не могло быть на самом деле¹⁴.

Вьетнамский ученый XIX в. Фан Хюи Тю в своем энциклопедическом труде «Описание установлений минувших династий» упоминает о том, что Школа сынов отечества и Академия были учреждены при династии Ли, однако то, как он описывает их, заставляет усомниться в их реальном существовании в тот период: «В начале дома Ли основали Школу сынов отечества, названия чиновничьих должностей не ясны»¹⁵. Фан Хюи Тю начинает описывать эти должности, только начиная с династии Чан. Что касается Ванмиеу, то Фан Хюи Тю нигде не пишет о его ремонте (строительстве) в XI в., очевидно зная о времени его появления в Китае (не ранее XIV в.). Все сведения о нем относятся к периоду правления династии Поздние Ле и в более поздний период.

Критически относился к сведениям о создании конфуцианских институтов в 70-х годов XI в. и вьетнамский историк XVIII в. Нго Тхи Ши. В хронике «Предварительные записки к историческим запискам Дайвьета» в комментарии по поводу строительства Ванмиеу в 1070 г. он написал следующее: «А тех, кто создавал интересные тексты, хорошо писал, не делая различия между конфуцианством и буддизмом, одинаково использовали. В старых книгах написано, что при [Ли] Тхань-тонге уст-

роили конкурс для образованных людей, но летописей тогда еще не было, а те, кто делал записи, не ясно, что использовали в виде источника, поэтому и написали, что конкурс был по конфуцианству, но достаточно ли этого для того, чтобы украсить процветающее правление?»¹⁶. То есть, он допускал возможность того, что эти конкурсы были придуманы, чтобы украсить, по конфуцианским понятиям, правление императора. Интересно отметить, что не только Ле Ван Хыу, но и сам автор создания этих конфуцианских институтов Нго Ши Лиен никак не комментируют казалось бы положительные, с их точки зрения, начинания Ли Тхань-тонга и Ли Нян-тонга. В этом случае создается впечатление, что все эти конфуцианские нововведения были вставлены в летописный свод «Полное собрание исторических записок Дайвьета» даже после самого Нго Ши Лиена.

Если верить сообщениям Нго Ши Лиена, то создается впечатление, что во второй половине XI в. в идеологической системе Дайвьета произошел коренной сдвиг от буддизма к конфуцианству. Центрами подготовки грамотных чиновников становятся якобы не буддийские храмы, а конфуцианские учреждения. Отсюда следовало бы ожидать резкого увеличения числа чиновников-конфуцианцев. Кроме того, динамизм создания таких учреждений предполагает и преобладание при императорском дворе высших сановников-конфуцианцев, добившихся резкого ослабления позиций сангхи в политической жизни общества. Современные вьетнамские историки, следуя традиции, по-прежнему считают, что создание конфуцианских институтов во второй половине XI в. в Тханглонге имело место. Вместе с тем они вынуждены признать, что в это время было очень мало чиновников-конфуцианцев при дворе и их позиции были незначительны. Так, в выпущенном в конце 2012 года первом томе «Истории Вьетнама» под общей редакцией профессора Фан Хюи Ле сказано: «Количество образованных людей при императорском дворе в действительности было совсем невелико. Можно сказать, что государство в период Ли начало придавать большое значение конфуцианству, однако ученые-конфуцианцы еще не играли важной роли при императорском дворе и в администрации всех уровней на местах»¹⁷.

В какой-то мере, впрочем, такой фигурой мог быть первый министр Ли Тхань-тонга Ли Дао Тхань (?—1081), однако лишь немногие исследователи считают его конфуцианцем (в частности, вьетнамский историк Чан Чонг Ким написал об этом в своей монографии «Конфуцианство»)¹⁸. В исторических источниках нет прямого указания на это, более того, в «Полном собрании исторических записок Дайвьета» Нго Ши Лиен критикует Ли Дао Тханя за то, что тот в храме поклонялся духу покойного Ли Тхань-тонга под видом поклонения Будде¹⁹. По конфуцианским нормам поклонение духу покойного императора могло осуществляться только в императорском храме самим императором, а ни в коем случае не его подданными.

Рассмотрим конкретные мероприятия, которые проводились четырьмя императорами династии Первые Поздние Ли в религиозно-идеологической сфере.

Правление Ли Тхай-то (1009—1028). Приход к власти его династии был предсказан буддийским монахом Ван Ханем, который был наставником монарха в храме Лукто. Получив такое воспитание, император стал твердым приверженцем этой религии и проводил политику, направленную на распространение буддизма в стране. Он строил храмы и ступы, отобрал «более тысячи жителей столицы, сделав их буддийскими и даосскими монахами»²⁰. Император собирал буддийские каноны. Он посылал в Китай послов за *Трипитакой*. В летописях сообщается о многих чудесных знамениях, происходивших в его правление. О монахе Ван Хане сказано, что он не умер, а перевоплотился, что соответствует буддийскому учению о перерождении-карме²¹. Сообщается о строительстве двух храмов и создании четырех статуй небесных правителей. Согласно буддизму Махаяны они вместе с 12 «причинами и следствиями» составляли то, от чего первично произошел буддизм. Прямые упоминания о Конфуции и конфуцианстве в текстах не встречаются. Длинный и пышный титул, данный чиновниками императору при его вступлении на престол, содержит некоторые элементы, характерные для конфуцианских понятий. Разные титулы в дальнейшем давались всем без исключения императорам династии Ли. Однако, несмотря на отдельные конфуцианские понятия, употребляемые в титулах,

сами титулы совершенно противоречат конфуцианским нормам. Уже Ле Ван Хыу в XIII в., а Нго Ши Лиен в XV в. в комментариях, содержащихся в летописном своде «Полное собрание исторических записок Дайвьета», критиковали систему титулатуры императоров династии Поздние Ли за чрезмерное количество иероглифов, доходившее до 50 и неправильное для конфуцианца, если не для человека китайской культуры вообще, употребление их отдельных элементов²². Подобные ошибки они объясняли незнанием императором и его чиновниками конфуцианских установлений и считали эти титулы «простым самовосхвалением». Для обоснования своей критики Нго Ши Лиен привел цитату из *Шу цзина*, где говорилось, что десять иероглифов в титуле императора уже и так слишком много. Титулы вьетнамской аристократии и названия чиновничьих должностей внешне напоминали китайские, однако в них вкладывалось другое содержание, и поэтому китайцам они были непонятны. Об этом писали китайские послы, посещавшие Дайвьет.

Правление Ли Тхай-тонга (1028—1054), второго императора династии Ли, было предсказано прорицателем²³. Он вслед за своим предшественником продолжал оказывать покровительство буддизму. Построил 150 буддийских и даосских монастырей²⁴. В летописях отмечаются находки буддийских реликвий и древних статуй Будды, тем самым подчеркивается древность буддизма во Вьетнаме. В «Краткой истории Вьета» в главе о Ли Тхай-тонге впервые упоминается о конфуцианстве: произошло чудо в храме, не только не имевшее отношения к конфуцианству, но и, как всякое чудо, чуждое его духу, а император «приказал чиновнику-конфуцианцу написать оду, чтобы отметить это необычайное событие»²⁵. Таким образом, на первое место ставится чудо, происшедшее в буддийском храме, а о чиновнике-конфуцианце упоминается вскользь, его значение принижается, да и само поручение было бы с негодованием отвергнуто истинным конфуцианцем. Ли Тхай-тонг устраивал моления о ниспослании потомства в буддийских храмах.

Третьему императору династии Первые Поздние Ли — Ли Тхань-тонгу (1054—1072) приписывается божественное происхождение. В летописях излагается легенда в буддийском духе о

непорочном зачатии, в результате которого родился Тхань-тонг²⁶. По всей стране продолжалось строительство пагод и ступ, в числе которых была впервые построена тридцатиярусная ступа (1057 г.). По приказу императора была воздвигнута пагода в Башоне, чтобы молиться в ней о ниспослании потомства²⁷. В императорском дворце устанавливаются статуи архатов, Брахмы, Будды Шакьямуни²⁸. При императорском дворе увлекались тямской музыкой, каноны которой переводил сам император. Следует отметить, что эта музыка отнюдь не соответствовала китайской конфуцианской ритуальной музыке. Приверженность императора к буддизму проявляется и в упоминавшемся в летописях начертании им самим огромного иероглифа «Будда».

В правление Ли Нян-тонга, четвертого императора династии (1072—1127), особое внимание уделяется отправлению буддийского культа. Так, после вступления монарха на престол, совершается обряд омовения статуи Будды, торжественный выход навстречу статуе, перевозившейся из храма Фапван в столицу, чтобы молиться о солнечном дне. Нян-тонг, как и его предшественники, направлял послов в Китай за буддийскими канонами (например, за *Трипитакой*). Столь частые случаи привоза этой религиозной литературы могут также свидетельствовать о том, что она использовалась и при обучении будущих монахов и чиновников.

Таким образом, буддизм по-прежнему выступает как господствующая религия. Наряду с ним продолжает существовать и традиционный во Вьетнаме культ предков.

Что касается комплектования корпуса чиновников грамотными людьми, то в «Краткой истории [Великого] Вьета» имеется интересное сообщение, помещенное под 1072 г.: «Издан указ отобрать монахов, которые дарили [императору] стихи, а также монахов и чиновников, знающих письменность и отдать их в ведение *тхызя*, чтобы возместить недостаток в должностных лицах»²⁹. Как это отмечалось выше, характерно то, что по данным «Полного собрания исторических записок Дайвьета» за два года до этого в 1070 г. был якобы построен храм Конфуция (Ванми-еу), а в 1075 г. были проведены конфуцианские экзамены. Следует еще раз отметить, что сведения обо всех этих конфуциан-

ских преобразованиях содержатся только в этом летописном своде и последующих источниках, а в «Краткой истории [Великого] Вьета» их нет.

Все императоры этой династии Ли были ревностными адептами буддийского учения, которое в условиях Дайвьета вобрало в себя также некоторые элементы индуизма и даосизма. Большое внимание при дворе уделялось гаданиям, предсказаниям, толкованиям различных предзнаменований. Даже сам Нго Ши Лиен вслед за Ле Ван Хыу критикует их за это в своих комментариях. Кстати, в тех же комментариях не дается никакой оценки казалось бы положительных конфуцианских начинаний императоров Ли Тхань-тонга и Ли Нян-тонга в 70-х годах XI в.

Какие исторические события могли бы благоприятствовать указанным выше конфуцианским преобразованиям? Вот основные события происходившие в эти годы: 1069 г. — большой поход войск Дайвьета на Тямпу под командованием самого императора; 1070 г. — военные операции против вождей горных племен; в том же году сильная засуха; в 1071 г. тяжело заболел император Ли Тхань-тонг; в первой луне 1072 г. император скончался, на престол взошел Ли Нян-тонг; 1073 г. — дворцовые заговоры; 1075—1077 гг. — война с Сунами, потребовавшая напряжения всех сил Дайвьета. Как видим, период с 1069 по 1077 г. отнюдь не благоприятствовал созданию конфуцианских заведений.

Рассмотрим проблему конфуцианских конкурсных экзаменов в период правления обеих династий Ли. Ле Так в «Кратких записках об Аннаме» писал: «К правлению Сунов Аннам стал государством, дом Ли установил правила конкурсных экзаменов раз в 3 года, установили [степени] *чангнгуен*, *бангнян*, *тхамхоаланг*, сделав это классическим образом»³⁰. Таким образом, Ле Так утверждает, что конкурсные экзамены в период Ли были конфуцианскими. Это абсолютно неправильно. Согласно летописям, эти экзамены в период династий Ли были экзаменами трех религий. Чисто конфуцианские экзамены начинаются с династии Чан. Согласно тому же Нго Ши Лиену, присвоение степеней *чангнгуен*, *бангнян* и *тхамхоаланг* также начинаются с этого времени. То, что экзамены проводились раз в три года,

также неверно. Ле Так, подданный династии Чан, перенес систему конкурсных экзаменов, проводившихся в правление династии Чан, на время правления династий Ли. Это напоминает то, как Нго Ши Лиен, подданный династии Ле, перенес создание конфуцианских институтов, существовавших при династии Ле, на период правления династии Первых Поздних Ли.

В «Полном собрании исторических записок Великого Вьета» Нго Ши Лиен упоминает только о пяти конкурсных экзаменах в период правления обеих династий Ли. Они проводились в 1086, 1152, 1165, 1185 и в 1193 гг. Согласно изданной в 2006 году в Ханое книге «Вьетнамские лауреаты конкурсных экзаменов 1075—1919», за весь период правления династий Ли в исторических источниках упоминаются только 11 лауреатов³¹. То есть 11 лауреатов за 150 лет, прошедших после создания Школы сынов отечества и якобы начала проведения конкурсных экзаменов! Эти сведения заставляют сомневаться во всей системе проведения конкурсных конфуцианских экзаменов при Ли. Обращает на себя внимание, что на период так называемых «конфуцианских преобразований» приходится только два первых лауреата — Ле Ван Тхинь и Мак Хиен Тить. Остальные девять участвовали в экзаменах, проводившихся в правление Ли Као-тонга (1176—1210) и Ли Хюэ-тонга (1211—1225), т. е. после 1176 г. Вызывает серьезное сомнение, являлся ли конфуцианцем предполагаемый первый лауреат предполагаемого конкурса 1075 г. Ле Ван Тхинь. В 1096 г. (по данным самого Нго Ши Лиена) он хотел устроить государственный переворот и убить императора; характерно, что для этого он при помощи магии якобы превратился в тигра³². Поистине, довольно необычный конфуцианец, который не только не соблюдал долг подданного по отношению к императору, но и столь «эффективно» прибегал к магии, всегда порицавшейся конфуцианцами. Со вторым известным нам «лауреатом конкурса» Мак Хиен Титем также получается неувязка. Согласно летописному своду Нго Ши Лиена, этот лауреат принимал участие в конкурсах 1086 г. и был направлен в Академию, в то время как «Краткая история [Великого] Вьета» сообщает о нем следующее: «В то время *вуа*³³ был молод, [Мак] Хиен Тить сошелся с вдовствующей императрицей. Поэтому все боялись его».

И далее сообщается, что после смерти вдовствующей императрицы он был отправлен в ссылку³⁴. Указанная летопись не упоминает об участии Мак Хиен Титя в экзаменах, более того, она сообщает о его прелюбодеянии с вдовствующей императрицей, что по конфуцианским понятиям вообще является кощунством и должно сурово наказываться. И еще обращает на себя внимание одно обстоятельство: «Краткая история [Великого] Вьета» относит события, связанные с Мак Хиен Титем, к 1189 г., т. е. через сто лет после даты сообщения о нем Нго Ши Лиена. Следует отметить, что до сих пор никто не обратил внимания на эти противоречивые данные источников.

Между тем в «Краткой истории [Великого] Вьета» также имеются очень интересные сообщения о проведении конкурсных экзаменов в период правления династии Вторые Поздние Ли. Под 1179 годом сообщается: «*вуа* вместе с вдовствующей императрицей наблюдал, как детей буддийских монахов и чиновников [!] экзаменовали в знании наизусть *Праджны парамиты*, а также высочайше посетил дворец *Фыонгминь*, где проводились экзамены *хоангнамов* по написанию стихов древних поэтов и счету. В начале зимы, в десятой луне, [*вуа* и вдовствующая императрица] высочайше посетили дворец *Шунгтыонг*, где проводились экзамены детей конфуцианцев, даосов и буддистов по написанию древних стихов, а также по написанию од, стихов, толкованию классических книг, счету и другим предметам»³⁵. Из этого отрывка летописи явствует следующее: в это время проводились отдельные буддийские экзамены, в которых участвовали не только дети буддийских монахов, но и чиновников; проводились экзамены детей представителей трех религий, а не просто конкурсные конфуцианские экзамены, проводились отдельные экзамены *хоангнамов*, т. е. для свободных крестьян-общинников (даже не для их детей), что предполагало не только наличие грамотных людей в этой среде, но и возможность их перехода в другое, высшее сословие чиновников. Обращает на себя внимание, что все экзамены проводились в тех или иных дворцах, а не в Ванмиеу, или Школе сынов отечества, что было бы естественным. Это может лишний раз свидетельствовать об их отсутствии.

Сведения летописей о господствующем положении буддизма в стране подтверждаются материальными памятниками культуры. В книге «Искусство Ли-Чан — искусство буддизма»³⁶ показано, что подавляющее большинство описываемых памятников архитектуры, скульптуры и живописи этого периода непосредственно связаны с буддизмом. Конфуцианство в этот период не получило широкого распространения. Только небольшое число чиновников восприняло конфуцианство в XII в., но и они еще не обладали глубокими познаниями в этом учении.

По поводу проблемы храма Конфуция имеются сведения как в «Краткой истории [Великого] Вьета», так и в «Полном собрании исторических записок Дайвьета». Обе эти летописи сообщают под 1156 г.: «Построили храм Конфуция». «Краткая история [Великого] Вьета» сообщает о храме Конфуция впервые (храм в этой летописи обозначен другим иероглифом, соответственно 孔子廟 и 孔子祠). Под 1171 г. обе летописи сообщают о ремонте храма Вантуен-*выонга*, т. е. Конфуция. При этом в своде Нго Ши Лиена написан иероглиф 脩, а в «Краткой истории [Великого] Вьета» его синоним — 修. Оба эти иероглифа имеют первое значение «исправлять», «ремонттировать», однако они имеют также и значение «строить», «возводить», «сооружать». Обращает на себя внимание, что в данном случае и в ранней летописи «Краткой истории [Великого] Вьета» написано о ремонте храма Вантуен-*выонга*. Эти сообщения обеих летописей не вызывают сомнений, так как название храма Конфуция — Ван Туен выонг миеу, в отличие от более позднего сокращения Ванмиеу, существовало, как это было отмечено выше, со времен династии Тан. А упоминавшееся выше проведение в 1179 г. целой серии экзаменов во дворцах, а не в этом храме свидетельствует о том, что это был просто храм поклонения Конфуцию, а не учебное конфуцианское заведение. В этой связи выглядит ложным сообщение Нго Ши Лиена о строительстве в 1070 г. Ванмиеу и обучения в нем наследного принца.

Представляет также интерес следующее сообщение летописного свода Нго Ши Лиена, помещенное под 1253 г., описывающее уже правление династии Чан: «В шестой луне основали Государственную высшую школу, установили статуи Конфуция,

Чжоу-гуна и Мэн-цзы, нарисовали картины 72 [наиболее способных] учеников»³⁷. Как видим, пантеон этой школы очень похож на пантеон Ванмиеу 1070 г.

Рассмотрим некоторые положения доклада профессора Нгуен Тай Тхы на первой международной конференции, посвященной проблеме конфуцианства во Вьетнаме «Вьетнамское конфуцианство в начале периода независимости и время основания Ванмиеу в Тханглонге» (2004 г.). Профессор пишет: «В период правления Нго, Динь, Ранних Ле и начала правления Ли буддизм был по-прежнему более сильным нежели конфуцианство, более того, количество ученых-конфуцианцев в этот период было невелико, поэтому были трудности с условиями основания Ванмиеу во Вьетнаме, это могло произойти только в период Северной зависимости»³⁸. Т.е. он хочет сказать, что, в силу отсутствия грамотных конфуцианцев, в 1070 г. он мог быть только отремонтирован, а построен значительно раньше. Он приводит в доказательство иероглиф? (tu, «отремонтировать»), который Нго Ши Лиен использует в своем летописном своде. Но этот иероглиф, как отмечалось выше, также имеет значение «строить» (сооружать, создавать, основывать, учреждать)³⁹. Кстати, переводчики летописного свода на современный вьетнамский язык перевели этот иероглиф как «построили» (вьет. — làm). Однако, по моему мнению, Ванмиеу не был ни построен, ни отремонтирован в 1070 г. Я полностью согласен с мнением профессора Нгуен Тай Тхы. Более того, могу добавить, что если тогда не было соответствующих условий для создания храма Конфуция, то тем более их не было для основания Школы сынов отечества и Академии. Но я не согласен с термином «Ванмиеу», который относится к более позднему периоду. Сам профессор пишет о храме Конфуция в период правления династии Тан: «Тан Тхай-тонг не только приказал построить храм Конфуция (Khổng miếu) в столичном Высшем учебном заведении (nhà Thái học) для поклонения Совершенномудрому Конфуцию и учителю Нян Хою, но и приказал также всем учебным заведениям во всех провинциях и уездах построить храмы Конфуция»⁴⁰. Т.е. сначала учебные заведения, а потом храмы Конфуция при них, а у Нго Ши Лиена наоборот.

Обращает на себя внимание, что название доклада Нгуен Тай Тхы «Вьетнамское конфуцианство в начале периода независимости и время основания Ванмиеу в Тханглонге» весьма напоминает заголовок статьи автора, опубликованной в Вестнике Ханойского университета № 3 за 1988 г., «К проблеме времени основания Ванмиеу в Тханглонге и начале распространения конфуцианства во Вьетнаме». Как отмечалось выше, эта статья была переведена на английский и французский языки и издана в г. Ханое в специальном номере журнала «Вьетнамские исследования» в 1991 г. В этой статье я обосновал гипотезу о том, что Ванмиеу был построен значительно позднее, чем это было принято считать. Остается выразить сожаление, что профессор Нгуен Тай Тхы не ссылается на мою статью и не приводит опровержений моих доводов.

С учетом вышеизложенного можно выдвинуть две гипотезы, объясняющие появление в летописном своде Нго Ши Лиена сведений о создании конфуцианских учреждений и проведении конкурсов в 1070—1077 гг.

Первая гипотеза. Строительство Храма Конфуция (Ванмиеу), проведение экзаменов и основание конфуцианского «колледжа», Школы сынов отечества, и Академии в этот период — вымысел. Конфуцианец Нго Ши Лиен и его предшественники могли отнести эти события к более раннему времени, чем это было на самом деле. Основанием для этой фальсификации могло послужить стремление доказать, что Вьетнам с самого начала своего возрождения был цивилизованным по конфуцианским понятиям государством. Попытки вьетнамских конфуцианцев отодвинуть реальные исторические события или мифы в глубь веков ясно отражаются в ряде исторических источников. Так, например, обращает на себя внимание фантастическая датировка появления династии Хунг-вьонгов (2879 г. до н.э.), которая якобы правила (при восемнадцати правителях) до 258 г. до н.э. Данная датировка содержится в том же своде Нго Ши Лиена. Для сравнения заметим, что в «Краткой истории [Великого] Вьета», более ранней и, вследствие этого более достоверной, дается менее фантастическая дата возникновения династии Хунг-вьонгов — VII в. до н.э., что примерно соответствует вре-

мени существования донгшонской культуры. То, что «Краткая история [Великого] Вьета» не упоминает вообще о конфуцианских начинаниях 1070—1077 гг., по-видимому, не случайно.

Вторая гипотеза. В правление Ли Тхань-тонга — Ли Нян-тонга могло быть лишь номинально объявлено о строительстве храма в честь Конфуция (но не Ванмиеу), проведении конфуцианских конкурсных экзаменов и основании государственного училища и Академии. В этом случае императоры династий Ли в престижных целях формально скопировали современные им китайские институты, не наполняя их реальным содержанием. Обе эти гипотезы впервые были предложены автором данной работы в монографии «Краткая история [Великого] Вьета»⁴¹, исследование данного вопроса было продолжено в статье «К проблеме построения Литературного храма в Тханглонге и начала развития конфуцианства в Дайвьете»⁴², в монографии «Возрождение государства Дайвьет, X—XIV века», которая в 1996 г. была издана во Вьетнаме⁴³, а также в докладе на международной конференции, посвященной конфуцианству во Вьетнаме «Роль конфуцианства в Дайвьете в период правления Первых Поздних Ли»⁴⁴.

Представляется более вероятной первая гипотеза. Строительство храма Конфуция, проведение конкурсных экзаменов и основание Школы сынов отечества и Академии во второй половине XI в. не могли произойти на пустом месте. Для этого было необходимо наличие определенного количества чиновников-конфуцианцев и усиление их позиций при дворе. Однако, как свидетельствуют все вьетнамские и китайские исторические источники, этого не произошло. Все они критикуют буддийские порядки при дворе и пробуддийскую политику династии Ли, причем «Полное собрание исторических записок Дайвьета», как отмечалось выше, не составляет исключение. Сокращенный термин «Ванмиеу» использовался только в отношении столичного храма Конфуция в период правления династии Ле, начиная с XV в.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в правление династии Первые Поздние Ли, как, впрочем, и в правление Вторых Поздних Ли, конфуцианство не играло сколько-нибудь за-

метной роли при дворе и в управлении государством. Исторические события, происходившие во второй половине XI — начале XII в. также свидетельствуют об этом.

Конфуцианство только начинает развиваться во второй половине XII в. Именно в это время начали строиться храмы Конфуция, некоторые высшие должности при дворе стали занимать чиновники-конфуцианцы, такие, как То Хиен Тхань, Дам Зи Монг, появляется критика буддийского учения и поведения монахов, начинается борьба за власть при императорском дворе между адептами конфуцианства и буддизма. Конфуцианство в Дайвьете начинает широко распространяться лишь при династии Чан. Во второй половине XIII в. продолжает совершенствоваться и усложняться бюрократический аппарат, служивший для дальнейшей централизации вьетнамского феодального государства. Увеличивается количество чиновников, появляются новые ведомства и должности. Проведение конкурсных экзаменов превращается в систему. Они становятся основой для пополнения корпуса чиновников. К 60—70 годам XIII в. относятся упоминания в летописном своде «Полное собрание исторических записок Дайвьета» о направлении молодых конфуцианцев, хорошо знающих иероглифику, в государственные учреждения и ведомства, на службу во дворец, а тех, кто умел толковать классические каноны и преподавать конфуцианскую науку назначали на соответствующие должности в Школе сынов отечества. Нго Ши Лиен подчеркнул в своем летописном своде под 1267 г., что начиная с этого времени власть берут в свои руки грамотные люди⁴⁵. Здесь он несомненно имел в виду чиновников-конфуцианцев, т. е. сам Нго Ши Лиен признает, что конфуцианство реально начало занимать господствующее положение только в правление династии Чан, через двести лет после основания так называемого Ванмиеу, Школы сынов отечества и Академии в Тханглонге.

Как представляется, дальнейшее развитие социально-экономических отношений в Дайвьете вызывало соответствующие изменения и в надстройке вьетнамского общества, что в свою очередь выразилось в усложнении и совершенствовании государственного аппарата. Создание его на конфуцианской основе,

совершенно самостоятельно, было вызвано объективными причинами общественного развития того времени.

Отсутствие конфуцианских институтов или формальное объявление об их создании отнюдь не означало отсутствие культуры в Дайвьете. Наоборот, в стране процветала высокоразвитая буддийская культура, непрерывно развивавшаяся со времен Северной зависимости, после освобождения от которой Дайвьет пошел по своему, независимому пути развития. И только впоследствии, по мере развития и усложнения социально-экономических отношений, руководство страны добровольно, исходя из своих внутренних потребностей, восприняло конфуцианство.

Примечания

¹ *Зяотяу* — административная единица, соответствующая северной части современного Вьетнама, названная так китайцами в начале II века н.э. в период Северной зависимости.

² *Lê Tấn*. An Nam chí lược (Ле Так. Краткие записи об Аннаме). Hà Nội, 2002. С. 251.

³ Там же. С. 242.

⁴ *Đại Việt sử ký toàn thư* (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Т. 1. Hà Nội, 1998. С. 231.

⁵ Там же. С. 242.

⁶ Там же. С. 245.

⁷ Там же. С. 277.

⁸ Там же. С. 280.

⁹ Там же. С. 280.

¹⁰ Там же. С. 281.

¹¹ Там же. С. 100.

¹² В 1991 г. в Ханое был издан специальный выпуск периодического научного журнала «Вьетнамские исследования» на английском и французском языках — «Vietnamese Studies» и «Etude Vietnamienne». В этом выпуске храм Конфуция, Ванмиеу, переводится как «Temple of Literature» и «Le temple de la Littérature», т.е. «Литературный храм», а в скобках написано: Ванмиеу—Куоктыям. В этом же выпуске была опубликована моя статья, соответственно на английском и француз-

ском языках, «On the Date of Construction of Van Mieu (Temple of Literature) and the Beginnings of Confucianism in Vietnam». В названии и в тексте статьи вьетнамские редакторы рядом с названием Ванмиеу по своей инициативе давали его перевод как «Литературный храм».

¹³ 辭源 (*Этимология слов*). Т. 2. Пекин, 1980. С. 1362.

¹⁴ *Nguyễn Tôn Nhân*. Nho giáo Trung Quốc (Нгуен Тон Нян. Конфуцианство в Китае). TP Hồ Chí Minh, 2005. С. 828.

¹⁵ *Phan Huy Chú*. Lịch triều hiến chương loại chí (Фан Хюу Тю. Описание установлений минувших династий). Hà Nội, 1992. С. 560.

¹⁶ *Đại Việt sử ký tiền biên* (Предварительное повествование исторических записок Дайвьета). Hà Nội, 2004. С. 239.

¹⁷ *Lịch sử Việt Nam* (История Вьетнама). Т. 1. Hà Nội, 2012. С. 551.

¹⁸ *Trần Trọng Kim*. Nho giáo (Чан Чонг Ким. Конфуцианство). Sài Gòn, 1971. С. 370.

¹⁹ *Đại Việt sử ký toàn thư* (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Т. 1. Hà Nội, 1998. С. 289.

²⁰ Краткая история Вьета (Вьет шы лыок) / перевод с вэньяня, вступительная статья и комментарий А.Б. Полякова. М., 1980. С. 143.

²¹ Там же. С. 144.

²² *Đại Việt sử ký toàn thư* (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Т. 1. Hà Nội, 1998. С. 239.

²³ Краткая история Вьета (Вьет шы лыок). С. 146.

²⁴ Там же. С. 147.

²⁵ Там же. С. 150.

²⁶ Там же. С. 154.

²⁷ Там же. С. 158.

²⁸ Там же. С. 156.

²⁹ Там же. С. 164.

³⁰ *Lê Tấn*. An Nam chí lược (Ле Так. Краткие записи об Аннаме). Hà Nội, 2002. С. 251.

³¹ Các nhà khoa bảng Việt nam 1075—1919. Hà Nội 2006. С. 35—37.

³² *Đại Việt sử ký toàn thư* (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Т. 1. Hà Nội, 1998. С. 297.

³³ В летописи «Краткая история [Великого] Вьета» китайский редактор заменил иероглиф 皇帝 (император) на иероглиф 王 (правитель, князь, монарх; вьетн. — *вуа, вьонг*).

³⁴ Краткая история Вьета (Вьет шы лыок). С. 198—199.

³⁵ Краткая история Вьета (Вьет шы лыок). С. 195.

³⁶ *Chu Quang Trứ*. Mĩ thuật Lý Trần Mĩ thuật Phật giáo (Тю Куанг Чы. Искусство Ли-Чан — искусство буддизма). Hà Nội, 2001.

³⁷ Đại Việt sử ký toàn thư (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Т. 2. Hà Nội, 1998. С. 25.

³⁸ *Nguyễn Tài Thư*. Nho học Việt Nam đầu thời kỳ độc lập và thời điểm thành lập Văn miếu ở Thăng Long // Kỷ yếu Hội thảo quốc tế «Nho giáo ở Việt Nam» (Нгуен Тай Тхы. Конфуцианство во Вьетнаме в начале периода независимости и время создания Ванмиеу в Ханое // Тезисы международной конференции «Конфуцианство во Вьетнаме»). Hà Nội, 2006. С. 98.

³⁹ Там же. С. 97.

⁴⁰ Там же. С. 99.

⁴¹ Краткая история Вьета (Вьет шы лыок). С. 70, 72.

⁴² *Poliakov A.B.* Về vấn đề thời điểm xây dựng Văn miếu ở Thăng Long và khởi đầu sự phát triển Nho giáo ở Đại Việt (Поляков А.Б. К проблеме построения Литературного храма в Тханглонге и начале развития конфуцианства в Дайвьете). Tạp chí Khoa học. Hà Nội, 1988, № 3. С. 37—44.

⁴³ *Pôliacóp A.B.* Sự phục hưng của nước Đại Việt. Thế kỷ X—XIV (Поляков А.Б. Возрождение государства Дайвьет, X—XIV века). Hà Nội, 1996.

⁴⁴ *Polyakov Alexey*. Vai trò của Nho giáo ở Đại Việt thời Hậu Lý Sơ (1009—1127) // Hội thảo quốc tế «Nghiên cứu tư tưởng Nho gia Việt Nam» (Поляков Алексей. Роль конфуцианства в Дайвьете в период правления Первых Поздних Ли // Международная конференция Изучение конфуцианской идеологии во Вьетнаме (Международная конференция). Hà Nội. 2009. С. 689—704.

⁴⁵ Đại Việt sử ký toàn thư (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Т. 2. Hà Nội, 1998. С. 36.

А.Н. Хохлов

РОССИЙСКИЕ ДИПЛОМАТЫ О НЕЗАВИСИМОМ СТАТУСЕ ВЬЕТНАМА В 70—80-Х ГОДАХ XIX ВЕКА (по архивным и опубликованным данным)

О появлении заметного интереса россиян к Вьетнаму во второй половине XIX в. позволяют судить, например, записи в парижском дневнике Константина Адриановича Скачкова (1821—1883)¹, отправленного дипломатическим курьером в столицу Франции в 1857 г. после его возвращения в С.-Петербург из Пекина, где он находился в качестве светского члена при Российской духовной (православной) миссии с 1850 г.² Для характеристики писем приведем лишь пару дневниковых сообщений, где в записи от 3 января 1858 г. сказано о том, что при передаче письма Н.П. Боткину по случаю предстоящего отъезда последнего из Парижа К.А. Скачков получил от некоего Мамонтова в подарок книгу с описанием Кохинхины и Тонкина. 10 марта российский дипломат-китаист посетил «Коллеж де Франс» (College de France), где беседовал с руководителем этого учебного заведения Станиславом Жульеном и его коллегами-преподавателями, занимавшимися обучением студентов восточным языкам³. В период пребывания в Париже К.А. Скачков смог лично познакомиться со многими другими учеными, связанными с разработкой китайской тематики.

При повторном посещении Франции К.А. Скачков 19 октября 1867 г. выехал (с женой и детьми) из Марселя и, следуя морским путем в Китай, 23 ноября в 3 часа ночи прибыл в Сай-

гон, оставив этот порт лишь 25 ноября в указанное выше ночное время. Нетрудно предположить, что, несмотря на краткое пребывание во Вьетнаме, он как востоковед не мог не проявить интереса к этой малоизвестной стране.

Примером научного интереса в России к Вьетнаму и другим странам Юго-Восточной Азии может служить следующая запись в печатном экземпляре Журнала годового собрания членов Оренбургского отдела Российского Географического Общества от 13 января 1882 г.: «Выписаны на средства Общества... брошюра о Кохинхине и вид г. Сайгона»⁴.

Важным свидетельством растущего интереса россиян к Вьетнаму в последующие годы можно считать появление в 1877 г. в «Восточном сборнике», издаваемом российским внешнеполитическим ведомством, записок китайца Цай Тин-ланя об Аннаме, где он побывал проездом в г. Фучжоу (пров. Фуцзянь) в 1835 г. Русский перевод этих записок на китайском языке был выполнен членом Российской духовной миссии в Пекине иеромонахом Евлампием⁵.

Перевод китайского сочинения «Хай-нань цза-чжу» (с литературным для краткости названием «Записки китайца об Аннаме») был получен в Петербурге с донесением главы Российской духовной миссии архимандрита Палладия от 23 марта 1855 г. Высокую оценку этому труду, полученному в рукописи, дал ее первый рецензент известный китаевед В.П. Васильев (1818—1900), который в своем отзыве отметил: «Записки китайца, занесенного бурей в Аннамское государство (Кохинхину) — перевод о. Евлампия — содержат дорожник почти через все это государство до границ Китая сухим путем и оттуда через самый Китай до провинции Фуцзянь. Кроме того, в конце описания своего странствования китаец делает краткое обозрение истории этой страны, нравов жителей и состояния промышленности. Конечно, из этих кратких замечаний нельзя... извлечь подробного понятия о стране, но благодаря малому знакомству с Кохинхиной до новейшего времени, и этот дорожник есть уже немаловажное приобретение»⁶.

После возвращения из Пекина на родину Евлампий, как опытный переводчик, был направлен в Амурскую область для

миссионерской деятельности под руководством архимандрита Иннокентия Вениаминова (в миру Иван Евсеевич Попов, 1797—1879). О первых деловых контактах архимандрита Иннокентия с Евлампием, принимавшим в 1861 г. участие в работе русско-китайской комиссии по демаркации границы в Приморском крае, позволяет судить письмо архимандрита от 13 сентября 1861 г. из Хакодате к протоиерею Гавриилу Вениаминову⁷. Высокая оценка иеромонаха Евлампия как хорошего китаиста, на помощь которого особенно рассчитывал архимандрит Иннокентий в своих планах миссионерской деятельности на русском Дальнем Востоке и в Маньчжурии, дана в письме будущего церковного иерарха из Благовещенска от 2 мая 1864 г. на имя Н.Н. Муравьева⁸.

Ценный труд иеромонаха Евлампия «Записки китайца об Аннаме», вышедший в свет в 1877 г. в Петербурге (после смерти переводчика), был опубликован на французском языке в 1878 г. в Париже⁹.

Особого внимания исследователей истории Вьетнама и его внешних связей в 80-е годы XIX в., когда заметно активизировалась колониальная экспансия иностранных держав, заслуживают архивные материалы Российской дипломатической миссии в Пекине, ценность которых подтверждают приводимые ниже донесения российских дипломатов. Вот что сообщал, например, в С.-Петербурге Поверенный в делах А.И. Кояндер¹⁰ 14/26 февраля 1880 г.: «В 1874 г. был заключен между Францией и Аннамом трактат, второю статьею коего эта последняя страна признавалась вполне независимой от какой-либо иностранной державы, и Франция обещала помощь и покровительство во всех внутренних и внешних затруднениях аннамского правительства, [причем] в обмен на это последнее обязывалось сообразовывать свою внешнюю политику с желаниями Франции... Начиная с 3-го века до Р.Х. Аннам постоянно и [порой] вполне принадлежал Китаю и управлялся его чиновниками, или же состоял в вассальных отношениях, выражавшихся в [получении] инвеституры Пекинского двора для вьетнамских королей и аккуратной присылке последними дани в Пекин... Правительство богдохана ныне обратило внимание на дошедшие до него известия о намерении

Франции занять Вьетнам, и секретари Цзунлиямэня [Коллегии иностранных дел] передали драгоману французской миссии в Пекине записку, в коей заявлялось, что Китай считает Аннам своею територіею, а потому и не может оставаться вполне равнодушным к происходящему там»¹¹.

С другой стороны, небезынтересно и важное свидетельство, характеризующее политику Франции, которое приводит в своем донесении посланник в Пекине Е.К. Бюцов¹² 26 мая 1882 г.: «В апреле с.г. французский отряд, состоящий из нескольких рот пехоты, отправился из Сайгона морем к устью р. Сонкой (северная часть Аннама). Поднявшись по реке до г. Ханой, французы взяли его приступом и подчинили своему непосредственному управлению часть [этой] страны»¹³.

В плане выяснения реального характера «вассальной зависимости» Вьетнама от цинского Китая во второй половине XIX в. интересным представляется суждение, высказанное статским советником Карлом Вебером¹⁴ (будущим российским посланником в Корее) в его служебной записке от 6/18 сентября 1883 г., где было сказано: «В последнее время корейские и аннамские дела подали повод к обсуждению в печати, европейской и китайской, вопроса об отношениях Китая к окружающим его малым государствам. Наш Поверенный в делах [А.И. Кояндер] излагает по этому вопросу свои соображения, основанные на исторических данных и на установившихся ныне положениях международного права.

Отношения [цинского] Китая к мелким государствам, его окружающим, Аннаму, Корее, Бирме, Сиаму и прочим, объясняемые ныне китайскими сановниками в смысле верховного главенства [Китая], с одной стороны, и вассальности, с другой, сводились в сущности к номинальному покровительству, оказываемому Китаем поименованным [выше] мелким государствам, которые в свою очередь изъявляли ему одну лишь внешнюю почтительность. Покровительство Китая выражалось в признании им правителей этих государств [своими вассалами] и лишь иногда в материальной поддержке. Главенство [Китая] далее этого [фактически] не шло, и нередко случалось, что самому по-

кровителю приходилось жестоко терпеть от своих мнимых вассалов.

Отношения эти складывались веками. Они берут свое начало еще в цветущие времена средневековой китайской цивилизации, когда Китай имел неоспоримое обаяние среди [почти] диких народов, его окружавших. Превосходство [больше] осознавалось самим Китаем, который называл себя Срединною имперіею, разумея под этим то, что он занимает почти все пространство — в четырехугольной по его [традиционным древним] понятиям — земной поверхности, по краям которого кое-как разместились остальные варварские страны. Не далее как в прошлом столетии официальные описания Китая [включая своды законов и историко-географические труды — «дифан-чжи»] упоминали в числе прочих таких варварских стран, плативших дань Богдохану [императору], не только Аннам, Сиам и прочие [соседние государства], но и Англию, Францию и Россию. Воззрения эти не помешали, однако, [цинскому Китаю] в последние годы, когда произошли столкновения между мнимыми его вассалами с европейцами и когда [иностранные] державы попытались привлечь китайское правительство к ответственности за действия этих вассалов, открыто и официально заявить об их полной независимости во внешних сношениях и неимении над ними никакой власти. Такие заявления были сделаны [цинским] Китаем относительно Кореи французскому правительству в 1866 г. и Соединенным Штатам в 1871 г.; точно так же правительство богдохана устранило себя от вмешательства в отношения Бирмы и Великобритании в 1862 г., Аннама и Франции в 1874 г., Кореи и Японии в 1876 г.».

Как видно из последующего текста этого донесения (после некоторой редакторской правки и литографирования), в нем было сказано: «Все эти соображения приводят ст. сов. Вебера к заключению, что Корею и Аннам следует отнести к разряду государств, стоящих под покровительством, а не под властью другого [соседнего] государства, поэтому нельзя не признать их самостоятельности».

Не входя в рассмотрение вопроса о том, насколько такое признание входило бы в интересы собственно русской полити-

ки, наш Поверенный в делах выражает убеждение в том, что с постепенным развитием сношений иностранцев с покровительствуемыми [нынешним] Китаем государствами, их мнимая зависимость от Китая неизбежно исчезнет»¹⁵.

Для российского посланника в Пекине С.И. Попова¹⁶, внимательно следившего за развитием событий на Дальнем Востоке в 80-х годах XIX в., в связи с обострением франко-китайских отношений из-за Вьетнама, весьма характерно заявление в его письме от 8 ноября 1883 г. к Д.Г. Анучину, генерал-губернатору Восточной Сибири, о том, что «аннамский вопрос вступил в критический фазис и даже грозит разрешиться войной»¹⁷.

Примечательно, что к этому письму была приложена копия сообщения Цзунлиамэня, переданного Российской дипломатической миссии в Пекине 4 ноября 1863 г., с разъяснением позиции цинского правительства. В этом документе, датированном 17 числом 10 луны 9-го года правления Гуан-сюй, говорилось: «Всеми миру известно, что Аннам представляет собою вассальное владение Китая, что в течение более 200 лет оно получало от него инвестиру и неукоснительно доставляло дань своему сюзерену — цинскому двору. В годы правления Тун-чжи и Гуан-сюй (в 1862—1875 и с 1875 г. по настоящее время) ввиду беспорядков, производимых в северных пределах Аннама местными разбойниками, аннамское правительство просило Китай [прислать] войско для истребления негодяев. Тогда китайское правительство направило туда свои войска, которые в местности Бэй-цзи (Тонкин) разновременно разгромили разбойничьи шайки... Более десятилетия военные действия, стоившие Китаю десятки млн [лян], были ведены им для охранения Аннама как вассального владения, и это также известно всему миру. Несмотря на это, Франция без всякого повода затеяла войну и заняла Ханой и Нам-дин, лежащие в провинции Бэй-цзи. Китай ввиду общих торговых интересов не хотел легкомысленно нарушать согласие с Францией. Но кто же мог предположить, что ее агрессивной политике не будет конца!»¹⁸.

Для понимания франко-китайского военного конфликта из-за Вьетнама может представлять интерес копия донесения российского Поверенного в делах [А.И. Кояндера] от 5/17 июля

1883 г., отправленная генерал-губернатору Восточной Сибири А.Г. Анучину при сопроводительном письме А.Е. Влангали, тогдашнего товарища [заместителя] министра иностранных дел. В этом документе, в частности, отмечалась борьба интересов враждующих сторон: «С некоторого времени иностранные представители в Пекине, не исключая в известной степени и французского, играют роль зрителей драмы, разыгрывающейся на юге Китая, в Аннаме, нити которой сосредоточиваются в Париже. Китай, являющийся в этой драме одним из ее участников, пока обрекает себя на более пассивную роль, сознавая, может быть, свое бессилие успешно повлиять на ход и развязку драмы, в которой соперничающими началами выступают, с одной стороны, торговые и политические интересы Франции, а с другой — старинные права и претензии [цинского] Китая на суверенные права над Аннамом»¹⁹.

Благодаря активному посредничеству российской дипломатии Франции удалось довольно быстро урегулировать конфликт с цинским Китаем из-за Вьетнама. Россияне, участвовавшие в оказании посреднических услуг в период франко-китайской войны, персонально указаны в донесении С.И. Попова от 28 февраля 1886 г. на имя министра иностранных дел Н.К. Гирса, где было сказано: «Французский Поверенный в Делах уведомил меня о пожаловании ордена Почетного легиона 12-ти пребывающим в Китае русским должностным лицам ведомства МИД, Военного и Морского [ведомств] и одного частного лица в знак благодарности Президента Французской Республики за услуги, оказанные Франции во время ее столкновения с Китаем... Имею честь просить [принять в награды] за первого секретаря [Н.Ф.] Ладыженского, первого драгомана [П.С.] Попова, доктора [С.] Величковского, консула в Ханькоу [П.А.] Дмитриевского, консула в Шанхае [Ю.] Рединга, управляющего консульством в Тяньцзине [М.П.] Шишмарева и за проживающего в Тяньцзине Селенгинского 1-й гильдии купца почетного гражданина [А.Д.] Старцева...». Среди лиц, представленных к высшей французской военной награде, в документах также указаны военный агент [военный атташе] Шнеур, барон Врангель, 3-й секретарь дипломатической миссии Михаил [Николай] Шуйский²⁰.

Несмотря на оскорбительный тон указа богдохана от 8 апреля 1885 г. (по поводу заключения перемирия с Францией) о необходимости принятия строгих предосторожностей ради того, чтобы до утверждения статей договора «коварное и лживое отродье» снова не нарушило [вероятного] союза и, пользуясь [удобным] случаем, не поднялось бы опять, представитель Франции Патенотр, как сказано в донесении С.И. Попова от 28 апреля 1885 г. к Н.К. Гирсу, «принимая в соображение, что он [этот указ] не опубликован, не нашел нужным протестовать... и, конечно, с точки зрения его правительства (мир с Китаем во что бы то ни стало) поступил благоразумно...»²¹.

Судя по телеграмме (на французском языке), отправленной С.И. Поповым 8/20 июня 1885 г. в С.-Петербург, принципиальные положения нового договора Франции с Цинской империей состояли в том, что Китай обязался в будущем уважать договоры, конвенции и иные нормативные акты, заключенные между Францией и Вьетнамом, при этом обеими сторонами было заявлено, что существующие взаимоотношения между Китаем и Вьетнамом по своему характеру не ущемляют достоинство китайской империи и нисколько не нарушают нынешнего договора»²².

В плане влияния франко-китайской войны на внешнюю политику цинского двора, искусно придерживавшегося традиционной доктрины о превосходстве Китайской империи над народами Вселенной, интересными представляются суждения русского дипломата Н.Ф. Ладыженского, ставшего с отъездом из Пекина С.И. Попова (5 марта 1886 г.) управляющим Российской дипломатической миссии в Пекине. Вот что он 5 марта 1886 г. сообщал Н.К. Гирсу: «Недавнее столкновение с Францией и проявление неожиданной для самого правительства богдохана силы сопротивления Китая доказали ему, насколько велики затруднения, которые предстоят всякой из держав Западной Европы в случае серьезных с ним недоразумений, и вселили в народ и правителей [этой страны], может быть, чрезмерное сознание своего могущества... [в результате] страх, который китайские савонники испытывали перед [западной] угрозой, сменился самоуверенностью. Надменность же их возросла до крайних пределов

и, может быть, недалеко то время, когда Китай, увлеченный преувеличенным понятием о своей силе, встанет на новый путь и выступит в новой роли — агрессивной...

Уступчивость с ним принимается в Китае как признак слабости и сдержанности, как признак болезни. Взгляды эти издавна были присущи государственным деятелям Китая, но едва ли высказывались прежде в той мере, в какой высказываются в настоящее время...

Крайняя умеренность и строгая справедливость [нашего] имп. правительства в сношениях с Китаем, искреннее миролюбие и наше терпение [ныне] не только не побудили Китай к тому, чтобы он, со своей стороны, умерил в большинстве своем чрезмерные требования, но, по-видимому, увеличили в нем надежду на большую уступчивость с нашей стороны»²³.

Примечательно, что, помимо приведенных выше суждений российских дипломатов в пользу независимого статуса Вьетнама в 80—90-е годы XIX в., об этом свидетельствовали также правительственные награды этой страны, адресованные иностранцам, в том числе отличившимся в подготовке или участии в международных конференциях либо за личный вклад в деле внедрения какого-либо нового вида производства в промышленности. Например, такие награды вручены за проведение в 1890 г. в С.-Петербурге IV Международного конгресса по лучшему порядку содержания заключенных и за личный вклад Якова Молчанова в производство плиточного чая в Китае. На это указывают указы Александра III за 1890 г. о разрешении соответствующим лицам права ношения иностранных орденов — Вьетнама и Камбоджи.

Существенным дополнением к приведенным выше донесениям российских дипломатов о мнимом вассалитете Вьетнама по отношению к цинскому Китаю в 80-е годы XIX в. вполне могут служить публикации известного востоковеда В.П. Васильева (1818—1900) о мнимом традиционном «верховенстве» цинского Китая над соседними странами, которые цинская дипломатия по-прежнему продолжала считать данниками богдохана, хотя реально их «вассалитет» оставался лишь на бумаге и в умах узкого круга лиц наиболее консервативной части правящей вер-

хушки Цинской империи. Об этом, в частности, свидетельствуют публикации русского ученого в газетах «Биржевые ведомости», «Восточное обозрение», «Новое время» и др. С точки зрения истории внешней политики цинского Китая наиболее ценны его статьи о франко-китайской войне 1884—1885 гг., о русско-китайских отношениях в связи с вопросом возвращения Цинской империи района Кульджи, временно занятого русскими войсками в 1871 г. в целях обеспечения политической стабильности в данном регионе²⁴.

Документальной основой для публикаций В.П. Васильева о современном цинском Китае служили, как правило, материалы китайской прессы, но в ряде случаев, особенно при рассмотрении вопросов русско-китайских отношений, ученый обращался к русским архивным документам, с которыми ему впервые довелось познакомиться еще в 1840 г. в Кяхте — перед отъездом в Пекин на 10-летний срок для изучения восточных языков.

Серьезное внимание В.П. Васильев уделял проблемам внешней политики цинского Китая, выделяя прежде всего вопрос о его взаимоотношениях с соседними азиатскими странами. В основе внешнеполитической доктрины Цинской империи, как отмечают многие исследователи, лежал «китаецентризм». «Китайское правительство при нынешней династии, — отмечал В.П. Васильев в 1878 г., — только тем и бредило, чтоб весь свет припадал к его ногам; оно [издавна] всех считало своими вассалами и ни один государь на свете не смел сноситься с богдоханом»²⁵. Хотя тяжелые поражения цинских войск в ходе столкновений с западными державами и восстаниями некитайских народов, «принудили пекинский двор понурить голову», он продолжал тешить себя подобной иллюзией. «Китайского тщеславия, — писал В.П. Васильев в 1882 г. по этому поводу, — вы никак не искорените; оно не может допустить, чтобы на свете кто-нибудь мог претендовать на независимость»²⁶. Следуя этому принципу, предполагавшему верховенство Китая над другими государствами, чиновники, занимавшиеся приемом иностранных послов, сообщали о них как о «данниках» либо лицах, прибывших с «данью» от того или иного чужеземного правителя.

При этом, как отмечал В.П. Васильев, «непременно письмо каждого иностранного государя к богдыхану называлось докладом; в переводе этого письма на китайский этот государь выступал под названием подданного (непальский раджа в своем письме называл себя махараджей, что переводилось: раб)»²⁷.

При рассмотрении взаимоотношений цинского Китая с соседями, которые им считались вассалами либо признавали себя таковыми лишь формально (например, Корея, Вьетнам), В.П. Васильев указывал на определенную заинтересованность правителей «вассальных» стран в поддержании «даннических отношений», открывавших возможность, помимо доставки даров, вести в цинской столице и других местах торговые операции. «Припомним, что до сих пор, — подчеркивал русский востоковед в 1861 г., — народы, посылавшие к пекинскому двору посольства с данью, сокрушались только о том, что им не позволяли представлять этой дани чаще: за мелочною данью, следовавшею ко двору, за которую от него платилось все-таки свыше стоимости (по старинному правилу: давай больше, чем берешь), всегда следовали караваны купцов, которые, под защитой посольства, привозили свои товары и вывозили купленное, мало того, что беспошлинно, но еще и на казенных лошадях!»²⁸.

На экономическую заинтересованность соседей Китая в поддержании с ним «даннических» связей В.П. Васильев указывал и в 1883 г. в связи с военным конфликтом Франции с Цинской империей из-за Вьетнама. «Мнимая дань, присылаемая в Пекин из так называемых вассальных государств, — отмечал ученый, — обходится Китаю дороже своей стоимости; кроме более дорогих отдарков, чем эта дань, правительство содержит на свой счет посланника со всей его свитой от вступления в пределы империи до обратного из них выезда; свита заключается в купцах с товарами, все это возится за казенный счет, охраняется конвоем». «Потому-то китайское правительство, — констатировал В.П. Васильев, — само назначало каждому государству сроки, чрез которые они могут присылать посланников с данью; каждое радо бы посылать хоть каждый год по несколько раз (как Корея), да Китаю это изнурительно. К кому оно благоволит, кто ему нужнее, того оно и принимает чаще. По этому

уже можно судить о том значении, которое оно придавало прежде вассальным отношениям Аннама, Бирмана (Бирмы. — А.Х.), Непала и проч.»²⁹. Неординарный подход, продемонстрированный В.П. Васильевым в трактовке китайского «вассалитета», позволил будущим исследователям этого вопроса лучше представить специфику взаимоотношений цинского Китая с окружающими его странами, среди которых были и отчасти зависимые, и полностью самостоятельные государства.

Необходимо отметить, что подготовленные к печати материалы востоковедов не всегда публиковались в полном объеме, не говоря уже о сохранении редакторами особенностей их авторского стиля и творческого замысла. Примером редакционного вмешательства в оригинальный текст представленной статьи может служить случай с индологом И.П. Минаевым (1840—1890). Из первоначального варианта его статьи о франко-китайском конфликте из-за Вьетнама редакция изъяла важный авторский тезис о возможном возникновении войны между Францией и Китаем, что вскоре и произошло³⁰.

Разумеется, использование газетных публикаций русских востоковедов в исторических исследованиях должно быть крайне осторожным и критическим, с учетом особого характера текущей газетной информации и особенностей тогдашнего времени. При оценке этих публикаций следует помнить, что они создавались по «горячим следам» событий, под влиянием тогдашней политической конъюнктуры и на основе имевшегося под рукой материала (в том числе и газетного), который мог содержать не только неточную, но и ложную информацию. В публикациях подобного рода легко можно встретить опечатки, погрешности и явные ошибки, особенно же в написании восточных собственных имен и географических названий, для исправления которых исследователю необходимо обладать высоким уровнем профессиональной подготовки, предполагающей активное владение восточным языком (одним или несколькими). Для определения общественно-политической и научной значимости той или иной публикации необходимо учитывать характер каждого издания, место той или иной газеты в формировании общественного мнения изучаемой страны.

Примечания

¹ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. С. 162—163.

² Скачков Константин Адрианович (1821—1883) — известный российский китаевед и дипломат, сын разорившегося купца. Учился сначала в Петербурге — в течение пяти лет в Технологическом институте и в Университете, затем в Одессе, где в 1843 г. окончил физико-математическое отделение Ришельевского лицея. С 1849 по 1857 г. в качестве светского члена он находился при Российской духовной (православной) миссии в Пекине, где заведовал магнитно-метеорологической обсерваторией. Наряду с занятиями по астрономии его серьезно интересовало сельское хозяйство и различные производства в Китае. После возвращения в Петербург (ранее предполагаемого срока из-за болезни — чахотки), его в 1857 г. направили дипкурьером в Париж, а затем назначили консулом в Чугучак (Тарбагатай) в Западном Китае, где он находился до октября 1862 г. Выполняя обязанности переводчика 6-го класса в Азиатском департаменте МИД, он в 1865—1867 гг. преподавал китайский язык в С.-Петербургском университете. В 1867—1870 гг. его дипломатическая деятельность была связана с консульской службой в г. Тяньцзине. Впоследствии он являлся генеральным консулом в открытых для иностранной торговли портах цинского Китая (с резиденцией в Тяньцзине в 1870—1873 гг. и в Шанхае в 1875—1878 гг.). После возвращения в Петербург продолжал служить в Азиатском департаменте драгоманом вплоть до своей кончины, последовавшей 26 марта 1883 г. (по ст. стилю).

К.А. Скачковым опубликовано более 30 статей о Китае. Его богатая коллекция книг и рукописей на китайском и маньчжурском языках, собранная во время длительной службы в Китае, ныне находится в Российской государственной библиотеке (бывш. им. В.И. Ленина).

Подробнее см.: Веселовский Н., Скачков К.А. // Журнал Министерства народного просвещения, ч. ССХХVII, 1883, июнь. С. 98—103; Скачков К.А. Пекин в дни тайпинского восстания. М., 1958. С. 11—36; 347—350; Мелнакснис А.И. Описание китайских рукописных книг и карт из собрания К.А. Скачкова. М., 1974.

³ Российская государственная библиотека (М.), НИОР, ф. 273, картон 12, ед. хр. 4, л. 94.

⁴ ЦГИА Узбекистана, ф. 2412 (л/ф Битгера), оп. 1, д. 221, л. 17.

⁵ Евлампий — иеромонах (в миру Иванов Елисей Михайлович, 1822—1864) — китаевед и миссионер. Уроженец Золотоношского уезда Полтавской губернии, сын священника села Сеньковцы, служившего при Николаевской церкви. После окончания Переяславской духовной семинарии Елисея Иванова приняли в С.-Петербургскую духовную академию. В период обучения на высшем отделении академии его избрали кандидатом в новый состав Пекинской духовной миссии (на смену старому). В связи с предстоящим отъездом из С.-Петербурга в Китай он 9 октября 1848 г. принял монашеский постриг и был наречен Евлампием. 22 октября его утвердили в звании иеродьякона, а 30 октября — иеромонаха. Во время пребывания в Пекине с 1849 по 1859 г. он, являясь казначеем миссии, под руководством архимандрита Палладия (в миру Петр Иванович Кафаров, 1817—1878) занимался переводами китайских сочинений, брошюр и статей из газеты «Цзин-бао» («Столичный вестник»).

⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1385, оп. 1, ед. хр. 1737, л. 4. При цитировании архивных материалов датировка документов дается по старому стилю.

⁷ АВПРИ, ф. 340, оп. 874, 1843—69, д. 14, л. 54 (слева снизу вверх написано: «Прилагаемый пакет отправить с первой почтой»).

⁸ Письма Иннокентия. Вып. 2. СПб., 1898, с. 450. См. также: Хохлов А.Н. Святитель Иннокентий и его связи с российскими востоковедами // Святитель Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский, Апостол Америки и Сибири и его научное наследие. Материалы научной конференции. М., 2000. С. 33—42.

⁹ *Recueil d'itinéraires et de voyages dans l'Asie Centrale et l'Extrême Orient*. Paris, 1876. P. 63—161.

¹⁰ Кояндер Александр Иванович — российский дипломат, родом из дворян, поступил на службу в МИД 1 августа 1865 г. По окончании курса учебного отделения восточных языков, учрежденных при МИД, его сначала направили студентом в Российскую дипломатическую миссию в Константинополь, затем он исполнял обязанности секретаря и драгомана в консульствах в Янине (Греция) и Трапезунде (Турция). В 1870 г. его отправили в Российскую дипломатическую миссию в Пекине, где 1 июля 1871 г. назначили первым секретарем. В 1874 г. в связи с отъездом посланника А.Е. Влангали из Пекина он выполнял обязанности управляющего миссией. После 11-летней службы в Китае Кояндер 19 ноября 1884 г. отправился в отпуск из Пекина на юг стра-

ны, чтобы совершить путешествие в Россию морским путем (на пароходе из Гонконга).

Последующая служба А.И. Кояндера на дипломатическом поприще успешно протекала в должности дипагента в Египте, о чем свидетельствует подаренный ему русской колонией Каира сервиз изящной работы по случаю его назначения посланником в Лиссабон в 1902 г. В период службы в Португалии он 27 октября 1910 г. скоропостижно скончался (от сердечного приступа) в местечке Уши (недалеко от Лозанны) Швейцарии.

См.: С.-Петербургские ведомости, № 3386 (10/23 декабря 1902 г.); Новое время, № 12439 (28 октября/10 ноября 1910 г.); Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. ДЛС и ХД, оп. 713, 1861—1887, д. 14, л. 16—17.

Трудно согласиться с характеристикой, данной Ф.Р. Остен-Сакеном энергичному и доброжелательному к людям А.И. Кояндеру в своем дневнике, где сказано: «Ничего не могу сказать про Кояндера, ни в хорошем, ни в дурном смысле. Служил с ним некоторое время в Азиатском департаменте [МИД], а потом встретился [с ним] в Константинополе, и больше ничего. Кажется, [он] человек — веселый». См.: РГАДА, ф. 1385, оп. 1, ед. хр. 1325, л. 86.

¹¹ АВПРИ, ф. СПб. Главный Архив I-1, оп. 781, 1880—1882, д. 486, л. 22.

¹² Бюцов Евгений Карлович (род. 7 июля 1837 г. — умер 17 октября 1904 г.) — российский дипломат, родом из дворян. По окончании учебы в имп. Александровском лицее высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 6 июня 1856 г. был определен на службу в Главное управление Восточной Сибири (в чине титулярного советника). По прибытии в Иркутск генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев назначил его секретарем по дипломатической части при своей канцелярии. Вместе с Н.Н. Муравьевым он участвовал в переговорах с цинскими властями, в результате которых 16 мая 1858 г. был подписан Айгуньский договор, определивший русско-китайскую границу в Приамурье и Приморье. С этим договором Е.К. Бюцов был отправлен курьером в Петербург, где 16 октября его перевели на службу в МИД, после чего с новым дипломатическим поручением отправили курьером обратно в Иркутск. Приказом по внешнеполитическому ведомству от 22 января 1862 г. он был назначен российским консулом в г. Тяньцзинь.

Как видно из формулярного списка, составленного в 1893 г., Е.К. Бюцова 6 марта 1865 г. назначили консулом в Японию, в г. Хако-

дате, где ему в практической работе отчасти пригодились первые уроки китайского языка, полученные в Тяньцзине. В связи с отъездом российского посланника А.Е. Влангали из китайской столицы ему довелось управлять Российской дипломатической миссией в качестве Поверенного в делах с 1 апреля 1869 г. по 15 октября 1870 г. 1 января 1871 г. его назначили Поверенным в делах и генеральным консулом в Японии, а 15 мая 1873 г. — чрезвычайным посланником и полномочным министром в Пекине, где он оставался в этом звании до отъезда в 1883 г. в связи с добровольным уходом на пенсию (в чине тайного советника).

В последующие годы Е.К. Бюцов как образцовый семьянин и обладатель поместья в Курской губернии продолжал свою дипломатическую карьеру, выполняя обязанности посланника в Греции (с 1884 г.), в Персии (с 1890 г.) и Швеции (с 1887 г.) вплоть до своей кончины. См.: АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, формулярные списки, оп. 464, д. 355 и 542-а; С.-Петербургские ведомости, № 297 (19 октября/1 ноября 1904 г.).

¹³ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-1, оп. 781, 1880—1882, д. 486, л. 238.

¹⁴ Вебер Карл Иванович — российский дипломат и востоковед. Согласно формулярному списку, он родился 5 июля 1841 г. в немецкой семье лютеранского проповедника. По окончании С.-Петербургского университета, куда Карл Вебер поступил в апреле 1861 г., его приняли на службу в МИД и в октябре 1865 г. определили студентом дипломатической миссии в Пекине (с выдачей, в соответствии с положением от 10 декабря 1863 г., двойной суммы на проезд от С.-Петербурга до Кяхты). В октябре 1870 г. он становится вице-консулом российского генконсульства в Японии (с последующим в марте 1871 г. производством из титулярного советника в коллежского). В качестве российского консула в Тяньцзине Вебер в июне 1884 г. отправился в Корею, где 25 июня в Сеуле заключил первый русско-корейский договор, положивший начало регулярным официальным дипломатическим связям России с Кореей. С учреждением в апреле 1885 г. постоянной российской дипломатической миссии в Сеуле его назначили Поверенным в делах Кореи, а 25 апреля 1888 г. он стал генеральным консулом; в 1886 г. удостоился французского ордена Почетного легиона, который был вручен ему лично в Сеуле в 1888 г.

В феврале 1896 г. корейский король Коджон в целях личной безопасности (после убийства королевы в результате японских интриг) тайно перебрался из своего дворца в российскую дипломатическую

миссию. С учетом дипломатических заслуг К. Вебера именно ему было предложено в 1902 г. отправиться в Сеул, чтобы вручить высший российский орден Андрея Первозванного корейскому императору Коджону по случаю его 40-летнего управления страной. После возвращения на родину опытный российский дипломат — свидетель многих перемен в современной ему Корее, обратился к изучению ее истории, результаты чего стали важным дополнением к его научным трудам. Высокая оценка последних отчетливо видна в приглашении его к участию в коллективных научных работах, связанных с картографией и лингвистикой. Скончался К. Вебер в 1910 г. (похоронен в Германии).

См.: АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, формулярные списки, оп. 464, д. 606; ф. СПб. Главный архив IV-2, 1870—72, д. 1; ф. Китайский стол, 1904—1917, д. 1964; Архив востоковедов Института восточных рукописей (СПб.), ф. 14, оп. 2, д. 64.

¹⁵ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-1, оп. 761, 1883—1886, д. 487, л. 63—64.

¹⁶ Попов Сергей Иванович — российский дипломат, родом из дворян. По окончании учебного отделения восточных языков при МИД его как слушателя, принятого на эти курсы 10 августа 1839 г. и прошедшего полный курс обучения, 25 мая 1842 г. (в возрасте 20 лет) определили студентом российской дипломатической миссии в Константинополе (в чине коллежского регистратора). С последующим производством его в губернского секретаря 25 марта 1844 г., он был назначен секретарем генконсульства в Сербии, затем 5 мая 1850 г. управляющим консульством в Яссах, а 29 апреля 1859 г. — консулом.

Как видно из письма директора Азиатского департамента МИД А.И. Зиновьева, бывший консул в Марселе С.И. Попов, принимавший участие в похоронах архимандрита Палладия (П.И. Кафарова) в г. Ницце в 1878 г., отправился из С.-Петербурга в Кяхту (на русско-китайскую границу) 9 июля 1883 г. и согласно письму Н. Гомбоева, начальника русской почты в Пекине, к П.А. Дмитревскому от 5 октября 1883 г. прибыл (с женой) только 28 сентября в китайскую столицу. Его дальнейшее пребывание в столице цинского Китая продолжалась до марта 1886 г., когда с прекращением военного конфликта Франции с Китаем он смог отправиться кружным морским путем (мимо стран Юго-Восточной Азии и Индии) в Марсель.

5 февраля 1909 г. С.И. Попову «всемилоостивейше разрешено [царем] бессрочное проживание за границей», что позднее позволило ему переехать на жительство в Швейцарию.

См.: АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, оп. 462, д. 2723; ф. СПб. Главный архив IV-2, 1883, д. 4, л. 33—36; Архив востоковедов Института восточных рукописей (СПб.), ф. 14, ед. хр. 74.

¹⁷ АВПРИ, ф. 327, оп. 579, 1883, д. 300 л. 22.

¹⁸ Там же. Л. 23.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив У—Аз, 1886, д. 2, с. 33.

Подробнее о российском купце Алексее Дмитриевиче Старцеве (внебрачном сыне декабриста Н. Бестужева) см.: Хохлов А.Н. Алексей Старцев — коммерсант, дипломат и просветитель // XXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1998, ч. II. С. 234—249.

²¹ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив У—Аз., 1885, д. 1, л. 5.

²² Там же.

²³ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив У—Аз., 1886, д. 2, л. 43—44.

²⁴ См.: Голос. 1877. № 64; 1878. № 28. 351, 254, 355; 1879. № 3 и др.

²⁵ Васильев В.П. Настоящий восточный вопрос (II) // Голос, № 25 (25 января/6 февраля 1878 г.).

²⁶ Васильев В.П. Наши отношения к Китаю // Восточное обозрение, № 8 (1882).

²⁷ Васильев В.П. Столкновение Франции с Китаем // Восточное обозрение, № 46 (17 ноября 1886). С. 1.

²⁸ Васильев В.П. Воспоминание о Пекине // Северная пчела. № 9 (12 января 1861 г.).

²⁹ Васильев В.П. Столкновение Франции с Китаем // Восточное обозрение, № 46 (17 ноября 1886 г.).

³⁰ См.: Новое время, 1883, № 2777; Архив востоковедов Института восточных рукописей (СПб.), ф. 39, оп. 1 ед. хр. 144.

Часть пятая ФИЛОЛОГИЯ

Е.И. Тюменева

О РОЛИ МЕТРИЧЕСКИХ И ЭВФОНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВО ВЬЕТНАМСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Фразеологический фонд любого языка представлен различными формами, каждая из которых имеет свои отличительные черты. Классификация фразеологизмов и критерии выделения отдельных классов являются темой научных дискуссий, точка в которых еще не поставлена. Большинство авторов относит к фразеологии все сочетания слов, для которых характерно три основных параметра: «принадлежность к номинативному инвентарю языка, признак полной или частичной идеоматичности, а также свойство устойчивости, в той или иной степени ее вариабельности, проявляющееся в абсолютной или относительной воспроизводимости сочетаний слов в “готовом виде”»¹. Этим трем параметрам в полной мере соответствуют два основных типа вьетнамских паремий: *тукнгы* (tục ngữ) и *тханьнгы* (thành ngữ).

Большинство вьетнамских авторов определяют *тукнгы* как законченное предложение, содержащее какое-либо суждение или идею². В свою очередь *тханьнгы* являются устойчивыми

словосочетаниями, выражающими какое-либо понятие³. Названия этих форм относятся к разряду безэквивалентной лексики и в двуязычных словарях переводятся через аналог. Вьетнамско-русский словарь (далее ВРС) 1961 г. переводит *тукнгы* как «поговорка»⁴, а ВРС 1992 г. — как «пословица»⁵. Слово *тханьгы* в ВРС 1961 г. отсутствует, а в ВРС 1992 г. переводится как «фразеологизм»⁶.

Проводя параллели с русским языком, мы можем отнести *тукнгы* к пословицам, так как они по структуре представляют собой независимые полные предложения и могут употребляться самостоятельно: *muốn ăn cá phải thả câu*/хочешь поесть рыбки, надо забросить удочку/«без труда не выловишь и рыбку из пруда». *Тханьгы* могут быть как устойчивыми словосочетаниями, так и простыми предложениями с одним предикативным центром, что позволяет одну их часть отнести к фразеологическим оборотам, а другую часть — к поговоркам.

Пословицы и поговорки относятся к сфере паремиологии. Они являются произведениями народного творчества, отражающими ценностную картину мира вьетнамцев, регулярно воспроизводятся в речи как образцы народного мнения о ценностях. Вьетнамские паремиологические единицы (далее ПЕ) благозвучны и имеют четкую ритмическую организацию, так как для регулярной цитации они должны легко запоминаться и произноситься. Именно поэтому для паремий рифма и ритм играют важнейшую роль.

Говоря о рифме, мы будем иметь в виду регулярное повторение сходных сочетаний звуков, выполняющих в построении ПЕ композиционную функцию.

Своеобразие вьетнамской рифмы заложено в особенностях фонетики вьетнамского языка. Каждый слог-морфема имеет в своем максимальном виде следующую структуру: инициаль-медиа́ль+тон-фина́ль. В этой структуре обязательной является центральная часть — медиа́ль+тон. Медиа́ль всегда гласный звук, а инициали и финали могут быть как звуком, так и призвуком. Это обстоятельство следует иметь в виду при анализе рифмы ПЕ.

Во вьетнамском языке существует шесть тонов, играющих смысловоразличительную роль. В российской научной и методической литературе они именуются по-разному. В «Начальном курсе вьетнамского языка» Ву Данг Ата и И.И. Глебовой названия тонов приблизительно совпадают с их названиями во вьетнамском языке: *ngang*/ровный, *huyền*/падающий, *sắc*/верхний, *hỏi*/вопросительный, *ngặng*/тяжелый, *ngã*/остро-вопросительный⁷. В «Учебном пособии по вьетнамскому языку» А.П. Шилтовой, Нго Ньы Биня и Н.В. Норовой дается другое название тонов: ровный, нисходящий, восходящий, нисходяще-восходящий, восходящий прерывистый и резко нисходящий⁸. Большой вьетнамско-русский словарь (далее БВРС) называет тоны следующим образом: ровный, нисходящий, восходяще-нисходящий, нисходяще-восходящий, восходящий прерывистый и нисходящий прерывистый⁹. Первые два тона — ровный и падающий (нисходящий) — объединены в группу *банг* (*bằng*, «плоский, ровный, гладкий»), а оставшиеся четыре — в группу *чак* (*trắc*, «ломаный»). Такое деление важно для анализа рифмы ПЕ.

Первая особенность рифмы вьетнамских ПЕ — совпадение рифмующихся слов по группе тонов. С этой точки зрения *người*/человек и *si cười*/смеяться будут рифмоваться, а *người*/человек и *si đi*/ехать верхом — нет. Если рифмуются слова с тонами группы *банг*, то такая рифма называется ровной. Рифма с тонами *чак* получила название ломаной.

Вторая особенность — количество совпадающих фонем. По этому критерию вьетнамская рифма делится на абсолютную и относительную. Абсолютную рифму еще называют главной. Как следует из названия, для этой рифмы характерно наибольшее количество совпадений: медиа́ль+тон одной из групп+фина́ль.

• *Vỏ quít dày móng tay nhọn*/кожура — мандарин — толстый — ноготь — рука — острый /«нашла коса на камень».

В этой ПЕ выделена абсолютная рифма — *dày*/толстый и *tay*/рука, где совпадают как медиали, так и тоны группы *банг*.

Некоторые исследователи считают, что если в одном из рифмующихся слов имеется призвук, то такая рифма также должна быть отнесена к абсолютным¹⁰.

• *Cái khỏe để ra cái giàu*/классификатор — здоровый — рождать — модификатор — классификатор — богатый/«здоровье рождает богатство». В слове *khỏe/здоровый* призвук графически обозначен буквой «о».

• *Treo cao ngã đau*/лезть — высоко — падать — больно/«высоко сидишь — будет больно падать». В слове *cao/высокий* призвук обозначен буквой «о», а в слове *đau/больно* — буквой «и».

Относительную рифму еще называют смежной. Такая рифма не требует полного совпадения медиалей и финалей, однако есть определенные ограничения: финали должны быть одной группы: сонорные (m, n, ng) или импловзивные (p, t, c)¹¹.

• *Mía trồng nắng, sắn trồng mưa*/сахарный тростник — сажать — солнечно — маниок — сажать — дождь/«солнечно — сажай сахарный тростник, дождь — сажай маниок». В этой ПЕ рифмуются слова *nắng/солнечно* и *sắn/маниок*, где имеются финали одной сонорной группы.

• *Yêu nhau lắm cắn nhau đau*/любить — друг друга — очень — кусать — друг друга — больно/«кто кого любит, тот того и бьет». В этой ПЕ мы видим и абсолютную и относительную рифмы. Абсолютная рифма — *nhau/друг друга* и *đau/больно*. Относительная рифма — слова *lắm/очень* и *cắn/кусать* с финалями сонорной группы.

По мнению ряда исследователей, наметилась тенденция считать рифмой и те слова, тоны которых не совпадают по критерию «ровный/ломаный».

• *Đắt chè hơn rẻ nước*/дорогой — чай — более — дешевый — вода/«лучше чай, чем сырая вода». Пару *chè/чай* и *rẻ/дешевый*, где первое слово относится к группе «ровный», а второе — к группе «ломаный», можно признать дистантной рифмой.

• *Áo dài chớ ngại quần thưa*/рубаха — длинный — не — бояться — брюки — редкий/«когда рубашка длинная, не стыдно, что штаны дырявы». Рифмой также можно считать пару *dài/длинный* (банг) и *ngại/бояться* (чак)¹².

Своеобразие рифмы вьетнамских ПЕ проявляется также и в том, какое место относительно друг друга занимают в них рифмующиеся слова.

Значительное распространение получила так называемая «контактная рифма», когда рифмующиеся слова следуют друг за другом:

• *Cổc mò cò xoi*/баклан — ловить — аист — угощаться/«один потеет, другой богатеет». В этой ПЕ мы видим абсолютную ровную контактную рифму: *mò/ловить* и *cò/аист*.

• *Tay làm hàm nhai*/рука — делать — челюсть — жевать/«будешь трудиться, будешь и кормиться». В этой ПЕ рифмуются слова *làm/делать* и *hàm/челюсть*. Это также абсолютная ровная контактная рифма.

• *Đói cho sạch, rách cho thơm*/голодный — делать — чистый — рваный — делать — ароматный/«гол да не вор, беден, да честен». Рифмующиеся слова *sạch/чистый* и *rách/рваный* представляют собой абсолютную ломаную контактную рифму.

Однако гораздо большее количество ПЕ имеет дистантную рифму, когда рифмующиеся слова располагаются на разном расстоянии друг от друга.

1. Через слово:

• *Con sâu làm rầu nồi canh*/классификатор — насекомое — делать — удрученный — котелок — бульон/«ложка дегтя в бочке меда». Рифмующиеся слова *sâu/насекомое* и *rầu/удрученный*, представляющие собой абсолютную ровную дистантную рифму, расположены через слово *làm/делать*.

• *Mất bò mới lo làm chuồng*/терять — корова — только — беспокоиться — делать — загон/«гром не грянет, мужик не перекрестится». Здесь рифмующиеся слова также расположены через ограничительный модификатор *mới/только*.

2. Через два слова:

• *Đi với bụi mặc áo cà sa, đi với ma mặc áo giấy*/идти — с — Будда — надевать — ряса буддийского монаха — идти — с — привидение — надевать — одежда — бумага/«с волками жить — по-волчьи выть». Абсолютная ровная рифма этой ПЕ *sa/монах* и *ma/привидение* расположена через два слова.

• *Tránh vỏ dừa, gặp vỏ dừa*/избегать — корка — арбуз — встречать — корка — кокос/«из огня да в полымя». Абсолютная ровная рифма *dừa/арбуз* и *dừa/кокос* разделена двумя словами.

• Có *tiếng* không có *miếng*/иметь — известность — не — иметь — кусок/«велика честь, да нечего есть». В этой ПЕ два слова разделяют абсолютную ломаную рифму.

3. Через три слова:

• An *nhieu* ở chẳng bao *nhieu*/есть — много — жить — не — сколько/«в тесноте, да не в обиде». Абсолютная ровная рифма этой ПЕ разделена тремя морфемами.

• Cây *thẳng bóng ngay*, cây *cong bóng vẹo*/дерево — прямой — тень — прямой — дерево — кривой — тень — кривой/«от доброго корня добрая и поросль». Здесь помимо дистантной рифмы *ngay/vẹo* также рифмуются слова *thẳng/прямой*, *bóng/тень* и *cong/кривой*.

• Khi *thương củ ấu cũng tròn*, khi *ghét bỏ hỏn* cũng *méo*/когда — любить — клубень — рогульник — также — круглый — когда — ненавидеть — мыльное дерево — также — скособоченный/«не по хорошему мил, а по милу хорош». В этой ПЕ *tròn/круглый* отделено от рифмующейся морфемы *hỏn* тремя словами.

4. Через четыре слова:

• Năm *ngón tay* có *ngón ngắn* *ngón dài*/пять — палец — рука — иметься — палец — короткий — палец — длинный/«и в одной семье все разные». Выделенные в этой ПЕ слова рифмуются и находятся через четыре слова друг от друга.

• *Chửi trước mặt* không *sợ*, *sợ thù vặt* sau *lưng*/пугать — перед — лицо — не — бояться — бояться — враг — ошипывать — за — спина/«злая собака кусает исподтишка». Абсолютная ломаная рифма *mặt/vặt* расположена через четыре слова.

• Có *không* mùa *đông* mới *biết*, *giàu* *nghèo* ba *mươi* *tết* mới *hay*/есть — нет — сезон — зима — только — знать — богатый — бедный — тридцать — Новый год — только — узнать/«цыплят по осени считают». В этой ПЕ четыре морфемы разделяют относительную ломаную рифму *biết/tết*.

5. Через пять слов.

• *Chơi* với *chó*, *chó* *liếm* *mặt*, *chơi* với *gà*, *gà* *mỏ* *mắt*/играть — с — собака — собака — лизать — лицо — играть — с — курица — курица — клевать — глаз/«играешь с собакой — собака облизнет лицо, играешь с курицей — курица выклюет глаз». *Mặt/liуцо* и *mắt/глаз* отделены друг от друга пятью словами.

• Người *khôn* chóng *già*, người *dại* *luẩn* *quẩn* vào *ra* *tối* *ngày*/человек — умный — быстро — старый — человек — глупый — ходить — по кругу — входить — выходить — вечер — день/«много будешь знать, скоро состаришься». В этой ПЕ через пять слов рифмуются *già/старый* и *ra/выходить*.

• *Trứng* *gồ*ng *lại* nở *ra* *rồng*, *liu* *điu* *lại* nở *ra* *dòng* *liu* *điu*/яйцо — дракон — снова — вылупляться — дракон — ящерка — снова — вылупляться — род — ящерка/«От осинки не родятся апельсинки». Рифмующиеся слова *rồng/дракон* и *dòng/pод* расположены через пять слов.

Рифма вьетнамских паремий также подразделяется на транзиторную и внутреннюю. В первом случае это рифма между двумя или несколькими *vế* (*về*) — частями предложения, постороннего по принципу параллелизма, а во втором случае — это рифма внутри одной части ПЕ, состоящей из двух или нескольких частей.

• *Được* *làm* *vua* *thua* *làm* *giặc*/получать — делать — король — проиграть — делать — враг/«победителей не судят». Эта ПЕ состоит из двух *vế*, в которых пара *vua/король* и *thua/проиграть* с синтаксической точки зрения является транзиторной рифмой между двумя ее параллельными частями.

• *Nhà* *giàu* *trồng* *lau* *ra* *mía*, *nhà* *khó* *trồng* *củ* *tía* *ra* *củ* *nâu*/дом — богатый — сажать — камыш — выходить — сахарный тростник — дом — трудный — сажать — клубень — тиа — выходить — клубень — диоскорейя/«у бедного беда на беду, а у богатого деньги на деньгу». Здесь абсолютная ровная дистантная рифма *giàu/lau* находится внутри одного самостоятельного предложения, которое является частью ПЕ, и синтаксически рассматривается как внутренняя.

Ритмическая организация паремий не сводится лишь к метрике. Она имеет изобразительную функцию, придает фразеологии структурность. Это важно для легкого запоминания и регулярной цитации. Критерием ритмической организации ПЕ прежде всего является количество составляющих ее морфем.

Минимально ПЕ имеют три морфемы: *bé* *hạt* *tiêu*/маленький — косточка — перец/«мал да удал». Максимальное количество морфем — 14. Такой размер называется *лукбат* (lục —

«шесть», *bát* — «восемь»). Ритмически такие ПЕ представляют собой двустушия, где первая строка состоит из 6 морфем, а вторая — из 8, а рифмуются шестые морфемы каждой из строк, то есть рифмующиеся слова находятся друг от друга через пять морфем. В некоторых сборниках *tukngы* и *txanhngы* даны примеры с большим количеством морфем, однако их число невелико, а принадлежность к ПЕ вызывает сомнение¹³.

Большинство ПЕ являются четырехморфемными. По мнению Нгуен Ван Ханга они составляют примерно 80 % всех фразеологических единиц вьетнамского языка, так как его особенностью является стремление к двусложной или четырехсложной структуре всякого многосложного сочетания, выражающего новое понятие¹⁴. Вариантом трехморфемной ПЕ *bé hạt tiêu* является *bé như hạt tiêu*/маленький — как — косточка — перец, с кратным количеством морфем.

Следующим критерием ритмической организации ПЕ является паузация. Пауза в ПЕ, построенных по принципу параллелизма, разделяет два *vế*.

- 4 морфемы

Ao sâu | *tốt cá*/пруд — глубокий — хорошая — рыба/«дом полная чаша».

- 6 морфем

Cây một rễ | *lá một cành*/дерево — один — корень — лист — одна — ветка/«одного поля ягода».

Если построенные по принципу параллелизма ПЕ имеют в своем составе 8 и более морфем, то каждое *vế* является предложением, внутри которого должна соблюдаться синтаксическая паузация.

- 8 морфем

Ăn cỗ | *đi trước* || *lội nước* | *đi sau*/есть — пировать — идти — впереди — переходить вброд — вода — идти — позади/«у котла — первый, в поле — последний».

- 10 морфем

Có của | *khôn* | *nư* | *mại* || *không của* | *dại* | *nư* | *vích*/иметь — имущество — умный — как — рыба *may* — нет — имущества — глупый — как — черепаха *vitch*/«богатого не проведешь, а бедного и обмануть легко».

- 12 морфем

Khi thương củ ầu cũng tròn | *khi ghét bỏ hỏn cũng méo*/когда — любить — клубень — рогульник — также — круглый — когда — ненавидеть — мыльное дерево — также — скособоченный/«не по хорошему мил, а по милу хорош».

- 14 морфем

Khi thương nhau | *ngóng trông lâu lâu* || *khi ghét nhau* | *mặt cạo lăm ngo*/когда — любить — друг друга — ждать — вытягивать шею от нетерпения — когда — не любить — друг друга — лицо — сердитое — не обращать внимания/ «когда любишь — все прекрасно, а разлюбишь — все ужасно».

- 16 морфем

Mẹ chồng | *không ai* | *nói tốt* | *nàng dâu* || *nàng dâu* | *không ai* | *nói tốt* | *mẹ chồng*/«ни одна свекровь не говорит хорошо о невестке, ни одна невестка не говорит хорошо о свекрови».

В группе ПЕ без параллельных частей количество морфем может быть любым, как четным, так и нечетным, а паузация определяется синтаксической структурой.

• *Đẹp* | *nư tiên*/«красива, как фея». Этот компаративный оборот состоит из 3 морфем. Пауза находится перед сравнительным союзом.

• *Kiến* | *bò* | *miệng chén*/муравей ползает по краю чашки/ «идти на дно». Эта ПЕ состоит из 4 морфем и структурно является предложением, состоящим из подлежащего, сказуемого и обстоятельства места. Паузы отделяют каждый член предложения.

• *Nuôi cáo* | *trong nhà*/вскормить лису в доме/«пригреть змею на груди». Это четырехморфемное предикативное словосочетание со структурой «сказуемое — объект — обстоятельство места», где паузой отделяется обстоятельство места.

• *Tắt đèn* | *nhà ngói* | *cũng như nhà tranh*/(если) погасить свет, дом с черепичной крышей выглядит также, как и дом с соломенной крышей/«в темноте все кошки серы». Эта ПЕ является бессоюзным сложным предложением, в состав которого входит сравнение. Паузой отделяется одна часть сложного предложения от другой, а также выделяется сравнение.

Размер и паузация паремий необходимы для придания их структуре большей устойчивости, помогают правильно понять их смысл, а также наряду с рифмой облегчают запоминание и способствуют регулярному употреблению их в речи.

Примечания

¹ Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 56.

² *Triều Nguyên*. Khảo luận về tục ngữ người Việt (*Чиеу Нгуен*. О вьетнамских пословицах). Hà Nội, 2010. С. 37—38.

³ *Nguyễn Lân*. Từ điển thành ngữ và tục ngữ Việt Nam (*Нгуен Лан*. Словарь вьетнамских устойчивых выражений и пословиц). Hà Nội, 2007. С. 5.

⁴ Глебова И.И., Зеленцов В.А. и др. Вьетнамско-русский словарь. М., 1961. С. 560.

⁵ Глебова И.И., Соколов А.А. Вьетнамско-русский словарь. М., 1992. С. 717.

⁶ Там же. С. 610.

⁷ *Bu Dang Am*, Глебова И.И. Начальный курс вьетнамского языка. М., 1963. С. 12.

⁸ Шилтова А.П., Нго Ньы Бинь, Норова Н.В. Учебное пособие по вьетнамскому языку. Начальный курс. М., 1989. С. 7.

⁹ Большой вьетнамско-русский словарь. Т. 1. М., 2006. С.Х.

¹⁰ *Triều Nguyên*. Khảo luận về tục ngữ người Việt. Указ. соч. С. 168.

¹¹ Там же. С. 168.

¹² *Phan Thị Đào*. Tìm hiểu thi pháp tục ngữ Việt Nam (*Фан Тхи Дао*. О структуре вьетнамских пословиц). Huế, 1999. С. 100.

¹³ *Vũ Ngọc Phan*. Tục ngữ ca dao dân ca Việt Nam (*Бу Нгок Фан*. Вьетнамские пословицы и народные частушки и песни). Hà Nội, 1971.

¹⁴ *Нгуен Ван Ханг*. Структурные и семантические особенности четырехкомпонентных фразеологизмов в современном вьетнамском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1994. С. 8.

Н.В. Григорьева

ВЬЕТ-МЫОНГСКИЕ ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВЬЕТНАМСКОГО ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОГО ПРЕДАНИЯ

Все описания древней истории Вьетнама содержат тот или иной вариант предания о происхождении вьетнамцев из ста яиц, появившихся в результате супружества феи Ау Ко и короля-дракона Лак Лонг Куана¹. Эта история о появлении первых вьетнамцев от брака феи и дракона, их последующего разделения между решившими жить врозь родителями и расселения по горам и равнинам, выполняет функции этногенетического предания и, в ситуации отсутствия достоверной информации о реальных этнических процессах, с эпохи средневековья и до наших дней занимает важное место в национальном самосознании и этнокультурных традициях вьетнамцев².

История о происхождении вьетнамцев от дракона и феи впервые была зафиксирована в сборнике легенд и преданий XIV в. «Удивительные сказания земли Линьнам» (*Lĩnh Nam chích quái*, далее ЛНТК)³ в разделе, посвященном династии Хонг Банг (*Hồng Bàng*). Между этим первым письменным изложением предания и следующим, зафиксированным в летописном своде XV в. «Полное собрание исторических записок Дайвьета» (*Đại Việt sử ký toàn thư*, далее ТТ), есть незначительные, но вполне характерные расхождения, обусловленные влиянием конфуцианских представлений⁴.

В соответствии с ремарками составителей ЛНТК, долгое время было принято считать, что сюжет предания, как и другие «истории о древних временах», были распространены среди населения нынешнего северного Вьетнама еще до китайского завоевания. В течение долгого времени эти истории сохранялись в устной форме, а в средние века, в эпоху независимого Дайвьета, были, наконец, записаны и с тех пор стали частью национальной истории.

В последние годы появился ряд работ, в которых исследователи Древнего Вьетнама поставили под сомнение аутентичность вьетнамских историй о «древних временах» и подошли к пониманию того, что «древняя история» вьетнамцев была, вероятно, «смоделирована» лишь в середине II тысячелетия н.э. Определяющим фактором в процессе моделирования и осмысления древней истории, по их мнению, было сильное, а иногда даже исключительное влияние китайской традиции. Наиболее характерным исследованием, выполненным в этом ключе, следует считать недавнюю работу Л. Келли «Биография клана Хонг Банг как созданная в средневековье вьетнамская традиция»⁵.

В научном эссе Л. Келли, выполненном на основании исследований обширного массива китайских и вьетнамских источников, автор достаточно категорично заявляет, что вся информация, которая содержится в ЛНТК в разделе о династии Хонг Банг, включая историю о происхождении вьетнамцев, была составлена средневековыми вьетнамскими авторами исключительно на основе компиляции древних китайских сюжетов. Эрудиция Л. Келли, а также гигантский труд, проделанный им по сопоставлению сюжетов, отраженных в письменных памятниках Вьетнама и Китая, не могут не вызывать уважения, однако, на наш взгляд, интерпретировать информацию средневековых вьетнамских источников только лишь через призму китайских памятников, вне всякой связи с местными традициями, не совсем оправданно. В этой связи мы видим свою задачу в том, чтобы, не отрицая очень существенного влияния на содержание текстов ЛНТК со стороны древнекитайских источников, на материале предания о происхождении вьетнамцев показать, что глубинные истоки многих сюжетов этих текстов, тем не ме-

нее, следует искать в местных фольклорных формах. В качестве материала для сопоставления сюжетов мы будем использовать элементы вьет-мыонгского⁶ фольклора, различные формы которого до сих пор сохраняются у близкородственной вьетам народности — мыонгов.

Мотив происхождения из ста яиц

Происхождение предков из ста яиц воспринимается современными вьетнамцами как устойчивый элемент предания и, как правило, не подвергается какому-либо анализу.

В средневековых вьетнамских источниках факт появления первых вьетнамцев из яиц трактуется как явление особенное или, по меньшей мере, странное. В ЛНТК эпизод о рождении ста сыновей изложен следующим образом: «Ау Ко была в тяжести, и вот она разрешилась от бремени каким-то странным свертком с яйцами. Супруги решили, что это бесовские проделки, и выбросили его в поле. Через семь дней сверток раскрылся, там оказалось ровно сто яиц. Скорлупа на тех яйцах треснула, и из каждого вышел мальчик. Увидев такие чудеса, Ау Ко забрала детей домой, чтобы выкармливать их, но малыши не нуждались в молоке»⁷. Автор аналогичного сюжета, зафиксированного в ТТ, сообщает, что Лак Лонг Куан «...взял в жены дочь Ди Лая по имени Ау Ко, которая родила сто сыновей <по преданию, снесла сто яиц>...». Далее автор особо отмечает, что Лак Лонг Куан «...чудесным образом родил и взрастил сто сыновей»⁸ (курсив наш. — Н.Г.) и, приводя примеры из китайской мифологии, поясняет столь необычное появление предков тем, что «...рождение мудреца и достойного непременно отличается от [рождения] обыкновенного [человека]. Ведь именно оно [совершается] по приказу [самого] Неба»⁹. В одном из более поздних памятников эта деталь квалифицируется как «ошибка»: в комментариях, содержащихся в исторической хронике конца XVIII в. «Предшествующие исторические записи о Дайвьете» (Đại Việt sử ký tiền biên), Нго Тхи Ши, анализируя «ошибки» Нго Ши Лиена, автора ТТ, оценивает информацию о рождении мешка с яйцами как «чушь» (thuyết vớ vẩn)¹⁰.

Л. Келли, привлекая китайские источники, допускает возможность соотнесения сюжета о появлении у дракона и феи ста яиц с фрагментом текста, описывающего процесс размножения крокодилов¹¹.

Однако, если сопоставить этот фрагмент предания с мыонгским фольклором, то становится очевидным, что мотив происхождения из ста яиц явно связывает историю о появлении детей феи и дракона с древним вьет-мыонгским этиологическим мифом, сохранившимся во всех районах проживания мыонгов в составе свода эпических сюжетов «Рождение земли, рождение воды» (вьетн. «Đẻ đất đẻ nước», мыонгск. «Te tác te đác»)¹². Согласно этому мифу все сущее, в том числе первые люди, произошли из ста (тысячи или десяти тысяч) яиц, появившихся у пары птиц-прародителей (Chim Ấu, Cái Úa или Trống Chim Tùng, Mái Chim Tót).

Мотив о происхождении из яйца (множества яиц) достаточно широко распространен в мифологии народов Юго-Восточной Азии. По мнению Г.Г. Стратановича, в этой части азиатского континента мотив «происхождения из яйца», в отличие от мотива «происхождения из тыквы», — это признак «второго рождения», формирования «сперва в далеких областях предков» и после прихода в современные области обитания — вторичного формирования с ассимиляцией каких-то аборигенных групп¹³. На вьетнамском материале данное наблюдение Г.Г. Стратановича убедительно подтверждается последними результатами исследований в области истории вьет-мыонгских языков, которые свидетельствуют о том, что носители вьет-мыонгских языков не были исконным населением Северного Вьетнама, а также жителями речных долин и морских побережий, как это было принято считать раньше; вьет-мыонги пришли в земли своего проживания с юга, из района нынешнего вьетнамо-лаосского приграничья, расселяясь изначально на возвышенностях, и лишь постепенно (вероятно, в течение второй половины I тысячелетия до н.э.) спускаясь в низины, населенные прежде прототайскими народами¹⁴.

Таким образом, мотив происхождения из ста яиц, с одной стороны, связывает вьетнамское этногенетическое предание с

мифологией других народов Юго-Восточной Азии, а, с другой стороны, подтверждая гипотезу Г.Г. Стратановича, свидетельствует о наличии в этнической истории вьет-мыонгов миграционных и ассимиляционных процессов. Следующий этап этнической истории вьет-мыонгов (китаизация и начало этнического размежевания вьетов и мыонгов) нашел свое отражение в тех эпизодах предания, которые сообщают подробности о происхождении, союзе, расставании первопредков и разделении их потомства.

Эволюция первопредков в мифологии вьет-мыонгов: от пары птиц к дракону к фее

Выше уже отмечалось, что, как и некоторые другие народы Юго-Восточной Азии, мыонги, в отличие от вьетнамцев, почитают в качестве своих прародителей пару птиц¹⁵. Это обстоятельство, вероятно, связано с тем, что предки мыонгов, населявшие более возвышенные и удаленные от административных центров районы, были в меньшей степени подвержены китайскому влиянию и лучше сохранили древние формы общей вьет-мыонгской, и шире — мон-кхмерской, культуры.

В целом птицы ассоциируются в мыонгской традиции с небом и связаны со сферой сакрального. В птиц, по представлениям мыонгов, превращаются со временем души умерших. Наряду с рыбой и оленем, птицы входят в состав мыонгского трехчастного комплекса животных — символов миров: рыба ассоциируется с водным миром, олень — с земным, птицы — с небесами. Изображения животных-символов трех миров можно найти на многих предметах материальной культуры мыонгов; они используются в шаманских ритуалах и особенно широко при проведении похоронного обряда¹⁶.

У вьетов (кинъ) большее распространение получили зооморфные символы, связанные с китайской культурной традицией: дракон, феникс, единорог, черепаха. Один из них, дракон, во вьетнамской мифологии был переосмыслен в правителя-демиурга и первопредка. Как и в китайской мифологии, этот персонаж связан с идеей императорской власти и функцией властителя водной стихии.

На первый взгляд, в этиологических представлениях и наборе мифологем мыонгов и вьетов мало общего, однако сопоставительный анализ фольклорного материала позволяет проследить процесс перехода от мифологического сознания древних вьет-мыонгов (отражение которого до сих пор сохраняются в фольклоре мыонгов) через использование китайских стандартов к мифологии вьетов. Особенно наглядно этот переход можно проследить, проведя анализ трансформации образов первопредков.

Значение ханвьетского имени дракона-первопредка, Лак Лонг Куана (Lạc Long Quân), вполне понятно: правитель-дракон из рода Лак. Согласно «родословной» Лак Лонг Куана, досконально разработанной в средневековых вьетнамских источниках, он представляет пятое поколение прямых потомков Шэньнуна, китайского божества земледелия. В недавних работах ряда исследователей обращено внимание на то, что появление этого персонажа во вьетнамской мифологии следует относить к достаточно позднему времени, очевидно, соотносимому со временем составления ЛНТК и ТТ, т. е. к XIV—XV вв. н.э.¹⁷ Более того, в статье 2002 г. В.И. Антощенко предположил, что культ Лак Лонг Куана (как, впрочем, и культ Ау Ко) «насаждался сверху», так как «во всем Вьетнаме существует единственный поминальный храм, посвященный Лак Лонг Куану, на северном берегу озера Чукбать, да и он был установлен за государственный счет»¹⁸. В 2009 г. в провинции Футхо на холме Сим (Sim) в составе мемориального комплекса королей Хунгов был открыт еще один поминальный храм, посвященный дракону-первопредку¹⁹. Однако, вполне очевидно, что возведение этого нового храма было осуществлено в рамках очередного этапа государственной политики по созданию и укреплению вьетнамской национальной идеи, что лишь подтверждает предположения о государственном характере культа Лак Лонг Куана во Вьетнаме и отсутствии у него глубоких корней в мифологическом сознании вьет-мыонгов²⁰.

Образ матери-прародительницы, феи Ау Ко, представляется еще более сложным для современного носителя вьетнамской культуры. Ее имя, записанное в латинице, ничего не сообщает вьетнамцу, незнакомому с основами иероглифической пись-

менности. Большинство жителей Вьетнама полагают, что это имя собственное, лишенное какой-либо смысловой нагрузки, однако, если обратиться к иероглифической записи имени матери-прародительницы (嫫姆??), то можно обнаружить, что это нарицательное существительное с возможными значениями «красавица, наложница императора, волшебница, фея». Таким образом, вьетнамское выражение «фея Ау Ко» (nàng tiên Âu Cơ) является по сути тавтологией.

Култ Ау Ко, также как и култ Лак Лонг Куана, не является по своему характеру народным культом. Мать-прародительница Ау Ко не входит в пантеон святых матерей (Thánh Mẫu) и не может сравниться по популярности с такими почитаемыми во Вьетнаме женскими божествами, как святая мать принцесса Лиеу Хань (Liêu Hạnh) или бодхисатва Гуаньинь (Quan Âm). Исторически почитание Ау Ко (например, в качестве духа-хранителя общины — thành hoàng) было больше связано с идеологией вьетнамской элиты, нежели с народными верованиями²¹. Первый и, как кажется, единственный поминальный храм Ау Ко был возведен в начале правления династии Поздние Ле, в XV в., в уезде Хахоа провинции Футхо.

Следует отметить, что для исследователей этот персонаж тоже не вполне понятен. Так, авторы перевода ТТ на русский язык в комментариях сообщают следующее: «Ау Ко (кит. Юй Цзи) как персонаж китайской мифологии неизвестна. Ее имя состоит из иероглифов *юй*, в кругу значений которого есть «согреть своим телом» и даже «высиживать [яйца у птиц]»²². К. Тэйлор очень осторожно предполагает, что «настоящая Ау Ко, мать королей Хунгов, вероятно, более корректно могла бы ассоциироваться с Нгу Ко, небесной ланью в версии мифа, который распространен среди мыонгов, проживающих на возвышенностях и являющихся близкими родственниками вьетнамцев»²³.

Ассоциация Ау Ко (Нгу Ко) с «небесной ланью» впервые была зафиксирована в работе Ж. Кьюзинье «Мыонги: география культуры и социология». Во введении к своей книге Ж. Кьюзинье сообщает:

«...в эпоху короля Йит Йанга (Хунга Вьонга у аннамитов) случилась большая засуха. До того, как засуха наступила, принцесса

Нгу Ко (Ngu Kô, Âu Cơ у аннамитов), которая была пятнистым оленем, и принц Лыонг Вонг (Luong Wong, вероятно, Luong Vương), который был рыбой, стали супругами; когда солнце иссушило все источники, Нгу Ко родила сто яиц, из которых вышли пятьдесят мальчиков и пятьдесят девочек. С самого рождения дети голодали; родители стали ссориться и расстались, причем каждый забрал с собой пятьдесят детей. Лыонг Вонг увел своих детей к устью реки, где они создали династию правителей в желтых одеждах, а Нгу Ко увела своих детей на холмы, где они создали династию правителей в черных одеждах»²⁴.

Ж. Кьюзинье уточняет, что, хотя многие легенды мыонгов уже забыты, история об олене и рыбе — одна из немногих, которые в 40-е годы XX в. все еще рассказывали при совершении похоронного обряда в семьях Куать и Динь²⁵. То, обстоятельство, что легенда сопровождала похоронный обряд (т. е. ритуал, связанный с культом предков), с точки зрения Ж. Кьюзинье, являлось свидетельством того, что легенда имела глубокие корни в культуре мыонгов. С другой стороны, сюжет и имена персонажей очевидно соотносились с «аннамитской легендой» о драконе Лак Лонг Куане и фее Ау Ко²⁶. Какие-либо комментарии о том, почему иероглифы, обозначающие имя героини, озвучивались мыонгами не в соответствии с правилами ханвьетских чтений, а так, как это принято озвучивать у носителей гундунского диалекта, в работе Ж. Кьюзинье отсутствуют²⁷. Точно так же нет никаких ремарок о том, почему у «принцессы, которая была пятнистым оленем» родилось сто яиц.

Л. Келли, отстаивая свое мнение о том, что сюжет о детях дракона и феи, как и все остальные сюжеты о династии Хонг Банг, был воспринят средневековыми авторами из китайских сочинений, рассуждает следующим образом: «...должна была быть какая-то история, рассказываемая неграмотными людьми (by illiterate «folk») где-либо в районе дельты Красной реки о неких Лак Лонг Куане и Ау Ко, которую средневековые вьетнамские авторы могли бы записать и затем обработать. Однако, даже если такая история и существовала, достаточно неоправданно приписывать ей древнее происхождение и глубокое культурное значение, как это делают вьетнамские авторы, особенно

в ситуации, когда потенциально существует гораздо более прозаичное свидетельство об источнике подобной истории»²⁸. И далее Л. Келли цитирует китайского автора начала XV в., описывающего процесс размножения крокодилов в южных землях:

«Каждый раз, когда наступает время деторождения, самка крокодила откладывает несколько десятков яиц. После того, как из них вылупляются детеныши, те из них, кто спускается в воду, становятся крокодилами, а те, кто поднимается на берег, — змеями и червями. Иногда мать съедает детенышей, чтобы предупредить чрезмерное увеличение численности»²⁹.

Мы склонны не согласиться с Л. Келли в том, что приведенный пассаж о размножении крокодилов — «гораздо более прозаичное свидетельство об источнике» вьетнамского предания. Даже если допустить, что легенда о принцессе Нгу Ко и принце Лыонге Вонге, записанная Ж. Кьюзинье, могла быть заимствована мыонгами от вьетнамцев (как это принято считать в среде вьетнамских исследователей) или испытала сильное вьетское влияние, есть неоспоримые свидетельства того, что легенда о Нгу Ко и Лыонг Вонге — результат эволюции древних вьет-мыонгских мифологических представлений. Заметим, что китайское влияние в тексте легенды, который был записан Ж. Кьюзинье, проявляется лишь в именах культурных героев; другие детали и сюжетная линия сопоставимы с мыонгской легендой о девушке по имени Пятнистый олень и юноше по имени Карп (Nàng Hươu Sao và chàng Cá Chép):

«Давным-давно жила красивая девушка, которую звали Пятнистый олень. Однажды Пятнистый олень спустилась к ручью напиться воды и встретила там Карпа, правителя подводного мира. Молодые полюбили друг друга, и у них должны были родиться дети. Однако в тот год случилась сильная засуха, и Карп должен был вернуться в глубоководье, оставив девушку-оленья одну. Когда пришел срок, у девушки по имени Пятнистый олень родилось сто детей: пятьдесят мальчиков и пятьдесят девочек. Дети хотели пить и громко плакали. Жалея детей, Пятнистый олень позвала мужа, чтобы разделить с ним потомство. И пятьдесят детей последовали за матерью в лес, а пятьдесят детей последовали за отцом в устье реки. Карп и его дети основали на равнине династию

правителей в желтых одеждах. Это были предки киней. А Пятнистый олень и ее дети остались в лесу и основали династию правителей в синих (индиго) одеждах; они разрабатывали землю и развивали ремесла. Это были предки мыонгов»³⁰.

Очевидно, что приведенный вариант мыонгской легенды является более ранним по сравнению с текстом, записанным Ж. Кьюзинье: главные герои здесь в меньшей степени наделены антропоморфными чертами, многие детали привязывают повествование к лесу, т. е. к возвышенностям. Характерно, что в этой версии легенды есть указание на вид рыбы-отца (карп), а цвет одежд правителей у мыонгов указан иначе — темно-синий, индиго (а не черный)³¹; упоминание о рождении детей из ста яиц отсутствует.

Следует признать, что оба варианта легенды о матери-оленихе и отце-рыбе в наши дни не относятся к числу широко известных³², однако оба приведенных текста явно восходят к другой древней легенде мыонгов, отражающей представления о животных — символах миров:

«...однажды юноша-охотник (где-то его называют Ту Зит—Ту Занг, где-то Бу Лет—Бу Лем) пошел в лес на охоту. Там он увидел, что Олень и Рыба режутся у небольшого водоема — Олень лежит у подножия холма, а Рыба лежит у берега в воде. Охотник уже прицелился, чтобы выстрелить, как Олень и Рыба в два голоса взмолились:

— О, господин!

Прошу тебя:

Ты не убивай меня, господин!

Не сегодня-завтра

ты, господин, вернешься к предкам

И предстанешь перед Правителем Небес, перед божествами.

Флажок со зверем укажет тебе дорогу

Флажок с рыбой укажет тебе путь.

Перья павлина и перья зимородка

Флажок со зверем не даст тебе заблудиться в лесу

Флажок с рыбой не даст тебе утонуть под водой...

Охотник растрогался и отпустил животных. С тех пор, когда в мыонге кто-то умирает, шаман делает два флажка и рисует на

них Оленя и Рыбу — животных, которые символизируют подводный и наземный мир. Они провожают души умерших в подводный мыонг и в мыонги на поверхности земли...»³³.

Приведенный текст поясняет важную часть похоронного обряда мыонгов — ритуал *Mo Zūn*. Этот ритуал сопровождал траурные церемонии в аристократических семьях и исполнялся тремя шаманами: главный шаман держал флажок из белой ткани с изображением оленя с повернутой назад головой («флажок зверя»); первый помощник шамана тоже держал в руке флажок из белой ткани, но с изображением рыбы («флажок рыбы»); второй помощник шамана держал свитый из соломы полумесяц, в котором были закреплены перья павлина и зимородка. Все трое покачивали флажки и перья в такт повествования³⁴. После окончания похорон «флажок зверя» и «флажок рыбы» оставляли на дороге, ведущей к кладбищу, или клали на могильный холм; соломенный полумесяц с перьями главный шаман уносил с собой и хранил до следующих похорон³⁵.

Анализируя атрибутику ритуала *Mo Zūn* и содержание легенды об охотнике, оленихе и рыбе, можно заметить, что в этих формах мыонгской культуры нашла свое отражение уже описанная выше зооморфная символика. Однако олень и рыба здесь не только являются символами двух миров, но выполняют и другую функцию — функцию провожатых в мир предков («флажок зверя» и «флажок рыбы», которые сопровождают умершего к предкам). Переход от легенды об охотнике, оленихе и рыбе к легенде о девушке по имени Пятнистый олень и, далее, к легенде о принцессе Нгу Ко («которая была пятнистым оленихом»), вероятно, мог произойти в результате того, что функции оленя и рыбы, символов двух миров и провожатых в мир предков, были переосмыслены: эта пара животных-символов приобрела функцию предков-прародителей.

Следует полагать, что трансформация представлений о паре «олень и рыба», скорее всего, не носила повсеместного характера, что может объяснять ограниченность распространения легенд о детях матери-оленихи и отца-рыбы в наши дни. Этот сдвиг мифологического сознания мог произойти лишь в каком-то одном или нескольких близких районах проживания

вьет-мыонгов или же в какой-то определенной социальной группе³⁶ (напомним, что до 1945 г. ритуал *Mo Zũn* проводился только в семьях мыонгской знати, и только на похоронах представителей двух мыонгских родов в 40-е годы XX в. рассказывали легенду о Нгу Ко). Впоследствии, на этапе фиксации предания о происхождении вьетнамцев, сюжет о матери-оленихе и отце-рыбе мог быть переосмыслен в китайском ключе (самка оленя трансформировалась в фею или принцессу, а рыба — в дракона)³⁷ и дополнен элементами этиологического мифа вьет-мыонгов о происхождении всего сущего из множества яиц.

«В древнекитайских сочинениях, безусловно, содержится бесчисленное количество историй о драконах и бессмертных, действие которых происходит в районах к югу от Янцзы»³⁸, однако не только эти сочинения, как полагает Л. Келли, могли послужить средневековым вьетнамским авторам источником для создания предания о детях феи и дракона. Мы допускаем, авторы легенд и преданий, включенных в ЛНТК, были хорошо знакомы с «Биографией Лю И»³⁹ и, очевидно, вполне могли использовать почерпнутые в этом сочинении образы и сюжеты, а также заимствовать объяснения различий между родом драконов и родом бессмертных небожителей («вода и огонь подавляют друг друга»), однако в большей степени, как нам кажется, они ориентировались все-таки на местную фольклорную традицию, отражение которой мы находим в легендах и ритуалах мыонгов.

Так, например, фольклорный материал дает нам основания считать, что олень ассоциировался у древних вьет-мыонгов не только с земным миром, но и со стихией огня. В некоторых мыонгских поселениях существовал запрет на совершение ритуальных подношений блюдами из мяса оленя при совершении обрядов, связанных с земледелием, так как олень считался символом солнца и огня, и употребление его мяса могло спровоцировать засуху и гибель урожая⁴⁰. Напомним, что во всех приведенных мыонгских легендах упоминания об оленихе или даже о принцессе Нгу Ко, «которая была пятнистым оленем», сопровождаются ремаркой о «великой засухе». Более того, в составе сводов «Рождение земли, рождение воды» содержатся тексты обращений к

высшим силам, которые охотник, убивший оленя, должен озвучить, чтобы испросить разрешение на употребление его мяса в пищу⁴¹. Таким образом, ассоциация стихии огня и стихии воды с парой «олень и рыба» представляется более естественной и непротиворечивой по сравнению с парой «фея и дракон».

Мотив о разделении потомства

Как и вьетнамское предание о фее и драконе, мыонгские легенды об оленихе и рыбе (в двух более поздних и полных версиях) содержат в себе мотив о расставании родителей, разделении детей и расселении по территориям с различным ландшафтом. Мыонгские легенды сообщают нам информацию об этих процессах более точно и правдоподобно: среди родившихся детей были не только мальчики, но и девочки; расселившись по лесам (горам) и равнинам, они создали две династии правителей — в одеждах желтого (золотого) цвета и в одеждах черного (синего) цвета. При этом повествование построено так, что местонахождение матери-оленихи локализовано в лесах, а отец-рыба, властитель водного мира, мигрирует по течению реки. Отец уводит часть детей, рожденных в лесу, на возвышенностях, в новые земли к устью реки, и мы знаем о них гораздо меньше, нежели о тех, кто остался в лесу вместе с матерью. В подобном же ключе изложено предание о детях феи и дракона в первоначальной версии ЛНТК: те дети, которые остались с матерью-феей в горах, создали династию королей Хунгов и т. д.

Очевидно, что мыонгские легенды о детях оленихи и карпа — это истории о миграции части прежде единой общности в новые земли, из леса и гор на равнины, в устья рек. Характерно, что именно так описывал последние этапы миграции вьет-мыонгов по территории нынешнего Северного Вьетнама Нгуен Тай Кан в работе по исторической фонетике вьетнамского языка⁴². Этот этап этнической истории вьет-мыонгов, как показывают исследования лингвистов, был связан с активными языковыми и культурными контактами с прототайскими группами, которые, вероятно, составляли предшествующее население северовьетнамских равнин.

Информацию о двух династиях правителей в одеждах желтого (золотого) цвета на равнинах и в одеждах черного (синего) цвета в горах, вероятнее всего, следует воспринимать как начало этнокультурного размежевания среди вьет-мыонгов, их разделения на две общности — кинь и мыонг.

Тот факт, что вьет-мыонгский мифологический сюжет о миграции из гор на равнины был использован потомками мигрантов, жителями равнин, в качестве основы этногенетического предания, не удивителен и имеет аналогии в мировой культуре.

Заключение

Вьетнамское этногенетическое предание и многие сопоставимые с ним мифологические сюжеты мыонгов построены на оппозициях: земля (огонь) — вода, наземный мир — подводный мир, горы — равнины, женское — мужское, правители в черных (синих) одеждах — правители в желтых одеждах. Древним вьет-мыонгам, как и носителям многих других архаичных культур, было свойственно дуалистическое видение мира, и многие системы оппозиций, которые были характерны для их мифологического сознания, вероятнее всего, сформировались еще до китайских завоеваний, независимо или под влиянием контактов с другими этнокультурными общностями, среди которых, в первую очередь, следует назвать прототайские. В течение I тысячелетия н.э., в эпоху зависимости от Китая, в районах наиболее активного культурного взаимодействия вьет-мыонгской элиты и переселенцев с севера, в городах и крупных поселениях на равнинах, под влиянием китайской традиции сформировалась новая этнокультурная общность (они позже будут именоваться «кинь») с новым самосознанием и новыми культурными установками. Эта новая общность объединила тех, кто «научился выражать свою некитайскую сущность в категориях китайского культурного наследия»⁴³. В последующие столетия, образованные представители этой общности занимались осмыслением собственной идентичности и формированием своей национальной идеи. Именно тогда, в средние века, древние вьет-мыонгские сюжеты и фольклорные герои были подвергнуты переос-

мыслению, и так возникло предание о происхождении той части жителей Дайвьета, которые стали называть себя вьетами. Несмотря на явно китаизированный характер этого предания, который сказывается в «китайском происхождении» главных героев и их имен, а также в характерном для более поздних версий доминировании мужской, отцовской линии, корни многих элементов этого предания следует искать во вьет-мыонгском фольклоре, различные формы которого сохранили мыонги, соседи и ближайшие родственники вьетов.

Примечания

¹ Полное изложение предания на русском языке можно найти в: Мифы и предания Вьетнама / предисл., пер. с вьетнамского и ханвана, коммент. Е.Ю. Кнорозовой. СПб, 2000. С. 74—78.

² Вплоть до настоящего времени вьетнамцы именуют себя «детьми дракона и феи» (con rồng cháu tiên) и совершают поклонения в храмах «прародителей» короля-дракона Лак Лонг Куана и матери-феи Ау Ко.

³ В русскоязычной литературе встречаются иные варианты перевода названия этого сборника: «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор» (Кнорозова Е.Ю. Странствия в бесконечном. Вьетнамская традиционная проза малых форм. СПб, 2009); «Дивные повествования земли Линь Нам» (Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза / перевод с вьетнамского М. Ткачева. М., 1969), «Удивительные сказания о Линьнаме» (Познер П.В. Древний Вьетнам. Проблема летописания. М., 1980).

⁴ Характерно, что более поздние изложения предания в соответствии с конфуцианскими установками чаще повторяют версию ТТ. Детальный анализ вариантов предания, содержащихся в ЛНТК и в ТТ, приведен в: Taylor K.W. The Birth of Vietnam. 1983, с. 303. Так, К. Тэйлор отмечает, что если по версии ЛНТК Ау Ко до вступления в брак с королем-драконом была наложницей пришедшего на земли Северного Вьетнама китайского правителя Ди Лая, то в изложении Нго Ши Лиена, составителя ТТ, она представляется его дочерью. Таким образом, по мнению К. Тэйлора, прародитель-дракон как бы «освобождается от ответственности» за соблазнение «чужой женщины».

Другое, более значимое, расхождение в текстах ЛНТК и ТТ состоит в объяснении происхождения династии королей Хунгов: по версии ЛНТК, первый король Хунг был старшим из тех 50 сыновей, которые остались с матерью-феей в горах; ТТ же связывает происхождение династии Хунгов с детьми, которые последовали за отцом-драконом в сторону моря.

⁵ Kelley L. The Biography of the Hồng Bàng Clan as a Medieval Vietnamese Invented Tradition // Journal of Vietnamese Studies. Vol. 7. № 2. Н., 2012. P. 87—130.

⁶ Здесь и далее термином «вьет-мыонги» мы будем обозначать единую этническую общность, существовавшую до ее разделения на две группы — вьетов (кинх) и мыонгов. Процесс формирования представлений о вьетах и мыонгах как о двух различных народах представлен в работе: Taylor K.W. On being Muonged // Asian Ethnicity. Vol. 2. № 1. March 2001. P. 25—34.

Как и К. Тэйлор, мы полагаем, что до начала XX в. вьеты и мыонги не были этнически противопоставлены друг другу. Предки тех, кого мы теперь называем вьетами и мыонгами, воспринимали себя единой общностью, различая лишь места проживания и соответствующим образом обозначая жителей: тех, кто жил в горных поселениях (мыонг, *muông*), и тех, кто жил в городах, а затем, в целом, на равнинах (кинх, *kinh*). «Городские» постепенно приобрели статус т.н. «титутной нации», и применительно к ним стали использоваться этнонимы, связанные с названием государственных образований — вьеты, тонкинцы, аннамиты, вьетнамцы.

⁷ Литературный перевод Е.Ю. Кнорозовой (Мифы и предания Вьетнама. С. 75—76).

⁸ Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). Т. 1. Пер. с ханвьета К.Ю. Леонова и А.В. Никитина при участии В.И. Антощенко, М.Ю. Ульянова, А.Л. Федорина. М., 2002 (Памятники письменности Востока. СXXX, 1). Цит. по: URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Suedostasien/XVII/1680-1700/Poln_so_b_ist_zap_Dajvjet/Tom I/ frametext3.htm.

⁹ Там же. Автор ТТ приводит следующие примеры чудесного, необычного, появления основателей известных китайских династий: «[Госпожа Цзянь-ди] проглотила яйцо ласточки, и родился Шан. [Госпожа Цзянь Юань] наступила на след великана, и появился Чжоу. Именно таковы все засвидетельствованные случаи». Из комментариев к тексту мы узнаем, что «согласно легенде, предок дома Шан—Инь

был зачат после того, как его мать, госпожа Цзянь-ди, проглотила яйцо, которое уронила пролетающая ласточка», а мать предка дома Чжоу зачала и родила его после того, как наступила на след великана.

¹⁰ Đại Việt sử ký tiền biên (Предшествующие исторические записи о Дайвьете). Hà Nội, 1997. Tr. 41.

¹¹ Kelley L. Op. cit. P. 104.

¹² Сбор и изучение текстов мыонгского эпоса началось во Вьетнаме в 70-е годы прошлого века. Результаты работы вьетнамских фольклористов свидетельствуют о том, что, хотя по своей сути собранные сюжеты являются отражением единой культурной традиции, между сводами текстов, записанных в разных провинциях и даже уездах, существуют заметные различия, которые проявляются в наборе сюжетов, их количестве, названиях реалий, именах культурных героев и др. (Нуккулин Н.И. Собрание в Социалистической Республике Вьетнам мыонгских мифо-эпических сказаний // Фольклор. Поэтика и традиция. М., 1982. С. 320—329).

¹³ Стратанович Г.Г. Этногенетические мифы об исходе из яйца или тыквы у народов Юго-Восточной Азии // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 62—73.

¹⁴ Ferlus M. Sur l'origine des langues Viet-Muong // Mon-Khmer Studies XVIII—XIX. 1992. P. 52—59; Nguyễn Tài Cẩn. Giáo trình lịch sử ngữ âm tiếng Việt (Нгуен Тай Кан. Курс исторической фонетики вьетнамского языка). Hà Nội, 1995. Tr. 321—322.

¹⁵ Отметим, что иероглифы, которыми в ЛНТК записано название династии Хонг Банг, могут иметь значение «большая птица, дикий гусь, лебедь». В некоторых древнекитайских текстах эти знаки используются для обозначения больших мистических птиц (выражаю благодарность К. Тэйлору за полученные разъяснения). У мыонгов при отпирании похоронного обряда пару птиц символизируют два павлиньих пера.

¹⁶ Bùi Huy Vọng. Sơ bộ tìm hiểu bộ ba cặp biểu tượng Hươu—Cá—Chim trong văn hoá Mường // Báo Hòa Bình 11.04.2009 (Буй Хюи Вонг. Предварительное исследование трехчастного комплекса символов «Олень—Рыбы—Птицы» в культуре мыонгов // газета «Хоабинь»).

¹⁷ Kelley L. Op. cit. P. 104—105.

¹⁸ Антощенко В.И. Мифологические персонажи в государственном пантеоне духов во Вьетнаме // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2002. № 4. С. 124—125.

¹⁹ Đền Lạc Long Quân — nơi quy tụ giá trị tâm linh (Храм Лак Лонг Куана — место сосредоточения духовных ценностей) — URL: <http://www.vietnamplus.vn/Home/Den-Lac-Long-uan--noi-quy-tu-gia-tri-tam-linh/20104/41859.vnplus>

²⁰ У мыонгов образ дракона, Лонг Вонг (Long Wong), присутствует в изобразительных сюжетах (например, на алтарях предков некоторых семей) и мифологических представлениях, однако этот образ нельзя считать хорошо разработанными и имеющим глубокие корни в народной культуре. В записях мыонгского эпоса упоминаний о драконе во вьетнамско-китайском понимании этого образа нет.

²¹ Антощенко В.И. Мифологические персонажи. С. 124—125.

²² Полное собрание исторических записок Дайвьета.

²³ Taylor K.W. Op. cit. P.22.

²⁴ Cuisinier J. Les Muong: Geographie humaine et Sociologie. Paris, 1948. P. XII—XIII.

²⁵ Семьи Куать (Quách) и Динь (Đinh) наряду с семьями Бать (Bách) и Ха (Hà) составляли 4 «больших рода» мыонгской аристократии (Lang Đao). См.: *Trường Sĩ Hùng. Sử thi thần thoại Mường (Чыонг Шу Хунг. Эпос и мифы мыонгов)*, Hà Nội, 1992. Тр. 162. Иногда к числу «больших родов» вместо рода Ха относят род Хоанг (Hoàng). См.: *Đề đất đẻ nước. Kỷ yếu hội nghị chuyên đề. (Рождение земли, рождение воды. Материалы тематической конференции)*. Thanh Hóa, 1974. Тр.104.

²⁶ Cuisinier J. Les Muong. Op. cit. P.XII—XIII.

²⁷ В настоящий момент мы не располагаем какими-либо убедительными разъяснениями по данному вопросу.

²⁸ Kelley L. Op. cit. P.104.

²⁹ Ibid.

³⁰ До 2011 г. эта легенда была представлена на странице вьетнамской Википедии, посвященной мыонгам (URL: http://vi.wikipedia.org/wiki/Ng%C6%B0%E1%BB%9Di_M%C6%B0%E1%BB%9Dng). Впоследствии текст легенды был изъят, однако в виде копий и пересказов сохранился на многих других сайтах в сети Интернет. Любопытно, что именно этот вариант легенды непреднамеренно излагает Чан Куок Вьонг (*Trần Quốc Vương. Triết lý trông đồng // Trông đồng vùng đất tổ (Чан Куок Вьонг. Философия бронзовых барабанов // Бронзовые барабаны земли предков)*. Phú Thọ, 2001. Тр. 195). При том, что уважаемый вьетнамский историк ссылается на Ж. Кьюзинье (без указания названия книги и страниц), он, очевидно, не вполне обоснованно полагаясь на

собственную память, сообщает несколько другую, известную ему версию легенды.

³¹ Ритуальное одевание мыонгских шаманов обычно синего или черного цвета; в нарядном мужском костюме преобладают фиолетовые и черные цвета.

³² В ходе полевого исследования в провинции Футхо в 2012 г. нам удалось обнаружить лишь некоторые косвенные свидетельства прежнего существования этой легенды. Так, некоторые пожилые люди из числа мыонгов сообщали, что знают легенду об Оленях и Карпе, но рассказывали другие по содержанию истории. Наиболее значимой в данном контексте следует считать информацию, о том, что во многих мыонгских семьях этой провинции сохраняется запрет на употребление в пищу определенного вида местной рыбы (cá măng, ханос, chanos chanos), который жители почему-то соотносят с карпом (cá chép). Некоторые говорили, что именно эту рыбу нельзя употреблять в пищу потому, что «это рыба-дух, сын/перевоплощение дракона (Long Wong)»; другие сообщали, что это ядовитая рыба, и многие, кто ел ее, умерли. Заметим, что ханос является одной из основных промысловых рыб в Азии; особенность жизненного цикла ханосов состоит в том, что они откладывают икру вблизи морского побережья, где и выводятся мальки. В течение нескольких недель мальки подрастают в море, а затем поднимаются в мангры, устья рек и озера. Для спаривания взрослые особи снова мигрируют в море.

³³ Буй Хюи Вонг; в частной переписке автор уточнил, что слово «moong» (мыонгск. mong, «зверь») обозначает в мыонгском языке любое дикое животное; на «флажке со зверем» (cờ con moong) всегда изображают пятнистого оленя в определенной позе — с повернутой назад головой. Изложению этой легенды обычно предшествует сообщение о «великой засухе» («trời đại hạn»). Выражаю Буй Хюи Вонг, члену Вьетнамской ассоциации фольклористов, благодарность за предоставленные разъяснения.

³⁴ Буй Хюи Вонг. У мыонгов при совершении всех обрядов жизненного цикла шаманы нараспев рассказывают известные им легенды и истории, в основном, из числа сюжетов, относящихся к своду «Рождение Земли, рождение Воды».

Ритуал Mo Zũn долгое время во Вьетнаме был под запретом в связи с уничтожением национальной земельной аристократии как социальной прослойки, а также в связи с развернувшейся борьбой «с суевериями и предрассудками». Однако в последние годы в некоторых мы-

онгских семьях этот ритуал снова проводится. Документальный фильм о похоронном обряде мыонгов, который демонстрируется во Вьетнамском этнографическом музее в Ханое («Đám ma của người Mường»), отражает эпизоды подготовки и исполнения этого ритуала.

³⁵ Выражаю Буй Хюи Вонг, члену Вьетнамской ассоциации фольклористов, благодарность за предоставленные разъяснения.

³⁶ Отметим, что именно такую схему выделения вьетнамского языка из протовьет-мыонгских диалектов предлагает Дж. Фан (*Phan J. Re-Imagining «Annam»: A New Analysis of Sino—Viet—Muong Linguistic Contact // Chinese Southern Diaspora Studies. Vol. 4. 2010. P. 3—24*).

³⁷ Мифологическая трансформация рыбы (карпа) в дракона ежегодно происходит в 23-й день 12-го лунного месяца, в праздник проводов духа Домашнего очага. В этот день у вьетнамцев принято выпускать в водоемы карпов или размещать на алтаре предков блюда из рыбы. Считается, что, превратившись в дракона, карп доставит духа Домашнего очага на Небо к Яшмовому императору.

Трансформацию пятнистого оленя в прекрасную девушку можно наблюдать на материале легенды ли (хлаи), которые, так же как и вьетнамцы, считаются потомками лаквьетов. Характерно, что скульптурная композиция, которая была сооружена по мотивам этой легенды и помещена в парке на полуострове Лухуэйтоу острова Хайнань, изображает оленя в той же самой характерной позе с повернутой назад головой.

³⁸ Парафраз цитаты из эссе Kelley L. P.104.

³⁹ Kelley L. Op. cit. P. 104—105.

⁴⁰ Trần Từ. Người Mường ở Hòa Bình. Hà Nội, 1997. Tr. 176.

⁴¹ Trường Sơn Hùng. Sử thi thần thoại Mường. Tr. 79—80.

⁴² Trường Sơn Hùng. Ibid. Tr. 321—322.

⁴³ Taylor K.W. Op. cit. P. XXI.

Т.Н. Филимонова

«ОБНОВЛЕНИЕ» ВО ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И РОМАН ФАМ ТХИ ХОАЙ «АНГЕЛ НЕБЕСНЫЙ» (к 25-летию выхода романа в свет)

Как известно, единственным художественным методом северовьетнамской литературы, начиная с 1954 г., когда был закреплён раздел страны на Север (Демократическую Республику Вьетнам) и Юг (Республику Вьетнам), являлся социалистический реализм. В соответствии с ним литература рассматривалась как эффективное идеологическое оружие в борьбе за строительство социализма, защиту социалистической родины от внутренних и внешних врагов, воспитание нового человека — борца за светлое будущее. Все это на долгие годы определило характер северовьетнамской литературы, превратив ее в некий соцреалистический содержательно-формальный монолит.

Круг тем, которые волновали северовьетнамских писателей в этот период, был довольно ограничен. Это — тяжелая жизнь вьетнамцев под игом французских колонизаторов, революционное движение, увенчавшееся Августовской национально-освободительной революцией 1945 г., война Сопротивления против французских колонизаторов, строительство новой, социалистической жизни на Севере, борьба за объединение страны и война с США, оплотом южновьетнамских властей. Типичными образцами этой литературы являются такие известные произведения, как «Страна поднимается» (1956) Нгуен Нгока, «Западный

край» (1957) То Хоая, «Мощный дворик» (1959) и «Весенний урожай» (1961) Дао Ву, «Рушатся берега» (т.1, 1963, т.2, 1970) Нгуен Динь Тхи, военная проза Нгуен Динь Тхи и Нгуен Минь Тяу, многочисленные произведения Нгуен Кхая и многих других писателей Севера.

Героями подобной литературы были сознательные, или становящиеся таковыми, крестьяне, рабочие, представители интеллигенции, партийные работники, бойцы, командиры и политруки Народной армии... Все они были одержимы общими, без сомнения, жизненно важными, социально значимыми идеями. Однако за этими идеями, как правило, пропадал человек как частное лицо со своим характером, своим жизненным опытом, своими странностями, счастьем и болью.

Художественная форма вьетнамской соцреалистической литературы также была достаточно однообразна, потому что лишена каких-либо формальных и индивидуальных писательских поисков, стремления выйти за рамки привычного и одобренного.

Нельзя не признать, что проза этого периода в целом правдиво, часто с документальной точностью, запечатлела свое время и создала свои «шедевры». Но правда ее достаточно ограничена, поскольку однобока, так как из произведения в произведение воспроизводит одни и те же темы и похожих друг на друга героев, к тому же увиденных и интерпретированных под одним и тем же углом зрения. Кроме того, из-за своей иллюстративности она в значительной степени лишена и психологизма, отражения «жизни души». Что и понятно, ведь литература этого периода, стремясь отразить боевые и трудовые будни и подвиги народа, была призвана мобилизовать народ на борьбу за достижение стоявших перед страной целей. Отсюда ее героический пафос и преувеличенный социальный оптимизм. Но, решая ограниченный круг задач, писатели ограничивали и свои творческие возможности, свою писательскую индивидуальность. Видимо, поэтому в художественном плане проза Севера периода после 1954 г. не принесла заметных ярких открытий.

Если северовьетнамская литература в этот период была замкнута в рамках одного художественного метода — социалистического реализма, то литература Юга существовала в услови-

ях совершенно иных. После раздела страны на Юге устанавливается, хоть и со своими особенностями, но республиканский, конституционный строй с идеологическим плюрализмом (при одном исключении для коммунистической идеологии), многопартийностью и, пусть и относительной, свободой слова.

В то время как литература Севера ориентировалась на советскую литературу и литературу других стран социалистического лагеря, а также на так называемую прогрессивную литературу капиталистических стран, южновьетнамская литература ориентировалась на западную литературу и испытывала сильное ее влияние.

Именно поэтому писателям Юга не были чужды те литературные искания, которые характерны для литературы 1950—1970-х годов в Западной Европе и Америке и которые связаны, например, с популярным в то время экзистенциализмом, прежде всего, в лице Ж.-П. Сартра и А. Камю или «новым романом» в лице А. Роб-Грийе, Н. Саррот и др.

Благодаря этому общая картина южновьетнамской литературы довольно пестра, поскольку представлена разными творческими силами. С одной стороны, южновьетнамская проза продолжает традиции вьетнамского, в целом реалистического, романа до 1945 г., но с другой — в ней проявляется и влияние достижений европейского модернизма первой половины XX в., а также литературы периода после Второй мировой войны. Для первого направления характерно традиционное, более или менее гармоничное представление о мире с сохранением идеалов, с разделением на добро и зло. Для второго мир — абсурден и враждебен человеку, а человек одинок, лишен идеалов и, вообще, веры во что бы то ни было.

Свойственные западной литературе XX в. попытки показать человека во всей его сложности, проникнуть в самые глубины человеческой психики, отбросить все табу в отражении жизни человека со всем хорошим и плохим в сочетании с использованием таких достижений западного модернистского романа, как внутренний монолог, многоголосие, манипуляции со временем и пространством и т. д., характерны для творчества Зыонг Нгьем Май (Dương Nghiễm Mậu, 1936), Нгуен Тхи Хоанг (Nguyễn

Thị Hoàng, 1939), Тю Ты (Chu Từ, 1917—1975), Тхань Там Туена (Thanh Tâm Tuỳên, 1936—2006) и др.

Однако после объединения страны в 1975 г. южновьетнамская литература со всеми ее достижениями оказалась под запретом, как идеологически чуждая и вредная. Это вместе с ее труднодоступностью привело к тому, что она как бы выпала из официального литературного процесса¹, а влияние ее на вьетнамскую литературу в целом пока сведено к минимуму.

Сущностные изменения во вьетнамской литературе начались, когда в декабре 1986 г. на своем VI съезде Коммунистическая партия Вьетнама провозгласила курс на «политику обновления», которая стала важной вехой на пути исторического развития всего вьетнамского общества и за короткий срок кардинально изменила жизнь страны. Во Вьетнаме начался переход к рыночной экономике, политике «открытых дверей», либерализации внутренней жизни, благотворно повлиявших и на вьетнамскую литературу, в которой началось свое «обновление».

Наиболее значимыми явлениями в прозе периода обновления можно считать ее деидеологизацию и постепенный отход от соцреализма, как единственного художественного метода, в сторону реализма либо традиционного типа, либо обогащенного и усложненного некоторыми приемами литературы модернизма и постмодернизма, которые так или иначе стали проникать в страну.

В русле реализма продолжили создавать свои произведения писатели Нгуен Кхай, Ле Лыу, Нгуен Мань Туан, Ма Ван Кханг, Ле Минь Кхуэ и многие другие. Но наряду с ними возникли и образцы новой литературы, представленные в творчестве таких авторов, как Нгуен Хюи Тхиеп и Фам Тхи Хоай, а несколько позднее, например, Нгуен Бинь Фьонг и Та Зуи Ань.

В литературе и тех и других появились новые темы, новые герои и конфликты, часто немыслимые в литературе периода обновления. Начались и активные поиски в области обновления художественной формы, подчас обгоняющие возможности восприятия, как читающей публики, так и специалистов, и потому приводящие к спорам, недопониманию и недооценке тех или иных произведений, тех или иных авторов.

Знаковыми фигурами вьетнамской литературы сразу после 1986 г., без сомнения, стали Нгуен Хюи Тхиеп² и Фам Тхи Хоай. И если первый проявил себя в рассказах, то вторая — и в более крупных формах.

Фам Тхи Хоай (Phạm Thị Hoài) родилась в 1960 г. на севере Вьетнама, но, что чрезвычайно важно для ее творчества, получила высшее образование в ГДР по специальности историк-архивист. После окончания Берлинского университета в 1983 г. она вернулась на родину, но с 1993 г. постоянно живет в Германии.

Ее перу принадлежат такие романы, как «Ангел небесный» (Thiên sứ, 1988) и «Мари Шен» ((Marie Sên, 1996), сборники рассказов «Лабиринт» (Mê lộ, 1989) и «От Ман Ньонг до А.К.» (Từ Man Nương đến A.K. và những tiểu luận, 1993) и ряд других произведений, а также переводы с немецкого на вьетнамский язык сочинений таких писателей, как Кафка, Брехт, Дюрренматт.

Ее первый роман «Ангел небесный» (Thiên sứ) вышел в Ханое в 1988 г. и во многом стал новаторским. Наряду с рассказами Нгуен Хюи Тхиепа он, без сомнения, может считаться определенной вехой на пути обновления вьетнамской литературы, поскольку радикально отличается от того, что было ранее, то есть до 1986 г., или появлялось во вьетнамской литературе в то время. Например, от известных и обсуждавшихся романов «Остров Чам» Нгуен Мань Туана, «Время далекое» Ле Лыу, «Когда в саду облетают листья» Ма Ван Кханга, «По ту сторону иллюзий» и «Туманный рай» Зыонг Тху Хьонг. О значимости романа говорит, например, то, что он был переведен на многие европейские языки (английский, французский, итальянский, немецкий, финский) и в таком виде удостоен ряда национальных премий по разряду переводной литературы.

Фам Тхи Хоай написала произведение о 60—80-х годах XX века о своем времени, но увиденном под совершенно иным, непривычным углом зрения. Более того, она описала его не с традиционно нейтральной повествовательной интонацией, а в ироническом, а часто и пародийном, не лишенном сарказма тоне, в принципе не свойственном вьетнамской литературе, затронув при этом и некоторые табуированные в литературе темы обычной человеческой жизни.

При возможных разных интерпретациях в центре романа — любовь. А точнее, это роман о необходимости и в то же время об отсутствии любви, в разных ее проявлениях, в окружающей жизни, что само по себе уже не характерно для соцреалистической литературы.

В романе появились новые, не типичные для соцреалистической литературы герои. Прежде всего, это главная героиня, от лица которой ведется повествование, по общим меркам странная и по слабости здоровья выпавшая из основного потока активной жизни, за которой она только наблюдает, замкнутая в себе, страдающая от отсутствия любви и одиночества.

Кроме того, роман очень изобретательно построен, можно даже сказать, сконструирован. В нем соединены реальность и фантастика, проза, поэзия и драма, миф и литературная сказка. Не будет преувеличением и утверждение, что впервые в современной вьетнамской литературе появилось произведение, которое, выражаясь постмодернистским языком, является «цитатно-интертекстуальным».

Роман представляет собой историю одной ханойской семьи, рассказанную младшей дочерью по имени Хоай (заметим, что Хоай зовут и саму писательницу).

Всех героев романа, как членов семьи, так и других персонажей, как «правдоподобных», так и совершенно условных, Фам Тхи Хоай перечисляет вслед за названием, как это обычно делается в пьесах. При этом открывает список героев малышка Хоай, а замыкает «автор». Тем самым, писательница, с одной стороны, как бы закольцовывает содержание своим писательским «я», раздвоившись на героиню и вымышленного автора, с другой — дистанцируется от главной героини, хотя очевидно, что между ними много общего.

Глава семейства — простой номенклатурный служащий (sán bô), у которого одно увлечение — собирание домашней библиотеки, но не из любви к чтению, а из соображений престижности роли «читающего интеллигента», а также для того, чтобы на пенсии для получения дополнительного дохода можно было открыть букинистическую лавку. Мать занята домашним хозяйством и вечно всем недовольна. Старший сын, так сказать, позор

порядочной семьи, бросивший в 13 лет школу, чем только ни занимается: продает газеты, лотерейные билеты, работает велорикшей, служит в армии. Второй сын, напротив, гордость семьи, окончил МГУ, став специалистом по ЭВМ. Старшая сестра героини — близняшка, родившаяся раньше нее на 1 минуту, щедро одарена природой и красотой, и умом. После окончания престижного факультета французского языка в Педагогическом институте иностранных языков она работает в Государственной библиотеке. Героиня романа в отличие от старшей сестры маленькая, слабенькая, но очень способная и блестяще окончившая школу. Только по причине слабого здоровья родители не разрешают ей поступить в институт. Еще один член семьи — поздний ребенок, мальчик, который рано умер.

Остальные герои романа — это любовник старшей сестры, учитель Хоанг; «настоящая любовь» старшей сестры, поэт Ф.; друг старшего брата «карлик Куанг»; любовница учителя Хоанга; некий «человек без лица»; ушедший из жизни известный писатель; парень с насосом; муж старшей сестры, помешанный на туалетной бумаге; некая «гражданка»; двести девяносто девять претендентов на руку старшей сестры; хомо-А и хомо-З. Заданный списоком в начале романа необычный перечень героев уже интригует.

Роман состоит из 20 глав, каждая из которых имеет оригинальное название и раскрывает те или иные стороны жизни главной героини, членов ее семьи и других персонажей.

В главе I под названием «Окно» речь идет о том, какую огромную роль сыграло в жизни героини единственное окно в их одной на всю семью шестнадцатиметровой комнате. Окно выходило на ворота ханойского пиво-водочного завода. Проводя массу времени у окна, героиня постоянно наблюдала людей, приходящих и выходящих с завода, и научилась быстро определять их сущность. Для нее существовало только две категории людей: хомо-А (homo-A), или те, кто способен любить, и хомо-З (homo-Z), то есть те, кто не способен любить. Так задается основная для героини ось, вокруг которой крутится мироздание. В этой же главе однажды вечером героиня впервые видит молодого человека с насосом: «Он курил помятую папиросу,

глазами следя за воротами завода, и совсем не обращал внимания на меня, маленькую улитку, ухватившуюся за подоконник» (13)³. Потом этого парня с насосом героиня без колебаний отнесет к хомо-А: «Но он хомо-А с головы до пят. Таких, в лучшем случае, один на миллион» (41).

В этой главе мы впервые сталкиваемся с тем, что героиня сравнивает себя с «маленькой улиткой». В дальнейшем это сравнение неоднократно повторяется. С большой долей уверенности можно утверждать, что «маленькая улитка» заимствована писательницей у Гюнтера Грасса, которому принадлежит известный роман «Из дневника улитки». Тем более, что в начале своего произведения Фам Тхи Хоай пишет, что оно родилось «из одного образа (điểm tích) писателя G.G. и невероятных историй поэта F».

В главе II, «Дождь», героиня рассказывает о своем лишенном любви детстве. Например, она говорит: «Я росла, не зная вкуса материнского поцелуя» (14), потому что поцелуям не было места в жизни ее семьи, они были «роскошью, которую их семья не могла себе позволить» (15). Или «Я росла с жаждой ласки» (16), поскольку для ее постоянно ссорившихся родителей важны были только «авторитет и честь семьи», а не любовь и семейное тепло. Кроме того, где-то с 11 лет ее начали сторониться и сверстники. Все сходились на том, что девочка какая-то странноватая. Так в романе задается и тема одиночества главной героини.

В главе III, «Малыш Хон», рассказывается о появлении в семье и последующей смерти младшего брата Хоай, рождение которого было и обычно, и необычно одновременно, намекая на некую чудесную тайну: «Появившись на свет, малыш не разразился плачем, а дружелюбно улыбнулся сразу всем тринадцати акушеркам, стоявшим вокруг операционного стола. Те сначала остолбенели, а затем хором заголосили. А солировала в этом хоре испуганная до смерти моя мать. Хор замолк, когда появился мой отец. Малыш улыбнулся и ему. Отец от неожиданности плюхнулся на стул. Улыбка у малыша была недетская. Да он и не был никогда ребенком. Его улыбка пряталась где-то в пространстве, в его бесконечных маршрутах, чтобы только иногда являться на глаза земным людям» (20). Так малыш и продолжил

одаривать всех своей «недетской» и как будто «неземной» любовью, постоянно улыбался, а научившись говорить, стал предлагать всем поцеловаться.

Рождение малыша на некоторое время изменило атмосферу в семье, но нелюбовь, в конце концов, победила любовь. Улыбчивость и ласки мальчика вскоре всем, кроме героини и кошки, надоели, и однажды после сердитого окрика старшего брата он умер. А когда через три года пришло время по традиции провести церемонию перезахоронения останков, гроб малыша оказался пуст, но при этом благоухал. В нем сохранилась только «улыбка изгнанного с земли хрустального ангела, готового дружить со всеми и всем на свете» (25), чем еще раз подчеркивается чудесная природа малыша. Все это роднит историю мальчика с традиционными вьетнамскими быличками и «рассказами об удивительном».

Глава IV, «Воскресенье», посвящена описанию того, как по воскресеньям все местные жители ходили к «священному месту» — общему уличному водопроводу — мыться или стирать. И это абсолютно бытовое, приземленное событие героиня называет обрядом «крещения», буквально «омовения от грехов»: «Обряд продолжался до пяти часов дня, а иногда и дольше, потому что моя семья была всего лишь одной среди сотен фанатичных верующих, совершавших паломничество к единственному водопроводному крану» (27). То есть, используя христианский мотив, писательница совмещает здесь высокое и низкое.

В этой же главе один такой день, когда героине исполнилось 14 лет, стал для нее и днем физиологического взросления, после чего она перестала расти, так и оставшись четырнадцатилетней с ростом в 1 метр 25 сантиметров и весом в 30 килограмм.

В главе V, «Книжный шкаф», говорится о том, как героиня «дорвалась» до отцовского книжного шкафа, с которого и началось ее знакомство с литературой. Первой взрослой книгой в ее жизни, произведшей на нее большое впечатление, стал роман «Ранние плоды няня» (Nhân đầu mùa)⁴, автор которого даже не упоминается. Однако затем эту и три четверти других книг в шкафу героиня оценивает как «суррогатное чтение, наспех приготовленный гарнир для всеядных потребителей культуры» (35).

В связи с этим вся глава может быть «прочитана» как своеобразный литературный манифест, в котором героиня/писательница заявляет о своем видении литературного процесса во Вьетнаме и своих вкусах. Она читала много, но рано начала критически относиться к тому набору произведений, которые пользовались популярностью. «Джейн Эйр» воспринималась ею как «слезная мелодрама со счастливым концом», «Золотая роза» Паустовского — как «слащавая мелодрама, тщетно пытающаяся быть похожей на обычную антимелодраму», и т. п. Зато ей очень нравился «Дон Кихот».

Еще большее отторжение вызывали у нее обязательные с официальной точки зрения произведения революционно-патриотические или соцреалистические, которые положено было читать в ее возрасте, и на которых должно было воспитываться молодое поколение. «Овод» казался ей лишенным правды и плохо написанным. А «Как закалялась сталь» и того более: «Название книги, как и сам Павел, вызывали во мне желание бежать как можно дальше, бежать от всего чрезмерного и слишком пафосного» (35). Известное рассуждение героя о том, что прожить жизнь надо так, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы» вообще представлялось ей бессмысленным. Между тем, как говорит героиня, «именно эти две книги определяли лицо и дух целого поколения. Представители его если не становились Оводами, то становились Павлами Корчагиными, они ходили, говорили и любили одинаково, будто все были одеты в костюмы от Войнич и Островского» (36). Героиня решительно заявляет о своем нежелании быть частью этого поколения и вообще любого другого: «Я отказываюсь принадлежать какому бы то ни было поколению. Я отказываюсь носить любую униформу, будь она тесная или широкая» (37), потому что она хочет быть самой собой.

Одновременно героиня рассуждает и о достаточной замкнутости вьетнамской литературы на самой себе и о ее ориентации лишь на французскую и русскую литературу в эпоху современности: «Мои родители выросли на Шолохове, Бальзаке, «субботних романах»⁵ или произведениях группы «Своими силами»⁶. Но эти писатели, а также Бодлер, Лермонтов, Чехов и др. —

представители или русской или французской литературы» (36). И добавляет: «Поэтому если уж придется выбирать какие-то образцы для подражания, я бы пожелала последующим поколениям пройти более длинными дорогами. Не забудьте про другие уголки земли, но, само собой, и про ту землю, которая у вас под ногами» (36). Иными словами, Фам Тхи Хоай предлагает искать более широкое поле для подпитки родной литературы, что сама в своем романе с успехом и делает.

В этой же главе героиня говорит о своем убеждении, что «...образованность и знания — это две вещи, имеющие мало отношения к факторам, создающим хомо-А» (40)⁷.

Глава VI называется «Броуновское движение», которое надо понимать, как «броуновское движение» жаждущих любви глаз. В ней героиня рассказывает о своей жажде любви, о том, как она влюблялась в каждого нового учителя, но однажды поняла, что внимание тех обращено не к ней, а к сидящей с ней за одной партой красавице старшей сестре. У той же в это время был роман с учителем литературы, молодым поэтом, влюбленным в Виктора Гюго, уже женатым и имевшим детей.

Именно этому любовному роману и тому, как он повлиял на дальнейшую судьбу старшей сестры, посвящена глава VII, «Событие». Героиня была непосредственно вовлечена в отношения сестры с учителем. Она носила их любовные записки, ходила с сестрой в кино, где назначали свидания сестра и учитель, а когда сестра забеременела, была с ней у знахарки, чтобы купить зелье, прерывающее беременность. После этого ее сестра уже больше никогда не могла иметь детей и серьезно относиться к любви, оставшись на всю жизнь внутренне одинокой. От этого одиночества ее не могла спасти ни успешная учеба на престижном факультете, ни работа в не менее престижном месте, ни внешне удачное замужество.

Глава VIII под названием «Лица» представляет собой рассказ о человеке, появлявшемся иногда в страшных снах героини, — человеке «без лица, без возраста, без семьи», представителе «племени инкогнито», которых, как героине кажется, много повсюду. Правда, потом появляется он не только в снах, но и, например, на похоронах известного писателя или во время сва-

товства среди женихов старшей сестры, как будто он вполне реальное лицо.

В главе IX под названием «Модель 1» рассказывается о «карлике Куанге», знакомом старшего брата и соседе по кварталу, который отличался исключительно маленьким ростом — 1 метр 25 сантиметров, доставлявшим ему массу неудобств. Но этот недостаток он старался компенсировать своими способностями. Будучи невероятно самолюбивым и настойчивым, он, благодаря занятиям спортом, увеличил свой рост на 1 сантиметр. Был активным общественником, проводником «политики Партии». Когда его из-за маленького роста не приняли в институт, он отслужил в армии, затем закончил два института, защитил кандидатскую диссертацию и стал начальником на общественно-коммунальной ниве и добровольным народным дружинником, ходившим с красной повязкой на руке. В романе именно он олицетворяет собой образцовых людей социалистической системы. С иронией используя общественные идеологические и речевые клише периода до обновления, героиня говорит о нем следующее: «В 21 год, при росте в 1 метр 25 сантиметров от ног до макушки, с красной повязкой на руке он стоял на посту, обеспечивая победное проведение первой после объединения страны денежной реформы. Первая непосредственная встреча с этим дьяволом — грязными деньгами — навсегда определила его непримиримое отношение к любым, даже малейшим, проявлениям загнивающего капитализма, дурно пахнувшего потребления и гнусного индивидуализма» (66). И в довершение всего автор сравнивает его с Павлом Корчагиным: «После смерти он будет лежать в своем просторном гробу с довольной улыбкой от сознания, что ему “не стыдно за бесцельно прожитые годы”. Вот уж действительно настоящая микрокопия Павла Корчагина» (66).

Поначалу «карлик Куанг» пытался ухаживать за старшей сестрой, а потом переключился на младшую, такую же маленькую, как и он, собираясь даже жениться на ней. Однако в результате из этого ничего не получилось. Но, даже объясняясь героине в любви перед отправкой на фронт во время столкновения на вьетнамско-китайской границе, он опять прибегает к

расхожим клише: «Я люблю тебя, но мы не можем позволить нашей любви возобладать над разумом. Я должен ехать, меня зовут многочисленные дела нашей революции» (72—73).

В этой главе, пожалуй, в наибольшей степени чувствуется иронически-пародийное отношение писательницы к системе.

Глава X, «Без названия», представляет собой лирический монолог героини. Он занимает всего страницу и состоит из 4 абзацев, каждый из которых начинается словами «Есть люди, рожденные, чтобы принадлежать друг другу» (77—78). Героиня имеет в виду себя и парня с насосом.

В главе XI, «Похороны», писательница затрагивает природу рождения слухов. Речь в ней идет о похоронах известного писателя, на которые случайно, благодаря поклоннику сестры, попадает героиня⁸. В торжественно организованных похоронах принимают участие большие люди и важные организации, а героиня на удивление всем проходит сама по себе, без приглашения. Тогда как ее сестра с поклонником сделать этого не решаются. Через несколько дней по городу распространяется слух, что на похоронах присутствовала девочка 13—14 лет, которая пришла одна: «...как знать, не несчастный ли это незаконнорожденный ребенок писателя» (84).

Глава XII, «Сватовство», повествует о любовных связях старшей сестры героини. По-настоящему она любила только одного человека — поэта, обозначенного в романе как F., но он был нестроен материально и как бы не от мира сего, и у нее не хватило смелости связать судьбу с этим человеком. К остальным многочисленным ухажерам она относилась совершенно безразлично, ей было все равно за кого выйти замуж, но чтобы на ком-то остановиться, она решила устроить им испытания. Первый круг испытаний заключался в том, чтобы ее, спрятавшуюся неизвестно куда, нужно было найти, но ни один ухажер не догадался, где она, хотя обыскали весь город. А она, оказывается, пряталась у той знахарки, которая когда-то помогла ей избавиться от ребенка. Второй круг испытаний заключался в том, чтобы прийти с подарками раньше всех, но все ухажеры пришли одновременно. Тогда сестра героини дала третье задание — угадать ее самое сокровенное желание. Варианты были самые

разные, от «флакона настоящих французских духов» до «всемирной известности», и только один жених сказал, что она хочет ребенка. Это был молодой дипломат, принесший в качестве подарка маленький глобус из чистого золота. На нем сестра героини и остановила свой выбор.

Видно, что эта глава построена с использованием сказочно-мифологических мотивов, в частности, мотива трехступенчатого испытания и известного вьетнамского мифа о сватовстве-состоянии Духа Вод и Духа Гор за дочь одного из правителей полумифической династии королей Хунгов. В романе упоминается 299 претендентов на руку сестры, уподобленной красавице Ми-ны-онг, поэтому и называются они «зятьями императора» (phò mã).

Свадьба сестры, о которой говорится в Главе XIII, так и озаглавленной «Свадьба», имела драматические для всей семьи последствия. Прежде всего, из-за вдруг объявившегося первого любовника старшей сестры, учителя литературы. За прошедшие годы, много поскитавшись и бросив жену и детей, он в результате сильно разбогател, став «королем льда» в Сайгоне. Иначе говоря, вся система обеспечения Сайгона льдом контролировалась им. Вместе с ним в Ханой приехала его молодая любовница, «на пятьдесят процентов техасских кровей», неопишуемой красоты, которая ценила в жизни только две вещи — деньги и развлечения. На свадьбе между старшим братом и бывшим учителем завязалась ссора. Тут появился «карлик Куанг», чтобы их арестовать. Но ему помешала героиня. Свадьба продолжилась всеобщим весельем, во время которого жених выпивал вместе с бывшим учителем и старшим братом.

В этой главе писательница в пародийном ключе описывает свадьбу и фальшивые ценности того времени: «Мои родители пережили мучительную внутреннюю борьбу, балансируя между тем, что подобает порядочной семье чиновника — а им, как известно, не пристало прилюдно шиковать — и необходимостью не ударить в грязь лицом и соответствовать семье жениха, поскольку те представляли высшее общество. Для них поездки за границу были совершеннейшей рутинной, а из всех видов спорта они признавали лишь теннис. Мой второй брат, только что вернувшийся из Советского Союза, где он окончил факультет ин-

форматики, стал козырной картой моего отца. Русские песни, водка и советские сигареты предназначались только для высоких гостей. На свадьбу были мобилизованы многочисленные друзья моего брата по учебе в СССР. Все как один упакованные в не очень хорошо сшитые европейские костюмы, они пришли с подозрительными копиями картины «Незнакомка» и пейзажей Левитана и с трудом подбирали слова на родном языке, чтобы выразить свои мысли» (96—97).

В центре главы XIV под названием «Карточная игра» подробно описана карточная партия, разыгранная на свадьбе между бывшим учителем и старшим братом героини. В ней первый проиграл второму весь свой сайгонский бизнес и любовницу в придачу. В начале главы, перед собственно повествованием, имеет место некое подобие анкеты, заполненной для двух участников игры (111—112):

Имя	Ву Ба Хак	Нгуен Хоанг
Прозвище	Бородатый Хак	Хоанг-писатель
Занятие	Продавец удачи	Продавец льда
Должность	Хозяин	Хозяин
Образование	Неполных семь классов	Инженер человеческих душ
Особые приметы	Большой шрам на лице	Татуировки на груди и руках
Семейное положение	Свободен	Имеет жену и бесчисленное количество любовниц
Прежние занятия	Бросил школу в 13 лет, торговал мороженым, спекулировал билетами, работал велорикшей, служил в армии, демобилизовался, опять служил в армии, после чего стал владельцем лотерейного бизнеса	В 30 лет бросил учительствовать, торговал фотобумагой, продавал антиквариат, сидел в тюрьме, хозяин ледяного бизнеса
Голос	Бас	Тенор

Глава XV, «Стихотворение F.», представляет собой трехстраничное стихотворение в прозе, написанное сплошным текстом вообще без каких-либо знаков препинания, обращенное к старшей сестре героини, которую поэт любил, так же, как и она его.

Глава XVI, «Модель 2», рассказывает о том, как свадьба сказалась на судьбе среднего брата героини, вполне комифотного молодого человека. Когда старший брат прогнал проигранную ему в карты сайгонскую красотку, так как она была не в его вкусе, в нее без памяти влюбился средний брат. Ведь «...она была жертвой ужасного общества. Имя этому обществу империализм, неокOLONиализм, рабская культура, преступность. А она просто несчастное, безвинное и неприкаянное существо, молящее о спасении. И он ее спас!» (127). Но эта связь с сомнительной девицей стала препятствием для его учебы в аспирантуре за границей. Узнав об этом, он заболел, а, поправившись, стал срочно искать невесту, такую же комифотную, как и он. В результате его женой стала вузовская преподавательница русского языка, образцовая во всех отношениях женщина. С дальнейшей карьерой все наладилось, но, как пишет героиня, «мой брат не был счастливым» (133).

В главе XVII под названием «Гражданка» рассказывается, как свадьба старшей сестры повлияла на старшего брата. Получив ледяной бизнес, он съездил в Сайгон и, ознакомившись с его организацией, решил перенести этот опыт в Ханой, но организовал бизнес лотерейный. Дело оказалось очень прибыльным. Семья начала быстро богатеть, вознамерившись даже купить свой дом. Но тут старший брат с первого взгляда влюбился в некую «гражданку», чрезвычайно положительную особу, хотя совершенно ничего о ней не знал. Ослепленный любовью, он не заметил, как лотерейная машина начала давать сбои. Большие доходы стали оборачиваться долгами. А сам старший брат попал в тюрьму за экономические махинации. Арестовывали его «карлик Куанг» и «гражданка», оказавшаяся сотрудницей полиции.

Глава XVIII, «Дневник Ханг», действительно представляет собой отрывки из дневника старшей сестры. Поводом для этих записок, обращенных к младшей сестре, послужили размышления над ее собственной жизнью и некоторые особенности ха-

рактера мужа. Прежде всего, это патологическая любовь мужа-дипломата к туалетной бумаге, ставшей для него символом цивилизованной жизни после его первых поездок за рубеж. Кстати, и сам дневник Ханг был написан на туалетной бумаге. В дневнике Ханг признается младшей сестре, что не смогла, как она, стать цельной натурой. Поверхностность во всем стала ее отличительной чертой, стилем ее жизни. Отсутствие настоящей цели привело к тому, что стержнем ее жизни стало собственное «я». Ханг пишет, что ее угнетает и материальное благополучие, которое так важно для ее мужа, и правила, по которым надо жить среди людей ее круга, и то, что она по-прежнему любит поэта F. Но предпринятая ею попытка изменить свою жизнь, уйти от мужа, ни к чему не привела. Уже через неделю она вернулась, став «настоящей» женой дипломата.

Здесь писательница, прежде всего, высмеивает начавший распространяться во Вьетнаме после 1975 г. вещизм, культ потребления, символом чего в романе становится туалетная бумага.

В конце этой же главы мы узнаем, что поэт F. был арестован за свои стихи, а арестовывал его все тот же «карлик Куанг».

Глава XIX, «Путешествие Магеллана», построена, как пьеса, в которой три действующих лица: бывший любовник старшей сестры героини, ее старший брат и поэт F. Действие пьесы разворачивается в тюремной камере. Бывший учитель попадает туда при попытке бежать за границу морем⁹, старший брат — за экономические махинации, а поэт — за свои непонятные стихи. И там между ними завязывается своеобразный диспут относительно жизненных ценностей. Чувствующий себя хозяином жизни, бывший любовник утверждает, что миром правят деньги, идеал же старшего брата — кулак, то есть физическая сила, так же как и идеалы поэта — любовь и мечты — ничто. Дело кончается тем, что разъяренный этими словами старший брат разбивает бывшему учителю голову бутылкой. Но его все равно выпускают на свободу намного раньше, чем поэта, что означает только одно — власть боится поэтов больше, чем хулиганов.

Последняя, XX глава, называется «Превращение хомо-А, или Подлинная история о гадком утенке». В ней парень с насосом обращает, наконец, внимание на героиню. Они оба понимают, что

нужны друг другу. Но, уйдя на 5 минут, чтобы попрощаться с родителями, а затем покинуть родной дом с парнем, героиня возвращается преобразившейся до такой степени, что парень ее не узнает. Он ждет «одну малышку», а она стала красавицей, как две капли воды похожей на старшую сестру. В результате, парень уходит без нее.

Как видно, здесь писательница обращается к известной сказке Г.-Х. Андерсена о гадком утенке, превратившемся в прекрасного лебедя. Но хэппи эндом роман все-таки не кончается. Чудесное превращение малышки Хоай в красавицу отпугивает парня с насосом и, таким образом, почти реализовавшаяся мечта героини о любви рушится.

Таково содержание и некоторые особенности этого романа. Очевидно, что подобное содержание, то есть историю одной семьи, в принципе можно было бы рассказать и в более традиционной, вполне соцреалистической форме, но писательницу интересует не только то, о чем говорится, но и то, как говорится. Заметим, что в одной из своих литературоведческих статей Фам Тхи Хоай так и пишет: «Хотя представители *poivreau roman* больше не рассматриваются как авангард даже у себя на родине, а такие великие реформаторы литературы, как Музиль, Джойс, Фолкнер, стали уже классиками — пусть даже среди последующих поколений мало кто нашел время и решимость полностью прочитать хотя бы одно из их произведений — для меня главный вопрос, который они ставили, обращен в будущее: проблема больше не в том, о чем писать, а как писать» (176)¹⁰.

Мир, изображенный в романе, необычен не сам по себе, а тем, как его видит странная главная героиня, «маленькая улитка», «гадкий утенок», у которой «не все в порядке с головой», которую с детства бойкотируют сверстники, но которая также не вписывается и в мир взрослых. Отстраненность от мира, привычка наблюдать со стороны, давать всему свою оценку по своей шкале ценностей, в которой главный критерий — любовь, делают ее совершенно атипичной для вьетнамской соцреалистической литературы героиней.

Без сомнения, роман Фам Тхи Хоай — это не реализм в традиционном понимании и, тем более, не соцреализм (последний

писательница даже пародирует), а попытка хорошо образованного и хорошо знающего не только свою, но и мировую литературу автора раздвинуть привычные для вьетнамской литературы рамки, найти новые способы художественного освоения действительности, благодаря использованию в одном произведении самых разных достижений мировой литературы — и модернизма (например, тема одиночества героини, отторгнутой от чуждого ей мира, или ее сестры, напротив, вписавшейся в мир, в котором происходит при этом закрепощение человека в социуме с последующим обезличиванием его, превращением в «человека без лица»), и постмодернизма (игра с разными родами литературы, разными жанрами, цитатность и т. д.).

Своим романом Фам Тхи Хоай значительно расширила культурное пространство вьетнамской литературы своего времени. И не только принципиально важными для романа отсылками к западноевропейской литературе, а именно, к Г. Грассу и Г.-Х. Андерсену, но и благодаря наличию в романе многочисленных упоминаний и обыгрываний известных представителей и героев мировой литературы (Э.-Л. Войнич, Н. Островского, М. Сервантеса, В. Гюго, П. Неруды, К. Паустовского, Манон Леско и др.), американского актера Г. Фонда, Джона Леннона и Ёко Оно, Че Гевары, а также Голливуда с его «Белоснежкой и семьей гномами», бродвейского театра и т. п. Вот несколько примеров.

«Он торжественно пригласил всю компанию пойти поесть мороженого в честь большого национального праздника, а потом, гордо подняв голову, быстро двинулся вперед. Красная повязка на его руке как будто вела целую процессию: Белоснежку, одного карлика, шесть великанов и одну маленькую улитку» (67).

«Незнакомец, одетый совершенно как Гари Купер в фильме «Полдень», но только без пистолета, невозмутимо вошел в комнату» (99).

«Риваресу наших дней понадобилось не более трех минут, чтобы понять из-за чего весь сыр-бор» (102).

Сюда же относится и присутствие в романе большого числа современных научных терминов и формул, входящих в обяза-

тельный набор современного среднеобразованного человека (броуновское движение, вакуум, гормоны, вектор, квантовый, индекс, константа):

«Расхожие истины о добре и зле, упрощенные до бессмыслицы, типа вода — это соединение hydro и оху, поползли строка за строкой» (50);

«Напряжение за моей спиной достигло нескольких сотен ватт» (51);

«Учитель Хоанг нуждался в моей старшей сестре, а моя сестра нуждалась во мне, как обратной стороне луны, которая то возникает, то скрывается. Ах, если бы можно было свести это к математической формуле: **a** стремится к **b**, **b** стремится к **c**, **a** стремится к **c**» (51—52).

Кроме того, Фам Тхи Хоай вплетает в ткань произведения многочисленные слова и целые предложения (скажем, из популярных мировых шлягеров) на английском, французском или немецком языках в оригинальном написании: «V.H. Junior» («молодой В.Г.»), «племя incognito», «c'est drole», «c'est comique», «parfaite» («это смешно», «это забавно», «замечательно»), «give peace a chance» («дайте миру шанс»), «broadway story» (бродвейская история), «the show must go on» («представление должно продолжаться»), «ее нездешняя красота вызвала в Ханое sensation», «художники, считающие себя avangardist», «comme il faut» («как положено»), «Etc. Etc.» («и так далее»), «это были мои последние слова перед тем, как я стала autodidakt, потому что осталась без высшего образования, и outsider, потому что больше не выходила из дома», «все они, стоящие или сидящие под моим окном, с вытянутыми или не вытянутыми лицами в зависимости от своих ожиданий, представляли собой a streetcar named desire».

Благодаря всему этому, мир романа — это мир, уже как бы интернационализированный, а не закрытый, хотя в середине 80-х годов. Вьетнам только-только начал интегрироваться в глобальный мир.

На общем фоне вьетнамской литературы конца 80-х годов роман «Ангел небесный», в котором нашли отражение общими-ровые художественно-литературные искания, безусловно, явился событием. Однако написанный под сильным и очевидным

влиянием западной литературы XX в., он был слишком «интеллектуальным», а потому слишком непривычным для Вьетнама. Этот фактор вместе с содержащимся в романе откровенно насмешливым критицизмом по отношению к вьетнамскому обществу до и в первое десятилетие после 1975 г. привели к тому, что в целом роман был недооценен, вызвав больше критики, чем одобрения. Хотя бесспорным представляется тот факт, что проза Фам Тхи Хоай, наряду с произведениями Нгуен Хюи Тхиепа, более сложная по содержанию и полная экспериментов с художественной формой, сразу вывела вьетнамскую литературу на новый, более высокий уровень. Вьетнамская литература 90-х годов XX в. и нулевых XXI в. уверенно пошла именно по тому пути, который проложили эти писатели. Кроме того, благодаря своему новаторскому творчеству, Фам Тхи Хоай и Нгуен Хюи Тхиеп поставили вьетнамскую литературу в один ряд с лучшими образцами мировой литературы и позволили даже говорить о наличии в ней элементов постмодернизма.

Примечания

¹ Процесс возврата южновьетнамской литературы во вьетнамскую жизнь начался где-то на рубеже XX и XXI вв.

² О Нгуен Хюи Тхиепе на русском языке см., например: Филимонова Т. В поисках Нгуен Хюи Тхиепа // Азия и Африка сегодня. 2006. № 4.

³ Все цитаты даются по: *Phạm Thị Hoài. Thiên sứ (Фам Тхи Хоай. Ангел небесный)*. Hà Nội, 1995. В скобках после цитат указана страница.

⁴ Речь идет о романе двух авторов, Чан Тханя и Суан Тунга, повествующем о партизанах времен первой войны Соппротивления против французов. Роман вышел в 1960 г. и некоторое время был достаточно популярен.

⁵ Речь идет о популярной издательской серии 30-х гг. XX в., так и называвшейся «субботные романы» (tiểu thuyết thứ bảy).

⁶ Имеется в виду известная литературная группа «Tự lực văn đoàn» (1933 — начало 40-х гг. XX в.), в которую входили такие писатели, как Нят Линь, Кхай Хынг, поэты Суан Зиеу, Ту Мо и др.

⁷ Эта мысль корреспондирует с одним из основных посылов в творчестве Нгуен Хюи Тхиепа (с которым писательница одно время часто общалась), объясняющих его «антиинтеллектуализм».

⁸ Имеется в виду один из крупнейших вьетнамских прозаиков XX в. Нгуен Туан (1910—1987).

⁹ Имевшее место после 1975 г. массовое бегство из Вьетнама морским путем, участники которого получили название «люди в лодках» (вьетн. thuyền nhân, англ. Boat people).

¹⁰ См. *Phạm Thị Hoài. Từ Man Nương đến A.K. và những tiểu luận (Фам Тхи Хоай. От Ман Ныонг до А.К.).* USA, 1993. Tr. 176.

А.Я. Соколовский

СКУЛЬПТОР ФАМ ВАН ХАНГ — ЯРКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО ВЬЕТНАМСКОГО МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Есть художники (в широком понимании этого слова), которые за всю свою жизнь создали только одну работу, но эта работа — шедевр, и за это они получили признание и известность. Они — гении. Есть любители, и даже дилетанты, чьи творения для них просто хобби, но, тем не менее, они тоже стали известными. Фортуна оказалась на их стороне. А еще есть талантливые трудяги, которые работают, проявляя большую преданность искусству, и творят с самозабвением и даже самопожертвованием ради того, чтобы быть полезными и праведными. Современный вьетнамский скульптор Фам Ван Ханг относится именно к таким людям искусства.

Я познакомился с ним лично совсем недавно, хотя работы талантливого скульптора стал замечать с середины 80-х годов прошлого века. В 1987 г. в г. Дананг меня поразила 15-метровая статуя Матери-защитницы, в г. Хошимине — памятник Куанг Чунгу, в г. Ханой — скульптура Александра де Рода, создателя латинизированной вьетнамской письменности. А в г. Далат — прекрасные скульптурные композиции в парке скульптур, окружающем дом-мастерскую этого художника на склоне горы в лесопарковой зоне Иентхэ.

Несмотря на то, что о Фам Ван Ханге в начале нашего столетия стало появляться много статей в разных вьетнамских и зарубежных изданиях, биография художника известна не очень хорошо. Да и сам он предпочитает особенно не распространяться на этот счет. Достоверно известно лишь то, что родился Фам Ван Ханг в 1942 г. в Центральном Вьетнаме, в провинции Куангнам—Дананг, в местечке Нямнго недалеко от современного г. Дананг, которое он считает своей малой родиной. Известно также, что университетов он никаких не заканчивал, да и в школе, по его собственному признанию, учился не очень хорошо. В одном издании промелькнуло, что он учился в г. Хюэ на художника, но не говорится о том, окончил ли он ее и получил диплом. Тем не менее как истинный природный талант, Фам Ван Ханг был замечен и за свои великолепные работы получил признание как у себя дома, так и за пределами Вьетнама.

Фам Ван Ханг является членом многих ассоциаций деятелей искусства, культуры и литературы. Он член Ассоциации искусств Вьетнама, Ассоциации изящных искусств г. Хошимин, Ассоциации деятелей литературы и искусства провинции Куангнам—Дананг и пр.

Хорошо известно, что талантливый человек талантлив во многом. И Фам Ван Ханг не составляет исключения. Он не только замечательный скульптор. Он творит в нескольких видах и жанрах искусства. Рисует маслом, пишет стихи. Прекрасный дизайнер и архитектор. Он даже одежду конструирует и шьет себе сам. И все же его талант проявился в наибольшей степени именно в скульптуре, как средстве выражения его самых глубоких чувств и настроений.

«Буйный, неистовый, шумный, непокорный и даже в какой-то степени мистический...». Эти слова мы находим во многих вьетнамских изданиях. И они отражают портрет и характер Фам Ван Ханга, внешне слегка похожего на цыгана, который ведет обычную жизнь простого скитальца, не заботясь особенно о материальном комфорте. Фам Ван Ханг много ездит по городам и весям в поисках творческого вдохновения. Он просто физически не в состоянии сидеть на одном месте и делать одни и те же модели-заготовки для своих будущих творений. Фам Ван

Ханг повсюду, где бы он ни был, старается найти для себя новые, неизбитые темы.

Несколько лет мне не удавалось встретиться с художником лично. Порой, казалось, что наконец-то встреча назначена и состоится. Но, приехав, я узнавал, что он срочно уехал на выставку в г. Хошимин, улетел в г. Ханой, уехал в г. Нячанг. И только в январе 2012 г. мне удалось встретиться с ним лично в г. Далате в его доме-мастерской.

Его непоседливость напомнила мне непоседливость Ван Гога, который говорил о себе так: «Я кажусь себе вечным пилигримом, который пустился в далекое путешествие ради конечной цели». Это высказывание гениального художника, на мой взгляд, вполне можно также отнести и к Фам Ван Хангу, постоянные перемещения в пространстве, постоянное нахождение в движении которого, динамично проявляются и в его творениях, начиная со скульптуры «Размышления» (1974 г., бетон, высота 3 м, установлена в тогдашнем Сайгоне) и кончая скульптурой «Бегство от войны». От «Материнской любви» и до мощной скульптуры «Цепи». Каждая его работа вызывает ощущение, что она продолжается дальше не только в пространстве, но и во времени, с целью бросить вызов изменчивой и порой жестокой реальности. А само творчество Фам Ван Ханга представляет собой поиск спасения от бед.

На Фам Ван Ханга, по его собственному признанию, оказали большое влияние две личности: вьетнамский патриот, поэт и писатель Фан Тю Чинь (1872—1926) и известный немецкий писатель и поэт, лауреат Нобелевской премии в области литературы Герман Гессе (1877—1962).

Скульптура Фан Тю Чиня работы Фам Ван Ханга установлена в г. Дананг. О том, как он трудился над ней, автор рассказывает так: «Я ждал этого события 25 лет. С детства я чувствовал величие Фан Тю Чиня и не изменил этому своему ощущению до сегодняшнего дня. Я учился в средней школе, которая носила имя великого патриота. И хотя я ее так и не закончил, тем не менее, я разыскивал книги о Фан Тю Чине, чтобы больше узнать о нем и лучше его понимать». Много лет Фам Ван Ханг тщательно изучал творчество этого общественного деятеля, вы-

нашивал и обдумывал этот замысел и только потом реализовывал свою творческую мечту.

Это характерно для всего творчества и художественной манеры Фам Ван Ханга. Точно так же он долго вынашивал идею создания памятника Куанг Чунгу — герою Вьетнама XVIII в., разгромившему в 1789 г. 200-тысячную маньчжурскую армию, вторгшуюся во Вьетнам. В 2002 г. Фам Ван Ханг восемь месяцев напряженно работал в г. Куиньон, изучая там технологию изготовления будущей статуи и антропологию для того, чтобы сделать сначала эскиз образа великого полководца, а потом воздвигнуть ему памятник. Сейчас этот великолепный памятник стоит в г. Хошимине. С начала первого десятилетия нынешнего века Фам Ван Ханг стал активно выезжать за границу, в том числе в Европу. Так, в 2010 г. он организовал выставку своих работ в Германии, которая с успехом прошла во Vietnam Hause в Берлине. Там же он настойчиво собирал материалы для своего будущего памятника Герману Гессе, которого считает своим учителем и духовным наставником, хотя никогда в жизни с ним не встречался. Вероятно, именно творчество Германа Гессе повлияло на создание Фам Ван Хангом картины, первоначально названной им «S.O.S. Vietnam» («Спасите Вьетнам»). Впоследствии известный вьетнамский композитор Чинь Конг Шон предложил переименовать ее и дать ей более пронзительное название — «Свидетельство». Эта картина выполнена с применением техники, которой пользовались некоторые китайские художники-авангардисты 50-х годов XX в.

На картине Фам Ван Ханга размером 1 × 1,20 м изображены осколки разорвавшихся снарядов, патроны, куски мин, фрагменты человеческого тела: кости, черепа, внутренности... Это, по замыслу художника, — антивоенная картина (написана в 1970 г., т. е. еще до объединения Вьетнама). Полотно своим содержанием и идеей потрясло организаторов международной выставки, в которой принимало участие 12 стран и, конечно же, ее посетителей. Картину даже просили на время снять с экспозиции, когда на церемонию открытия выставки должен был приехать марионеточный сайгонский правитель Нгуен Ван Тхьеу.

Но все-таки ее оставили, и она стала обличительным свидетельством ужасов войны.

Хорошо известна монументальная скульптура Фам Ван Ханга «Мать-защитница» в г. Дананг, о которой уже говорилось выше. Ее особенность состоит в том, что она выполнена из медных пластин, разрезанных и потом спаенных вместе гильз, образуя величественную фигуру женщины. При открытии этого монумента на площади в г. Дананг тогдашний руководитель Компартии Вьетнама Ле Зуан сказал: «Я давно мечтаю, чтобы у нас появлялось как можно больше памятников в честь вьетнамских матерей-героинь. Здесь, в Дананге, появился такой памятник раньше, чем где-либо. И сделан он великолепно! Я очень растроган и нахожусь под его впечатлением. Замечательный памятник!».

Кроме монументальных памятников у Фам Ван Ханга есть много произведений меньшего масштаба. Эти скульптуры реальных известных людей: памятники императору Куанг Чунгу (2004 г., бронза, высота 3,7 м, установлен в г. Хошимин); ученому-энциклопедисту Ле Куи Дону (камень, высота 3,5 м, установлен в г. Хошимин), создателю национальной вьетнамской письменности *куокнгы* Александру де Роду (1970 г., бронза, высота 0,7 м, установлен в тогдашнем Сайгоне); Александру Ершину (бронза, высота 0,9 м, установлен в г. Далат).

Фам Ван Ханг также является хорошим художником-портретистом. Его кисти принадлежат прекрасные портреты известных вьетнамских композиторов Чинь Конг Шона, Ван Као, То Ву, Зыонг Тхьеу Тыока, писателя Нгуен Туана, художников Буй Суан Фая, Чан Ван Кана, деятелей культуры: Дао Зуи Аня, Чан Ван Кхэ, Као Суан Хао и др.

Художник Фам Ван Ханг увлекается также абстрактной живописью. Он несколько раз принимал участие в соответствующих выставках.

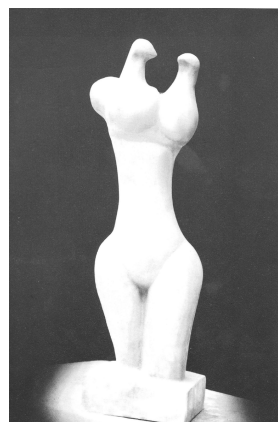
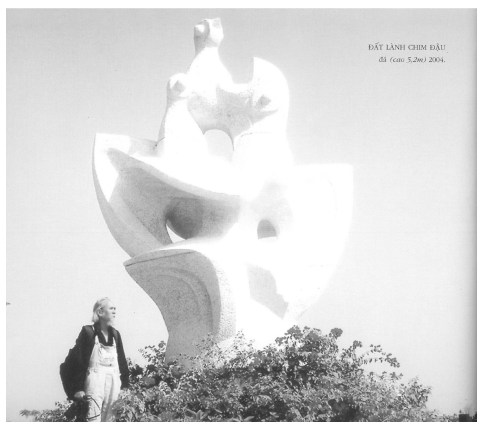
Он часто дарит свои произведения, причем не только частным лицам, но и учреждениям и организациям. Так, два своих творения Фам Ван Ханг преподнес в дар Вьетнамской национальной библиотеке (бюст Хан Тхуена, которого во Вьетнаме принято считать основоположником *тыном* — первой вьетнамской национальной письменности на базе китайской иерогли-

Скульптурная композиция «Цепи».
Монумент «Мир». Скульптор Фам Ван Ханг

Памятник в Дананге
«Мать-защитница».
Скульптор Фам Ван Ханг

Произведения скульптора Фам Ван Ханга

фики, и уже упоминавшегося Александра де Рода, одного из создателей *куокнги*). Совсем недавно Фам Ван Ханг отправил президенту США Баракку Обаме эскиз своего будущего монумента «Мир во всем мире» с просьбой подыскать подходящее место в Америке, где было бы можно воздвигнуть этот актуальный памятник.

Тема мира занимает в творчестве Фам Ван Ханга главенствующее место. Сам он об этой теме написал так. «Мир — это то, к чему стремятся все люди и всех эпох. Чтобы его добиться, всего лишь нужно, чтобы каждый из нас сделал дружественный жест по отношению к тому, кто находится рядом...».

В заключении нужно отметить, что, несмотря на признание, которое получил и продолжает получать Фам Ван Ханг, окончательная оценка художника и его творений еще впереди. Это объясняется тем, что, несмотря на свои 70 лет, он остается молодым, и та богатейшая творческая сила, которой он обладает, его ревностное отношение к искусству дают основание полагать, что Фам Ван Ханг еще долгое время будет оставаться незаурядным Художником с большой буквы.

Список литературы

1. Соколовский А.А. Очерки по вьетнамской культуре. Владивосток, 2000.
2. Điều khắc gia Phạm Văn Hàng: giữa những chiều không gian (Скульптор Фам Ван Ханг: между пространствами). Программа 5 канала вьетнамского ТВ за 6 декабря 2011 г.
3. Đỗ Phước Tiên. Theo Thanh niên // Việt báo (До Фьюк Тиен. Вслед за молодежью // Вьетнамская газета). 7 мая 2007 г.
4. Phạm Văn Hàng (Фам Ван Ханг). Hà Nội, 2005 (фотоальбом).

ЗОЛОТОЙ ФОНД РОССИЙСКОГО ВЬЕТНАМОВЕДЕНИЯ

К 75-ЛЕТИЮ ЕВГЕНИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КОБЕЛЕВА

Вопрос: на разных этапах своей деятельности Вам посчастливилось встречаться со многими выдающимися государственными и политическими деятелями Вьетнама. Просим Вас рассказать о наиболее запомнившихся встречах. Что значили эти встречи для Вас, как человека, связавшего свою судьбу с судьбой Вьетнама?

Ответ:

Я, конечно, начну с Президента Хо Ши Мина. Можно считать, что именно благодаря ему в 1958 г. моя жизненная стезя сделала вдруг неожиданный, но приятный поворот. Одним из важных соглашений, подписанных по итогам первого официального визита Президента ДРВ в нашу страну в 1955 г. стало соглашение между правительствами двух стран об обучении граждан ДРВ в высших и средних учебных заведениях СССР, которое предусматривало также ежегодный обмен студентами между обеими странами. В первые же годы после его подписания более 3 тысяч вьетнамских юношей и девушек стали студентами советских вузов.

Как рассказал мне впоследствии один из работников Министерства высшего образования СССР, в 1958 г. Президент Хо

Ши Мин снова приехал в Москву и как-то в беседе с представителем советского руководства высказал сожаление, что Вьетнам уже направил на учебу в СССР тысячи своих студентов, а советская сторона до сих пор ни одного. Я был тогда студентом второго курса Института восточных языков при МГУ (ныне — ИСАА МГУ), изучал вьетнамский язык, историю и литературу Вьетнама, и мне казалось несбыточной мечтой побывать в этой далекой, уже полюбившейся стране. И вдруг неожиданно поступает приказ деканата срочно готовить документы к отъезду, и всего через три недели я уже стою на перроне ханойского вокзала Hang Co в составе первой группы российских «lưu học sinh» (иностранных студентов) историко-филологического факультета Ханойского университета.

Не прошло и полгода после моего приезда в Ханой, как мне посчастливилось лично увидеть и слышать Президента Хо Ши Мина. Весной 1959 г. студенты Ханойского университета вместе с населением столицы участвовали в традиционном воскреснике по посадке деревьев вокруг озера Баймау. Совершенно неожиданно для всех нас, в разгар воскресника, Хо Ши Мин появился среди студентов и школьников, бросил, по своему обычаю, пару шуточных, теплых фраз и вместе со всеми участниками воскресника стал рыхлить землю для саженцев деревьев. В те годы район Баймау был заброшенным пустырем; теперь же, через полстолетия, вокруг озера раскинулся обширный, хорошо ухоженный парк, носящий имя Единство. Все последние годы, когда я приезжаю в Ханой, я обязательно нахожу время проехать мимо этого парка и вспоминаю дни своей молодости, первую мою весну во вьетнамской столице, и, конечно, самую первую встречу с Президентом Хо Ши Мином.

Следующее по времени и самое волнующее воспоминание — это XXII съезд КПСС (1961 год), когда мне, тогда еще студенту, доверили синхронный перевод приветственной речи Хо Ши Мина, который как председатель Партии трудящихся Вьетнама возглавлял вьетнамскую делегацию.

На XXII съезде КПСС была впервые организована группа синхронного перевода из советских вьетнамоведов. Ни у кого из нас в таком наиболее трудном виде переводческой работы еще

не было никакого опыта. Поэтому после первого же дня работы съезда представитель отдела ЦК КПСС поинтересовался у вьетнамской делегации, как они оценивают работу переводчиков. Никогда не забуду, как Хо Ши Мин, дав краткую характеристику каждому из нас, лично обо мне сказал следующее: «У этого парня, который говорит баритоном, хорошее ханойское произношение». Значит, не зря поработали надо мной незабвенные наши преподаватели вьетнамского языка историко-филологического факультета Ханойского университета — профессора Нам, Кань и другие. Чувства благодарности к этим прекрасным людям и педагогам сохранились у меня на всю жизнь.

В период работы постоянным корреспондентом ТАСС во Вьетнаме (1964—1967 гг.) мне, естественно, приходилось часто бывать на официальных мероприятиях с участием Президента Хо Ши Мина. Через два года после начала воздушной войны США против ДРВ в здании Национального собрания на площади Бадинь состоялся общенациональный слет вьетнамских воинов, отличившихся в боях с американской авиацией, на который я был приглашен как представитель прессы. После того, как большой группе офицеров и солдат были вручены звезды Героев Вьетнама, Хо Ши Мин неожиданно встал из-за стола президиума и произнес импровизированную, очень человечную речь. Характерный для него «нганский акцент» мешал мне схватывать все его слова, но, к счастью, сидевший рядом со мной офицер-зенитчик любезно согласился «переводить» мне на ханойский диалект. Хорошо помню основной смысл этой речи: Вьетнамский народ не сломишь; чем выше эскалация агрессивной войны США, тем больше наш народ рождает героев; самое яркое свидетельство тому — звезды героев на гимнастерках большого числа участников слета.

Во время работы в Международном отделе ЦК КПСС (1968—1991 гг.) мне не раз приходилось встречаться с Генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном и премьер-министром ДРВ, а затем СРВ Фам Ван Донгом. Оба этих лидера сыграли выдающуюся роль в истории Вьетнама, так как руководили партией и страной в самые тяжелые и славные годы — годы борьбы против американской агрессии, за освобождение Юга Вьетнама и воссоединение родины.

С Ле Зуаном мне однажды посчастливилось два часа лететь вместе в самолете. Делегация КПСС, в состав которой включили и меня, летела через Ханой в Пномпень на съезд Народно-революционной партии Камбоджи. В ханойском аэропорту нам вдруг сообщили, что Генеральный секретарь КПВ приглашает нас в свой спецсамолет. А когда самолет взлетел, его помощник сообщил нам, что Ле Зуан приглашает нас в свой салон.

Чуть более часа мы летели над территорией Вьетнама; внизу расстился сказочно красивый хребет Чыонгшон. Глядя в окно, Ле Зуан рассказывал нам о своей революционной молодости, которая проходила где-то в этих краях, о знаменитой «тропе Хо Ши Мина», проходившей через этот горный район, о том, как и он сам не раз пользовался этим маршрутом еще в период борьбы против французских колонизаторов. Рассказывал о том, как в годы второй войны сопротивления против американской агрессии эта тропа превратилась в искусно скрытую в зарослях джунглей широкую дорогу, по которой с Севера на Юг шли и ехали добровольцы, перебрасывались вооружение и продовольствие; о том, что «тропа Хо Ши Мина» стала пуповиной, соединившей Север и Юг, которую американцы, как ни пытались, так и не смогли перерезать.

Что касается Фам Ван Донга, то первая моя встреча с ним произошла еще в далеком 1960 г., когда я был студентом Ханойского университета. Однажды в нашем посольстве произошел какой-то сбой с переводчиком (а тогда мидовцев, знающих вьетнамский язык, были единицы), и послу сказали, что есть один студент, который вроде бы хорошо говорит по-вьетнамски. И вот к дому на улице Нгуен Зиа Тхьеу, где мы жили, подъезжает машина посольства, и мне говорят, что посол дал указание привезти меня в международный клуб, где состоится прием по случаю визита в ДРВ министра внешней торговли СССР Н.С. Патоличева, и что я должен переводить его беседу с премьер-министром Фам Ван Донгом.

До сих пор помню, какие это были для меня позорные два часа. Я «плавал» не только во вьетнамском, но и в русском языке. Так, они довольно долго обсуждали вопрос о поставках из СССР какой-то фрезы (тогда я еще не знал, что это такое, что

вполне простительно). Помню, Фам Ван Донг, который оказался очень приятным и доброжелательным человеком, сам разъяснил мне, что это такое, и после этого добавил: «Не робей, парень. У тебя хороший вьетнамский язык».

В Международном отделе ЦК КПСС я курировал связи нашей страны с Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ). В ЦК НФОЮВ входило несколько десятков человек, и практически все они побывали в нашей стране либо в официальных делегациях, либо на отдыхе и лечении. Сейчас эти люди уже почти полузабыты, а я их всех помню, так как все они вначале были «моими» гостями, а в конце нашего общения становились моими близкими друзьями. И, прежде всего, нужно сказать о Председателе ЦК НФОЮВ Нгуен Хыу Тхо. Я сопровождал его в поездке по нашей стране — Ленинград, Ташкент, Сочи. Удивительно скромный и в то же время очень волевой человек. Мне даже показалось, что в его характере, в манере поведения и общения с людьми было что-то, напоминавшее молодого Хо Ши Мина.

Особенно теплые воспоминания у меня остались от встреч с министром иностранных дел НФОЮВ, а затем Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам «мадам» Нгуен Тхи Бинь, как ее любовно звали тогда участники международного движения солидарности с Вьетнамом. Когда в Париже начались вьетнамо-американские переговоры, она, как и другие представители ДРВ и ВРП РЮВ, летала туда через Москву, и я, как правило, встречал и затем провожал ее в аэропорту.

Понятно, что наиболее памятна мне встреча с ней в конце января 1973 года, сразу после исторической политико-дипломатической победы вьетнамского народа — подписания Парижского соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Ее поселили в гостинице «Октябрьская» (ныне — «Арбат»), и вечером я пришел к ней в номер поздравить с великой победой. Мы выпили по бокалу шампанского, затем она показала мне несколько дисков, купленных в Париже, с песнями знаменитых французских шансонье. Так как я тоже знаю французский язык и люблю Ива Монтана, Эдит

Пиаф и Шарля Азнавура, мы неожиданно спели с ней дуэтом несколько куплетов из репертуара этих шансонье.

В тот вечер я спросил мадам Бинь, знает ли она, что о ней во Вьетнаме сочинили очень интересное «казао» (что-то вроде наших частушек). Она ответила, что нет, и я тут же продекламировал ей двестише:

Ba Binh day Nich-xon xuong hao,
Cu Mao quo gay nhieu Nich-xon vao bo.

Подстрочный перевод:

Госпожа Бинь толкнула Никсона в яму.

Старец Мао подал Никсону трость

И вытащил его наверх.

Это двестише сочинили в 1972 г., после того как в самый разгар американской агрессии во Вьетнаме по приглашению Мао Цзэдуна президент США Никсон впервые посетил КНР с официальным визитом, что, естественно, вызвало возмущение среди вьетнамцев. Можете себе представить, каково было удивление госпожи Бинь, когда она услышала казао лично о себе, да еще из уст советского представителя.

После войны Нгуен Тхи Бинь заняла высокий пост вице-президента Социалистической Республики Вьетнам. Последний раз я виделся с ней в 2008 г. на Международной конференции вьетнамоведов в Ханое. Тогда она уже вышла на пенсию, но выглядела все еще довольно молодо, и ее лицо, как и прежде, то и дело озарялось обаятельной улыбкой, знакомой по многим фотографиям и кинокадрам 1960—1970-х годов.

И, наконец, первый посол НФОЮВ и ВРП РЮВ в Советском Союзе — незабвенный Данг Куанг Минь. Несколько лет, начиная с 1968 г., мы с ним тесно общались по работе чуть ли не каждый день. Старейший функционер КПВ, участник партизанского движения в Южном Вьетнаме, яркий представитель вьетнамской интеллигенции, он вместе с тем был дипломатом «самой высокой пробы». Он умел невероятно легко «очаровывать» всех тех людей, с кем общался по роду своей работы. Его знали лично многие члены тогдашнего Политбюро ЦК КПСС. Данг Куанг Минь много ездил по нашей стране, особенно любил бывать в бывших партизанских районах времен Великой

Отечественной войны. Он скрупулезно изучал опыт партизанского движения в СССР и стремился установить прямые связи НФОЮВ с этими районами.

Как никто, Данг Куанг Минь высоко оценивал роль журналистов в поддержке правого дела вьетнамского народа, поэтому у него было своего рода «хобби» — ежегодно он устраивал в своем посольстве приемы для журналистов, куда приглашались, прежде всего, те из них, кто регулярно освещал тему борьбы патриотических сил Южного Вьетнама. В то время я на эту тему регулярно писал статьи и очерки в газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», в журналы «Огонек», «Новое время» и др. Между тем тогда в ЦК было заведено правило, что сотрудники, особенно, Международного отдела, должны были выступать в прессе только под псевдонимами.

У меня был псевдоним — Евгений Васильков. Данг Куанг Минь несколько раз жаловался мне, что регулярно приглашает на прием в посольство «этого Василькова», а тот почему-то не приходит. В конце концов, мне пришлось наплевать на «конспирацию» и на одном из приемов я признался ему: «Васильков — перед вами». Он расхохотался, а на его лице отразились и удивление, и восхищение, и чувство благодарности.

В 1970 г. по приглашению ЦК КПСС Советский Союз посетил председатель Союза демократических и миролюбивых сил Южного Вьетнама доктор Чинь Динь Тхао. Этот союз был создан на волне мощного подъема национально-освободительной борьбы на Юге Вьетнама, в него вошли представители городской интеллигенции, выступавшие за ликвидацию американско-сайгонского режима. Чинь Динь Тхао оказался очень приятным и простым в общении человеком. После поездки по нашей стране, а тогда, как вы помните, СССР был в расцвете сил, он сказал мне: «Я раньше не имел представления о том, что такое социализм, но теперь после всего увиденного своими глазами, я обеими руками голосую за такое будущее нашего Вьетнама».

Интересно, что совсем недавно, работая над историческим очерком о последнем императоре Вьетнама Бао Дая, я неожиданно для себя обнаружил, что еще в 1945 г. Чинь Динь Тхао был членом кабинета министров при Бао Дая и на заседании

22 августа вместе с большинством министров проголосовал за принятие требования фронта Вьетминь об отречении императора Бао Дая от престола и передаче всей власти в провинциях Центрального Вьетнама в руки Временного революционного правительства во главе с Хо Ши Мином.

Вопрос: В своей жизни Вам привелось быть функционером, журналистом, ученым, переводчиком. Что в каждом из этих качеств значили для Вас Вьетнам и вьетнамский язык? Чем был памятен, полезен для Вас и как для вьетноведа, и как для человека каждый из этих жизненных этапов? Какой из этих периодов Вы чаще вспоминаете?

Ответ:

Если идти по ступеням развития моей жизни, то я бы немного поменял порядок этих слов: переводчик, журналист, функционер, ученый.

Как поется в песне, «юность ушедшая... бессмертна», поэтому сегодня, с высоты прожитых лет, самым романтическим и памятным отрезком моей жизни мне представляются учеба в Ханойском университете и последующая работа переводчиком. Вьетнамский язык — один из самых сложных восточных языков; он тональный, причем если, например, в китайском языке четыре тона, то во вьетнамском — целых шесть. В первые годы нашей учебы в ИВЯ при МГУ там не было вьетнамских преподавателей, в итоге эти шесть тонов каждый из нас изображал, как мог. Когда в 1958 г. я приехал в Ханой, то, естественно, поначалу безбожно путал тона, в результате в моей речи то и дело слышались не те слова, которые я хотел сказать. Сколько из-за этого в первые месяцы возникало нелепых или смешных ситуаций при разговорах с вьетнамскими друзьями!

Учеба в Ханойском университете — это было, поистине, каждодневное проникновение в глубинную суть вьетнамского языка. Мы подробно изучали классику вьетнамской литературы — роман в стихах о девушке Киеу великого поэта XVIII века Нгуен Зу, «Плач жены воина» поэтессы Доан Тхи Дьем, стихи с двойным смыслом поэтессы Хо Суан Хыонг, искрометные народные казас. До сих пор помню наизусть отдельные куски из

этих классических поэм и большое количество стихов и казао. К сожалению, сейчас так уже не преподают вьетнамский язык не только в России, но и иностранным студентам во Вьетнаме.

Вернувшись в Москву после двух лет учебы в Ханое, я уже почти свободно говорил на вьетнамском языке и, естественно, рвался работать переводчиком. И здесь я вдруг столкнулся с неожиданным феноменом: если с русского на вьетнамский мне было переводить довольно легко, то с вьетнамского на русский — почему-то неожиданно трудно. Оказалось, что у меня не хватает знания русских эквивалентов, то есть я практически все понимал по-вьетнамски, но грамотно по-русски сформулировать это мог не всегда.

Еще в период обучения в ИВЯ я начал работать переводчиком в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ — переводил на вьетнамский язык лекции по философии, политической экономии, истории КПСС и комсомольской работе для вьетнамских слушателей, которые ежегодно группами по 10—15 человек приезжали на учебу. И вот эта школа стала для меня настоящей «школой вьетнамского и русского языков», потому что пришлось штудировать учебники по общественным наукам и с помощью словарей, а иногда и с помощью собственной фантазии, находить соответствующие друг другу эквиваленты в обоих языках. Одним словом, если за время учебы в Ханойском университете вьетнамские преподаватели помогли мне, говоря высоким слогом, проникнуть в глубины вьетнамского языка, то работа переводчиком в ЦКШ позволила упорядочить мои знания и совместить между собой особенно сложные политические, экономические, философские русские и вьетнамские термины.

Для представителей нашего молодого поколения, изучающих сегодня вьетнамский язык, хотел бы высказать следующие пожелания или даже рекомендации. Для того чтобы стать профессиональным переводчиком, особенно синхронистом, нужны, как минимум, два основополагающих условия: во-первых, общая высокая культура, глубокое знание русского языка, истории и культуры России; во-вторых, необходимо, как артисты готовят роль, тщательно готовиться к каждому переводу, доско-

нально знать тему предстоящего перевода. После XXII съезда КПСС я, «попав в обойму», работал синхронным переводчиком на следующих съездах КПСС, ВЛКСМ, профсоюзов. И перед каждым съездом мы, синхронные переводчики, несколько дней, иногда на «закрытой» даче, штудировали содержание основных докладов. И когда входили в кабины синхронного перевода, для нас практически не было проблем с терминами и особенно неологизмами, вроде «доение коров елочкой», звучавшими в докладах и прениях.

Отдельная тема — перевод двусторонних переговоров. В апреле 1964 г. мне доверили переводить переговоры делегации КПСС, которую возглавлял М.А. Суслов, и делегации КПВ, которую возглавлял первый секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуан. Переговоры проходили в довольно острой атмосфере, так как то было время, когда быстро набирал обороты идеологический конфликт между КПСС и Компартией Китая, при этом каждая из двух партий пыталась привлечь ПТВ на свою сторону. Я впервые был участником таких серьезных переговоров и сделал для себя два весьма важных вывода: во-первых, все реплики обеих сторон необходимо переводить только от «я» (нельзя переводить: товарищ такой-то говорит...); во-вторых, обязательно передавать интонацию собеседников, то есть надо ощущать себя непосредственным участником проходящей беседы. Эти два условия я старался соблюдать на протяжении всей своей жизни, когда по работе снова приходилось возвращаться «в шкуру» переводчика.

И, конечно, никогда не забыть мне три года работы журналистом на вьетнамской войне. Память выхватывает из этого военного прошлого массу отдельных, по-разному важных для меня фрагментов. Помню, как было страшно в первые недели после начала американских бомбежек — казалось, что все бомбы и ракеты летят в тебя, и как удалось вскоре найти «противоядие» — старенький фотоаппарат «Зенит», выданный мне в редакции ТАСС, которым я начал снимать все происходящее, и страх моментально сняло, как рукой.

Помню первое ужасное знакомство с жестокостями воздушной войны — огромную воронку от 1000-килограммовой амери-

канской бомбы на месте бывшей школы в сельской общине провинции Тхайбинь и 30 погибших вместе с учительницей вьетнамских мальчиков и девочек. Помню героический мост Хамжонг в провинции Тханьхоа, который американские самолеты бомбили десятки раз, а он продолжал гордо стоять над рекой. Помню, как в один из темных тропических вечеров по улицам Ханоя провели при свете прожекторов колонну первых десятков пленных американских летчиков. Они шли по двое, соединенные наручниками друг с другом, в полосатых арестантских пижамах с номерами на спинах, а вдоль улиц, по которым их вели, плотной суровой стеной молча стояли ханойцы: лишь изредка они вздымали вверх сжатые кулаки, и в воздухе гремело мощное «Да дао!» («Долой!»).

В моих дневниковых записях особое место заняли «три не самых жарких дня» в мае 1967 г., как я назвал их в своем репортаже, когда жара достигала почти 40 градусов, а на Ханой лавина за лавиной накатывались истребители-бомбардировщики «F-105». В эти дни в каком-то яростном водовороте смешались безостановочные бомбежки, изнуряющая жара и огромный объем работы, когда приходилось часами, обливаясь потом, кричать по телефону, передавая срочные корреспонденции в ТАСС. И самое незабываемое событие этих трех сумасшедших дней: на моих глазах над Западным озером, метрах в пятистах от президентского дворца, вместе с обломками развалившегося в воздухе самолета вдруг появились точки парашютов с куполами красного цвета — один, второй, третий... Если бы не чудовищная канонада и не столбы дыма и гари над городом, могло бы показаться, что я стал свидетелем состязания парашютистов.

Одни из самых теплых воспоминаний о тех огненных годах — встречи и дружба с нашими писателями, поэтами, художниками, которые по зову сердца приезжали в сражающийся Вьетнам, чтобы словом и кистью выразить солидарность с его народом. В моем двухэтажном здании корпункта ТАСС на улице Као Ба Куат в те далекие дни побывали гостями поэт Евгений Долматовский, писатель Юлиан Семенов, художник Илья Глазунов, специальные корреспонденты «Правды» Юрий Жуков и Виктор Шарапов и многие другие.

Это было трудное, но прекрасное время. Никогда больше в своей жизни я не работал с таким невероятным напряжением сил, с такой страстной самоотдачей. Хотя никто меня не подгонял, никто не требовал работы сверх меры, тем не менее, у меня бывали, и не один раз, случаи, когда я передавал в течение одних суток по пять-шесть корреспонденций. Уже в Москве мне рассказали, что практически не проходило дня, чтобы в новостях всесоюзного радио не звучала фраза: «Корреспондент ТАСС Евгений Кобелев передает из Ханоя...». Она стала настолько, видимо, привычной для радиослушателей, что даже попала, в качестве подтверждения времени преступления, в детективную повесть братьев Вайнеров «Двое среди людей».

Что касается моей работы в качестве функционера, то я уже вкратце поведал об этом выше. Поэтому хочется рассказать о четвертом, может быть, самом лучшем этапе моей жизни — работе в стенах ставшего мне родным Института Дальнего Востока Российской Академии наук. Здесь находится мое славное детище, моя искренняя гордость как ученого-востоковеда — созданный шесть лет назад Центр изучения Вьетнама и АСЕАН. Хотя наш Центр и немногочислен по составу, зато он объединил пусть не очень молодых, но высокопрофессиональных, самых знающих и известных вьетнамоведов. Благодаря общим усилиям, мы ежегодно выпускаем по 2—3 монографических исследования или сборника статей, публикуем десятки статей в академических и других журналах России, Вьетнама и стран АСЕАН, регулярно пишем аналитические записки с конкретными предложениями для руководящих российских инстанций. Естественно, квинтэссенция всех видов нашей работы — всемерно способствовать дальнейшему упрочению российско-вьетнамских отношений, укреплению позиций России в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

Одно из важнейших достижений нашего Центра — мы развиваем тесные связи и научное сотрудничество со многими институтами Академии общественных наук Вьетнама, вместе с ними реализуем совместные научные проекты. Так, нынешний год у нас пройдет под знаком завершения весьма крупного совместного проекта с Институтом европейских исследований

ВАОН об истории российско-вьетнамских отношений начиная с XVIII века по сегодняшний день, который мы реализуем благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

Наряду с научной работой, последние шесть лет мне приходится уделять довольно много времени общественной деятельности. На состоявшейся в апреле 2007 г. учредительной конференции было создано Общество российско-вьетнамской дружбы во главе с большим энтузиастом дружеских связей с Вьетнамом ректором Московской академии экономики и права профессором В.П. Буяновым, а я был избран первым заместителем председателя Общества.

Членами нашего Общества являются российские граждане, чья жизнь так или иначе оказалась связана с Вьетнамом — либо прошлой работой в этой стране, либо сегодняшними деловыми, научными, культурными интересами. Сегодня наше Общество имеет филиалы в 18 городах и регионах России и насчитывает в своих рядах более 5 тысяч активистов. Члены Общества проводят большую работу по дальнейшему развитию и укреплению всесторонних связей между нашей страной и Вьетнамом. В этом благородном деле мы получаем постоянную помощь и поддержку со стороны вьетнамского Общества дружбы с Россией. В 2010 г. в Ханое в присутствии президентов России и Вьетнама было в торжественной обстановке подписано Соглашение о сотрудничестве между двумя нашими братскими Обществами на 2010—2015 гг., которым мы сегодня и руководствуемся в каждодневной работе по наполнению конкретным содержанием отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между народами двух наших стран.

Вопрос: На что Вы могли бы нацелить, что посоветовать сегодняшней молодежи, изучающей Вьетнам, его язык, его историю, литературу, культуру? Не только в выборе профессии, но, главное, в своей любви к Вьетнаму.

Ответ:

Лет тридцать назад один из секретарей ЦК КПВ задал интересный вопрос заведующему сектором Вьетнама Отдела ЦК

КПСС: «Какими критериями Вы пользуетесь при подборе кадров для работы в Вашем секторе?». Ответ прозвучал тоже интересный: «Основных критериев три: знание Вьетнама, знание вьетнамского языка, и третий, возможно, самый главный — любовь к Вьетнаму».

И это действительно было так. Конечно, те же слова можно сказать о любом языке и о любой стране. Но, как показывает жизнь, эта формула особенно касается Вьетнама. Овладеть вьетнамским языком равнодушному человеку трудно. Вьетнамцы — очень самобытная нация. У них древняя и довольно не просто воспринимаемая европейским интеллектом культура. У них сильно отличающийся от нас менталитет. Вьетнамцы, как, впрочем, и представители других народов Восточной Азии, никогда вам впрямую не скажут «нет», а постараются выразиться или поступить так, что вам станет ясно, что это несогласие. Есть у них и другие характерные национальные особенности.

Одним словом, надо, прежде всего, полюбить эту страну, чтобы по-настоящему овладеть вьетнамским языком, узнать и понимать вьетнамцев. И второе — вьетнамовед обязательно должен иметь достаточно полное представление о классической вьетнамской литературе и знать самобытный вьетнамский фольклор. В них — душа вьетнамского народа, которую не сыщешь ни в газетах, ни на интернет-сайтах.

Более полувека я связан с Вьетнамом и должен признать, что эта страна обладает невероятной, почти мистической притягательной силой. Как бы ни были трудны условия жизни во Вьетнаме, особенно в военные годы, меня каждый раз после возвращения на родину снова с неумолимой силой тянуло обратно. И что удивительно: встречаясь с российскими военными специалистами, воевавшими во Вьетнаме, я слышал от них буквально те же самые слова. А ведь они-то жили и трудились в крайне некомфортных условиях — изнуряющая жара летом и промозглый холод зимой, особенно где-нибудь в джунглях провинций Тхайнгуен и Хоабинь, где размещались наши ракетные центры, постоянные бомбежки и нервное напряжение, скудное питание военных лет... И все-таки практически все они и сегодня с огромной теплотой вспоминают о романтических годах,

прожитых во Вьетнаме, о своих вьетнамских друзьях, со многими из которых они продолжают переписываться, и все они мечтают снова побывать в этой притягивающей, как магнит, удивительной стране.

Размышляя над этим загадочным феноменом, я пришел к следующим выводам. Разумеется, Вьетнам — очень красивая, экзотическая страна, вьетнамцы — прекрасный, достойный народ. Но ведь то же самое можно сказать о многих других странах и народах. Думается, все же, что в основе этого феномена, лежат, скорее всего, две наиболее типичные черты и русского, и вьетнамского характеров — чувства сострадания и преклонения перед героизмом. А ведь история и нашего, и вьетнамского народов сложилась таким образом, что и страданий они хлебнули сполна, и чудеса массового героизма и самопожертвования явили миру не однажды.

К 75-ЛЕТИЮ ГРИГОРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ЛОКШИНА

Вопрос. Какими были самые яркие, запоминающиеся события и люди того времени, которое во все учебники дипломатии вошло как «вьетнамская эпоха», какое значение с учетом этих примеров имеет «народная дипломатия» в нынешних условиях?

Ответ:

Так случилось в моей жизни, что мне пришлось с самого начала американской интервенции во Вьетнаме непосредственно заниматься организацией массового движения солидарности с вьетнамским народом в Советском Союзе и сотрудничеством с многочисленными общественными движениями и организациями различных стран, включившимися в борьбу за прекращение войны во Вьетнаме.

Невозможно здесь привести имена тысяч самых выдающихся деятелей нашей науки, культуры и искусства, политических и общественных деятелей, рядовых граждан страны, отдававших силы и время, талант и вдохновение борьбе словом и делом за прекращение американской агрессии во Вьетнаме. Этого нельзя забывать ни в коем случае. Это был бесценный опыт действительно массового общественного движения, ставшего непреодолимой стеной на пути наиболее реакционных сил того времени, развязавших преступную войну. Расскажу лишь о нескольких запомнившихся и наиболее ярких событиях.

«Корабль солидарности». Во второй половине 60-х годов прошлого века эти слова стали хорошо знакомы нашей обществу. В прессе часто сообщалось о сборе средств для отправки во Вьетнам очередного «корабля солидарности» с гуманитарной помощью для Вьетнама. При этом мало кто знал, какая огромная организаторская работа стояла за каждым таким кораблем. Средства на такую операцию выделял Советский фонд мира — массовая общественная организация, собиравшая добровольные пожертвования индивидуальных граждан, а также коллективов предприятий и учреждений, театров, различных религиозных конфессий. Возглавлял его в те годы известный писатель Борис Полевой. Это были значительные суммы для того времени — каждый раз по 5—6 млн рублей, а доллар тогда стоил по официальному курсу больше 60 копеек. И шли они не из государственных ассигнований на помощь Вьетнаму, а в дополнение к ним.

На эти средства необходимо было приобрести именно те товары и изделия, которые были действительно необходимы. Это были, прежде всего, машины скорой помощи, противопожарные средства, медицинское оборудование для госпиталей, медикаменты и перевязочные средства. В дополнение к этому направлялось большое количество сгущенного молока, молочного порошка и других необходимых продуктов, а также индивидуальные подарочные наборы для солдат и офицеров. Все это надо было заказать десяткам различных предприятий, скоординировать их работу таким образом, чтобы все грузы были доставлены в назначенное время и в определенный порт погрузки. Все «корабли солидарности» уходили из двух портов бывшего СССР — Новороссийска и Владивостока. Их отплытие всегда сопровождалось массовыми митингами. Всем этим и занимался Советский комитет поддержки Вьетнама, конечно, при помощи и содействии партийных органов всех уровней.

В апреле 1967 г. мне довелось сопровождать во Вьетнам один из первых таких «кораблей солидарности». Это был сухогруз «Раздольное» дальневосточного пароходства водоизмещением более 5 тысяч тонн. Он из Владивостока направлялся во вьетнамский порт Хайфон. На борту, кроме экипажа, была группа

корреспондентов различных газет, радио и телевидения. Из них я сегодня припоминаю только корреспондента «Комсомольской правды» Леонида Кузнецова и одного из постоянных авторов популярного в те годы журнала «Юность» Теодора Гладкова. Первые пять суток плавания прошли без приключений. Но на шестые сутки уже у входа в Тонкинский залив пришлось почувствовать напряженность обстановки в этом регионе. Радист принял сигнал американского военного корабля, который требовал доложить о том, куда мы направлялись и с каким грузом. Посоветовавшись с Владивостоком, мы решили это требование проигнорировать. Но вскоре над палубой нашего корабля на предельно низкой высоте стал кружить двухмоторный американский самолет. Делал он это так, будто пытался сбить мачту или трубы нашего корабля. Бывалые моряки пояснили, что таким образом летчик не столько нас пугает, сколько рассматривает груз корабля, размещенный на верхней палубе. Они говорили, что там иногда размещали наши ракеты ПВО, доставлявшиеся во Вьетнам морским путем.

А тем временем поступила команда с американского корабля, потребовавшего остановиться и принять на борт группу для осмотра груза. Никаких прав так себя вести американцы не имели, но доказывать это в открытом море было довольно бесполезным делом. Мы получили указание следовать своим курсом и не останавливаться. И тогда на горизонте возник во всей своей красе облепленный многочисленными антеннами огромный американский штабной авианосец «Райт», с борта которого осуществлялось руководство воздушными налетами на Вьетнам. Скорость его была значительно выше, чем у нашего уже не нового сухогруза. И вскоре мы оказались чуть ли не борт к борту. Не скажу, что мы все испытывали большую радость от этой встречи. Наши журналисты приготовились все снимать всеми своими кино- и фотоаппаратами. С обеих сторон на палубу вышли все свободные от вахты моряки. Напряженное противостояние длилось несколько минут, после чего американцы отвернули в сторону и ушли. Видимо, решили с нами не связываться, зная о том, что это был за корабль и почему за его плаванием следили советские люди.

Однако приключения на этом не кончились. По прибытии в порт должны были состояться митинг и пресс-конференция. Но план оказался спутан воздушной тревогой, прозвучавшей, когда мы только что сошли на берег. Так что первое интервью мне пришлось дать тогдашнему корреспонденту «Правды» во Вьетнаме Алексею Васильеву (позднее он стал членкором РАН и директором Института Африки), с которым вместе мы оказались в одном из хорошо тогда всем знакомых индивидуальных укрытий. Их повсюду было вырыто довольно много. Это была обычная бетонная труба, врытая в землю примерно на метр глубины. Стоять в ней было нельзя. Нужно было садиться на корточки, что для вьетнамцев обычное дело, и закрываться сверху бетонной крышкой. Такими убежищами были усеяны тогда почти все тротуары в городах. Эффективность их была довольно сомнительной, но психологическое значение они, конечно, имели, создавая иллюзию защищенности и предотвращая возможную панику. Рассказывать об ощущениях человека, бессильно ожидающего своей участи в подобном «укрытии» под оглушительный грохот «фантомов» не приходится. Зато запомнилось это навсегда.

А дальше были поездки по стране, встречи с ракетчиками, моряками и артиллеристами, с бойцами частей, которым предстояла отправка на фронт в Южный Вьетнам. Наша миссия состояла в том, чтобы убедить их, что они не одни, что на их стороне стоят миллионы наших людей, которые вместе с ними и другими людьми доброй воли всего мира желают им победы и борются за прекращение американской агрессии.

Дух Стокгольма. Важнейшей особенностью 60—70-х годов прошлого века стало повышение роли общественных организаций и движений гражданского общества во многих государствах мира. Акты агрессии и насилия над народами никогда раньше не вызывали такого всеобщего отрицания и негодования, широкого и активного противодействия, как во время войны во Вьетнаме.

Советские общественные организации, проводившие мощную кампанию солидарности с Вьетнамом в своей стране, играли также самую активную роль в расширении и усилении между-

народного движения против американской агрессии, в поддержку вьетнамского народа, которое приняло особенно большой размах в США, в странах Европы, в Японии и Австралии. Это тоже были многотысячные митинги, демонстрации, дни и недели солидарности с вьетнамским народом, массовые международные форумы, сбор средств для Вьетнама. Но они не происходили стихийно и как бы сами по себе. Их кто-то должен был готовить, организовать и проводить.

Первоначально инициаторами кампании массового протеста против начавшейся в 1965 г. интервенции США стали международные организации, в которых участвовали представители общественности СССР и других социалистических стран. Это были Всемирный совет мира, Всемирная федерация профсоюзов, Всемирная федерация демократической молодежи, Международная демократическая федерация женщин и многие другие, как тогда их называли, «международные демократические организации». Мы использовали свое влияние в этих организациях для ориентации их деятельности в первую очередь на активную поддержку борьбы вьетнамского народа. Их лидеры и активисты шли во главе массовых демонстраций, выступали на митингах протеста, в прессе и по телевидению, осаждали посольства США в различных странах пикетами и петициями с требованием немедленно прекратить бомбардировки и вывести войска из Вьетнама.

По мере развития событий во Вьетнаме в антивоенное движение все более активно включались самые широкие политические силы и самые разные общественные, молодежные, женские и религиозные организации. Перед созданным в СССР Советским комитетом поддержки Вьетнама была поставлена задача не только инициировать массовые акции общественности в СССР, но и наладить активное сотрудничество и взаимодействие с зарубежными общественными организациями и движениями, найти с ними общий язык в этом вопросе, несмотря ни на какие идеологические и политические различия. И комитет, как показали дальнейшие события, с этой задачей справился довольно успешно.

К лету 1967 г. сложились все условия для проведения большой и открытой для всех международной встречи организаций и движений, выступавших за прекращение американской агрессии во Вьетнаме. И такая встреча была нами подготовлена и проведена в Стокгольме 6—9 июля. Почему в Стокгольме? А потому, что к этому времени именно в скандинавских странах, особенно в Швеции, возмущение действиями США во Вьетнаме было особенно сильным. Весь мир тогда облетели кадры телехроники, показавшие молодого министра просвещения Швеции и будущего премьера страны Олафа Пальме, шедшего плечом к плечу с послом ДРВ, во главе колонны демонстрантов, протестовавших против жестоких бомбардировок городов и сел Вьетнама. Я в кадры телехроники, по понятным причинам, не попал, но хорошо помню, как шел где-то рядом вместе с нашими шведскими друзьями.

Стокгольмская конференция по Вьетнаму стала событием беспрецедентным и переломным. Ведь это были времена холодной войны. Каждый шаг в преодолении взаимного недоверия и многолетней отчужденности между нами и общественными силами западных стран давался с большим трудом. Но общее желание добиться прекращения войны, грозившей перерасти в крупный мировой конфликт, оказалось сильнее разногласий. Конференция успешно завершилась, несмотря на то, что международное положение резко обострилось в связи с разразившейся в это же время войной на Ближнем Востоке. С тех пор такие конференции проводились ежегодно вплоть до 1975 г. и стали важнейшим форумом народной дипломатии, на котором всегда удавалось договориться о совместных действиях общественности многих стран против войны во Вьетнаме. Именно там определялись задачи, лозунги и даты совместных выступлений, в ходе которых на улицы и площади крупнейших городов всех континентов одновременно выходили миллионы людей с требованиями прекращения бомбардировок, начала переговоров и вывода американских войск. Вместе с вьетнамскими друзьями мы учились сотрудничать и находить общий язык с другими, не похожими на нас людьми, ради общего дела мира на Земле.

Преступления и наказания. Среди множества родившихся в Стокгольме инициатив особого внимания заслуживает опыт работы созданной там Международной комиссии по расследованию военных преступлений США во Вьетнаме. Тогда еще не было ни Международного уголовного суда, ни специального трибунала ООН в Гааге. Но ясно было и тогда, что агрессор делает все возможное, чтобы скрыть от общественности факты применения в высшей степени жестоких и бесчеловечных средств ведения войны, запрещенных международным правом. Сегодня всем известно, что американцы применяли отравляющие вещества (среди них диоксин), от которых до сих пор гибнут люди во многих районах Южного Вьетнама. Широко практиковались «ковровые» бомбардировки городов. В крупных масштабах против мирного населения использовался напалм. Имело место массовое разрушение больниц, детских учреждений, церквей и храмов. Одно время велись целенаправленные бомбардировки дамб и гидротехнических сооружений, что в условиях Вьетнама грозило затоплением огромных территорий. Все это было — и не должно забываться. Но тогда надо было установить сами факты преступлений, сделать их достоянием гласности, дать правовую оценку и, по крайней мере, разоблачить виновников, ибо наказать их было не в наших силах. Для этого и был создан общественный трибунал в виде компетентной Международной комиссии по расследованию военных преступлений США в Индокитае.

Легко сказать: создан трибунал. Но он не возникает по мановению чьей-то руки. Для этого потребовалась огромная политическая и организационная работа. Председателем Комиссии был избран всемирно признанный авторитет в экономической науке и видный шведский дипломат Гуннар Мюрдаль. В нее удалось включить действительно компетентных и уважаемых людей, к голосу которых прислушивались во всем мире. Активное участие в ее работе приняли бывший министр юстиции США при президенте Кеннеди Рамсей Кларк, генеральный секретарь Международной ассоциации юристов-демократов, француз Джо Нордман и многие другие всемирно известные тогда люди. От нас в состав комиссии входил лауреат Нобелевской премии, извест-

ный советский физик, академик Павел Алексеевич Черенков и бывший заместитель советского обвинителя на Нюрнбергском процессе над нацистскими военными преступниками, в то время Председатель Верховного суда РСФСР Лев Николаевич Смирнов. В качестве экспертов большой вклад в работу Международной комиссии внесли доктор юридических наук, тоже участник Нюрнбергского трибунала и автор многих научных работ о военных преступлениях профессор Аркадий Иосифович Полторак, а также доктор юридических наук, наш представитель в Секретариате Всемирного совета мира Александр Александрович Берков.

Комиссия неоднократно направляла во Вьетнам свои исследовательские группы (Facts finding missions) для сбора на месте доказательств и документов. Каждая сессия Комиссии становилась крупным общественно-политическим событием и привлекала внимание многих западных СМИ. К примеру, слушания в Копенгагене в 1972 г. открывал сам премьер-министр Дании Й. Йоргенсен. Накопленный Комиссией Г. Мюрдаля опыт в дальнейшем не раз пытались использовать в связи с другими политическими ситуациями — такими, как репрессии чилийских жандармов Пиночета или даже действия авиации НАТО в Югославии в начале 90-х годов. Но добиться столь значительного международного общественного резонанса, как в связи с американской агрессией во Вьетнаме, ни у кого больше не получалось.

Постоянная и систематическая работа по формированию благоприятного общественного мнения на международной арене, которой вьетнамское руководство на всех этапах борьбы за независимость и воссоединение страны придавало первостепенное значение и в которую решающий вклад внесли общественные организации Советского Союза, принесла свои плоды. Международная кампания протеста против войны США во Вьетнаме приобрела к началу семидесятых годов прошлого века настолько широкий размах, что стала одним из решающих морально-политических факторов победы патриотических сил в Южном Вьетнаме. Она вынудила правящие круги США, да и

других стран, считаться с общественным мнением как с реальной политической силой в международных отношениях.

Вопрос. А как Вы стали ученым? И главное: насколько может быть взаимосвязана общественная, политическая деятельность и деятельность ученого? Не мешает ли одно другому?

Ответ:

Учеными, естественно не рождаются. Научной работой я заинтересовался в студенческие годы и на практике в Посольстве СССР в ДРВ. Мне повезло с умными и опытными учителями. Меня всегда увлекала потребность более углубленного понимания происходящих событий в стране, изучение которой стало моей профессией. А для этого нужны были достаточно глубокие знания в области истории, экономики, социальной психологии, традиций и обычаев Вьетнама, его текущей политики, внутреннего и международного положения. Наука во многом представляет собой бесконечный процесс добывания и накопления знаний во всех этих областях, а также их сохранения и передачи новым поколениям. Активной общественной деятельностью пришлось заняться, прежде всего, из-за начавшейся интервенции США во Вьетнаме. Полученные ранее знания не только не мешали практической работе, но и являлись неременным условием успешного выполнения поставленных задач. А приобретавшийся на практике опыт, постоянный обмен информацией с многочисленными коллегами по работе, длительные дискуссии с людьми других взглядов и убеждений, отслеживание появлявшихся в мире научных трудов по интересовавшей меня тематике — все это вместе позволяло и самому делать некоторые обобщения, высказывать собственные соображения, подсказанные жизнью, и писать статьи в прессе и в научных журналах, участвовать в коллективных работах коллег по самым актуальным проблемам.

Вопрос. Григорий Михайлович, нашу беседу прочтут многие молодые, начинающие российские вьетнамоведы. От каких возможных профессиональных ошибок Вы могли бы их предостеречь, а главное, что бы Вы ответили на вопрос: как достичь успеха на «вьетнамской ниве»?

Ответ:

От ошибок не застрахован никто, и, как известно, их не совершает только тот, кто ничего не делает. Самая опасная ошибка любого профессионала — это иллюзия относительно того, что все и обо всем в данном деле ему уже известно. На самом же деле, чем больше ты знаешь какой-либо предмет, особенно, например, вьетнамский язык, тем лучше понимаешь, что, в действительности, еще не знаешь ничего. Успеха каждый должен добиваться по-своему, но всегда он приходит к тому, кто неустанно работает над собой. А на «вьетнамской ниве» никакой успех невозможен, если в ходе учебы и работы по мере знакомства с жизнью этой страны и ее народа не возникает к ней глубокой симпатии и интереса.

Е.В. Кобелев

ПАМЯТИ ДРУГА

11 декабря 2012 года остановилось сердце одного из видных российских вьетнамоведов, большого моего друга **Афони́на Серге́я Никитовича**.

Мы познакомились 30 августа 1956 года в общежитии Московского государственного университета на Стромынке. И сразу вдруг почувствовали друг друга чуть ли не близнецами — у нас практически все было одинаковое. Оба приехали из одной республики — Сергей из Киева, я из Симферополя. Оба — безотцовщина, и виной тому была война, у обоих — старшие сестры, которые в детстве заменяли нам матерей. Оба играли в шахматы на уровне кандидатов в мастера, оба писали стихи, оба любили петь. У Сергея был редкий по тембру, очень нежный, поистине «сладкий» тенор, и когда он начинал выводить свою любимую каватину венецианского гондольера, к нашей комнате стайкой сбегались девушки из соседних комнат.

Сергей был сыном советского офицера, который героически погиб на фронте. Мама с двумя маленькими детьми успела эвакуироваться из Киева до прихода фашистов. Но их поезд попал под жестокую бомбежку, и мама, прикрыв своим телом детей, была тяжело ранена и на всю жизнь осталась инвалидом. После войны Сергей как сын погибшего фронтовика и матери-инвалида был принят в элитный киевский специнтернат с углублен-

ным изучением английского языка, из которого вышли впоследствии многие известные советские деятели.

Когда мы познакомились, то выяснилось, что мы, к тому же, оказались студентами одного института и даже одной группы. В 1956 году при МГУ открылся Институт восточных языков. Когда мы поступили туда, нас обоих зачислили в группу вьетнамского языка. Вот так и получилось, что шесть лет мы вместе изучали язык, литературу, историю братского Вьетнама, а затем всю последующую жизнь работали совместно или рядом на вьетнамском направлении.

В группе вьетнамского языка нас было шестеро, и все — со школьной скамьи. Остальные четверо это: Афонин Владимир Сергеевич (вот такое совпадение фамилий) — после окончания института он стал сотрудником КГБ СССР, а затем — ФСБ России. К сожалению, два года назад он тоже ушел из жизни; Зайцев Анатолий Софронович — многолетний работник МИД СССР и РФ, чрезвычайный и полномочный посол, сейчас на пенсии; Новакова Оксана Владимировна — всю жизнь проработала в Институте восточных языков при МГУ, ныне — ИСАА МГУ, кандидат исторических наук, доцент, с 2004 года — содиректор Центра изучения современных проблем Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона; Рафальская Марина — вскоре после окончания института она эмигрировала в Канаду, где и проживает поныне.

Мы учились с огромным интересом и, конечно, мечтали когда-нибудь побывать в экзотической «Стране Юга», пополнить свои скудные знания о ней и на месте испытать «свой» вьетнамский язык. Вьетнамский язык — тональный, поэтому нужно иметь хороший музыкальный слух, чтобы по-настоящему овладеть им и его сложным для европейского слуха произношением. Сергею в этом плане было легко, и когда в 1961 году он впервые приехал во Вьетнам на стажировку в Ханойском университете, его знание вьетнамского языка, и, особенно, четкое произношение вызывали восторг у вьетнамских друзей.

После окончания Института восточных языков мы вместе с Сергеем работали переводчиками в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ — переводили на вьетнамский

язык лекции по философии, политической экономии, истории КПСС и комсомольской работе для вьетнамских слушателей, которые ежегодно группами по 10—15 человек приезжали на учебу в этой школе. В 1964 году наши пути временно разошлись — я уехал корреспондентом ТАСС во Вьетнам, а Сергея пригласили на работу в Международный отдел ЦК ВЛКСМ.

Прошло три года, и мы встретились в Ханое: Сергей приехал сменить меня на посту постоянного корреспондента ТАСС во Вьетнаме. Почти четыре года (1967—1970 гг.) работы журналистом в сражающемся против американских агрессоров Вьетнаме стали для него, как он сам вспоминал впоследствии, «звездными часами» его личной биографии. Это было время необыкновенной профессиональной востребованности. В те годы Вьетнам не сходил с первых полос газет, с телевизионных экранов, постоянно звучал в радионовостях. К тому же Сергей буквально работал за двоих, так как перед отъездом в Ханой к нему обратилась «Комсомольская правда» с предложением одновременно быть и ее специальным корреспондентом. Для него это стало прекрасным сочетанием. По каналам ТАСС регулярно шла его краткая информация о каждом героическом и трагическом дне вьетнамского народа, а на страницах «Комсомолки», где-то раз в неделю, появлялись его репортажи и очерки о конкретных вьетнамских героях. Не будет преувеличением сказать, что в эти годы советские люди смотрели на Вьетнам его глазами.

Советское государство очень высоко оценило журналистский подвиг Сергея — он дважды был удостоен правительственных наград: вначале это был орден Знак Почета, а по итогам его работы во Вьетнаме — орден Трудового Красного Знамени. (А ведь ему тогда было всего тридцать лет, и уже две такие высокие награды. По тем временам это была большая редкость.)

О своей жизни и работе во Вьетнаме в мирное время и, особенно, в годы военного лихолетья он впоследствии рассказал добротным журналистским языком в изданной в Киеве небольшой по объему, но весьма познавательной по содержанию книге «А годы летят...». В ней очень органично сплелись воедино и легенды и мифы из древней истории Вьетнама, и яркие очерки

о боевых буднях сражающейся страны, и рассказы о встречах автора с Хо Ши Мином и другими вьетнамскими руководителями. В этой книге, кроме того, много хороших стихов — все-таки сказала свое слово поэтическая струна души Сергея. Мне особенно понравилось следующее его четверостишие:

Я дарю тебе сегодняшний рассвет,
Горизонта трепетный узор,
Нежных лотосов солнечный цвет
И молчанье далеких гор ...

Вернувшись из Вьетнама, Сергей несколько лет работал в центральном аппарате ТАСС, часто ездил в творческие командировки в разные страны, писал комментарии, очерки, статьи об обстановке в Юго-Восточной Азии, о продолжающейся войне во Вьетнаме, о ходе вьетнамо-американских переговоров в Париже. В январе 1973 года он был направлен в столицу Франции в составе группы специальных корреспондентов ТАСС для освещения исторического события — подписания Парижских соглашений о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме.

В 1975 году ставший к тому времени известным и заслуженным специалистом по Вьетнаму, Сергей поднялся на самую высокую ступеньку своей служебной карьеры — был принят на работу референтом сектора Вьетнама Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Его переход на новую, ответственную работу совпал по времени с наступлением великой эпохи в жизни вьетнамского народа — победоносным завершением длительной кровопролитной войны, долгожданным воссоединением родины и провозглашением Социалистической Республики Вьетнам.

Начались жизнеутверждающие процессы восстановления разоренной страны, поиски отвечающей новым реалиям социально-экономической модели развития. И во всех этих процессах Сергей вместе с сектором Вьетнама и Отделом ЦК принимал самое активное участие. Его лично знали и высоко оценивали его профессионализм тогдашние руководители СРВ — Гене-

ральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан, премьер-министр СРВ Фам Ван Донг, секретари ЦК КПВ и многие другие. Практически все вьетнамские партийные делегации, которые в те годы приезжали с визитами в СССР или направлялись транзитом через Москву в другие социалистические страны, проходили, если можно так выразиться, «через его руки». И сам он часто выезжал во Вьетнам в составе делегаций КПСС, где готовил главам делегаций необходимые материалы для бесед, писал проекты их речей, переводил их выступления на вьетнамский язык. Вот где ярко проявились его любовь к русскому слову и его прекрасное владение вьетнамским языком.

В свободное от работы время Сергей отдавал дань своим любимым шахматам. Он был одним из лучших шахматистов в аппарате ЦК и даже стал шахматным композитором: один из его пешечных этюдов был опубликован в ведущем шахматном издании — «Шахматы в СССР». Кроме того, он был заядлым грибником. Каждый год в сентябре в выходные мы ездили с ним на автобусе в леса под Боровском и привозили домой по корзине — две грибов, особенно опят. Он любил подмосковную природу, и каждый поход за грибами был для него по-настоящему полноценным отдыхом.

Погрузившись в ЦК с головой в политическую и организационную работу, Сергей не забывал и о полюбившемся ему литературном творчестве. В 1978 году московское Издательство политической литературы обратилось к нам двоим с предложением совместно написать политическую биографию Хо Ши Мина. Мы поделили будущее наше произведение на две равные части: я писал о жизни и деятельности Хо Ши Мина в эмиграции — во Франции, Советской России, Китае, а Сергей — о том, как в феврале 1941 года Хо Ши Мин вернулся на родину, возглавил вьетнамское национально-освободительное движение и стал первым президентом независимого Вьетнама. В 1980 году наше совместное творение под названием «Товарищ Хо Ши Мин» объемом 240 страниц и тиражом 150 тысяч экземпляров вышло в свет.

Книга имела успех, и через несколько лет нам поступило предложение от московского издательства «Детская литература» рассказать советским детям о великом сыне вьетнамского наро-

да. В ходе работы над новой книгой мы столкнулись с неожиданными трудностями: оказалось, что писать для детей намного сложнее, чем для взрослых. Должен признать, что у Сергея это получалось лучше, чем у меня. В конце концов, мы все-таки успешно справились с поставленными редакцией издательства задачами, и в 1987 году в магазинах и библиотеках детской литературы появилась наша вторая совместная книга «Беседы о Хо Ши Мине. Документальные рассказы».

В 1988 году Сергей возвратился на работу в ИТАР-ТАСС уже в качестве политического обозревателя. Снова — статьи, комментарии, политические оценки развития ситуации и каждодневных событий, происходивших в обширном Азиатско-Тихоокеанском регионе. И, конечно, в любимом им Вьетнаме, где в эти годы стремительно нарастали процессы обновления и модернизации и на глазах рождалось вьетнамское «экономическое чудо».

Всю свою жизнь Сергей был последовательным интернационалистом в самом лучшем понимании этого слова. Не только в семье, но и в интернате его воспитывали именно в таком духе. Хотя он и стал почти что коренным москвичом, он никогда не забывал свою «ридну неньку» Украину, любил петь украинские песни, декламировать стихи украинских поэтов. Поэтому распад Советского Союза и наступившие затем годы далеко не братских отношений между Украиной и Россией стали для него личной трагедией. И свою книгу «А годы летят...» он закончил словами, исполненными протеста и тревоги: «А в 2007 году многие холеные депутаты Госдумы России проголосовали за осквернение Знамени Победы — за удаление с красного полотнища изображений Серпа и Молота. Что же будет дальше?!».

20 октября 2003 года Сергей попрощался с ИТАР-ТАСС, которому отдал почти два десятка лет, и начал жизнь пенсионера. Но и находясь на пенсии, он продолжал активную творческую деятельность — писал по юбилейным вьетнамским датам в печатные органы ИТАР-ТАСС, в журналы Общества вьетнамских граждан в России, для Вьетнамского информационного агентства (ВИА). Будучи членом Центрального правления Общества российско-вьетнамской дружбы, принимал активное участие в

работе Общества, писал очерки для его информационного бюллетеня, вносил лепту в подготовку и издание книг Общества.

Так, одной из последних его серьезных работ стал очерк «Дорогие сердцу встречи» в изданной Обществом в 2010 году по случаю 120-летия со дня рождения Хо Ши Мина книге воспоминаний «Россияне о Хо Ши Мине». Начал он свой очерк такими словами: «Мне посчастливилось трижды встретиться и разговаривать с Президентом Хо Ши Мином. Память об этом сохранию до конца жизни». Эти встречи состоялись в 1961 году, когда Сергей был еще студентом, в 1964 и 1969 годах, когда его включали в состав делегаций ЦК ВЛКСМ и советской молодежи.

Публикуемая здесь фотография, которой Сергей очень дорожил, — живое, замечательное напоминание об одной из таких встреч.

1964 год, Ханой. В центре — Президент ДРВ Хо Ши Мин, слева направо: С. Афонин и секретарь ЦК ВЛКСМ Ю. Торсуев

Афонин Сергей Никитович похоронен на Щербинском кладбище города Москвы. В церемонии похорон, вместе с родственниками и друзьями, приняли участие представители посольства СРВ и Общества вьетнамских граждан в России. В своих траурных речах они дали высокую оценку многолетней деятельности покойного на благо советско-вьетнамской и российско-вьетнамской дружбы, его вкладу в дело оказания вьетнамскому народу помощи и поддержки в войне Сопротивления против внешней агрессии и в строительстве мирной жизни.

Прощай, Дорогой друг.

Краткие данные об авторах

1. **Аксенова Евгения Михайловна** — магистр Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

2. **Воронин Анатолий Сергеевич** — старший научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН

3. **Григорьева Нина Валерьевна** — доцент Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук

4. **Кобелев Евгений Васильевич** — кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН

5. **Кузнецов Николай Григорьевич** — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН, доцент

6. **Локшин Григорий Михайлович** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН

7. **Мазырин Владимир Моисеевич** — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН, доцент Института стран Азии и Африки МГУ

8. **Мурашева Галина Федоровна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

9. *Нгуен Ан Ха* — кандидат экономических наук, доцент, директор Института европейских исследований Академии общественных наук Вьетнама

10. *Письменная Елена Евгеньевна* — доктор социологических наук, доцент, профессор Финансового университета при Правительстве РФ

11. *Поляков Алексей Борисович* — кандидат исторических наук

12. *Рязанцев Сергей Васильевич* — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН, профессор МГИМО и РУДН

13. *Соболевский Лешек Марцин* — аспирант факультета востоковедения Варшавского университета

14. *Соколов Анатолий Алексеевич* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

15. *Соколовский Александр Якубович* — кандидат филологических наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии, руководитель предметной группы по филологии стран Южной и Юго-Восточной Азии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), начальник отдела

16. *Тригубенко Марина Евгеньевна* — кандидат экономических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института экономики РАН, доцент

17. *Тюменева Елена Ивановна* — кандидат исторических наук, и.о. профессора Высших курсов иностранных языков МИД РФ

18. *Фам Тхань Суан* — начальник департамента по делам женщин, детей и семьи правления Общества вьетнамских граждан в Российской Федерации

19. *Федорин Андрей Львович* — доктор исторических наук, ректор Института практического востоковедения

20. *Филимонова Татьяна Николаевна* — кандидат филологических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ

21. *Хохлов Александр Николаевич* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН

22. *Чиеу Тхе Хунг* — кандидат исторических наук, начальник Комитета по делам культуры, образования и молодежи Национального собрания Вьетнама

Научное издание

Вьетнамские исследования

Выпуск 3

Редактор *Н.И. Иванова*
Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Корректор *Н.Б. Потапова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 29.03.2013.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 23,5. Бумага офсетная. Тираж 200 экз.
Заказ № 14